

Наследница

Страницы жизни
Н.К.Крупской

Крупская-Ульянова Надежда Константиновна.

Сделалась соц.-демократкой с 1891 года...

В 1894 году вступила в «Союз

борьбы за освобождение рабочего класса»,

принимала участие в его работе

чем и как могла... Потом

(в августе 1896 года) была арестована

по делу «Союза борьбы»

и просидела в тюрьме до апреля

1897 года, получила разрешение остаться

в Петрограде — работала до весны

1898 года в Питере... вела подготовку

к I съезду партии. С мая 1898 года

2 года была в ссылке в селе Шушенском

Енисейской губ. ...В 1901 году, весной,

уехала за границу, где стала

секретарем «Искры», каковым и была

до II съезда партии...

Принимала участие в подготовке

III съезда партии, участвовала в нем,

назначена была после III съезда

заграничным секретарем ЦК,

в качестве какового и работала

до возвращения в 1905 году

в Россию... В России была секретарем

ЦК большевиков... С 1908 года

попала опять за границу...

Годы войны жила в Берне, позже

в Цюрихе — принимала участие

в организации б-ков за границей...

По приезде в Россию до июня работала

в секретариате ЦК

в Выборгском районе, потом

в Наркомпросе...

Из автобиографии

Наследница

Страницы жизни
Н.К.Крупской

Составитель С. А. Рубанов

Редактор Е. Б. Никанорова

Художник И. Г. Архипов

Наследница: Страницы жизни Н. К. Крупской
НЗ1 /Сост. С. А. Рубанов. — Л.: Лениздат, 1990. — 336 с.
ISBN 5-289-00279-0

Книга посвящена жизни и деятельности Надежды Константиновны Крупской — видного деятеля партии и государства, жены и соратницы Владимира Ильича Ленина.

Особенностью данного сборника является многообразие включенных в него материалов. Кроме биографических очерков здесь широко приводятся воспоминания о Н. К. Крупской, ее произведения, документы и фотографии. Многие из них публикуются впервые.

Н 0902020000—315
М171(03)—90 38—89

66.61(2)8

ISBN 5-289-00279-0

© С. А. Рубанов, составление, 1990

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Утром 2 апреля 1895 г. на Конюшенной улице Царского Села появилась молодая, стройная девушка. У деревянного дома № 11 она остановилась и, незаметно бросив взгляд по сторонам, вошла. Девушку звали Надежда Крупская.

Торжествовала, гуляла столица в пасхальный зачин. «Светлый день» решили использовать молодые петербургские социал-демократы: в скором времени Владимир Ульянов должен был отправиться за границу для установления прочных связей с Г. В. Плехановым и группой «Освобождение труда», в связи с этим нужно было обсудить планы дальнейшей работы организации. Собрались в Царском у Михаила Сильвина.

Среди многих вопросов, обсуждавшихся на этом совещании, был один особенный. «Слежка все росла,— вспоминала Крупская,— и Владимир Ильич настаивал, что должен быть намечен «наследник», за которым нет никакой слежки и которому надо передать все связи. Так как я была наиболее «чистым» человеком, то решено было назначить «наследницей» меня».

...Надежда Константиновна оставила удивительно яркий след в истории нашей партии, государства. И без сомнения, главная ее заслуга — неоценимая помощь Владимиру Ильичу. «Ленин строил нашу партию в тесном сотрудничестве с Надеждой Константиновной,— писал М. Н. Покровский в 1929 г.,— без которой строительная работа Ленина была бы крайне затруднена, если не вовсе невозможна».

Владимир Ильич и Надежда Константиновна встретились уже сложившимися марксистами. «И это,— отмечала Крупская,— наложило печать на нашу совместную жизнь и работу». Однако со свойственной ей скромностью она подчеркивала: «Ленин, это Ленин, вождь на-

шей партии, а я ведь только маленькая частица огромного организма партии, делала, что могла...»

Время гласности внесло существенные дополнения в Лениниану. Но в обширной литературе о Н. К. Крупской уже несколько десятилетий сохраняется «белое пятно» — ее мужественное пятнадцатилетнее противостояние сталинизму после смерти В. И. Ленина. Даже в научной биографии Крупской издания 1988 г. ни слова не сказано об этом. Самые первые публикации на эту тему появились в газетах и журналах лишь к 120-й годовщине со дня рождения Н. К. Крупской. Но все они, как и очерк, помещенный в настоящем сборнике, к сожалению, ограничены скудостью источников и лишь слегка приподнимают завесу. Пролить свет на этот период жизни Крупской можно будет только глубоко и всесторонне изучив все необходимые архивные материалы. А многие из них все еще не доступны исследователям.

Особенность данного сборника — многообразие включенных в него материалов. Кроме биографических очерков здесь широко приводятся воспоминания о Н. К. Крупской, ее произведения, документы и фотографии. Многие из них публикуются впервые.

СЛОВО НАДЕЖДЕ КРУПСКОЙ

[АВТОБИОГРАФИЯ]

Крупская-Ульянова Надежда Константиновна.

Сделалась соц.-демократкой с 1891 года. За этот период времени меня знал тов. Мещеряков, встречалась и с тов. Ольминским. Моя работа за этот период заключалась в работе среди учителей и учеников Варгунинской вечерне-воскресной школы (в Петрограде, за Невской заставой), в участии в студенческих кружках. Мою работу в этот период знает также З. П. Кржижановская, Анна Ивановна Мещерякова, бегала также по всяким поручениям товарищей, ведших работу среди рабочих, хранила у себя нелегальную литературу. В 1894 году вступила в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», принимала участие в его работе чем и как могла. За это время мою работу знают Кржижановские. В 1896 году принимала участие в организации стачки петербургских текстильщиков. Мою работу за это время знает Ф. В. Ленгник. Ездил на юг по установлению связи и подготовке к съезду партии (тут я встречалась с покойным И. А. Саммером). Потом (в августе 1896 года) была арестована по делу «Союза борьбы» и просидела в тюрьме до апреля 1897 года, получила разрешение остаться в Петрограде — работала до весны 1898 года в Питере в «Союзе борьбы», вела совместно с другими товарищами (И. А. Саммер и Ст. Ив. Радченко) подготовку к I съезду партии. С мая 1898 года 2 года была в ссылке в селе Шушенском Енисейской губ., занималась там с ссыльными рабочими, поддерживала сношения с другими местами, подготовляла нелегальную брошюру, принимала участие в заявлении группы 17-ти по поводу Credo. [В] 1900 году перевелась в Уфу, где принимала участие в работе местной организации, собирала материалы для «Искры», вела сношения с границей и рядом российских организаций. Работала в это время с Цюрупой и Свидерским. В 1901 году, вес-

ной, уехала за границу, где стала секретарем «Искры», каковым и была до II съезда партии, состоявшегося осенью 1903 года. В это же время состояла членом правления (вместе с Литвиновым) Лиги русских с.-д. за границей. Мою работу за этот период знают Стасова, Литвинов, Красиков, Лепешинский и др. На II съезде участвовала с совещательным голосом. После съезда продолжала переписываться с Россией, принимала участие в подготовке III съезда партии, участвовала в нем, назначена была после III съезда заграничным секретарем ЦК, в качестве какового и работала до возвращения в 1905 году в Россию*. Там принимала участие в Таммерфорской конференции. В России была секретарем ЦК большевиков, принимала участие в организации объединительного съезда. Мою работу в это время знают Мих. Сергеич Вайнштейн, Стасова, М. П. Голубева, Красин, В. Р. Менжинская и др. С 1908 года попала опять за границу, где жила сначала в Женеве, потом Париже, потом Кракове. Вела сношения с Россией. Мою работу за это время знают Каменев, Зиновьев, Шварц (Семен), Чугурин, Орджоникидзе и др.

Годы войны жила в Берне, позже в Цюрихе — принимала участие в организации б-ков за границей, была секретарем эмигрантской кассы. <...>** По приезде в Россию до июня работала в секретариате ЦК в Выборгском районе, потом в Наркомпросе (там работу мою знают Калинин, Молотов, Женя Егорова, Лацис и другие товарищи из Выборгского района).

В Москве была членом Хамовнического района, но главная моя работа была по проведению партийной линии в работе Наркомпроса и по превращению Внешкольного отдела Наркомпроса в Главполитпросвет — подсобный орган партии.

Н. К. Ульянова
№ билета 221125

Из фондов Центрального партийного архива ИМЛ при ЦК КПСС

* Мою работу за этот период времени знают Воровский, Бонч-Бруевич, Ольминский, Красиков и др.

** Пропущенная строка в оригинале не поддается прочтению. — Сост.

ИЗУЧАЙТЕ МАРКСИЗМ

Доклад на Пленуме ЦК РЛКСМ
15 сентября 1924 г.

Товарищи, я хочу только на некоторых вопросах остановиться, которые мне кажутся особенно важными, которые необходимо подчеркивать, когда речь идет о ленинском воспитании. Через все речи Владимира Ильича, через все его статьи проходит красной нитью ненависть ко всякому угнетению и ко всякой эксплуатации. Конечно, всякий скажет, что ленинец должен быть заражен этой ненавистью к эксплуатации, ненавистью к угнетению. Вопрос о том, как бороться с этим угнетением и эксплуатацией? Если мы посмотрим, как подходят к этому вопросу анархисты, то мы увидим, что они подходят к вопросу об эксплуатации и угнетении огульно, они не предлагают конкретных мер для борьбы с той или иной формой эксплуатации и предлагают огульно уничтожить тот порядок, который создает эксплуатацию и угнетение, не вникая в причины существования их и не продумывая того, как эти причины уничтожить.

Если мы посмотрим, как подходил к этому вопросу Владимир Ильич, мы увидим, что он тщательно изучал каждую форму эксплуатации, например, эксплуатации на фабриках и заводах. Он не ограничивался тут общими формами, а изучал тщательно все формы этой эксплуатации. Мы знаем, что у него есть такие брошюры, как брошюра о штрафах, брошюра о законе второго июня, где детально разбирается, в какие именно формы выливается эксплуатация.

Как подходил Владимир Ильич к вопросу о крестьянстве, как он его ставил, как освещал эксплуатацию помещиками крестьян? Он подходил, брал этот вопрос в его развитии, начиная с момента освобождения крестьян, рассматривал, как это освобождение крестьян было проведено, как помещики получили всевозможного рода отрезки от той земли, которой раньше крестьяне пользовались, и как при помощи этих отрезков они кабелили крестьян. Изучая речи и статьи В. И., вы увидите, как детально, как до мелочей подробно разбирал он все вопросы эксплуатации и угнетения. Эксплуатация капиталистов, эксплуатация помещиками крестьян, национальный гнет, все эти вопросы основательно изучал, брал их в развитии и самые существенные выделял, чтобы видеть, против чего именно надо бороться и как бороться. Это кажется весьма естественным и очень

простым. И, конечно, каждый ленинец скажет, что он не только ненавидит гнет и эксплуатацию, но что он знает также те формы, в которых гнет и эксплуатация проявляются.

Но, товарищи, надо помнить следующее. Мы сейчас живем уже не в капиталистическом строе, а в строе, который представляет переход от капиталистического строя к социализму, переход на основе, на базе мало-развитой промышленности, мелкого крестьянского хозяйства. Конечно, нельзя думать, что в этот переходный строй не будет уже никакой эксплуатации. Правда, многие старые формы эксплуатации, благодаря революции, благодаря тому громадному социальному сдвигу, который произошел, отошли в прошлое, но нельзя думать, чтобы теперь уже не было никакой эксплуатации и не было никакого угнетения. Но эта эксплуатация и угнетение приобрели теперь новые формы, правда, органически связанные со старыми, но все же носящими несколько другой характер. И вот тут, товарищи, большая опасность, что ненависть, направленная против старых форм эксплуатации, не будет иметь для себя объекта потому, что старое отжило. А новых форм эксплуатации и угнетения можно и не заметить, если не смотреть, не уметь вглядываться в жизнь, не уметь смотреть, что кругом делается. Теперь, конечно, тех форм, которые были раньше, мне кажется, уже нет. Нет такой наглой эксплуатации рабочих, которая была раньше. Уничтожена помещичья собственность, и хотя она местами и возрождается, но в общем и целом старые формы уже отжили. Но тем внимательнее надо смотреть кругом себя, чтобы заметить всякую новую зарождающуюся форму эксплуатации. Это не так просто, как кажется.

Теперь пока мы еще близки к старому, капиталистическому строю, но чем дальше, тем сложнее будут все эти вопросы, и надо остерегаться того, чтобы не впадать в общие фразы, а детально всматриваться в форму, детально изучать их. Уже и теперь сказывается недостаток этого внимательного и систематического изучения. Уже теперь слишком в общих формах часто мы говорим об эксплуатации и угнетении. Вот ленинец и должен внимательно изучать все те новые формы, которые будут чем дальше, тем сложнее. Трудность еще в том, что сейчас общественное развитие идет чрезвычайно быстрым темпом, чрезвычайно быстро меняется окружающая обстановка, и надо постоянно иметь перед

глазами эти изменения, изучать формы эксплуатации в их изменяющихся формах.

Это вопрос очень сложный, и, поэтому для того, чтобы умело подойти к нему, надо быть вооруженным теорией. Недавно разговаривала с товарищами из комсомола и спрашивала их, какие кружки у них существуют. Кружки по политграмоте есть, затем есть кружки по ленинизму, это все есть, но вот выходило так, что по марксизму кружков как будто нет. А если мы хотим понять ленинизм, то мы прежде всего должны вооружиться марксизмом. Ленин был марксист. Он был учеником Маркса. Тщательно изучал все произведения Маркса и Энгельса, постоянно возвращался к ним, не то что раз, когда-то прочитал, а постоянно возвращался к чтению произведений Маркса и Энгельса, он постоянно черпал в них новые и новые подходы к жизни, вдумывался в каждое их слово. Маркс изучал те законы, на основании которых развивается человеческое общество, он осветил эти законы. Когда мы говорим о явлениях природы, всякому ясно, что тут необходимо знать природу — законы химических явлений, физических явлений, и по мере того как люди больше и больше улавливают, изучают эти законы, получают они все большую власть над природой. Изучать законы природы для того, чтобы одолевать природу, — это настолько общее место, что не приходится об этом и говорить. Но то же самое относится и к жизни человеческого общества. Общество развивается на основании определенных законов. Есть определенная связь явлений, есть определенный закон развития. Чтобы овладеть движением, чтобы направить революционное движение в настоящее русло, чтобы добиться победы, — для этого необходимо знать все те законы, на основании которых развивается человеческое общество. Владимир Ильич говорил о необходимости научиться понимать «революционную диалектику» Маркса. Маркс показал, как развивается явление, как в каждом развивающемся явлении есть зародыш, ростки новых форм жизни, как эти новые формы уничтожают старые, — вот почему Владимир Ильич в речи, которую он говорил на III Всероссийском съезде молодежи, предостерегал ее от увлечений лозунгами. Он считал, что не столько важны отдельно взятые лозунги, как изучение явлений в их связи. Свою революционную диалектику Маркс применил к тому периоду человеческого развития, который носит название капиталистического развития. Он показал, как возникло капиталистическое об-

щество, как оно развивалось, как внутри этого капиталистического общества сложились те силы, которые должны стать могильщиком капиталистического строя. Он показал, как рабочий класс рос, как развивался. Маркс указал на революционную цель, которая стоит перед рабочим классом, и на ту историческую роль, которую рабочий класс играет. Вот понимание цели рабочего класса, понимание взаимоотношения явлений и их развития; вот что составляет сущность марксизма. И надо вооружиться теорией марксизма, чтобы ясно понимать, что кругом происходит, понимать быстро развивающиеся события. В прежнее время марксистами называли себя часто люди, которые не понимали этой революционной диалектики марксизма. Они считали, что достаточно прочесть Маркса и согласиться с его выводами и что это дает уже право назвать себя марксистом. Но Владимир Ильич не так смотрел на то, чем должен быть марксист. Он считал, что марксизм — руководство к действию, и потому революционное учение Маркса он приложил к русской действительности, к этой эпохе, в которую ему пришлось работать и действовать. Это как раз была историческая эпоха, когда стало совершенно ясно, что капитализм разрушается, — эпоха, предшествовавшая мировой войне и последовавшая за ней. Эта имеющая глубоко революционное значение эпоха была Владимиром Ильичем оценена на основании той марксистской теории, которой он владел в совершенстве; но не только теорию марксизма знал В. И. Он изучал все особенности русских конкретных условий, продумал, как приложить марксистскую революционную теорию к жизни. Вооружившись революционной теорией, он смог найти именно те пути, которые необходимы были для того, чтобы пролетариат смог победить. Не в личных свойствах Владимира Ильича его сила — разгадка в том, что он глубоко продумал революционную теорию марксизма и правильно применил ее. Вам, товарищи, придется разрешить много сложных вопросов, которые перед вами поставят последующие годы, и потому вам необходимо вооружиться этой революционно-марксистской теорией. Владимир Ильич ни на минуту не упускал из виду революционной цели — изменения существующего строя и создания коммунистического строя. Он не упускал из виду великой исторической роли пролетариата, этим он отличался от оппортунистов, с которыми всю жизнь вел упорную борьбу. Когда выступил немецкий с.-д Бернштейн и стал говорить, что движе-

ние — все, а цель — ничто, Владимир Ильич встал на сторону Каутского, в те времена бывшего еще революционером. Отрицание важности цели рабочего движения было оппортунизмом, отрицанием исторической цели пролетариата, отказом от принципов марксизма. Несколько в другой форме, в своеобразной русской форме, подняли знамя оппортунизма экономисты, также совершенно недооценивавшие революционной роли пролетариата. Они говорили: нужна экономическая борьба, и вот только на эту экономическую борьбу они обращали внимание, а на связь этой экономической борьбы с политической борьбой, на ту связь, которую всегда подчеркивал Маркс, они не обратили внимания. И вот Владимир Ильич вместе с Плехановым вел отчаянную борьбу с экономистами. Точно так же, в чем была главная ошибка меньшевиков, против которых боролся так упорно Владимир Ильич? Он указывал, что меньшевики, вступая в блок с либералами, ориентируясь на радикальную буржуазию, отказываются от основного — от правильной оценки роли пролетариата во всем революционном движении. Ясное понимание цели, понимание тех путей, которые ведут к этой цели, понимание исторической роли пролетариата и дали возможность Владимиру Ильичу правильно оценить все эти оппортунистические отклонения. Для того чтобы идти революционным путем, молодежи необходимо вооружиться марксистской теорией. Эта теория даст понимание окружающей действительности. Нет, вообще говоря, каких-нибудь лозунгов, верных для всех времен. Каждый лозунг имеет значение в той конкретной исторической обстановке, в которой он выдвигается. Когда-то в своей книжке «Исторические письма» Миртов (Лавров) говорил о том, что всякий лозунг, будучи революционным в известной обстановке, при изменившейся обстановке может быть реакционным. Понимание, когда уместен тот или иной лозунг, это понимание дается как раз умением подходить к действительности и оценивать ее с точки зрения марксизма. Если неподготовленный человек возьмет сочинения Ленина, то ему может показаться, что у него много противоречий. В целом ряде вопросов Владимир Ильич защищал в различные моменты различные точки зрения, и человек, который не понимает внутренней связи явлений, их революционной диалектики, увидит лишь противоречия там, где на деле развитие одной и той же точки зрения только в различной обстановке. Например, возьмем такой вопрос, как

Учредительное собрание. До известного момента, пока не было еще налицо власти пролетариата, которая начала зарождаться в форме Советов, большевики выступали за Учредительное собрание; когда создались революционные Советы, когда они стали фактической властью, тогда лозунг Учредительного собрания получил совершенно другое значение. Из лозунга революционного он превратился в лозунг реакционный, который мог бы повести к тому, что организованная уже власть пролетариата, организованного в Советы, была бы ослаблена.

Возьмем вопрос о кооперации. До захвата власти Владимир Ильич о кооперации говорил в другом совершенно тоне, чем в последних своих статьях, где он писал о том, какое громадное значение имеют кооперативы в настоящее время для перестройки всего общества на коллективистических началах. Если мы возьмем и будем перелистывать сочинения Владимира Ильича, мы увидим, как на протяжении времени в различной конкретной обстановке Владимир Ильич совершенно различно оценивал те или другие формы движения.

Чтоб понять конкретную обстановку, надо, во-первых, быть вооруженным теорией, которая дает систему, определенный подход, это с одной стороны, а с другой стороны, надо тщательно изучать окружающую действительность. Если вы посмотрите, как подходил к этому Владимир Ильич, вы увидите, что он изучал тщательным образом действительность и по книгам, и по личному опыту, и на основании разговоров и рассказов товарищей. Если вы посмотрите ту массу тетрадок, в которых В. И. делал выписки, вы увидите, как сравнивал он каждый факт, который он наблюдал в русской жизни, с аналогичными фактами в европейской жизни и, сравнивая их, старался отметить ту или иную разницу. Его заметки в тетрадках показывают, что он старался уловить ту разницу, которая благодаря различной обстановке создается. Если вы прочтаете воспоминания о Владимире Ильиче, вы увидите, как он внимательно расспрашивал товарищей, как по отдельным рассказам, по отдельным фактам старался воссоздать всю картину явления, как он проверял себя каждый раз в каждом вопросе. Во время одной из партдискуссий В. И. писал: «Когда в партии возникают какие-нибудь разногласия, когда партия переживает кризис, то надо подходить к вопросу с величайшей честностью, смотреть правде в глаза».

И вот к изучению действительности В. И. подходил всегда с этой величайшей честностью, умел смотреть правде в глаза, и он умел учиться у врага. Если враг правильно оценивал какое-нибудь явление, В. И. не смотрел на то, что оценка исходит от врага, он пользовался ею, чтобы найти правильный подход к факту. С другой стороны, В. И. умел не только прямо, но и косвенно учиться у врага. Похвала врага служила ему предостережением, он пересматривал вопрос еще раз, чтобы проверить себя, не сделано ли какой ошибки.

В. И. на ошибках учился. Например, В. И. выдвинул в 1903 г. и очень горячо защищал пункт партийной программы о возвращении крестьянам земельных отрезков, отошедших во время земельной реформы 1861 г. к помещикам, и вот в 1908 г. есть статья, которая посвящена учету опыта первой революции. Там он прямо говорит о пункте программы, что это неправильный лозунг, касающийся отрезков.

И это несмотря на то, что в свое время Владимир Ильич страстно защищал этот лозунг против Плеханова, долго завоевывал всех, чтобы перешли на его сторону, чтобы поняли все значение отрезков, а потом, после революции, он не остановился перед тем, чтобы объективно оценить его. Он писал, что этот лозунг был недостаточен, что надо было выдвинуть сразу более революционный лозунг.

Это — революционная честность, умение подойти к каждому вопросу, не соображаясь с тем, что, может быть, надо все переоценивать с самого начала, не соображаясь с тем, что, может быть, предстоит громадная работа, не соображаясь ни с чьим личным самолюбием, не боясь признать свою ошибку; он ставил вопрос отчетливо, в упор, стараясь найти правильный ответ на него. Вот это умение, — умение изучать пристально, умение наблюдать, умение чужой опыт использовать и обдумывать чужой опыт, умение смело смотреть в глаза фактам должно быть свойством той молодежи, которая хочет быть ленинцами.

И наконец, я скажу несколько слов о той преданности революционному делу, которой требовал В. И. от революционеров. В его книжке «Что делать?» он пишет о том, к чему должен быть готов революционер. Он пишет о том, что первые годы, вот эти годы, когда только что зарождается движение, что эти годы должны быть годами громадной выдержки, должны быть годами незаметной работы, которая потом учтется, что в

начале работа по существу не видна, не заметна. Революционер должен быть готов к ведению этой незаметной черной повседневной работы. Но в то же время революционер должен быть готов к величайшим подвигам, величайшему героизму; об этом точно так же говорит Владимир Ильич в своей книжке «Что делать?», которая в свое время так увлекла членов партии, которая сыграла в революционном движении такую громадную роль. Революционер должен быть готов на все — и на повседневную черную незаметную работу, и на величайшие героические подвиги. Эта оценка Владимира Ильича дает ясное представление о том, каков должен быть ленинец, он должен вести повседневную, будничную работу, какой бы тяжелой она ни была, должен внимательно относиться к ней. В момент подъема революционного движения также должен быть готов на все.

Я хотела остановиться еще на одном вопросе: на понимании В. И. роли масс. В 90-х годах при самом начале возникновения партии революционного марксизма очень оживленно обсуждался вопрос о роли личности в истории. Михайловский и др. говорили тогда о том громадном значении, которое имеет личность в истории. У Михайловского есть статья на тему «Герои и толпа». Масса — это безвольная толпа, идущая за героями. Вопрос о героизме, о роли сознательной личности в истории выдвигался и Лавровым. Позднее эсеры усвоили себе эту точку зрения на героев и толпу, на первый план выдвигали героическую личность. Марксисты подходят к вопросу иначе. Они говорят о классовой борьбе. Если вдуматься в этот термин — классовая борьба, — то тогда надо будет к этому вопросу о роли личности подойти так, как подходил Владимир Ильич. На первый план он выдвигал вопрос о массе, о том, под влиянием каких побуждений действует масса. Марксизм рассматривает действия отдельных лиц, отдельных личностей в связи с тем классом, представителем которого эта личность является. Личность, взятая вне массы, вне класса, — ничто. Но если она свяжет свою деятельность с деятельностью революционного класса, с деятельностью пролетариата, то благодаря тому, что человек свой утлый челн привяжет к корме большого корабля, к корме того дела, которое делает пролетариат, благодаря этому личность может получить очень большое значение, но только в том случае, если она не отделяет себя от массы, является ее выразителем. И вот, если вы просмотрите сочинения Владимира Ильича, те речи, кото-

рые он говорил, вы увидите, какое громадное значение придавал он массе. Он говорил, что «социализм есть живое творчество масс». В последних своих статьях он говорил о том, что теперь дальше надо двигаться гораздо более медленно, чем раньше, но двигаться громадной массой, миллионами двигаться. Эта оценка значения массы, ее творческой силы, характерна для В. И. Вопрос об организации масс, о внесении сознательности в движение масс В. И. считал первоочередным. Он подходил к этому вопросу по-марксистски. Ленинцы должны учиться такому же отношению к массе. А понять массу, научить ориентироваться на нее может опять только марксизм, вскрывающий первопричины движения масс, учащий нащупывать движущие силы революции, вести массы к великой цели.

Если молодежь хочет стать ленинцами, она должна внимательно изучать теорию, изучать «революционную диалектику» марксизма.

Опубликовано в книге Н. К. Крупской «Воспитание молодежи в ленинском духе» (М., 1925). До 1988 г. находилась в спецхране.

К ВОПРОСУ ОБ УРОКАХ ОКТЯБРЯ

Два года тому назад на пленуме Московского Совета Владимир Ильич говорил о том, что мы вступили на деловую дорогу, стали подходить к социализму не как к иконе, расписанной торжественными красками. «Нам надо взять, — говорил он, — правильное направление; нам надо, чтобы все было проверено, чтобы все массы и все население проверяли наш путь и сказали бы: „да, это лучше, чем старый строй“. Вот задача, которую мы себе поставили».

Наша партия, маленькая группа людей по сравнению со всем населением страны, за это взялась. Это зернышко поставило себе задачей переделать все, и оно переделает. Что это — не утопия, а что это — дело, которым живут люди, мы это доказали. Это мы все видели, это уже сделано. Нужно сделать так, чтобы все большинство трудящихся масс, крестьянских и рабочих, сказало: «Не вы себя хвалите, а мы вас хвалим, мы говорим, что вы достигли результатов лучших, после которых ни один разумный человек никогда не подумает вернуться к старому».

И партия работает не покладая рук. В 1924 году факт ленинского призыва показал, что рабочие массы

признали партию своей. Это кое-что значит, это — серьезное, прочное завоевание, это — немалая похвала. Кое за что, хотя и очень за небольшое, начинают похваливать и в деревне. Партия повернулась лицом к деревне, и не только к деревне, но к ее бедняцким и середняцким слоям, работает над улучшением советского низового аппарата, помогает сельячейкам, надеется, что добьется многого. Партия ведет массу всякой деловой работы огромного охвата, направляя колесо истории на тот путь, по которому хотел вести страну Ленин.

Партия всерьез стала на деловой путь, путь при наших условиях весьма не легкий, и потому с таким неприязненным чувством относится она ко всяким дискуссиям. Поэтому такой чуждой показалась XIII съезду речь тов. Троцкого о последней баррикаде. Поэтому сейчас с таким раздражением говорят о последнем «литературном» выступлении тов. Троцкого.

Не знаю уж, виновен ли т. Троцкий во всех тех смертных грехах, в которых его обвиняют, тут дело не без полемического азарта. Жаловаться на это тов. Троцкому не приходится. Он не первый год живет на свете и знает, что написанная в таких тонах статья, как «Уроки Октября», должна была вызвать и соответствующий тон полемики... Не в этом дело. Дело в том, что, призывая изучать «Уроки Октября», т. Троцкий предлагает изучать их как раз не так, как нужно. Он предлагает изучать роль тех или иных лиц в Октябре, роль того или другого оттенка в ЦК и т. п. А изучать надо не это.

Изучать надо прежде всего то международное положение, которое было в Октябре, соотношение тогдашних классовых сил в России.

Зовет ли к этому тов. Троцкий? Нет. А без глубочайшего анализа исторического момента, без учета реальных сил, их соотношения победа была бы невозможна. Применение революционной диалектики марксизма к конкретным условиям текущего момента, оценка его не с точки зрения рамок лишь данной страны, а в мировом масштабе, составляет характернейшую черту ленинизма. Международный опыт последнего десятилетия подтвердил как нельзя лучше правильность именно такого подхода. Такому подходу должны учиться коммунистические партии всех стран, такому подходу должна учиться молодежь, изучая Октябрь.

Через этот вопрос как-то перескакивает т. Троцкий. Говоря о Германии и Болгарии, он мало как-то останавливается на оценке момента. Если смотреть на собы-

тия сквозь его очки,— очень уж легко править ими. Марксистский анализ не являлся никогда сильной стороной тов. Троцкого.

Отсюда недооценка у него и роли крестьянства. Об этом уже много писалось.

Далее, надо изучать партию во время Октября. Тов. Троцкий много говорит о партии, но партию-то он сводит к руководящему штабу, руководящему персоналу. И тот, кто хочет изучать Октябрь, должен изучать партию таковой, какой она была в Октябре. Партия была живым организмом, где ЦК («штаб») не был отгорожен от партийной массы, где члены ЦК ежедневно толковали с членами низовых организаций, прекрасно знали, что делается в каждом районе Питера, что делается в провинции, что делается в армии. Знал это и Ильич, знал, несмотря на то, что сидел в подполье. Ему много писали, писали обо всем, что делалось, чем жила организация. А Ильич умел не только слушать, но и читать, часто между строк. Именно потому, что была спайка между ЦК и всей организацией в целом, можно было победить.

Та партия, в которой верхушка была бы оторвана от организации, никогда не могла бы победить. Это твердо должны осознать все коммунистические партии и соответственным образом организоваться.

При такой организации партии, когда штаб знает — не по резолюциям только — волю организации в целом и с ней соотнобразуется, тогда колебания или ошибки отдельных членов штаба перестают иметь такое решающее значение, какое придает им тов. Троцкий. Когда история ставит партию перед лицом совершенно новой, небывалой еще ситуации, тогда естественно, что она не всеми сразу одинаково расценивается, но на то и организация, чтобы выравнивать общую линию.

Ильич придавал всегда громадное значение партийной организации в целом. Отсюда вытекает его отношение к партийным съездам. На эти съезды он нес то, что продумал за время с предыдущего съезда. Перед съездом, перед организацией в целом, считал он себя ответственным больше всего, к съезду апеллировал он в случае расхождения (вопрос о Брестском мире).

Роли партии в целом, роли партийной спайки по всей линии как раз и не понимает тов. Троцкий. Для него партия равнозначна штабу. Возьмем пример: «что такое большевизация коммунистических партий?», пишет он в «Уроках Октября» — такое их воспита-

125483

ние, такой в них подбор руководящего персонала, чтобы они не сдрейфили в момент Октября». Эта чисто «административная» точка зрения крайне поверхностна. Да, «руководящий» персонал чрезвычайно важен, надо, чтобы в штаб попадали самые талантливые, самые лучшие, самые выдержанные люди, но не только в их личных качествах дело, а в том, насколько тесно увязан штаб со всей организацией в целом.

И еще одно, благодаря чему мы победили в Октябре, это — правильная оценка роли и значения масс. Перечитайте все, что писал Владимир Ильич о роли массы в революции и в строительстве социализма, и вы увидите, что ленинская оценка роли масс является одним из основных звеньев ленинизма. Для Ленина масса никогда не является средством, она является решающим фактором. Чтобы вести за собой миллионные массы, партия должна быть близка массе, должна понимать, чем эта масса живет, более, знать, на что она пойдет. Бела Кун рассказывает, когда он стал говорить Ильичу о революционной войне с Германией, Ильич ему ответил: «Вы, кажется, не болтун, поезжайте завтра на фронт и посмотрите, готова ли солдатская масса к революционной войне». Бела Кун поехал и увидел, что Ильич прав.

В «Уроках Октября» мы не находим призыва к изучению этой стороны Октябрьской революции. Напротив, при оценке германских событий т. Троцкий недооценивает пассивности массы.

Некий Сыркин нелепо изложил Джон Рида. Некоторые думают, что не надо давать больше молодежи Джона Рида. Там есть неточности, легенды. Это верно. По Риду нельзя изучать историю партии. Почему же эту книжку так усиленно рекомендовал Владимир Ильич? Да потому, что в Джон Риде не в этом центр тяжести. У Джон Рида прекрасно, художественно отображена психология, настроение солдатских и рабочих масс, делавших Октябрьскую революцию, беспомощность буржуазии и ее прислужников. Прочитав Джон Рида, молодой коммунист быстрее и глубже поймет дух революции, чем если он прочтет десятки резолюций и протоколов. Молодежи надо знать не только историю партии, не менее важно почувствовать трепет жизни Октябрьской революции, ее веяние. Какими же ленинцами будет молодежь, если она дальше узко партийных отношений ничего не будет знать, не ощутит, чем была война, чем была революция!

Тов. Троцкий неправильно подходит к изучению Октября. От неправильной оценки Октября один шаг к неправильной оценке действительности, к неправильному подходу к целому ряду явлений самого актуального значения. От неправильной оценки действительности один шаг к неправильным решениям и действиям. Это понимает всякий.

Слова из песни не выкинешь. «Уроки Октября», раз они появились в свет, должны быть всесторонне обсуждены на страницах прессы и в партийной организации. Это надо делать в форме, доступной всем членам партии.

Сейчас наша партия значительно возросла численно, к ней примыкают широкие рабочие массы, для которых вопрос, поднятый тов. Троцким, недостаточно ясен. То, что ясно старому большевику, упорно боровшемуся за ленинскую линию, неясно часто только что вступившему в партию члену. Особенно ленинцы должны понять, что нельзя так рассуждать: обсуждение этого вопроса мешает нам учиться. Именно на обсуждении этого вопроса они могут научиться более глубокому пониманию ленинизма.

Тов. Троцкий в решающие годы революции отдал все свои силы на борьбу за Советскую власть. Он мужественно стоял на трудном, ответственном посту. Он проявил колоссальную энергию, громадный натиск для того, чтобы обеспечить победу делу революции. Партия этого не забывает.

Но завоевания Октября еще не доведены до конца, надо упорно работать над осуществлением задач, Октябрем выдвинутых. Тут было бы опасно, было бы губительно сворачивать с проверенного историей пути ленинизма. И когда такой товарищ, как Троцкий, вступает, может быть даже бессознательно, на путь ревизии ленинизма,— партия должна сказать свое слово.

Правда, 1924, 16 декабря

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ И КАЧЕСТВЕННЫЙ УЧЕТ

Мы хотим построить социализм, мы его строим. Мы знаем, что социализм — это прежде всего — план единого коллективного государственного хозяйства, план, покоящийся на количественном и качественном учете

богатств, сил и явлений природы, учете трудовых сил и возможностей, учете общественных сил. Без такого учета — социализма не построишь. Если мы посмотрим на историю человечества, то увидим, что человечество постепенно лишь, шаг за шагом, научилось учитывать, количественно и качественно, окружающие явления — и лишь по мере учета их — воздействовать на них, овладевать ими. В эпоху капитализма люди сделали громадный шаг в направлении учета сил и явлений; на своих ошибках, на своем опыте — человечество училось. Россия была страной отсталой, это выражалось, между прочим, в нашем неумении учитывать явления и силы. Когда мы принялись за строительство новой жизни, мы на каждом шагу делали ошибки учета *. Возьмем дело народного образования. Мы тратили на него немало денег, хотели сразу дать все — и получалось у нас иногда, что в одной губернии было у нас театров больше, чем во всей Франции, а школы стояли нетоплеными. Настоящего учета, перспективы в строительстве не было. Тоже и хозяйственное строительство. Каких только промахов не делали мы в этой области! Вспоминаются субботники. Собирают народ, гонят на железнодорожный путь снег расчищать, но забудут лопат прихватить; люди слабые и хворые брались, бывало, за непосильную работу, а посильная нужная работа стояла недоделанной. Сколько раз брались мы не за то дело, за которое надо было в данную минуту браться.

Однако за девять лет жизнь очень многому нас научила, научила учету сил и возможностей, будем учиться и дальше. Мы знаем, что для того, чтобы построить социализм, нам многое еще надо точнейшим образом учесть. И надо, чтобы учету учились не несколько сот — или несколько тысяч людей, управляющих хозяйством, стоящих во главе организаций, учету должна учиться вся масса. Чтобы работать по общему плану, надо научиться вообще сознательно работать по плану, понимать его; уметь осуществлять в мелочах. А иначе выходит — задумано хорошо, а станут проводить — получается совсем не так, как задумано.

Но, если нашему поколению надо учиться точнейшему учету явлений, то в еще большей мере надо учиться

* В рукописи зачеркнуто: «Я не говорю уже о войне — на каждом шагу мы несли потери из-за неумения учитывать условия — жертвы войны были бы много меньше, если бы мы умели лучше учитывать. Та же история повторилась у нас и во всех областях строительства». — *Сост.*

ся этому ребятам, подросткам, тем, кто придет нам на смену, кто будет воплощать в гораздо большей степени, чем мы, социализм в жизнь.

Над обучением подрастающего поколения учету должна работать школа, должны учиться ему ребята и в своих пионерских организациях.

Поскольку советская школа поставила себе целью изучение окружающей жизни, она уже идет по этому пути.

Ребята присылают мне иногда свои тетрадки. Иногда — это тетрадки, просто заполненные стихами и рассказами, хорошими ребячьими рассказами, но иногда это тетрадки, которые заставляют почувствовать, что школа наша учит не только читать, писать и рисовать, но и учитывать явления. В одной тетрадке учитывалась жизнь деревни. Ребята в ней учитывают, какую пользу приносит ЕПО* с точки зрения сбережения времени, удобств сбыта и покупки; учитывают, сколько времени надо для того, чтобы обмолотить столько-то ржи руками, и сколько, чтобы обмолотить то же количество при помощи машины; учитывают, сколько грудных младенцев спят спокойно и сколько кричат по ночам; сколько ребят в деревне моют руки перед обедом и сколько нет. Кончается тетрадка рисунком, изображающим, что надо сделать в деревне в ближайшее время.

Другая тетрадка — из Мурома; ребята составили ряд задач на основании обследования кооперативов, столовок, заводов.

Читаешь такие тетрадки и думаешь: да, правда, школа стоит на правильном пути.

Самый элементарный учет — учет количества, учет математический. Вот почему математика должна занимать серьезнейшее место в нашей школе. И рабочий, и крестьянин, каждый родитель оценит школу, если она научит его ребенка хорошо считать. В наших школах математике отводится достаточное, на первый взгляд, место. Программа школ II ступени даже сильно перегружена математикой. Но так ли поставлена математика, как этого требует переживаемый момент? Служит ли алгебра, геометрия, тригонометрия для учета жизненных явлений, перекинут ли между ними и жизнью прочный мост, или они являются чем-то отвлеченным, каким-то искусством для искусства.

И тут мы подходим к одному очень важному вопросу: что учитывать. Не все ли равно — будем ли мы учи-

* Единое потребительское общество. — Сост.

тывать количество воды в неведомых бассейнах или количество времени, какое сберегает ЕПО данной деревни. Важен выбор учитываемых явлений. И важно учитывать не только отдельные явления, а явления во всей их сложности, надо учитывать отдельные комбинации величин. Такой учет производится при разрешении задач. Задача — это комбинированный учет.

В настоящее время, странным образом, приходится встречать и (в школах) I и II степени сведение математики к элементарному учету, причем учет комбинированный, сложный выбрасывается. Это большая ошибка. Всякий план есть комбинированный учет. Поэтому, если хотим ребят учить плановости, должны учить не элементарному учету, а учету сложному, комбинированному. И не менее важно, чем решение задач, составление задач-планов.

Тут мы подходим к тому, откуда будут ребята черпать материал для этих задач-планов. Надо, чтобы это были не просто «планы», а планы, связанные с реальной, практической работой, которую проводит школа в жизнь. Но должен быть план, скажем, не землеустройства вообще, а землеустройства данной деревни, не кооператива вообще, а данного школьного кооператива. Тогда только математика станет для учащегося орудием труда, а не чем-то отвлеченным, разгадкой каких-то загадок.

Все дальше и дальше глубить математический анализ окружающих явлений, находить в явлениях стороны, требующие такого анализа,— и является одной из задач современной школы. Без учета нельзя правильно рассчитывать, без расчета нельзя правильно действовать. Значение выбора явлений указывает на тесную связь количественного учета с качественным.

Важно учесть не только, сколько времени проработал рабочий, но и как он работал, важно учесть, какая работа — ее интенсивность. Важно учесть не только, сколько аршин материи получено, но и какой материи.

Когда мы подходим к качественному учету, то мы увидим, что количественный учет лишь первый подступ к учету, более же глубокий учет требует изучения материала, более глубокого изучения процесса.

Естественники Ленинграда — Павлович, например, достаточно рельефно выдвигают эту сторону дела. Составляя, например, программу по естествознанию для I степени, С. А. Павлович выдвигает, например, изучение свойств бумаги, материи, орудий труда и т. д.

Бесомненно, количественный учет должен углубляться качественным. И если мы в школе учим учету количественному, мы должны обратить не меньшее внимание на учет качественный. А в качественном учете должен играть серьезную роль и учет трудовых процессов, учет производительности труда, физического и умственного, учет причин производительности труда.

Школа должна научить ребят работать, а чтобы научить этому, должна научить ребят учитывать свой труд, его качество.

Вечерняя Москва, 1988, 11 ноября.

Написано в сентябре 1926 г.

ВМЕСТЕ СО ВСЕМ НАРОДОМ

Выступление на партийной конференции
Бауманского района Москвы
9 сентября 1929 г.

Товарищи! Здесь многие товарищи в своих выступлениях затрагивали вопрос о постановке дела народного образования. Позвольте мне немного остановиться на этом вопросе. Все революции, даже революции буржуазные, давали толчок делу народного образования. Наша же — пролетарская Октябрьская революция осветила, как прожектор, те громаднейшие задачи, которые стоят в области народного образования... В первые годы Наркомпросу приходилось вести и лихорадочно работать над тем, чтобы тот важнейший опыт революционного движения был претворен в жизнь. Необходимо было Наркомпросу, чтобы ясно и четко поставить задачи в деле народного образования. Задача заключалась не только в том, чтобы поставить, но прежде всего в том, чтобы их осуществить. И вот, товарищи, вспоминая время, которое теперь мы называем военным коммунизмом, приходится ответить, чем отличается этот военный коммунизм от настоящего времени, чем он был характерен не только в области народного образования, но по всем остальным областям. Это был период, когда требовалось поставить чрезвычайно четко наши классовые задачи. Уже тогда вопросы социалистического строительства были ясно и четко поставлены, но тогда еще не было умелых рук, которые могли бы это социалистическое строительство проводить в жизнь, еще массы не были втянуты в это дело. Владимир Ильич тогда говорил, что перед школой стоят громаднейшие задачи —

задачи перевоспитания молодого поколения... Это можно сделать только тогда, когда наша школа будет продвигаться по пути социализма вместе со всем освобожденным от цепей рабства народом... Перед нашей школой стоят задачи сделать из человека замкнутого и темного человека, который бы ясно и четко представлял себе перспективы социалистического строительства. Так была поставлена эта задача в самом начале, но для того, чтобы втянуть в эту работу массы, требовались годы, годы пропагандистской работы...

Товарищи, нам пришлось проделать громадную пропагандистскую работу как среди учительства, а главным образом среди рабочего класса с тем, чтобы они поняли всю важность работы нашей школы.

В первые годы революции у нас издавалось огромное количество декретов, некоторые из них так и оставались висеть в воздухе. Владимир Ильич говорил о том, что мы декретов печем очень много, а толку от них мало. Осуществить все их тогда было невозможно, потому что не было соответствующей материальной предпосылки, отсутствовали умелые рабочие руки... В первые годы военного коммунизма нам приходилось очень тяжело работать, и вся наша наркомпросовская работа валилась, как карточные домики, потому, что у нас не было соответствующей материальной и финансовой базы.

С введением нэпа наша работа улучшилась, потому что мы сумели в эту работу втянуть широкие рабочие массы... пришлось шаг за шагом отвоевывать позиции, шаг за шагом бороться за каждую школу, за каждый детский сад...

Теперь мы имеем опыт одиннадцати лет, очень тяжелый, но в то же время сейчас наша школа совершенно не похожа на старую школу.

К нам приезжают иностранцы, знаменитые педагоги, разные педагоги Америки и других стран. На днях мне пришлось разговаривать с группой педагогов во главе с одним из видных педагогов Америки. В разговоре я говорю им, что в смысле методов мы кое-что переняли и из Америки. Он отвечает: «Мы как будто применяем одни и те же методы, а результаты у нас получаются другие. Какие у вас дети! Мы не можем добиться такого же положения». И долго мне пришлось на эту тему разъяснять им разными путями, как влияет вся среда...

...Вы, наверное, читали по газетам, что Наркомпрос выезжает на места, на ту или иную фабрику, делает

там заседанис, приезжают делегации в Наркомпрос из отдельных промышленных округов, и все время идет длительная работа над тем, чтобы совместно с рабочим классом добиться того, чтобы он поставил себе целью улучшить дело народного образования.

Сейчас это сделать нелегко, потому что общественное внимание, которое необходимо, мы не видим. Очень часто и партийные ячейки совершенно недооценивают этого значения, в особенности если дело касается Наркомфина.

Слишь, бывало, ночью и видишь: лежат перед тобой просвещенские дела и кто-то их объедает. И это — Наркомфин. Следует только на месяц уехать,— страх! — что-нибудь уже случилось. Приходится вести борьбу за каждый вопрос. Сейчас идет бешеная борьба за перестройку дела народного образования. Но мы одни — просвещенцы — сделать многое бессильны. У нас нет достаточной базы, нет достаточного внимания масс.

И мне думается, что только совместная работа даст возможность всему фронту народного образования добиться тех результатов, к которым мы стремимся... Нам без помощи рабочего класса тут не добиться больших результатов: об этом говорит весь опыт 11 лет революции. Для того, чтобы добиться больших результатов, надо и вам ознакомиться с делом народного образования: в чем состоит работа, какие у нас трудности и как нам совместными усилиями эти трудности побороть... Чтобы ребята могли вести действительно начатое дело и довести его до конца, чтобы из наших ребят выросли закаленные бойцы, которые бы могли перед всем миром отстаивать социалистическое строительство,— для этого нужны крепкие детские организации, вузы, техникумы и громадная работа. Кое-что сделано, но остается сделать очень много. Будем делать ошибки, но чем скорее мы их будем исправлять, тем мы по пути социалистического строительства будем продвигаться дальше и быстрее.

Учительская газета, 1989, 16 февраля

ЛЕНИН И ГОРЬКИЙ

Владимир Ильич очень ценил А. М. Горького как писателя. Особенно нравились ему «Мать», статьи в «Новой жизни» о мещанстве,— Владимир Ильич ненавидел всякое мещанство,— нравилось «На дне», нрави-

лась «Песнь о Соколе», «Буревестник», их настрой; любил он такие вещи Горького, как «Страсти-мордасти», как «Двадцать шесть и одна». Помню, как загорелся Ильич как-то желанием пойти в Художественный театр смотреть «На дне», помню, как слушал он «Мои университеты» в последние дни своей жизни.

Горький писал больше всего о рабочих, о городской бедноте, о «дне», о тех слоях, которые больше всего интересовали Ильича, описывал их жизнь так, как она есть, во всей ее конкретности, видел ее глазами человека, ненавидящего гнет, эксплуатацию, пошлость, нищету мысли, глазами революционера. И то, что писал Горький, было близко и понятно Ильичу.

Сам Владимир Ильич жадно вглядывался в жизнь, во все мелочи. Это умение Ильича замечать мелочи и осмысливать их и отметил Горький в одном письме ко мне (от 1930 года), где он писал:

«Очень ярко вспомнился визит мой в Горки летом, кажется, 1920 года. Жил я в то время вне политики, по уши в быту, и жаловался Владимиру Ильичу о засилии мелочей в жизни. Говорил, между прочим, о том, что, разбивая деревянные дома на топливо, ленинградские рабочие ломают рамы, бьют стекла, зря портят кровельное железо, а у них в домах крыши текут, окна забиты фанерой и т. д. Возмущала меня и низкая оценка рабочими продуктов своего же труда. «Вы, Владимир Ильич, думаете широкими планами, до вас эти мелочи не доходят». Он промолчал, расхаживая по террасе, и я упрекнул себя: напрасно надоедаю пустяками. А после чая пошли мы с ним гулять и он сказал мне: «Напрасно думаете, что я не придаю значения мелочам, да и не мелочи это — отмеченная вами недооценка труда, — нет, конечно, не мелочь: мы бедные люди и должны понимать стоимость каждого полена и гроша. Разрушено много, надобно очень беречь все то, что осталось, что необходимо для восстановления хозяйства. Но как обвинить рабочего за то, что он еще не осознал, что он уже хозяин всего, что есть? Сознание это явится не скоро и может явиться только у социалиста». Говорил он на эту тему весьма долго, и я был изумлен тем, как он много видит «мелочей» и как поразительно просто мысль его восходит от очень ничтожных бытовых явлений к широчайшим обобщениям. Эта его способность, поразительно точно разработанная, всегда изумляла меня. Не знаю человека, у которого анализ и синтез работал бы так «гармонично».

«Беседуя со мной на Капри о литературе тех лет, он замечательно четко характеризовал писателей моего поколения, беспощадно и легко обнаруживал их сущность. Ильич хорошо знал русскую литературу. Она была для него орудием познания жизни. И чем полнее, всестороннее, глубже отражали художественные произведения жизнь, чем проще они были, тем больше ценил их Ильич».

Владимир Ильич, близко познакомившись с Горьким в 1907 г. на лондонском партийном съезде, наблюдал там его, поговорил с ним и как-то душевно сблизился с ним.

Интересны письма Ильича к Горькому во время второй эмиграции. Образ Ильича, как человека, особенно ярко выступает в этих письмах. Ильич пишет Горькому с резкой прямоотой о том, с чем он не согласен, что его волнует, заботит. Ильич обычно так писал товарищам, но в письмах к Горькому есть особый оттенок. Пишет он часто очень резко, но в этой резкости много и какой-то особой мягкости. Письма пишутся всегда под непосредственным впечатлением какого-нибудь факта, в них много эмоциональности, ярко отражена тревога, тяжесть некоторых переживаний, радость, надежда. Ильичу казалось, что Горький очень хорошо все это понимает. И всегда хотелось также Ильичу убедить Горького в правильности своих взглядов. Он горячо защищал их.

В письмах Ленина к Горькому видна забота Ильича о нем. Все знают, как внимательно относился Ильич к людям, умел заботиться о них. И Алексей Максимович сам неоднократно писал об этом. Отмечали это и все.

Заботило Ильича здоровье Алексея Максимовича, он постоянно спрашивал о нем, давал советы лечиться непременно у первоклассных врачей, соблюдать режим («прижим», как говорил в шутку Ильич), — не работать по ночам.

В эмиграции Ильич очень тяготился тем, что придется мало видеть рабочих. Правда, в эмиграции было много рабочих, но они обычно быстро устраивались на работу и жили уже местными французскими или швейцарскими интересами, и жизнь в эмиграции очень быстро накладывала на них свой отпечаток. Поэтому он всегда был рад общению с рабочими, приезжавшими за границу ненадолго. Ильич особенно доволен был работой с рабочими из Каприйской школы, с учениками партийной школы в Лонжюмо. В 1913 году предпола-

гался приезд в Поронино (в Галиции, поблизости от Кракова) рабочих депутатов.

Горький на Капри еще меньше имел случаев общения с русскими рабочими, и Ильич ясно себе представлял, как это ему тяжело. Он стал его звать в Поронино. «Если здоровье позволит, махните-ка, ненадолго, право! После Лондона и школы на Капри повидали бы еще рабочих».

У меня сохранилось одно письмо Ильича от июня 1919 года. Я ездила тогда на агитационном пароходе «Красная Звезда». Писала Ильичу о первых своих впечатлениях, и Ильичу пришло в голову, что хорошо бы и Горького пустить так поездить. «Я запросил телеграммой,— писал он,— нельзя ли на «Красной Звезде» дать каюту для Горького, который приедет сюда завтра. И я очень хотел бы вытащить его из Питера, где он изнервничался. Надеюсь, ты и другие товарищи будете рады ехать с Горьким, он парень очень милый».

Я мало видела Ильича вместе с Горьким. На лондонском съезде я не была. На Капри не ездила, а в Париже, в Москве, в Горках, когда к нам приезжал Алексей Максимович, я всегда старалась смыться, чтобы дать им поговорить по душам, с глазу на глаз.

Ленинградская правда, 1932, 24 сентября

НА ПОРОГЕ ОКТЯБРЯ

Было бы ошибкой думать, что Октябрьская революция произошла стихийно. С другой стороны, не меньшей ошибкой было бы думать, что переворот был произведен путем заговора. Октябрьская революция была сочетанием громадного революционного подъема масс и четкого руководства этим движением со стороны большевистской партии.

В России до 1861 года существовало крепостное право. Страна была земледельческая, царило в ней мелкое отсталое земледелие, промышленность была развита слабо — потому слаб и неорганизован был пролетариат. Рабочее движение стало развиваться лишь с 90-х годов.

Революционное движение до 90-х годов не опиралось на массы. Оно шло по линии анархизма, с одной стороны. Анархисты все свои надежды возлагали на крестьянство, призывали его к восстанию, говорили, что не нужно никакой власти. Это движение не имело успеха.

Крестьяне восставали местами против помещиков, но восстания эти подавлялись каждый раз. С другой стороны, революционное движение шло по другому руслу — по линии создания заговорщической организации, действовавшей путем террора. Это были народовольцы. Их геройская борьба против царизма не опиралась на массы. Она цели не достигла.

Возникшее в России в начале 90-х годов рабочее движение сразу примкнуло к международному рабочему движению. Международное рабочее движение на Западе имело уже большой революционный опыт, имело таких гениев, как Маркс и Энгельс, показавших, куда идет общественное движение. Учение Маркса освещало путь, по которому должна идти борьба. Она уже шла не вслепую, а шла планомерно.

Передовые русские революционеры учли опыт международного революционного движения, стали последователями учения Маркса и начали борьбу. Это помогло им быть подлинными руководителями рабочего движения.

Ленин с самого начала все свои надежды возлагал на рабочий класс, в 1894 г. еще писал он в «Друзьях народа», что «русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции». Это предсказание оправдалось в 1917 г.

Ленин, как и Маркс и Энгельс, придавал огромное значение вопросам организации. Анархисты, выражавшие точку зрения мелкой буржуазии, недооценивали роли организации. Народовольцы организацию ценили, но они суживали ее до заговорщической, вопрос об организации масс во весь рост поставили только марксисты, они ставили вопрос так: необходима крепкая революционная организация рабочего класса, необходимо твердое правильное марксистское руководство той организацией, руководство всем движением.

Ленин был не только крупнейшим теоретиком, но и крупнейшим организатором, сумевшим провести в жизнь эту марксистскую установку. И не случайность, что на II съезде партии в 1903 г. раскол между большевиками и меньшевиками произошел именно по организационному вопросу. Ленин проделал громадную работу по организации партии рабочего класса, по организации рабочего движения. Он вникал в каждую мелочь, вслу-

шивался в то, что говорят рабочие, крестьяне, солдаты, всматривался в их жизнь и обдумывал, как наилучше подойти к ним, вовлечь их в движение. Целый ряд высказываний Ленина посвящен организационным вопросам. Он знал — победоносная коммунистическая революция требует планомерной организации.

Сквозь призму революционера-организатора изучал Ленин опыт Великой французской революции, опыт революции 48 г., опыт Парижской коммуны. Не раз говорил он о том, что слабостью Парижской коммуны было то, что она возникла стихийно. С особым вниманием изучал он в истории Великой французской революции якобинское движение, опиравшееся на массы и умевшее организовать отпор контрреволюции.

Приехав в апреле месяце в Россию, Ильич развернул громадную агитационную работу. «Долой разбойничью войну» было тем лозунгом, около которого сплачивались массы. Влияние рабочего класса и партии большевиков быстро росло. Рабочий класс повел за собой крестьянство, повел за собой армию.

Захват власти в Октябре был партией пролетариата, большевистской партией всесторонне обдуман и подготовлен. В июльские дни стихийно началось восстание. Но партия считала это восстание несвоевременным, сохранила всю трезвость мысли. Надо было смотреть правде в глаза. Массы не были еще готовы к восстанию. ЦК решил задержать восстание. Трудно было сдерживать восставших тем, кто сам рвался в бой, трудно это было делать большевикам. Но они исполнили свой долг, понимая, какое громадное значение имеет правильный выбор момента восстания.

Прошла пара месяцев. Ситуация изменилась. И Ильич, который вынужден был скрываться в Финляндии, пишет между 12 и 14 сент. письмо в ЦК, петроградскому и московскому комитету: «Получив большинство в обоих столичных Советах Рабочих и Солдатских Депутатов, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки». И далее он доказывает, почему именно теперь надо брать власть. Питер собирались отдать. Это ухудшило бы шансы на победу. Намечался сепаратный мир между английскими и немецкими империалистами. «Именно теперь предложить мир народам — значит победить», — писал Ильич. В письме к ЦК он подробно говорит о том, как определять момент восстания и как готовить его: «Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор,

не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на революционный подъем народа. (Разрядки мои.— Н. К.) Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой переломный пункт в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее колебания в рядах врагов и в рядах слабых, половинчатых, нерешительных друзей революции. Это в-третьих». В конце письма Ильич писал, что надо сделать, чтобы отнестись к восстанию по-марксистски, т. е. как к искусству. «А чтобы отнестись к восстанию по-марксистски, т. е. как к искусству, мы в то же время, не теряя ни минуты, должны организовать штаб повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку, занять Петропавловку, арестовать Генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и к дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города; мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, наметить наш штаб восстания у Центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т. д.

Это все примерно, конечно, лишь для иллюстрации и того, что нельзя в переживаемый момент остаться верным марксизму, остаться верным революции, не отнесясь к восстанию, как к искусству».

Ильич страшно волновался, сидючи в Финляндии, что будет пропущен благоприятный момент для восстания*.

7 октября пишет он Питерской городской конференции, пишет тогда же в ЦК, МК, ПК и членам Советов Питера и Москвы — большевикам, 8-го пишет письмо к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области — волнуется, дойдет ли это письмо, и 9-го уже приезжает сам в Питер, поселяется нелегально в Выборгском районе и оттуда руководит подготовкой восстания.

Весь, целиком, без остатка жил Ильич этот последний месяц мыслью о восстании, только об этом и ду-

* В рукописи зачеркнуто: «...не получая ответа, 29 сент. писал даже заявление о своем выходе из ЦК, стал писать воззвание к рабочим, крестьянам и солдатам о необходимости свергнуть правительство Керенского, которое тогда, однако, он не послал никуда, метался, мучился». — Сост.

мал, заражал товарищей своим настроением, своей убежденностью.

Исключительную важность имеет последнее письмо Ильича из Финляндии большевикам, участвующим в областном съезде Советов Северной области. Вот оно:

«Вооруженное восстание есть особый вид политической борьбы, подчиненный особым законам, в которые надо внимательно вдуматься. Замечательно рельефно выразил эту истину Карл Маркс, писавший, что вооруженное «восстание, как и война, есть искусство».

Из главных правил этого искусства Маркс выставил:

1) Никогда не играть с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что надо идти до конца.

2) Необходимо собрать большой перевес сил в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.

3) Раз восстание начато, надо действовать с величайшей решительностью и непременно, безусловно переходить в наступление. «Оборона есть смерть вооруженного восстания».

4) Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны.

5) Надо добиваться ежедневно хоть маленьких успехов (можно сказать: ежечасно, если дело идет об одном городе), поддерживая во что бы то ни стало «моральный перевес».

Маркс подытожил уроки всех революций относительно вооруженного восстания словами «величайшего в истории мастера революционной тактики Дантона: смелость и еще раз смелость».

В применении к России и к Октябрю это значит: одновременное, возможно более внезапное и быстрое наступление на Питер, непременно и извне, и изнутри, и из рабочих кварталов, и из Финляндии, и из Ревеля, из Кронштадта, наступление всего флота, скопление гигантского перевеса сил над 15—20 тыс. (а может, и больше) нашей «буржуазной гвардии» (юнкеров), наших «вандейских войск» (часть казаков) и т. д.

Комбинировать наши три главные силы: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и ценой каких угодно потерь были удержаны: а) телефон, б) телеграф, в) железнодорожные станции, г) мосты в первую голову.

Выделить самые решительные элементы (наших «ударников» и рабочую молодежь, а равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и для участия их везде во всех важных операциях, например:

Окружить и отрезать Питер, взять его комбинированной атакой флота, рабочих и войска,— такова задача, требующая искусства и тройной смелости.

Составить отряды наилучших рабочих с ружьями и бомбами для наступления и окружения «центров» врага (юнкерские школы, телеграф и телефон и пр.) с лозунгом: «погибнуть всем, но не пропустить неприятеля».

Будем надеяться, что в случае, если выступление будет решено, руководители успешно применяют великие заветы Дантона и Маркса.

Успех и русской и всемирной революции зависит от двух-трех дней борьбы».

Это письмо было написано 21-го (8-го), а 22-го (9-го) Ильич был уже в Питере, а на следующий день было уже собрание ЦК, где он провел резолюцию о вооруженном восстании. Зиновьев и Каменев высказались против и потребовали созыва экстренно Пленума ЦК. Каменев заявил о выходе своем из ЦК. Началась подготовка восстания. 26-го (12-го) октября Исполком Петроградского Совета вынес постановление об образовании Военно-революционного комитета. 29 (16-го) было расширенное заседание ЦК с представителями партийных организаций, 30 (17-го) проект организации Военно-революционного комитета был утвержден не только Исполнительным комитетом Петроградского Совета, но Советом в целом. Еще через 5 дней собрание полковых комитетов признало Петроградский военно-революционный комитет руководящим органом военных частей Петрограда и постановил не подчиняться приказам штаба, не скрепленным подписью Военно-революционного комитета. 5 ноября (23 октября) ВРК уже назначил комиссаров в воинские части. На следующий день, 6 ноября (24 октября) Временное правительство решило предать суду членов ВРК, арестовать назначенных в воинские части комиссаров, вызвало юнкерские училища к Зимнему дворцу. Но было уже поздно, воинские части были за большевиков, рабочие были за переход власти к Советам, ВРК работал под непосредственным руководством ЦК, большинство членов ЦК — в том числе Сталин, Свердлов, Молотов,

Дзержинский, Бубнов и др. входили в ВРК*. Тов. Бубнов рассказывает, что была выделена особая тройка — Свердлов, он и Сокольников, которая должна была следить за вокзалами, они ездили по ночам по вокзалам, следили за мостами. Тов. Бубнов рассказывает, как засыпал Владимир Ильич их вопросами, как расспрашивал о всех мелочах, требовал сугубой проверки всего, как сердился, если не получал точного, конкретного ответа на свои вопросы**. 6 ноября (24 октября) Ильич ушел в Смольный, чтобы непосредственно руководить восстанием. 25 октября разворачивалось широко вооруженное восстание, штурм Зимнего дворца, куда скрылось под защиту юнкеров Временное правительство. Глава его — Керенский — сбежал, чтобы начать вооруженную борьбу против петерского пролетариата. С бурным ликованием встретило экстренное заседание Петроградского Совета известие о том, что Зимний дворец взят, Временное правительство арестовано, бурно приветствовало оно пришедшего на заседание Ленина. Поздно ночью только, когда не было уж никаких сомнений в одержанной победе, ушел Ильич из Смольного ночевать к Бонч-Бруевичам, жившим неподалеку, на Песках. Ему отвели отдельную комнату, но долго не мог заснуть, тихонько встал ночью и стал составлять давно уже продуманный со всех сторон декрет о земле. Я эту ночь также ночевала у Бончей, хотела повидать Ильича. Утром, за чаем прочел он нам написанный ночью декрет. Никаких пышных слов в нем не было, был он написан совсем просто, но то, что в нем было написано, означало глубочайший переворот всех прежних классовых отношений. Земля без всякого выкупа переходила в руки трудящихся, из рук помещиков вырывалось орудие эксплуатации крестьянских масс. С ранней молодости страстно думал Ильич над этим вопросом, обдумывал пути достижения этой цели. Только рабочий класс, взяв

* В рукописи зачеркнуто: «...туда входили Сталин, Свердлов, Троцкий, Молотов, Дзержинский, Крыленко, Подвойский, Бубнов, Антонов-Овсеенко, Ф. Раскольников и ряд других видных большевиков». — *Сост.*

** В рукописи зачеркнуто: «Владимир Ильич, причесав в Выборгском районе, две недели фактически руководил из подполья подготовкой вооруженного восстания. Эти две недели я видела его каждый день. Я знала его установку, знала о подготовке восстания. У меня не было ни минуты сомнений в том, что восстание необходимо. Я работала в Выборгском районе, настроенном особо революционно, все время имела дело с рабочими, работницами». — *Сост.*

в свои руки власть, сможет раскрепостить крестьянство от ига помещиков. Такой путь считал Ленин единственно правильным, единственно осуществимым. И вот рабочий класс власть взял — и первым актом его является организация Советской власти, власти нового типа, провозглашение мира, предложение кончить братоубийственную бойню и передача всей земли без выкупа трудящимся. Жизнь доказывала правильность взятой линии.

Осталось в памяти позднее ночное заседание 26-го. Съезд Советов обсуждал все вышеназванные декреты. Помню, как ночью на заседании съезда Советов Ильич читал декрет о земле. Просто, без пафоса всякого. Но напряженно слушала аудитория. Неподалеку от меня сидел какой-то крестьянского вида человек. Его лицо от волнения стало каким-то прозрачным, восковым, только светились глаза*.

Декреты были приняты. Они должны были сплотить массы около Советской власти. Но предстояла еще громадная работа по организации этой власти, власти, еще небывалой во всем мире, совершенно новой по типу.

15 лет существует Советская власть. Помещики и капиталисты были в октябре разбиты наголову. Они подняли знамя гражданской войны, привели себе на помощь и немцев, и англичан, и французов, вместе с ними разоряли страну, грабили ее, вырезывали, расстреливали население, не щадя никого, ни стариков ни детей. Рабочие и крестьянские массы выросли в этой борьбе, стали понимать лучше, глубже классовую сущность борьбы. Прогнав врагов, принялись массы, под руководством партии, перестраивать всю жизнь по-новому. Труд-

* В рукописи зачеркнуто: «Выступая в защиту декрета, Ленин говорил: „Здесь раздаются голоса, что сам декрет и наказ составлен социалистами-революционерами. Пусть так. Не все ли равно, кем он составлен, но как демократическое правительство, мы не можем обойти постановления народных низов, хотя бы мы с ним были не согласны. В огне жизни, применяя его на практике, проводя его на местах, крестьяне сами поймут, где правда. И если даже крестьяне пойдут и дальше за социалистами-революционерами и если они даже этой партии дадут на Учредительном собрании большинство, то и тут мы скажем: — пусть так. Жизнь — лучший учитель, а она укажет, кто прав, и пусть крестьяне с одного конца, а мы с другого конца будем решать этот вопрос. Жизнь заставит нас сблизиться в общем потоке революционного творчества, в выработке новых государственных форм. Мы должны следовать за жизнью, мы должны предоставить полную свободу творчества народным массам... Суть в том, чтобы крестьянство получило твердую уверенность в том, что помещиков в деревне больше нет, пусть сами крестьяне решают все вопросы, пусть сами они устраивают свою жизнь”» — *Сост.*

ное это дело, пролагать тут надо новые тропы. И эта борьба за весь новый и сложный строй социализма развертывается все шире, идет все более вглубь. Мы знаем — дело строительства социализма будет доведено до конца.

*Из фондов Центрального партийного архива ИМЛ при ЦК КПСС **

КАК ПОДГОТОВЛЯЛАСЬ ПРОГРАММА ПАРТИИ

Первый проект программы русских социал-демократов был составлен группой «Освобождение труда» с Плехановым во главе еще в 1887 г. Проект этот был написан тогда, когда еще массовое рабочее движение не развернулось у нас в России. Проект требовал гораздо большей конкретизации ряда вопросов.

В период подготовки I съезда партии Владимир Ильич, который придавал очень большое организующее значение программе, пробовал в 1896 году — в разгар стачек текстилей — прислать из тюрьмы проект популярно изложенной программы, рассчитанный на широкие рабочие круги. К программе приложено было «Объяснение программы». Этот проект программы был тогда отгектографирован, но широко нигде не обсуждался. Первый съезд собрался в 1898 году. Но ни программы, ни устава партии на I съезде партии принято не было.

Обдумывая в ссылке результаты I съезда, Владимир Ильич пришел к заключению, что надо немедленно взяться за разработку программы. Он написал тогда, в 1899 г., статью «Проект программы нашей партии», в которой указывал на **организующее** влияние программы, на то, что она идейно объединит разрозненные социал-демократические организации, сблизит их между собой.

Не формально только надо объединиться, надо было объединиться для того, чтобы действовать по одному общему плану, всем одновременно бить в одну точку, идти вместе, с открытыми глазами, ясно видя, куда идешь.

В статье «Проект программы нашей партии» Ленин предлагает взять за основу «Проект программы русских

* В октябре 1932 г. Н. К. Крупской была написана для иностранной печати статья «Подготовка Октября», которая затем была опубликована в «Правде» (1932, 21 октября) под заголовком «На пороге Октября». Эта статья, дополненная и переработанная, вошла в «Воспоминания о В. И. Ленине» Н. К. Крупской под названием «Октябрьские дни» (М., 1988, с. 312—337). Публикуется вариант статьи.

социал-демократов», изданный группой «Освобождение труда» в 1887 г., но вносит в нее ряд очень важных добавлений и поправок.

В чем заключались эти поправки?

Прежде всего Владимир Ильич говорил, что необходимо изменить характер построения программы. Во главу угла программы надо было, по его мнению, поставить вопрос о развитии капитализма у нас в России, о развитии, с одной стороны, класса буржуазии, с другой стороны — о развитии рабочего класса, о том, что непременно идет **«рост нищеты, гнета, порабощения, унижения эксплуатации»**. В это время как раз немецкие оппортунисты с Бернштейном во главе, а за ними и наши русские оппортунисты, утверждали, что при капитализме чем дальше он развивается, тем лучше становится жить рабочим. Отсюда вытекало, что с капитализмом и бороться нечего. Поэтому-то Ильич и настаивал на том, что надо непременно вставить эти слова Маркса и особенно подчеркнуть, как тяжело, трудно живется нашему рабочему и крестьянину в условиях капитализма. Это необходимо сказать потому, что «многие склонны идеализировать положение рабочих, видеть все в розовых красках». Этой точной характеристикой неизбежности возмущения рабочих мы отгородим себя от тех половинчатых людей, которые, сочувствуя пролетариату и требуя «реформ» в его пользу, стараются занять «золотую середину» между пролетариатом и буржуазией, между самодержавным правительством и революционерами. А отгородиться от этих людей именно в настоящее время особенно необходимо, если стремиться к единой и сплоченной рабочей партии, ведущей решительную и бесповоротную борьбу за политическую свободу и за социализм.

При этом Владимир Ильич подчеркивал, что, говоря об основных задачах социалистов и рабочего класса, надо резко подчеркнуть особенности России, которые заключаются, во-первых, в наших политических задачах (борьба с самодержавием) и средствах борьбы (нелегальная работа), а во-вторых, в необходимости борьбы против всех остатков патриархального докапиталистического режима, еще более ухудшающих положение трудящихся масс, а в связи с этим поставить своеобразно и вопрос о **крестьянстве**, которое, оставаясь мелким собственником, в то же время страдает исключительно тяжело от царского режима. Владимир Ильич никогда не

идеализировал крестьянство, он подчеркивал всегда, что крестьянин хотя «мелкий», но все же собственник и психология у него собственническая, кругозор его узок, но у нас в России царское правительство так жмет, так разоряет его, что крестьянство выдвигает из своей среды борцов с самодержавием, и так как крестьянство тесно связано у нас с рабочим классом, то оно в деле борьбы с самодержавием может пойти за рабочим классом. Необходимо, писал Ильич, чтобы рабочая партия поставила на своем знамени поддержку крестьянства (отнюдь не как класса мелких собственников и мелких хозяев), поскольку это крестьянство способно на революционную борьбу против остатков крепостничества вообще и против абсолютизма в частности.

Владимир Ильич писал, что, говоря о классовой борьбе пролетариата, надо особенно подчеркивать конечную цель — переход в общественную собственность всех средств производства и замена капиталистического производства социалистическим, — указать на международный характер рабочего движения, на то, что классовая борьба пролетариата носит политический характер и ее ближайшая цель — завоевание политической свободы.

Статья «Проект программы нашей партии» была написана в 1899 году, 34 года тому назад, за 4 года до II съезда партии. Тогда эту статью не удалось опубликовать, но она очень важна, она бросает свет и на все те споры, какие велись потом в редакции «Искры», особенно между Плехановым и Лениным, и на те споры, которые были на съезде партии по вопросу о программе, Ильич хотел, чтобы программа четко и ясно определяла классовый характер партии, самостоятельную историческую роль пролетариата, как единственного до конца революционного класса, который только и способен на последовательную революционную борьбу за социализм. Он хотел, чтобы программа партии, учитывая русские условия, была бы как можно более ясна, написана ярким революционным языком, чтобы каждое ее слово звало к революционной борьбе. Представленные же в редакцию «Искры» Плехановым два проекта программы (Плеханов сначала представил один проект, затем после критики его со стороны Ильича и замечаний некоторых членов редакции переделал его и представил второй проект) не удовлетворяли этим требованиям.

Плеханов не выставлял в своих проектах программы основного положения марксизма о том, что переход

от капитализма к социализму совершится только **через диктатуру пролетариата**. Он говорил, что для осуществления социализма «пролетариат, поддерживаемый другими слоями населения, эксплуатируемого высшими классами, должен иметь в своих руках политическую власть». И только благодаря решительной борьбе Ильича с Плехановым и с другими членами редакции «Искры» против такой расплывчатой формулировки, в проекте, представленном «Искрой» II съезду, был четко сформулирован пункт о диктатуре пролетариата. В нем говорилось: **необходимое условие... социальной революции составляет диктатура пролетариата, т. е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплуататоров.**

В конце концов то, о чем писал Ильич в 1899 г. и за что он боролся в «Искре», нашло отражение в программе партии на II съезде и большевики руководствовались ею вплоть до того времени, как власть перешла в руки пролетариата и совершенно новые задачи встали перед партией.

Ленинградская правда, 1933, 30 июля

НАДО РАБОТАТЬ ПО-ЛЕНИНСКИ

Особо ярко встают в памяти те установки, которые давал Ленин в первый период существования Советской власти. Первые недели ушли на непосредственную борьбу за власть, на организацию ее защиты, на борьбу с саботажем, на организацию власти на борьбу за мир, на широкую пропаганду основ Советской власти. Лишь после ликвидации попыток через Учредительное собрание заменить Советскую власть буржуазно-демократической республикой, лишь после заключения Брестского мира выдвинулся со всей силой вопрос об очередных задачах, стоящих перед Советской властью. Этому вопросу посвящен ряд статей и речей Владимира Ильича, относящихся к марту — маю 1918 года.

11 марта 1918 г. Ленин написал статью под заглавием: «Главная задача наших дней». В этой статье Ильич писал по поводу Брестского мира: «Не надо самообманов. Надо иметь мужество глядеть прямо в лицо неприкрашенной горькой правде. Надо измерить целиком, до дна, всю ту пропасть поражения, расчленения, порабощения, унижения, в которую нас теперь столкнули. Чем яснее мы поймем это, тем более твердой, зака-

ленной, стальной делается наша воля к освобождению, наше стремление подняться снова от порабощения к самостоятельности, наша непреклонная решимость добиться во что бы то ни стало того, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной». И далее: «Русь станет таковой, если отбросит прочь всякое уныние и всякую фразу, если, стиснув зубы, соберет все свои силы, если напряжет каждый нерв, натянет каждый мускул.

Идти вперед по этому пути, не падая духом от поражений, собирать камень за камушком прочный фундамент социалистического общества, работать не покладая рук над созданием дисциплины и самодисциплины, над укреплением везде и всюду организованности, порядка, деловитости, стройного сотрудничества всенародных сил, всеобщего учета и контроля за производством и распределением продуктов — таков путь к созданию мощи военной и мощи социалистической».

В марте — апреле 1918 г. Ленин пишет брошюру «Очередные задачи Советской власти», где подробно расшифровывает содержание этого пути. Он писал в ней о новом фазисе борьбы за всенародный учет и контроль, о повышении производительности труда и его высшей организации, о роли в повышении производительности труда образовательного и культурного подъема масс населения. **«УЧИТЬСЯ РАБОТАТЬ — ЭТУ ЗАДАЧУ СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ ДОЛЖНА ПОСТАВИТЬ ПЕРЕД НАРОДОМ ВО ВСЕМ ЕЕ ОБЪЕМЕ»**, — писал Ильич в этой брошюре. Он писал о том, что последнее слово капитализма в этом отношении — система Тейлора, указывал, что надо из нее взять и что отбросить. «Советская республика во что бы то ни стало должна перенять все ценное из завоеваний науки и техники в этой области. Осуществимость социализма определится именно нашими успехами в сочетании Советской власти и советской организации управления с новейшим прогрессом капитализма. Надо создать в России изучение и преподавание системы Тейлора, систематическое испытание и приспособление ее». О соцсоревновании писал Ильич, о необходимости сочетания подъема сознательности масс с беспрекословным повиновением масс единой воле руководителей грудового процесса. О социалистической форме демократизма писал Ленин в этой брошюре, о связи Советов с массами, о воспитании социалистического отношения к труду.

Перед Советской властью стояли задачи громадной

значимости, надо было пролагать новые пути их осуществления, никакого исторического опыта тут не было.

На съезде Советов народного хозяйства, имевшего место в конце мая 1918 г., Ленин говорил:

«Из всех социалистов, которые об этом писали, не могу припомнить ни одного известного мне социалистического сочинения или мнения выдающихся социалистов о будущем социалистическом обществе, где бы указывалось на ту конкретную практическую трудность, которая встает перед взявшим власть рабочим классом, когда он задается задачей превратить всю сумму накопленного капитализмом богатейшего, исторически неизбежно-необходимого для нас запаса культуры и знаний и технически превратить все это из орудий капитализма в орудие социализма. Это легко в общей формуле, в абстрактном противоположении, но в борьбе с капитализмом, который не умирает сразу и тем более бешено сопротивляется, чем ближе к смерти,—это задача величайшего труда».

«Мы не должны забывать,—говорил дальше Ленин,— что впервые подошли к такому предварительному пункту истории, когда новая дисциплина товарищеской связи, дисциплина советская, вырабатывается на самом деле миллионами трудящихся и эксплуатируемых. На быстрые успехи в этом мы не претендуем, не рассчитываем. Мы знаем, что это дело займет целую историческую эпоху. Мы начали ту историческую эпоху, когда в стране буржуазной еще мы разбиваем дисциплину капиталистического общества, разбиваем и гордимся тем, что все сознательные рабочие, все решительно трудовое крестьянство всемерно помогают разрушению и когда в массах добровольно, по их собственному почину, растет сознание того, что они эту основанную на эксплуатации и рабстве трудящихся дисциплину должны заменить не по указке сверху, а по указанию своего жизненного опыта, заменить новой дисциплиной объединенного труда, дисциплиной объединенных организованных рабочих и трудовых крестьян всей России, страны с десятками и сотнями миллионов населения. Эта задача гигантской трудности».

...Во всей своей дальнейшей деятельности Ленин все более и более конкретизировал те мысли, которые он развивал весной 1918 г. в брошюре «Очередные задачи Советской власти».

Условия, в которых пришлось работать Ленину — гражданская война, интервенция, необходимость хотя

бы на старой основе выбраться из голода и нищеты, не дали Ленину возможности придать делу такой размах, которого он хотел.

...Партия требует дальнейшей перестройки всей работы в духе требований, выставленных Лениным.

Ленинградская правда, 1934, 21 января

ПРИСЛУШИВАТЬСЯ К МАССЕ

Все знают, какое громадное значение придавал Владимир Ильич печати. На протяжении всей своей работы он страстно боролся за расширение партийной печати, за расширение ее влияния. Мне вспоминаются первые собрания, когда у нас, революционных марксистов, не было еще даже своей нелегальной печати, когда стали выпускаться лишь первые листовки, напечатанные на гектографе.

В те времена, в девяностые годы, была очень затруднена связь с рабочими массами, и сведения, печатанные в листовках, не всегда были проверены. Так, на одном заводе была выпущена листовка, в которой требовалось, чтобы в субботу работа оканчивалась в 12 часов, а этого требовать нечего было, так как и без этого работа кончалась в субботу в 12 часов. Получился порядочный скандал, дискредитация листовочной агитации.

Владимир Ильич старался каждого товарища, каждого автора листовки с пристрастием допросить, о чем он будет писать. Помню, как однажды тов. Запорожец, который был связан с сапожной фабрикой за Московской заставой, с азартом говорил: «За все штраф хозяева берут, каблук на сторону посадил — сейчас же с тебя штраф». Владимир Ильич рассмеялся и сказал: «Ну, каблук-то на сторону сажать не след...» Надо писать о таком штрафе, когда виноват хозяин, а штрафует он рабочих. Это в гораздо большей степени вызывает негодование рабочих.

Если товарищ говорил, что о том-то будет писать, то Владимир Ильич допрашивал — откуда он узнал, где он это слышал.

Каждое собрание, где обсуждалась такая листовка, превращалось в очень глубокое обсуждение того, что и как нужно писать в данный момент для того или иного слоя рабочих.

Потом, когда осенью 1895 г. наметился выпуск нелегальной газеты и было приступлено к составлению пер-

вого номера, каждая статья обсуждалась со всех сторон.

Владимир Ильич не только сам взвешивал, насколько нужна, интересна массам та или другая статья, он старался организовать кадры помощников, которые проверяли детально по его указаниям, насколько находит в рабочей массе отклик то, что предполагалось дать в газете.

Такой подход к массам характерен был для Владимира Ильича.

Помню, как уже в советское время, когда обдумывался переход к нэпу, он попросил Мих. Ивановича Калинина завести разговор на эту тему с крестьянами — делегатами съезда Советов, а сам сел в уголок и стал слушать, как и о чем делегаты будут говорить. Владимиру Ильичу хотелось слышать, как прямо, не стесняясь будут говорить делегаты. Он умел, говоря с рабочими, расшевелить их, вызвать их на то, чтобы они говорили, что они действительно чувствуют и переживают. Это умение слушать, вслушиваться в то, что говорят рабочие и работницы, делало все статьи Владимира Ильича необыкновенно близкими рабочим, хотя они были написаны иногда трудным языком, сложно построенными фразами. Отдельные слова может быть были рабочим непонятны, но самый вопрос Владимир Ильич всегда умел поставить таким образом, что он становился особенно близким и особенно понятным массам. Поэтому рабочие, читая его листовки, читая его статьи, находили там именно то, что их волновало. Это умение слушать массу характерно для наиболее крупных политических деятелей.

Особенностью у Ильича является то, что он умеет выдвигать самое существенное, улавливать то, что человека больше всего волнует, ухватываться за то звено, которое помогает вытащить всю цепь.

Ленин считал, что в газете чрезвычайно важно брать наиболее характерные факты и освещать их светом теории.

Как пример, как надо связывать теорию с практикой, возьмем первую листовку Владимира Ильича о Первом мая. Эта листовка особенно показывает, как можно, не говоря никаких мудреных слов, освещать очень глубоко те факты, которые волнуют рабочих. Мне кажется, что молодым редакторам, которые работают в газете, особенно надо учиться умело подбирать факты и освещать, связывая с теорией. Для этого надо мно-

гому учиться, и поэтому мне кажется, что чрезвычайно важно, чтобы около каждой газеты создавались кружки, группы, которые занимались бы марксизмом-ленинизмом, которые читали бы и обсуждали, какие именно факты надо выбирать, какие факты с точки зрения роста социалистического строительства имеют наибольшее значение.

Сейчас особенно надо всматриваться в жизнь, разбираться во всей многосторонности тех процессов, которые совершаются.

Часто бывает так, что увлечется редактор какой-нибудь одной стороной и весь в нее погрузится, не замечает, что в данную минуту волнует рабочего. В связи с этим я хочу остановиться на одной стороне работы Ленина как редактора. Ленин старался собирать около газеты очень большой актив, не десяток каких-нибудь сотрудников, а создавать очень большой коллектив, причем он не только формально создавал его, но работал с ним, инструктировал его, учил писать о том, о чем надо. Что больше всего ненавидел Владимир Ильич в газетах — это шаблон. Старые редактора любили подстричь корреспонденции, статью под одну гребенку. Требовали, чтобы употреблялись одни и те же фразы, выражения. Владимир Ильич считал, что надо непременно давать авторам и рабочим корреспондентам говорить своим языком, своими словами, подходить к вопросу не с того конца, с какого принято. Пристрастие к шаблону очень остро чувствовалось, когда приходилось жить за границей. Возьмем канун 1905 года. Материалы для нелегальных газет обыкновенно проходили через комитетчиков. И вот они, считая, что такой сырой материал не стоит посылать, начинали его «обрабатывать». Помню, как свирепел Владимир Ильич, когда вместо конкретного, живого материала, который он так страстно ждал из России, приходил препарированный материал, где говорилось шаблонными фразами о том, что работа «налаживается».

Владимир Ильич сердито вновь и вновь писал в Россию, что нужно посылать живой, конкретный, необработанный материал, важно, чтобы материал был написан так, как человек воспринимает факты, как их переживает. А когда стригут все под одну гребенку, когда перекладывают живые корреспонденции на казенный язык — материал теряет интерес.

Ленинградская правда, 1935, 12 мая

СЕМЬЯ

Надежда Константиновна Крупская родилась 14 (26) февраля 1869 г. в Петербурге. «Родители хотя и были дворяне по происхождению,— писала она,— но не было у них ни кола, ни двора, и когда они поженились, то бывало нередко так, что приходилось занимать двугривенный, чтобы купить еды». Как указывалось в послужном списке Константина Игнатьевича Крупского, «родового и благоприобретенного недвижимого имущества и имений за ним, его родителями и женой не значится». И отец и мать Н. К. Крупской рано остались сиротами, оба были определены на казенный счет в закрытые учебные заведения, где прошли их детство и юность.

К. И. Крупский происходил из беспоместных дворян Виленской губернии. Отец его, Игнатий Каликстович Крупский,— кадровый офицер, выходец из разорившейся дворянской семьи, которая в период Отечественной войны 1812 г. лишилась своего имущества и переселилась в Казанскую губернию. Там и родился К. И. Крупский в 1838 г. В 1846 г. его отец вышел в отставку в чине майора и вскоре умер.

В 1849 г. Крупский был определен в Новгородский кадетский корпус, где проучился пять лет. По окончании корпуса он был переведен в Петербург, в Дворянский полк, через год преобразованный в Константиновский кадетский корпус. В это учебное заведение принимались в основном дети обедневших и беспоместных дворян, и поэтому оно отличалось некоторой демократичностью в постановке учебного процесса и повседневного быта. Не случайно среди видных революционеров 60—70-х гг. было немало воспитанников Константиновского кадетского корпуса: Я. Домбровский, З. Падлевский, А. А. Потемня, П. И. Огородников. С двумя последними Крупский дружил. В корпусе с 1855 г. существовал революционный кружок. Можно предположить, что Крупский входил в него,— по словам дочери, отец еще в ка-

детском корпусе познакомился с произведениями Н. П. Огарева, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Некрасова и других прогрессивных писателей и сложился как революционер. Увлечение запрещенной литературой в кадетском корпусе было всеобщим.

В мае 1857 г. по окончании Константиновского кадетского корпуса девятнадцатилетний подпоручик К. И. Крупский получил назначение в Смоленский полк 7-й пехотной дивизии, расквартированной в Королевстве Польском, входившем тогда в состав России. Около восьми лет прослужил он в полку, был свидетелем и участником многих событий.

В связи с отменой крепостного права почти по всей России в мае—июне 1861 г. начались волнения. Возникла тайная революционная организация—первая «Земля и воля» (1861—1864 гг.). Местные организации «Земли и воли» имелись в Петербурге, Москве, Казани и других городах. Филиальной организацией «Земли и воли» являлся и работавший в русской армии во время польского восстания 1863 г. «Комитет русских офицеров в Польше» под руководством А. А. Потемни.

Имеющиеся документы дают основание сделать вывод, что К. И. Крупский был одним из руководителей тайной революционной организации в Смоленском пехотном полку.

В январе 1863 г. в Польше началось восстание против царского самодержавия. Русская офицерская организация пыталась действовать по плану, согласованному со штабом повстанцев, но осуществить это не удалось из-за антирусских националистических настроений части руководителей восстания. Русские офицеры, сочувствовавшие повстанцам и готовые поддержать их, подверглись внезапному нападению польских отрядов и вынуждены были, помимо своей воли, участвовать в боевых действиях против них. В таком положении оказался и К. И. Крупский, получивший вместе с двумя другими отрядами приказ окружить главные силы повстанцев. Н. К. Крупская вспоминала: «Когда он был еще совсем молодым офицером, ему пришлось участвовать в подавлении польского восстания, но усмиритель он был плохой, выпускал пленных поляков, помогал им бежать и вообще старался, чтобы побед царской армии над восставшими против невыносимого гнета русского царизма было меньше», он «помогал побегам поляков, отводил свою роту в сторону, за что его чуть не пристрелил унтер».

По окончании этой военной кампании в конце мая 1864 г. Крупский был назначен участковым военным начальником в Кельце для осуществления аграрной реформы, которую царское правительство было вынуждено проводить в связи с польским восстанием. Согласно аграрной программе крестьяне освобождались от сословной зависимости и становились полноправными собственниками земли, находившейся в их пользовании.

1 апреля 1866 г. Крупский «за труды, понесенные по приведению в действие» постановления от 19 апреля 1864 г. «Об устройстве крестьян в Царстве Польском» был награжден «серебряной медалью для ношения на груди на Александровской ленте». Однако он был на подозрении у начальства из-за либерального отношения к повстанцам. Когда же в полк пришел запрос о связи Крупского с отбывающим наказание П. И. Огородниковым и находящимся под следствием И. В. Шацким, которые являлись членами революционной офицерской организации, командование в 1865 г. отстранило его от должности участкового военного начальника и поставило вопрос об увольнении из армии по политическим мотивам. Но за недостаточностью улик дело было прекращено.

В 1866 г. Крупский подал рапорт с просьбой направить его для сдачи экзаменов в Военно-юридическую академию. Командование не возражало, просьба была удовлетворена, — это давало избавление от нежелательного офицера.

Мать Надежды Константиновны, Елизавета Васильевна Тистрова, родилась в 1841 г. в многодетной семье подполковника корпуса горных инженеров Василия Ивановича Тистрова. В раннем детстве она лишилась родителей и в 1850 г. вместе со старшей сестрой была определена в число воспитанниц Павловского института благородных девиц в Петербурге, где обучались сироты — дети офицеров. Институт был закрытым учебным заведением. Воспитанниц обучали языкам — французскому и немецкому, литературе, истории, не особенно утруждали математикой, учили рукоделию — вышиванию, вязанию, шитью. Девочка была очень способной, и учеба давалась ей легко.

Успешно закончив институт в 1858 г., семнадцатилетняя Лиза стала работать гувернанткой. В 1864 г. она поехала домашней учительницей в далекую Виленскую губернию, в семью помещицы Русановой. «Это был период временно обязанных, когда нельзя было крестьян

истязать прямо,— писала Н. К. Крупская. — Но все еще держалось старым крепостным строем. У матери остались сильнейшие впечатления от пребывания в этой деревне. Отец этой помещицы практиковал следующее: когда какая-нибудь подневольная крепостная... не хотела становиться его любовницей, то ее избивали до полусмерти, а затем зашивали в мешок, сыпали зерно и пускали индюков, которые заклевывали насмерть». «За два года, пока она жила в гувернантках у помещицы, мать вдоволь насмотрелась, как обращались помещики с крестьянами, какое это было зверье»,— писала впоследствии Н. К. Крупская.

Смоленский полк, в котором служил Константин Игнатьевич Крупский, квартировал недалеко от поместья Русановых. Молодые люди познакомились в имении помещицы и полюбили друг друга. В апреле 1868 г. в Петербурге они поженились. Елизавета Васильевна разделяла революционные взгляды мужа; в их доме часто бывали революционеры и, забегаая вперед, отметим, что когда дочь, повзрослев, вступила на путь революционной борьбы с самодержавием, то мать не осуждала ее и не препятствовала ее деятельности, а позднее и сама восприняла идеи марксистов. «Она сочувствовала тому, что я стала революционеркой, и помогала»,— вспоминала Н. К. Крупская. Е. Б. Крупская очень любила дочь и всю жизнь была вместе с ней, делила с ней все трудности и тревоги нелегкой жизни революционера и по возможности старалась облегчить ее жизнь. Н. К. Крупская писала о матери: «Была она близким товарищем, помогавшим во всей работе. В России во время обыска прятала нелегальщину, носила товарищам в тюрьму передачи, передавала поручения; она жила с нами и в Сибири, и за границей, вела хозяйство, охаживала приезжавших и проходящих к нам товарищей, шила панцири, зашивая туда нелегальную литературу, писала «скелеты» для химических писем и пр. Товарищи ее любили... Она уж никого, бывало, не отпустит голодным, о каждом позаботится».

К. И. Крупский успешно сдал вступительные экзамены и 15 августа 1867 г. был зачислен в Военно-юридическую академию. Здесь ему предстояло проучиться два года. В Петербурге Крупский возобновил старые связи и завел новые, «был связан с литературным кружком чернышевцев, примыкавшим к поэтам «Искры». Отец всегда очень много читал,— вспоминала Н. К. Крупская,— не верил в бога, был знаком с социалисти-

Свидетельство

Симъ свидѣтельствуя что Церковь Русская
Тверская, что при Александровскомъ Соборѣ, а
Екатеринославскій и митрополитскій Соборъ въ 1869 году
въ 1 часъ о рожденіи сына: у состоящаго
въ чинѣ Крѣпостной Архивнаго Капитана
Константина Игнатьева Крупскаго и законной
его жены Елизаветы Васильевны, обоихъ Православнаго
исповѣданія и отъ перваго ихъ брака дочь
Надежда родилась крѣпостною Пылаемъ
и средною крѣпостною Анриемъ и сына
Александромъ и Степаномъ Зельмановъ; при
рожденіи ихъ воспріявшими отцы: Помощникъ
Прокурора Екатеринославскаго Военно-Юридическаго
наша Свѣдѣтельница Монахиня Крупская
и Помощница Помощника Митрополита
Свѣдѣтельница Свѣдѣтельница Пылаемъ
и сына Александръ Васильевичъ Анриемъ 14: дня
1869 года. Свѣдѣтельница Пылаемъ Свѣдѣтельница
Александръ Васильевичъ.

(с. п.) Дьяконъ Александръ Ивановъ
Свѣдѣтельница Анна при митрополитскій соборъ
Дьяконъ Иванъ Поповъ.

Въ свѣдѣтельствѣ подписаны:

Свидетельство о рождении Н. К. Крупской

ческим движением Запада, был типичным шестидесятником, связанным с революционными кругами».

Зимой 1869 г. у Крупских родилась дочь. В сохранившемся в архиве свидетельстве читаем: «... у состоящего в Военно-юридической академии капитана Константина Игнатьева Крупского и законной его жены Елизаветы Васильевны, обоих православного исповедания, и от первого их брака дочь Надежда родилась

четырнадцатого февраля... тысяча восемьсот шестьдесят девятого года...»

В июне 1869 г. Крупский сдал выпускные экзамены; для академического начальства, по-видимому, не были секретом его передовые взгляды, вероятно, это и было одной из причин того, что он был выпущен из академии по 2-му разряду с правом занимать только гражданские административные должности. Это означало увольнение из армии и переаттестацию в гражданский чин коллежского асессора. 3 февраля 1870 г. Крупский был назначен начальником Гроецкого уезда Варшавской губернии. «Он считал, что в Польшу должны ехать служить честные люди... — писала Н. К. Крупская, — решил поехать служить в Польшу, которая тогда была своеобразным революционным центром, связанным с границей. Участники польского восстания Домбровский и Врублевский были генералами Парижской коммуны, Домбровский погиб на баррикадах, Врублевский входил в I Интернационал, руководимый Марксом и Энгельсом. Отец, державший связь с I Интернационалом, повел ярую борьбу с русским чиновничеством».

Дело в том, что в Гроецком уезде, как и во всей Польше, проводилась политика великодержавного шовинизма. «Царское чиновничество издевалось над поляками и евреями, — писала Н. К. Крупская. — Отец прекратил все эти безобразия, он завел больницу, поставил ее образцово, преследовал взяточничество, чем заслужил ненависть жандармерии и русского чиновничества и любовь населения, особенно поляков и еврейской бедноты».

Начальники уездов в Польше занимались теми же вопросами, что и земские учреждения в России после земской реформы 1864 г.: забота о дорогах, школах, больницах, разрешение на создание маслобоек, сыроварен, ссудно-сберегательных касс, борьба с эпидемиями, осуществление земского сбора, земской статистики и т. п. Еще в период службы в армии Крупский изучал польский язык, любил польский народ, его культуру.

В должности начальника уезда Крупский прослужил более двух с половиной лет (с февраля 1870-го по сентябрь 1872 г.). «Вскоре на отца посыпались всякие анонимные доносы», — писала Крупская. В сентябре 1872 г. его неожиданно вызвали в Варшаву и отстранили от должности. «Он был признан неблагонадежным, уволен без объяснения причин и предан суду (на него возвели 22 преступления: говорит по-польски, танцует

мазурку, не зажжена была в царский день в канцелярии иллюминация, не ходит в церковь...)). Был даже такой пункт обвинения: «Дочь говорит по-польски».

Более полугода тянулось следствие. Дело Крупского слушалось в Варшавской судебной палате в январе 1873 г. Он отказался от адвоката и защищался сам. Из 22 обвинений за недоказанностью отпало 21. Варшавская судебная палата признала К. И. Крупского виновным в «превышении власти» и «присудила его к замечанию и к возмещению судебных по делу издержек»; его лишили права занимать государственные должности.

В период следствия и суда над Крупским семья жила в Варшаве и очень бедствовала. После суда в 1874 г. Крупский с женой и пятилетней дочерью вернулся в Россию. Не имея права поступать на государственную службу, он «брался за ту работу, которая попадалась: был страховым агентом, ревизором фабрики, вел судебные дела и т. п. Мы переезжали вечно из города в город, и мне пришлось видеть очень много людей всякого рода, наблюдать, как живут разные слои населения», — писала дочь.

Как «неблагонадежного», Крупского нигде на работе долго не держали, и поэтому приходилось часто переезжать с места на место. Но тем не менее он продолжал активно участвовать в демократическом движении. «Я росла в революционной среде... В доме у нас постоянно, пока был жив отец, бывали революционеры (сначала нигилисты, потом народники, потом народовольцы)... — писала Н. К. Крупская. — Когда шел разговор о революционной работе, меня обычно усылали что-нибудь купить в лавочке или давали какое-нибудь поручение. Все же разговоров революционных я наслушалась достаточно, и, конечно, сочувствие мое было на стороне революционеров». Впоследствии, в кругу товарищей по работе в Наркомпросе, она говорила, что семья завела ту пружину, которая заставила ее стать революционеркой.

Н. К. Крупская уже в детстве много повидала. Запомнился ей такой случай. Шестилетняя Надя ехала с отцом и матерью зимой в помещичьей кибитке из Русанова. Здесь, в имении помещицы, детей которой Е. В. Крупская когда-то учила, Надя жила с матерью, пока отец искал работу. Кучер не захотел свернуть с дороги и опрокинул встречные сани с пустым гробом. Собрались крестьяне всей деревни, «нас чуть не убили... приняв за помещиков, избили ямщика и сулились спу-

стить в прорубь,—вспоминала Н. К. Крупская. — Отец не винил крестьян, а потом в разговоре с матерью говорил о вековой ненависти крестьян к помещикам, о том, что помещики эту ненависть заслужили». Вспоминная Русаново, Н. К. Крупская писала: «Я была на стороне крестьян. Слова отца запомнила на всю жизнь, и понятно, почему потом, будучи взрослой, я стояла за конфискацию помещичьих земель и передачу земли крестьянству».

Так же рано узнала Крупская о том, как жили рабочие. Когда ее отец служил ревизором на фабрике Говарда в Угличе, он часто рассказывал о безобразиях, которые там творятся, об эксплуатации рабочих. Надя дружила с фабричными ребятами, ходила с ними на писчебумажную фабрику и иногда часами сидела и складывала стопы оберточной бумаги, вместе с работницами пела песни и сортировала тряпку. «Я рано поняла, что такое самовластие царских чиновников, что такое произвол,—вспоминала она. — Когда я выросла, я стала революционеркой, борющейся против царского самодержавия».

Родители много внимания уделяли дочери и часто говорили между собой о проблемах воспитания. «Слушая их, я пришла к убеждению, что детям надо предоставить как можно больше самостоятельности, как можно меньше опекать их,—вспоминала Крупская. — Я весьма рьяно отстаивала свои ребячьи права. Мне разрешалось читать, что я хочу, дружить, с кем я хочу, не ходить в гимназию, если мне не хочется, и т. д. Поэтому я советовалась о том, что мне читать, не пользовалась правом не ходить в гимназию и т. д.».

Сначала Надя училась дома, у матери. Рано научилась читать, книги были для нее большой радостью: «Я глотала книжку за книжкой, они открывали передо мной целый мир». В 1877 г., когда семья Крупских жила в Киеве, восьмилетняя Надя училась в школе на Крещатике. В сентябре 1879 г. она поступила в VI класс Екатерининской женской гимназии в Петербурге, но там ей было плохо: класс большой, человек 50, классная дама все свое внимание обращала на детей состоятельных родителей, и, хотя Надя усердно учила уроки и была развитее других, ненормальная обстановка и природная стеснительность не позволяли ей проявить себя. Проучившись здесь год, она перешла в V класс Литейной гимназии, но по болезни не окончила его. Обе гимназии по постановке воспитания и образования были

Одна из детских книг, написанных Е. В. Крупской

гимназию выдающийся педагог А. Я. Герд, талантливый популяризатор дарвинизма, он привлек к преподаванию передовых учителей, которые давали ученицам хорошие знания и прививали навыки самостоятельной работы. В этой гимназии учили по расширенному учебному плану и углубленным программам. Здесь Наде нравилось, «учиться было очень интересно». Любимыми ее предметами были история, география, литература, математика, увлекалась и естествознанием.

В гимназии Крупская подружилась с Сашей Григорьевой, дочерью революционерки-народоволки. «С Сашей мы сдружились,—вспоминала Крупская.— Она заботилась обо мне и особенно о том, чтобы помочь мне стать революционеркой, доставала для меня романы Михайлова-Шеллера, раздобыла мне в собственность книжку о нидерландской революции, заботилась, чтобы я бывала на вечеринках, которые устраивала ее мать для своих друзей-революционеров... У них в доме бывал раньше Желябов, всегда у них хранилась нелегальная литература. У них было много всякого народу. Мы с Сашей с раннего детства много слышали о революционном движении... Саша переписывала для меня целые тетрадки стихотворений Огарева и Полежаева...»

К. И. Крупский в течение ряда лет упорно боролся

типичными казенными учебными заведениями того времени с характерными для них муштрой и бездушием. Родители, видя, как мучается девочка, перевели ее в сентябре 1881 г. в III класс частной женской гимназии княгини А. А. Оболенской. Гимназия считалась передовым учебным заведением. Уже в советские годы Крупская, с добрым чувством вспоминая гимназию, писала, что «руководство было из людей, примыкавших к «Земле и воле» 60-х годов, и где училось много детей тогдашних ее участников». Возглавлял

за отмену несправедливого приговора, и наконец в апреле 1880 г. уголовный кассационный департамент Сената рассмотрел «жалобу бывшего начальника Гроецкого уезда коллежского асессора Крупского на приговор Варшавской судебной палаты по обвинению его в преступлении по должности». Подсудимый защищался сам. Суд решил: «...бывшего начальника Гроецкого уезда коллежского асессора Константина Крупского считать по суду оправданным, а приговор Варшавской судебной палаты отменить». После оправдания Крупский прожил всего три года. Тяжелая нужда, неуверенность в завтрашнем дне, постоянные переезды, неустроенность, влажный петербургский климат подорвали его здоровье. В ночь на 24 февраля 1883 г., на 45-м году жизни, он скончался от туберкулеза легких.

«Когда отец умер, пришлось думать о заработке», — вспоминала Крупская. Пенсия, назначенная за отца, — всего девять рублей в месяц — была так незначительна, что на нее невозможно было прожить вдвоем. Будучи ученицей V класса гимназии, Надя начала заниматься перепиской рукописей, давала уроки. «Так как я была первой ученицей, — писала она, — то получила урок через гимназию. Это занятие было не из сладких. Родители побогаче смотрели на учительницу свысока, вмешивались в занятия».

Гимназию Крупская окончила в 1886 г. «На окончательных испытаниях показала во всех предметах успехи отличные, — говорилось в решении педагогического совета гимназии. — В среднем выводе имеет 5. Из необязательных предметов занималась французским языком с успехами отличными. Получает аттестат об окончании полного гимназического курса и вторую золотую медаль».

Педагогическая деятельность, о которой мечтала Надя Крупская, требовала специальной подготовки, поэтому после окончания семилетнего гимназического курса она поступила в педагогический VIII класс гимназии, специализируясь по русскому языку и математике. О. А. Яковлева (впоследствии она вместе с Крупской работала учительницей вечерне-воскресной школы для рабочих), встречавшая Крупскую в последний год учебы в гимназии, вспоминала: «Уже тогда Надежда Константиновна приворожила меня к себе своей простотой, ясностью и глубиной мысли, человечностью, умением подойти к людям. Ее умение сплотить подруг-одноклассниц вызывало во мне молчаливое восхищение». В мае

1887 г. Крупская окончила педагогический класс с дипломом на звание домашней наставницы. На всю жизнь у Надежды Константиновны сохранились добрые чувства к гимназии: «Она дала мне много знаний, умение работать, сделала меня общественным человеком».

«Я мечтала о том, чтобы стать по окончании гимназии учительницей в школе, но никак не могла найти места»,— писала Крупская. Руководство гимназии, помня о блестящих успехах Надежды Константиновны, предложило ей вести репетиторскую работу в пансионе при гимназии. Педагогический коллектив позже высоко оценил ее работу: «...домашняя наставница Надежда Константиновна Крупская в течение двух лет занималась по вечерам с десятью ученицами гимназии княгини Оболенской, живущими в состоящем при сей гимназии пансионе М. Г. Герстфельд,—говорилось в удостоверении, выданном Крупской 20 мая 1889 г. педагогическим советом гимназии.—Успехи ее учениц свидетельствуют о выдающихся педагогических способностях ее, основательности ее познаний и крайне добросовестном отношении к делу».

В эти же годы она преподавала и в профессиональной школе, где девочек обучали кройке и шитью. Для повышения своей педагогической квалификации Крупская посещала уроки в петербургских городских начальных школах и школах Политехнического общества, где преподавали опытные учителя.

Как и прежде, Крупской приходилось давать частные уроки. Ученицы любили свою учительницу. Она была с ними ласкова, справедлива и терпелива, умела просто и ясно объяснить то, что казалось им таким трудным и непонятным, Крупская обладала чудесным даром глубоко проникать в душу ребенка. Ученицы с нетерпением ожидали очередной встречи со своей любимой учительницей. «Стройная девушка с прекрасными серыми глазами, высоким лбом и длинной русой косой... приветливая и удивительно добрая» — такой запечатлелась она в памяти одной из ее учениц — М. К. Куприной-Иорданской, которую она готовила к поступлению во II класс гимназии. (После экзаменов девочка была принята вместо второго в третий класс,— так хорошо подготовила ее Крупская.) «На простых и обыденных житейских примерах Крупская заставляла учениц задумываться над окружающим, над тем, почему одни живут богато, а другие бедно, учила ненавидеть несправедливость и зло, воспитывала уважение к людям тру-

да», — вспоминала Куприна-Иорданская. Позже среди учениц Крупской была и дочь известного писателя В. Г. Короленко. Он очень высоко оценил педагогические способности Крупской. В письме к жене писатель сообщал о дочери: «Только то небольшое, что успела в 2—3 недели нагнать Надежда Константиновна, — у нее и есть в голове». Непродолжительные, но успешные занятия дали результаты. Через некоторое время Короленко с радостью сообщал жене: «Соня переведена без всяких переэкзаменовок».

Н. К. Крупская вспоминала впоследствии, что успехов в своей педагогической работе она добилась потому, что стала применять методы Л. Толстого: относиться к ребятам как к равным, внимательно слушать, что они говорят, чего они хотят, и скоро убедилась, что так именно и надо относиться к ребятам. «Я благодарна Толстому за то, что благодаря ему я испытала немало радости, — писала она, — узнала горячую детскую привязанность, испытала, что значит доверие ребят; узнала, как просто при известном отношении к ребятам добиться от них серьезного отношения к делу, помочь им добиться больших успехов в учебе». Отметим, что понятие относиться к ребятам как к равным было заложено у нее раньше всем воспитанием в семье.

КРУГ ЧТЕНИЯ

С детства чтение стало любимым занятием Нади Крупской. В возрасте семи-восьми лет она читала Пушкина и Некрасова, увлекалась журналом «Детское чтение» (кстати, Ленин тоже в детстве читал этот журнал), в девять лет познакомилась с произведениями Жюль Верна, в тринадцать открыла для себя свободную поэзию Лермонтова: «Особенно мне нравились «Мцыри» и «Демон». Я их знала наизусть. Почему мне так нравился Лермонтов, не знаю... Владимир Ильич также любил Лермонтова, но тоже как-то «стихийно». Привлекала нас в молодости, должно быть, смелость и сила чувства, которые так ярки у Лермонтова». Она вспоминала, что в ранней молодости перечитала всех классиков. Некрасов, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, позже — Тургенев, Толстой, Чернышевский, Белинский, Добролюбов стали ее любимыми писателями. Они заставили ее задуматься над вопросом, что делать, как жить. Среди всех писателей она особенно выделяла Не-

красова, его любила всю жизнь: «Некрасова я очень люблю... Первые стихи, которые я заучивала, были некрасовские. Некрасовский стих мне близок...» Считала, что Некрасов сыграл огромную роль в формировании убеждений ее поколения. Уже много позже, когда ее за революционную деятельность приговорили к ссылке, книги Пушкина, Лермонтова, Некрасова она взяла с собой в Сибирь.

Когда Крупской впервые рассказали о Владимире Ильиче, то характеризовали его как человека ученого, очень знающего марксиста, но интересующегося только общественными вопросами, в жизни не прочитавшего ни одного романа. И лишь когда они оказались вместе в ссылке, Надежда Константиновна узнала, что он много читал и очень любит литературу. Владимир Ильич рассказал, что, когда ему было четырнадцать-пятнадцать лет, он с увлечением читал Тургенева. Тогда ему очень нравился его рассказ «Андрей Колосов», где ставился вопрос об искренности в любви. «Мне тоже в эти годы очень нравился «Андрей Колосов»...— вспоминала Крупская,— нам, подросткам, приходилось наблюдать в окружающем мещанском быту, где еще очень распространены браки по расчету, очень большую неискренность». Тургенева и Ленин и Крупская перечитывали не раз.

«Позже и мне и Ильичу страшно нравилось «Что делать?» Чернышевского»,— писала Крупская. Ильич читал его впервые в гимназические годы. Когда в Шушенском стали говорить о Чернышевском, Крупскую удивило, в каких деталях знал Владимир Ильич этот роман Чернышевского.

Известно, какое влияние оказал Н. Г. Чернышевский на В. И. Ленина. В его работе «Что делать?» есть косвенное свидетельство об этом. «Говоря о периоде, предшествовавшем созданию партии,— писала Крупская,— о периоде между 1894 г. и 1898 г., когда рабочее движение стало быстро развиваться, приняло массовый характер, Ленин указывает на то, что молодежь, которая примкнула к этому движению, развилась и воспитывалась под обаянием революционной деятельности предшествующих революционеров и что ей стоило большой внутренней борьбы идейно высвободиться из-под их влияния и пойти по другому пути — по пути марксизма. В этой характеристике есть автобиографический момент». Далее Крупская отмечала, что поколение, о котором говорил Ленин, росло в обстановке, когда кру-

гом и в литературе, и всюду раздавалось только слово по отношению к крестьянской реформе. Чернышевский же сумел правильно оценить ее. Ленин отмечает, как пишет Крупская, что нужно было иметь гениальность Чернышевского, чтобы в самую эпоху крестьянских реформ дать ту оценку либерализма, которую дал он, вскрыть предательскую роль этого либерализма, его классовую сущность.

Крупская любила и знала наизусть много стихотворений поэтов «Искры» — русского сатирического журнала, издававшегося в Петербурге во второй половине XIX в. и занимавшего видное место в демократической печати того времени. Вокруг журнала объединилась группа поэтов-сатириков — братья В. С. и Н. С. Курочкины, Д. Д. Минаев, Г. Н. Жулев, — жестоко высмеивавших пережитки старых, крепостнических нравов. «Сатира того времени сделала свое дело, помогая нашему поколению с молоком матери впитывать ненависть к бюрократическому укладу», — писала Крупская. «Поэты «Искры», их сатира имели сильное влияние на наше поколение, — отмечала она в другом месте, — они учили всматриваться в жизнь, в быт и замечать в жизни „все недостойное, дикое, злое“». В статье «Поэты „Искры“» она вспоминала, что стихи Пушкирева, братьев Курочкиных, Д. Минаева переписывались и ходили по рукам, передавались из уст в уста. Это был своеобразный фольклор тогдашней разночинной интеллигенции, некоторые из них и не появлялись в печати. Сама Крупская хорошо помнила их и в последние годы своей жизни. По ее словам, поэты «Искры» учили разбираться в людях, они оказали сильнейшее влияние на ее оценку людей. Она отмечала впоследствии, что «литература вообще имеет громадное влияние, а сатирическая в особенности. На подрастающее поколение литература влияет особо сильно».

Крупская-подросток увлекалась не только литературой, но и театром. Это увлечение было настолько серьезным, что она, по собственному признанию, собиралась стать актрисой и «втихомолку даже подучивалась этому делу, да захватила общественная работа».

Из писателей, оказавших наиболее сильное влияние на формирование мировоззрения Крупской, в первом ряду необходимо назвать Л. Н. Толстого. Впервые она услышала о нем лет десяти, мать прочитала ей отрывки из «Войны и мира», где говорилось о Пете Ростове, о его смерти. Образ Пети сочетался у Нади с виден-

ной ею в тот год выставкой картин В. В. Верещагина. «С тех пор я стала любить Л. Толстого. Читать его я стала лет тринадцати, по многу раз перечитывала все его рассказы и романы...» Крупская признавалась, что Толстой открыл ей глаза на внутренние переживания людей, уничтожал представление о героях и толпе, показывал, что герой — такой же человек, как все. «Л. Толстой учил всматриваться... в жизнь, по мелочам воссоздавать картину целого... учил ненавидеть помещичий уклад, ненавидеть старый строй. Захватывала непримиримость Л. Толстого, его ненависть к мещанству, к пошлости, его искания».

Еще в период учебы Крупской в гимназии в периодической печати стали появляться отдельные главы резко обличительной работы Толстого «Так что же нам делать?», в которой он страстно клеймил господствующие классы за тунеядство и беспощадную эксплуатацию трудящихся, а трудовую интеллигенцию призывал делиться своими знаниями с широкими народными массами. Под впечатлением этой работы к Толстому обратились за советом, как применить свои знания и быть полезными, девушки, окончившие гимназию в Тифлисе. 17 декабря 1886 г. Толстой направил им ответ, который он затем называл «письмом к тифлисским барышням». В письме содержались основные выводы из его работы «Так что же нам делать?». Толстой напоминал бывшим гимназисткам о культурно-просветительном долге интеллигенции перед народом. «Вы спрашиваете дела, — писал он. — Кроме общего всем нам дела, — стараться уменьшить те труды, которые употребляются другими на поддержание нашей жизни... у приобретших знания есть еще одно дело: ...вернуть их назад тому народу, который воспитал нас». Затем Толстой изложил план по реформированию лубочной литературы, выпускаемой издательством И. Д. Сытина и имевшей широкое распространение в народе. Книги эти были полны фактических ошибок, написаны дурным языком, переводы иностранных произведений искажали смысл их подлинников. Толстой разъяснял девушкам: «Дело же, предлагаемое мною вам, следующее: взять одну, или несколько из этих книг — азбуку ли, календарь, роман ли... — прочесть и исправить, или вовсе переделать. Если вы исправите опечатки, бессмыслицы, там встречающиеся, ошибки и бессмыслицы исторические и географические, то и то будет польза... Если вы при этом еще выкинете места глупые или безнравственные, заменив

их такими, чтобы не нарушался смысл, это будет еще лучше. Если же вы, под тем же заглавием и пользуясь фабулой, составите свою повесть или роман с хорошим содержанием, то это будет уже очень хорошо... Степень пользы будет зависеть от той любви, которую вы положите в нее». Письмо Толстого «тифлисским барышням» было опубликовано ими 12 марта 1887 г. в тифлисской газете «Новое обозрение», а 21 марта 1887 г. его перепечатала петербургская газета «Новое время». Обращение Толстого нашло широкий отклик в среде тогдашней интеллигенции, взволновало оно и гимназистку Крупскую. Жаждавшая принести пользу народу, она 25 марта 1887 г. отправила писателю следующее письмо:

«Многоуважаемый Лев Николаевич!

Вы, в Вашем ответе на обращение к Вам тифлисских барышень с просьбою о деле, говорите, что у Вас есть для них дело — исправление насколько возможно книг, издаваемых для народа Сытиным.

Может, Вы дадите возможность и мне принять участие в их труде.

Последнее время с каждым днем живее и живее чувствую, сколько труда, сил, здоровья стоило многим людям то, что я до сих пор пользовалась чужими трудами. Я пользовалась ими и часть времени употребляла на приобретение знаний, думала, что ими я принесу потом какую-нибудь пользу, а теперь я вижу, что те знания, которые у меня есть, никому как-то не нужны, что я не умею применить их к жизни, даже хоть немножко заглядить ими то зло, которое я принесла своим ничегонеделанием, — и того я не умею, не знаю, за что для этого надо взяться...

Когда я прочла Ваше письмо к тифлисским барышням, я была так рада!

Я знаю, что дело исправления книг, которые будут читаться народом, дело серьезное, что на это надо много умения и знания, а мне 18 лет, я так мало еще знаю...

Но я обращаюсь к Вам с этою просьбою потому, что, думается, может быть, любовью к делу мне удастся как-нибудь помочь своей неумелости и незнанию.

Поэтому, если возможно, Лев Николаевич, вышлите и мне одну, две таких книги, я сделаю с ними все, что смогу. Лучше другого я знаю историю, литературу.

Простите, что я беспокою Вас своею просьбою, от-

рываю от дела... но ведь это займет у Вас не особенно много времени.

Н. Крупская».

Дочь Л. Н. Толстого, Татьяна Львовна, по поручению отца прислала Крупской для переделки роман Александра Дюма-отца «Граф Монте-Кристо» в издании Сытина. Выправив русский перевод непосредственно по французскому подлиннику, исправив композиционные извращения и смысловые искажения, Крупская 4 июня 1887 г. вернула Толстому исправленный текст, выполнив работу за очень короткий срок.

Однако такая деятельность не могла ее удовлетворить. Вопрос «Что делать?» продолжал стоять перед нею. Начался мучительный поиск пути, по которому надо идти, «чтобы изменить жизнь, уничтожить эксплуатацию». «Ниоткуда не слышала живого слова,— вспоминала Крупская,— в тогдашних книгах не находила ответа на волновавшие вопросы, и они глохли неразрешенные». Она понимала невозможность изменения существующего строя террором. Живо помнила вечер 1 марта 1881 г. (тогда ей было двенадцать лет), когда народовольцы убили бомбой царя Александра II. «Я всю ночь не спала,— вспоминала она.— Думала, что теперь, когда царя убили, все пойдет по-другому, народ получит волю. Однако так не вышло. Все осталось по-старому, еще хуже стало. Народовольцев перехватала полиция... Перехватывали и наших знакомых революционеров. Заглохла всякая общественная жизнь». В стране установилась свирепая политическая реакция.

В поисках ответа на вопрос «Что делать?» Крупская продолжает бывать на вечерах в семье своей гимназической подруги Саши Григорьевой, где собиралась радикальная публика, среди них и старые народовольцы. «С любопытством и благоговением смотрела я на них,— вспоминала Крупская,— прислушивалась к их речам, но в этих речах слышалась лишь усталость. Пели «Дубинушку», «Комарика», «Из страны в страну». А когда я спросила на такой вечерке одного старого народовольца, что надо делать, он стал мне развивать теорию «малых дел»: „Не нужно гнаться за невозможным, не нужно стремиться перевернуть все в корне — это невозможно, надо не гнаться за недостижимым, а делать то, что под руками: хорошо учить, помогать людям”».

Такая проповедь из уст старого народовольца, про-

сидевшего немало лет в тюрьме за борьбу с самодержавием, действовала угнетающе. После совета народовольца «словно в подвал меня посадили или вместо хлеба камень подали. Тут миллионы людей пропадают, кругом зло, кругом неправда, а я тем успокоюсь, что десяток людей грамоте выучу! Нет, не успокоюсь я этим!» — решила Крупская.

Крупская читает статьи Толстого «О труде и роскоши», «О переписи в Москве», «Обследование ночлежного дома», в которых ставилась проблема богатства и бедности в городе и в деревне. «Были годы глухой реакции,— вспоминала Крупская,— и страстная критика Л. Толстого рвала мертвое молчание, будила, не давая покоя». На нее произвело сильнейшее впечатление то, как Толстой резко критиковал роскошь и праздность. Увлечение молодой девушки, которую мучил вопрос «Что делать?», творчеством Толстого объясняется тем, что, как писал Ленин, он «...в своих последних произведениях обрушился с страстной критикой на все современные государственные, церковные, общественные, экономические порядки, основанные на порабощении масс, на нищете их, на разорении крестьян и мелких хозяев вообще, на насилии и лицемерии, которые сверху донизу пропитывают всю современную жизнь».

Крупская начала претворять в жизнь проповедь Толстого — физический труд и личное самоусовершенствование. «Все стала делать сама по дому, а летом исполняла тяжелую крестьянскую работу. Изгнала всякую роскошь из жизни, стала внимательной к людям, терпеливее. Но скоро я поняла,— вспоминала она,— что от этого ничего не меняется, и несправедливые порядки будут продолжать по-прежнему существовать, сколько бы я ни надрывалась над работой».

В Петербурге, в помещении издательства «Посредник», происходили собеседования толстовцев с радикалами. Крупская была там раза два и ушла разочарованная. Она не могла принять толстовства с его непротивлением злу, с его религиозным миропониманием. «Ни одной минуты я не была непротивленкой, «толстовкой» в настоящем смысле слова, но я глубоко благодарна Л. Толстому за то, что он помог мне научиться бесстрашно глядеть жизни в глаза. Я думаю, многим, очень многим помог Л. Толстой стать революционерами,— писала Крупская.— Такие писатели, как Чернышевский, Л. Толстой; Успенский; вошли в мою жизнь как что-то значащее».

В молодые годы Крупская увлекалась романом А. С. Пушкина «Евгений Онегин». В одном из писем в советские годы она вспоминала: «Евгений Онегин поучал Татьяну: «учитесь властвовать собой»,— и вот я решила тоже этому делу учиться. Как тяжело бы ни было, я старалась быть похожей на Татьяну:

Ей-ей, не то чтоб содрогнулась
Иль стала вдруг бледна, красна...
У ней и бровь не шевельнулась,
Не сжала даже губ она».

Умение «властвовать собою», рассказывала Крупская своей помощнице, личному секретарю В. С. Дридзо, очень и очень пригодилось ей на революционной работе.

Н. К. Крупская в детстве и юности перечитала многие произведения В. Г. Короленко; позже, в 1898 г., она лично познакомилась с писателем, который относился к ней с глубокой симпатией и уважением, что видно из его писем и дооктябрьского, и послеоктябрьского периодов. В свою очередь Крупская всегда с любовью относилась к Короленко и его творчеству. «В. Г. Короленко,— писала она,— один из любимых моих писателей. Из каждой строчки его сочинений видна его большая любовь к людям... В. Г. Короленко боролся горячо с безобразиями царского правительства...» В своих выступлениях в советские годы по вопросам педагогики Крупская горячо пропагандировала произведения Короленко — писателя-гуманиста. На титульном листе одной из книг о В. Г. Короленко, находившейся в библиотеке Крупской в Кремле, есть дарственная надпись: «С сердечным приветом автора дорогой Надежде Константиновне Крупской-Лениной на добрую память о встречах молодости душевно уважающий *Владимир Беренштам*».

Н. К. Крупская в письме В. Г. Сорину от 25 января 1927 г. писала, что, уже будучи революционеркой, она познакомилась с сочинениями Д. И. Писарева, когда ехала в ссылку в Шушенское: «Это было ранней весной, реки еще не разошлись, и мне пришлось недели две прожить в Красноярске. Я жила тогда у каких-то фельдшерниц и усердно читала Писарева, лежавшего у них на столе. Раньше я о Писареве только слыхала, а тут впервые стала читать его с увлечением... Писарев в соединении с Чернышевским и Марксом создавал особый тип радикализма,— писала Крупская,— которого никогда не знала Европа... Это была не старая показная нигилистичина, показная и крикливая. Но это был

глубокий внутренний разрыв со всем помещичье-буржуазным укладом, попытка создавать новые, не связанные никакими условностями, человеческие отношения».

Говоря о Ленине, Крупская отмечала, что он «принадлежал к поколению, которое росло под влиянием Писарева, Щедрина, Некрасова, Добролюбова, Чернышевского, революционно-демократической поэзии 60-х годов... Писатели-шестидесятники учили вглядываться в жизнь, подмечать пережитки старого, крепостнического уклада». К этому поколению принадлежала и Н. К. Крупская.

НАЧАЛО ПУТИ

Осенью 1889 г. в Петербурге вновь открылись ранее закрытые царским правительством Высшие женские (Бестужевские) курсы. «Я думала, что если поступлю в вуз, то узнаю, что надо делать, чтобы изменить жизнь, уничтожить эксплуатацию»,— вспоминала Крупская. Чтобы быть принятой на курсы, надо было представить свидетельство о благонадежности. В августе 1889 г. Крупская обратилась с этой просьбой в канцелярию петербургского градоначальника. 17 августа канцелярия в записке на имя директора курсов свидетельствовала, что «дел и сведений, компрометирующих Н. К. Крупскую в политическом отношении, не имеется». Крупскую зачислили, согласно ее заявлению, на историко-филологическое отделение, но посещала она занятия и математического отделения. Однако академические, оторванные от жизни лекции не могли удовлетворить Крупскую, жаждавшую «цельного мировоззрения». Она вспоминала: «Через пару месяцев я сильно разочаровалась в них (курсах.— С. М.). Увидела, что того, что мне надо, курсы мне не дадут, что там учат весьма ученым вещам, но очень далеким от жизни».

Тогда же, осенью 1889 г., еще будучи слушательницей курсов, Крупская установила связь с брусневской социал-демократической организацией, только начинавшей свою деятельность. «Вся жизнь показалась мне совсем в другом свете...— вспоминала она.— Они заставили меня понять, что вне марксизма я не найду ответов на те вопросы, которые в то время волновали меня, заставляли искать цельного мировоззрения, ответов на то, что должна я делать в жизни».

Бруснев не хотел ограничивать деятельность своих соратников только изучением теории, он мечтал о приме-

№ 110
С-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГРАДОУЧАЛНИНА
КАНЦЕЛАРИИ.

Оддѣленіе Начальникъ.

17 Августа 1888 года

№ 110

вруч.

Господину Начальнику
Высшихъ Женскихъ Курсовъ.

Вашею просьбою доверенъ Комиссариату
Ассесора Надежды Николаевны
Колотайкиной о выдаче свидѣтельства
объ исполненіи обязанностей
для поступленія на
высшіе женскіе курсы.

нѣтъ чего удивлять. Если Превосходительство,
что для и собственноручно, а не
въ подлинномъ отношеніи, въ Управленіи имѣть не чуждо.

М. Фриденбергъ,

Начальникъ его Курсы.

З. Машинъ, Управляющаго Канцеляріей

Машинъ

Свидѣтельство о благонадежности Н. К. Крупской

нении марксистской теории к российской действительности. «Меня сразу же, с первого же дня, захватили новые интересы. Всех интересовали, и так же интенсивно, те же вопросы, что и меня»,— вспоминала Крупская.

После одного общего собрания, на котором присутствовало человек сорок, решили разделить на кружки. Это было в начале 1890 г. Крупская вошла в кружок Я. П. Коробки, изучавший проблемы революционной этики. В кружке Крупская прежде всего познакомилась с книгой Миртова (П. Л. Лаврова) «Исторические письма», которая на нее, не знавшую теории марксизма, произвела сильное впечатление, так как в ней, по ее словам, ставились волновавшие ее общественно-политические вопросы. Впервые услышала она в кружке имена К. Маркса и Ф. Энгельса, слово «Интернационал», узнала, что существует целый ряд наук о законах развития общества, познакомилась с политической экономией. Позже она вспоминала, что «так увлеклась учением Маркса, что решила взяться всерьез за изучение марксизма. Это трудно было совместить с заработком, с учебой на курсах», поэтому в конце января 1890 г. курсы она бросила и вплотную взялась за изучение марксистской литературы. У либерального народника С. Н. Южакова, с которым она познакомилась в семье Григорьевых, Крупская взяла первый том «Капитала» К. Маркса, «Очерки первобытной культуры» Н. И. Зибера, «Развитие капитализма в России» В. В. (Воронцова), «Исследование Севера» А. Я. Ефименко и начала изучение «Капитала». «Я точно живую воду пила. Не в терроре одиночек, не в толстовском самоусовершенствовании надо искать путь. Могучее рабочее движение — вот где выход. Начинает вечереть, сижу с книгой на ступеньках крыльца, читаю: «Бьет смертный час капитализма: экспроприаторов экспроприруют». Сердце колотится так, что слышно... Думала ли я тогда, что доживу до момента «экспроприации экспроприаторов»? Тогда этот вопрос не интересовал меня. Меня интересовало одно: ясна цель, ясен путь. И потом, каждый раз, как взметывалась волна рабочего движения,— в 1896 г., во время стачки петербургских текстильщиков, 9 января в 1905 г., в 1912 г., во время ленинских событий, в 1917 г.— я каждый раз думала о смертном часе капитализма, о том, что на шаг эта цель стала ближе. Думала об этом смертном часе капитализма и на II съезде Советов, когда земля и все орудия производства объявлялись собственностью народа. Сколько еще шагов ос-

талось до цели? Увижу ли последний шаг? Как знать! Но это неважно! Все равно, теперь «мечта возможной и близкой стала». Она стала осязаемой. Неизбежность, неотвратимость ее осуществления очевидна для всякого. Агония капитализма уже началась».

Затем Крупская занимается (осень 1890 г.—весна 1891 г.) в кружке Р. Э. Классона, где более углубленно изучает «Капитал» Маркса. «Еще раз я прочитала «Капитал», на этот раз уже гораздо основательнее,—вспоминала она.—Прочитанное перерабатывалось и обсуждалось в кружке. У нас был на руках написанный вопросник, который значительно помогал работе».

Осенью 1891 г. Н. К. Крупская занималась в кружке, которым руководил сам М. И. Бруснев. «Я знала Бруснева, в кружок которого входила,—говорила Крупская.—Бруснев был чрезвычайно умным и каким-то необыкновенно простым человеком, целиком ушедшим в рабочее движение». Кружки Бруснева действовали во всех районах Петербурга. Брусневская группа делала попытку связаться с рабочим движением Петербурга. В 1891 г. состоялось открытое выступление рабочих-брусневцев. Когда в апреле 1891 г. умер видный деятель русского революционного движения Н. В. Шелгунов, около 100 рабочих—членов группы Бруснева—шли с венком за его гробом. Это было первое участие рабочих социал-демократов в политической демонстрации. Принимала участие в этой демонстрации и Крупская. Вскоре после этого рабочие брусневской группы провели первую в России маевку. Весной того же года Н. К. Крупская вместе с Л. К. Давыдовой посетила Н. А. Рубакина, по его воспоминаниям, чтобы приветствовать писателя.

Наряду с изучением марксистской литературы в кружках Крупская занималась и в Публичной библиотеке, где перечитала все, что было там из имевшего отношения к марксизму. Литература по марксизму была крайне бедна. Так, «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса она читала по каким-то рукописным тетрадкам, где не хватало середины и конца. Чтобы прочесть «Анти-Дюринг» Энгельса в подлиннике, она изучила немецкий язык, так как русского перевода тогда еще не было.

Все кружки, в которых занималась Крупская, были марксистские. В советские годы, просмотрев XVI том 2—3-го изданий Сочинений В. И. Ленина, Н. К. Крупская в замечаниях писала: «т. XVI, стр. 774 словарь-

указатель имен неверно сообщает относительно меня, что я была в каких-то народнических кружках».

В период работы в кружках Крупская написала отзыв на одну из книг Г. Спенсера, идеолога буржуазного либерализма, и передала его Р. Э. Класону, который, прочитав его, заметил: «У автора видно знание «Капитала», но видать также, что он не знает политических брошюр Маркса, не знает основного сочинения... „Коммунистического манифеста”». «Потом я не раз вспоминала это замечание,— говорила Крупская,— и поняла, как это было важно, действительно важно было изучать не только экономическое учение Маркса, но и подход Маркса к вопросам политики».

На формирование марксистского мировоззрения Крупской оказала большое влияние и нелегальная литература, издаваемая за границей группой «Освобождение труда» во главе с Г. В. Плехановым. Работы Плеханова с увлечением читались и горячо обсуждались в марксистских кружках того времени. В них впервые систематически излагались идеи марксизма в применении к России. По свидетельству Крупской, «Плеханов настойчиво пропагандировал марксизм в среде русских социалистов начиная с начала 80-х годов. Сделал он в этом отношении чрезвычайно много».

В процессе учебы в течение трех лет в марксистских кружках Крупская поняла, что «изменить жизнь может только рабочее революционное движение, что для того, чтобы быть полезной, нужной, надо отдавать все свои силы рабочему делу». В произведениях Маркса и Энгельса она нашла ответ на волновавшие ее вопросы. Марксизм помог ей понять цель, за которую надо бороться, и путь, которым надо идти. «Марксизм,— писала Крупская,— дал мне величайшее счастье, какого только может желать человек: знание, куда надо идти, спокойную уверенность в конечном исходе дела, с которым связала свою жизнь. Путь не всегда был легок, но сомнения в том, что он правилен, никогда не было».

Как только Крупская овладела марксистской теорией, как только стала раскрываться перед ней роль, которую рабочий класс должен сыграть в деле освобождения всех трудящихся, ее неудержимо потянуло в рабочую среду, к работе среди рабочих. «Хотелось... быть полезной» и «поскорее принять активное участие в рабочем движении». Сначала она обратилась к группе Бруснева с просьбой дать ей рабочий кружок, но «не-

легальные кружки рабочих тогда были немногочисленны,— вспоминала Крупская,— желающих вести кружки было гораздо больше, чем кружков, и мне, молчаливой, застенчивой девушке, тогда только начинавшей разбираться в вопросах марксизма, не было почти никакой надежды получить кружок». Тогда она попыталась получить кружок у народовольцев, пошла к М. С. Ольминскому с просьбой направить ее пропагандистом в рабочий кружок, но от нее потребовали принадлежности к партии «Народная воля». Крупская отвергла их предложение стать народоволкой, заявив, что она не может «отказаться от марксизма», так как считает «что социал-демократы стоят на более верном пути». «Очевидно было, что нужно искать самостоятельных связей с рабочими»,— вспоминала она. Крупская решила завязать связи с рабочими и вести среди них пропаганду марксизма, используя легальные возможности — Варгунинскую вечерне-воскресную школу на Шлиссельбургском тракте, в селе Смоленском, за Невской заставой. Не случайно избрала она Невскую заставу,— это был промышленный район Петербурга — типичная пролетарская окраина.

В Смоленской школе Крупская работала пять лет, с 1891 по 1896 г. Позднее она вспоминала: «Эти занятия на всю жизнь остались... одним из самых светлых воспоминаний, они дали мне чрезвычайно много в смысле понимания рабочей среды, рабочего быта. Эти годы совпали с годами, когда у меня складывалось и крепло марксистское миросозерцание».

Вечерне-воскресные школы в России появились в 50—60-х гг. XIX в. в связи с потребностями развивающегося капитализма в более квалифицированных рабочих. В них рабочих обучали лишь грамоте, четырем правилам арифметики и обязательно закону божьему. Это были единственно доступные для рабочего класса школы. Правительство и капиталисты надеялись сделать эти школы средством удержания масс в покорности, однако оппозиционно настроенные к правительству преподаватели школ брали дело в свои руки и старались пробудить у учащихся-рабочих классовое и политическое самосознание.

Работа в школе была бесплатной, а Крупская с матерью жили тогда бедновато, перебиваясь перепиской и частными уроками, которые носили случайный характер. Прочен был лишь вечерний урок при гимназии, но от него пришлось отказаться, так как его нельзя было

совместить с работой в вечерне-воскресной школе и посещением собраний.

Смоленская школа помещалась в самом центре рабочего района и вместе с женской и Обуховской школами вмещала около тысячи учеников-рабочих разной подготовки, начиная с безграмотных. Она существовала с 1883 г. и по количеству учащихся была самой крупной рабочей школой не только в России, но и на Западе, а по постановке учебной и методической работы — лучшей школой в России. В школе учились рабочие заводов Семянниковского и Александровского, текстильных фабрик Максвелля, Паля, Торнтонна, склада Громова, табачной фабрики «Лаферм» и других. Среди рабочих школа пользовалась большой популярностью.

Н. К. Крупская пришла в школу совсем молодой девушкой. Она горячо взялась за работу, много готовилась, очень старалась, жила успехами своих учеников, и рабочие полюбили эту учительницу с умным открытым взглядом, высоким лбом и длинной русой косой. Она вспоминала, как один из ее учеников, текстильщик Карасев, когда начал писать, написал ей: «Выучи грамоте — подарю на сарафан», в другой раз пожелал ей удаłego жениха. Крупская в своем отчете за 1891/92 учебный год о работе с неграмотной группой отмечала, что ученики были люди серьезные, их не привлекали исключительно выгоды грамоты, большинство искало более широких знаний, надеясь найти в школе объяснение многих вопросов, разрешить которые они были не в состоянии.

Рабочий класс России, подвергаясь беспощадной эксплуатации, искал правды в знаниях. «После каторжного 14-часового труда рабочие шли прямо в школу, без отдыха, без еды, — вспоминала учительница вечерне-воскресной школы М. С. Голубева. — Можете себе представить, какие усталые приходили они, с прокопченными мозолистыми руками. Не сгибающимися от ожогов пальцами они старательно выводили на бумаге буквы и слова. Нас поражали упорство, воля и тяга к знаниям этих изнуренных людей». Крупская рассказывала, как на ее вопрос, не тяжело ли заниматься после изнурительного рабочего дня, один рабочий ответил: «Нам нужно учиться, чтобы наши «благодетели» не заставили нас работать по 15 часов». Другой ученик, Ф. И. Бодров, писал о школе: «Я с братом Арсением записались и попали в группу учеников, которую вела Надежда Константиновна, где я и проучился 3 года. В одной

группе с нами занимались гг. Бабушкин, Боровков, Грибакин и Жуков. Воскресная школа оправдала наши намерения и желания, мы многому научились, а желания знать больше еще увеличились. Школа натолкнула на мысль: нужно учиться, чтобы бороться с эксплуататорами, помогать своим товарищам рабочим и крестьянам».

В школе тогда были такие нравы, вспоминала Крупская, что приехавший инспектор закрывал повторительную группу за то, что там проходили дробы, когда по программе полагалось лишь четыре правила арифметики, преподавание же десятичных дробей считалось слишком революционным. И тем не менее в школе можно было работать. Можно было говорить что угодно, не употребляя лишь «страшных» слов: «царизм», «стачка», «революция». «И мы... старались, не помяная имени Маркса, разъяснить ученикам марксизм». О. А. Яковлева, тоже работавшая в вечерне-воскресной школе, вспоминала, что «несмотря на такие рамки, строго ограничивающие каждое слово, сказанное в стенах рабочей школы, Надежда Константиновна умела обойти запреты и насытить свои занятия богатейшим революционным содержанием». Работая с учениками-рабочими, Крупская пришла к выводу, что марксизм был близок и понятен рабочим, ибо он выражал их кровные интересы. «Меня удивляло,— говорила она,— как легко было, стоя на почве марксизма, объяснить рабочим самые трудные вещи. Вся жизненная обстановка подводила их к восприятию марксизма». Если как революционер-марксист Крупская сформировалась в социал-демократической группе Бруснева, то первое испытание в качестве пропагандиста марксизма она прошла в вечерне-воскресной школе.

Летом 1892 г. брусневская организация была разгромлена. Под руководством оставшегося на свободе члена брусневской организации С. И. Радченко возникла новая марксистская группа, куда вошла и Н. К. Крупская. Члены группы вели пропаганду в узком кругу наиболее развитых рабочих.

К середине 90-х гг. в России созрели необходимые объективные условия для соединения научного социализма с рабочим движением. Вечерне-воскресная школа давала рабочим знания, расширяла их кругозор, будила их классовое самосознание и была источником для пополнения социал-демократических кружков. «Рабочие, входившие в организацию,— вспоминала Круп-

ская, — ходили в школу, чтобы приглядываться к народу и намечать, кого можно втянуть в кружки, вовлечь в организацию». Характеризуя влияние школы на политическое развитие рабочего, Крупская писала: «Смотришь, придет из деревни осенью паренек. Сначала во время уроков по «географии» и «русскому языку» затыкает уши и читает ветхий или новый завет Рудакова, а... к весне уже бежит после занятий в школе в кружок, о чем намекает с многозначительной улыбкой».

«Надежда Константиновна учила нас не только грамоте, она разъясняла нам политические вопросы... — говорил Ф. Жуков. — На курсы я пришел глубоко религиозным, слепо веруя в бога и царя. Курсы переродили меня. Из верующего фанатика я стал атеистом, из верноподданного — революционером, большевиком. Всем этим я обязан в первую очередь преподававшей на курсах Надежде Константиновне».

Крупская старалась так преподнести материал, чтобы он будил мысль рабочего, заставлял связать изучаемое с окружающей действительностью. Так, рабочий, профессиональный революционер В. А. Шелгунов вспоминал, что на уроках литературы она всегда выбирала таких авторов, которые больше всего говорили о положении рабочих и крестьян. «Мне особенно хорошо запомнилась ее лекция о Некрасове, — говорил он, — в которой она говорила о том, как крестьян эксплуатировали помещики и угнетало царское правительство...» Он вспоминал, что Надежда Константиновна на своих занятиях всегда говорила очень простым языком, так что рабочие ее лекции особенно охотно посещали.

Ученики школы писали сочинения, любимой их темой была «Моя жизнь». В сочинениях отображались яркие картинки крестьянской и рабочей жизни. Некоторые из них были в стихах. «Только учительницы да их знакомые читали эти повести тогдашних рабочих о днях их крестьянской и рабочей жизни. Усердно читал их Ильич», — писала Крупская.

Рабочий, ставший затем профессиональным революционером, И. В. Бабушкин также был учеником Крупской. В своих воспоминаниях о школе он писал: «Живое и смелое слово учительниц вызывало у нас особую страсть к школе... Приемы, употребляемые учительницами, мы отлично понимали и просто диву давались их уменью вызвать откровенность в каждом ученике: и горожанине, и фабричном, и деревенском. Каждое посещение все тесней и тесней сближало нас со школой и

учительницами, мы чувствовали необыкновенную симпатию к ним, и между нами зародилась какая-то родственная, чисто идейная близость».

До того как Крупская начала работать в школе, «общий тон, царивший там, был интеллигентски-народнический», а с приходом в 90-х гг. учителей-марксистов школа революционизировалась и превратилась в очаг политического просвещения рабочих, «в очаг революционной деятельности». Крупская была первым учителем-марксистом в школе. Пропаганду марксизма она вела умело и тонко. Так, до ее прихода в школу по четвергам проводились обычно чтения с «волшебным фонарем», на которых присутствовали все группы. Собиралось человек двести. Обычно читалась какая-нибудь беллетристика, вроде рассказа Л. Толстого «Бог правду видит, да не скоро скажет». Вместо этого Крупская предложила рассказывать рабочим о других странах: Швеции, Норвегии, Германии, Англии, Франции. Таким образом она хотела использовать преподавание географии для политического воспитания рабочего класса, стремилась познакомить слушателей с политическим строем и рабочим движением других стран. Крупская подготовила выступление о Швеции. В очередной четверг «волшебного фонаря» не было, на доске висела карта Швеции, а на скамьях плечом к плечу сидела многочисленная рабочая аудитория. Позднее Крупская писала: «В то время я была дико застенчива и с трудом начала свой доклад, но когда минут через пять решилась поднять глаза, увидела перед собой внимательные, оживленные лица,—я приободрилась и довела свой доклад до конца». Доклад рабочим понравился, вызвал между ними оживленные обсуждения, и многие из них в воскресенье подали учительницам сочинения на тему о Швеции. Ученик школы А. И. Дункен впоследствии писал: «Лекции по географии Н. К. Крупской... открывали глаза на многое. Каждый из нас убеждался, что должен бороться с монархией».

С того выступления Крупской «география» стала любимым предметом рабочих. На случай приезда инспектора ученикам раздавалась хрестоматия Баранова, раскрывалась страница, где нарисован был английский матрос в шапке с ленточками, и... шли рассказы о жизни и борьбе рабочих в европейских странах. В школе пропагандировалось также учение Дарвина, устраивались лекции о происхождении Земли, о происхождении человека. По свидетельству учительницы О. А. Яков-

левой, уроки «географии» революционизирующе действовали на учащихся.

Работать было нелегко. Департамент полиции пристально следил за деятельностью вечерних школ: еще в январе 1890 г. он предписал градоначальнику продолжать самое тщательное наблюдение за Смоленской школой. В связи с этим уместно вспомнить статью В. И. Ленина «О чем думают наши министры?» (1895), где он приводит письмо министра внутренних дел Дурново обер-прокурору святейшего синода Победоносцеву, в ведении которого находились воскресные школы, о том, что его шпионы выследили, что завелась в воскресных школах крамола, что проникли в школу революционеры и толкуют там «простому и мастеровому народу» о том, о чем писали Маркс и Энгельс, говорят о помещиках и капиталистах, о том, как они эксплуатируют «простой» темный народ и как царская власть целиком на их стороне. Говорят это революционеры в прикрытой форме, так что чиновники, приставленные Победоносцевым для надзора, не разбираются даже, что говорят эти преподаватели-революционеры, да «простой»-то народ очень хорошо их слова понимает, потому что это их касается. И Дурново советует особенно внимательно следить за учителями воскресных школ. И вот, приводя это секретное письмо, копию с которого снял какой-то служащий в департаменте полиции и пустил по рукам, Ильич писал о том, почему так боятся царские министры, что «простой» народ приобретет знания, что рабочие станут сознательными. Статья Ильича кончается словами: «Рабочие! Вы видите, как смертельно боятся наши министры соединения знания с рабочим людом! Покажите же всем, что никакая сила не сможет отнять у рабочих сознания! Без знания рабочие — беззащитны, со знанием они — сила!»

Рабочие искренне желали овладеть знаниями, стать политически грамотными, а учителя всячески помогали им в этом. Учеников своей самой первой группы, состоявшей в основном из пожилых рабочих, Крупская запомнила навсегда. Это были люди, надломленные физически тяжелейшей эксплуатацией, но страстно тянувшиеся к знаниям. «Этот первый год моих занятий облек для меня рабочее движение живой плотью, — вспоминала она, — навсегда связал меня с рабочим классом». На следующий год Крупская попросила, чтобы ей дали повторительную группу. Обычно с этой группой занималась Е. И. Щепкина, либералка до моз-

га костей. «Ее либерализм возмущал меня,— вспоминала Крупская.— Мне хотелось повести эту группу по-другому, хотелось повести через группу пропаганды марксизма». Группу дали, но она была разношерстной, и к занятиям приходилось много готовиться, слушатели ставили очень серьезные вопросы. Знакомя учеников с основами марксизма и положениями политической экономии, Крупская говорила в группе о ручном и машинном труде, об эксплуатации рабочих и об интенсивности труда.

Надежда Константиновна проявляла заботу и о внешкольном чтении рабочих, направляла его в определенное русло; она стала подписываться для учеников на книги в городской библиотеке. Рабочие читали их с огромным интересом. Пожилой, очень развитой и умный рабочий стеаринового завода Сергеев взял «Историю одного крестьянина» Эркмана-Шатриана. Книгу у него увидел инженер-толстовец и любопытствовал, что же читает темный рабочий. Он был потрясен, увидев испещренные пометками страницы. В частности, против места, где говорилось о казни французского короля Людовика XVI, было написано: «Вот и с нашим надо бы так расправиться».

Организовывались посещения учениками школы передвижных выставок в Эрмитаже и выставок прогрессивных художников в частных домах. Так, в 1893 г. дважды сходя посмотреть картину Н. Ге «Христос и разбойник», находившуюся в квартире профессора математики Страннолюбского, Крупская повела туда своих учеников. Картина произвела на рабочих сильное впечатление. Присутствовал и сам художник. Один из учеников, Фунтиков, стал говорить о картине и «какими-то судьбами выплыли на сцену капиталист и рабочий, рабочее движение, социализм. Внешне это было нелепо,— вспоминала Крупская,— но внутренне, логически — осмысленно. И то, что хотел сказать Фунтиков, поняли и его товарищи, сочувственно поддержавшие его. У Ге заблестели слезы на глазах, он взволнованно обнял Фунтикова и говорил, что он именно это-то и хотел сказать картиной. Ученикам он подарил снимки картины и надписал на каждом: «От любящего Ге». И позднее, когда учеников арестовывали по разным поводам, жандармы удивлялись, находя у них эти снимки с надписью».

Культурная работа, проводившаяся учителями, быстро приняла революционный характер, что создало шко-

ле известность в рабочих кругах. Сюда стали приезжать рабочие даже из других районов. Так, в группу Крупской по воскресеньям из-за «географии» приезжал рабочий с Путиловского завода.

На Шлиссельбургском тракте была библиотека Невского общества народных развлечений, которую учительницы-марксистки широко использовали. Читальня являлась своеобразным агитпунктом, куда ученики приходили не только за книгами, но и поговорить по душам, посоветоваться; здесь часто устраивались свидания с рабочими.

Ученики инстинктивно чувствовали учительниц-марксисток и выделяли их из общей среды учителей. «Скажет какой-нибудь рабочий на уроке «географии»: «Кустарные промыслы не могут выдержать конкуренции с крупным производством» или спросит: «Какая разница между архангельским мужиком и иваново-вознесенским рабочим?», и уже знаешь, что этот рабочий входит в марксистский кружок,— вспоминала Крупская,— и он знает, что это он своей фразой сказал, и устанавливается тогда между нами особая связь, точно он пароль какой сказал. Потом уже приходит и каждый раз поклонится по-особенному: «Ты, мол, наша». Но и не ходившие в кружки, не умевшие еще формулировать «разницы между архангельским мужиком и иваново-вознесенским рабочим», относились к нам как-то особенно заботливо и любовно».

Рабочие догадывались о революционных связях Крупской и всячески старались оберегать ее: «Вы книжек сегодня не раздавайте,— предупреждает какой-нибудь ученик (хотя раздаваемые книжки обычно библиотечные),— тут новый пришел, кто его знает: в монахах ходил. Мы про него разузнаем...» «При этом черном ничего не говорите; он в охранку шляется»,— сообщает другой.

Некоторые ученики Н. К. Крупской — И. В. Бабушкин, П. С. Грибакин, братья А. И. и Ф. И. Бодровы, В. П. Боровков, Ф. О. Жуков и другие занимались в кружке, которым руководил В. И. Ленин.

В последний год занятий в школе Крупская и другие педагоги-марксисты с целью пропаганды марксизма намеревались читать лекции по отдельным предметам — географии Европы и другим. Нужно было разрешение, и они выискали в уставе Технического общества пункт о том, что при постоянных курсах (а при Смоленской школе были такие технические курсы) могут

читаться лекции по отдельным общеобразовательным предметам. Разрешили лекции только по географии России, которые вела Крупская. Она вспоминала об этих занятиях: «Ученики были на подбор, и о многом мы с ними говорили... Высказывались ученики по душам... Рассказывали про работу на фабриках, про условия жизни». В результате полного взаимопонимания и доверия с учениками учителя-марксисты знали, какая партия ведет работу в рабочей массе, как рабочие к ней относятся, как на нее реагируют, что им в ней нравится, что не нравится. «Когда стали выходить листки,— вспоминала Крупская,— мы получали через школу, ничего даже не спрашивая,— самые подробные сведения о том, как они были распространены и какие впечатления произвели».

Многие ученики вечерне-воскресной школы, где Крупская вела пропаганду марксизма и нелегальную революционную работу, стали социал-демократами, участниками революционного движения. Так, И. В. Бабушкин вырос в выдающегося деятеля пролетарской партии, горячо преданного делу революции, стал одним из создателей социал-демократической партии. В. А. Шелгунов, став революционером, вел среди рабочих организаторскую и пропагандистскую работу. Многие из них отдали жизнь за дело революции: Бабушкин был расстрелян в 1906 г., П. С. Грибакин замучен в тюрьме в годы реакции, А. И. Бодров погиб на Южном фронте уже во время гражданской войны.

И рядовые ученики пошли в революционное движение. Так, ученик Точиллов, всю жизнь упорно искавший бога (только в школе узнал, «что бога вовсе нет, и так легко стало: потому нет хуже, как быть рабом божьим,— на людей-то управу можно найти»), заступившись за рабочего, над которым издевался мастер, попал в тюрьму; там он стал социал-демократом, на суде выступил с мужественной речью, Н. К. Крупская с Л. М. Книпович ходили на суд над ним. С бывшим учеником, текстильщиком Бакиным, которого рассчитали с работы и отправили в полицейский участок, а оттуда выслали на родину по этапу только за то, что в разговоре с управляющим при защите своих прав он употребил выражение «интенсивность труда», Крупская встретила в период первой русской революции. Бакин стал сознательным участником рабочего движения. «Хорошо так мы с ним поговорили»,— вспоминала Надежда Константиновна.

С некоторыми из своих учеников Крупская встречалась уже после победы Октябрьской социалистической революции. Эти встречи были радостными и волнующими. Приехал как-то один ученик из Кузбасса, все повторял: «Ведь вот как мы мечтали, вот так оно и вышло». Часто встречалась Н. К. Крупская и с Ф. И. Бодровым, в советские годы работавшим заведующим хозяйством лесной школы в Сокольниках.

Крупская проводила большую работу не только среди учеников, но и среди учителей школы. С одной стороны, она вела борьбу с учителями-либералами, толстовцами, народниками, с другой,—обладая в высшей степени умением убеждать, она терпеливо вербовала лучших учителей в ряды марксистов. Так, с народовольцем Н. Л. Мещеряковым они спорили дорогой, пока проходили полторы версты от паровой конки до школы, о том, кто более прав: народники или марксисты. Сам Мещеряков так вспоминает об этом: «Когда я познакомился с Надеждой Константиновной, она была совсем молодой девушкой. Я, как народовец, старался совратить ее в свою веру, но это мне не удалось, хотя я прилагал все усилия к этому в течение целого года. Мы с ней вместе работали в одной школе, и в результате она меня соватила в марксизм. Это, может быть, маленький факт, но он показывает характерную черту Надежды Константиновны...»

Кроме Н. Л. Мещерякова под влиянием Крупской на позиции марксизма перешли учителя-народовольцы Л. М. Книпович, П. Ф. Куделли, А. Л. Катанская. Членами партии стали З. П. Невзорова (Кржижановская), А. А. Якубова, А. И. Чечурина (Мещерякова). Помогали партии А. М. Калмыкова, Б. А. Витмер, М. В. Бернштам и другие.

Подводя итоги работы в вечерне-воскресной школе за Невской заставой, Крупская писала: «Эти пять лет, проведенные в школе, влили живую кровь в мой марксизм, навсегда спаяли меня с рабочим классом».

В ПЕТЕРБУРГСКОМ «СОЮЗЕ БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА»

В. И. Ленин приехал в Петербург 31 августа 1893 г. Его приезд быстро привлек внимание петербургских марксистов. Н. К. Крупская также слышала от товарищей, что с Волги приехал какой-то очень знающий

марксист. В октябре 1893 г. Ленин вступил в петербургский марксистский кружок студентов-технологов, в который входили С. И. Радченко, В. В. Старков, П. К. Запорожец, Г. М. Кржижановский, А. А. Ванеев, М. А. Сильвин, Г. Б. Красин и другие. В этот же кружок входила и Крупская.

«Появление у нас осенью 1893 года В. И. Ульянова можно сравнить с животворным по своим последствиям грозовым разрядом. С этого момента для нас началась новая жизнь»,— вспоминал Г. М. Кржижановский. Блестящее знание Лениным произведений Маркса и Энгельса, глубокое понимание экономического положения России и хода развития рабочего движения, умение применять учение Маркса к практике этого движения, принципиальность и огромный организаторский талант сделали Ленина признанным руководителем петербургских марксистов. В. И. Ленин определил политическую задачу социал-демократов: «...содействовать развитию и организации рабочего движения в России, преобразованию его из теперешнего состояния разрозненных, лишенных руководящей идеи попыток протеста, «бунтов» и стачек в организованную борьбу **ВСЕГО** русского рабочего **К Л А С С А...**»

В конце октября 1893 г. в связи с рефератом Г. Б. Красина «Вопрос о рынках» Ленин выступил на собрании марксистского кружка студентов-технологов. Наряду с критикой ошибок Г. Б. Красина Ленин резко критиковал враждебные марксизму взгляды либеральных народников. Крупская на собрании не присутствовала, с рефератом Г. Б. Красина и замечаниями и возражениями Ленина она познакомилась позже: «Мне принесли тетрадку „о рынках“, порядком-таки зачитанную. В тетрадке были изложены взгляды, с одной стороны, нашего питерского марксиста, технолога Германа Красина, с другой — взгляды приезжего волжанина. Тетрадка была согнута пополам: на одной стороне растрепанным почерком, с помарками и вставками, излагал свои мысли Г. Б. Красин, на другой — старательно, без помарок, писал свои примечания и возражения приезжий. Вопрос о рынках тогда очень интересовал всех нас, молодых марксистов».

В первой половине ноября 1893 г. Ленин выступил на собрании марксистского кружка студентов-технологов с рефератом «По поводу так называемого вопроса о рынках». Крупская также прочла реферат Ленина. «Вопрос о рынках в его трактовке приезжим марксистом

ставился архиконкретно, связывался с интересами масс, чувствовался во всем подходе именно живой марксизм, берущий явления в их конкретной обстановке и в их развитии... Хотелось поближе познакомиться с этим приездом, узнать поближе его взгляды».

Встретились Н. К. Крупская и В. И. Ленин в конце февраля 1894 г. на квартире инженера Р. Э. Классона, где под предлогом празднования масленицы проходило собрание. «Речь шла о путях, какими надо идти»,— вспоминала Крупская. Когда возвращались с «блинов», ей рассказали о старшем брате Ленина—Александре Ульянове, который принимал участие в покушении на царя Александра III в 1887 г., за что был казнен. Этот рассказ произвел на Крупскую сильное впечатление.

В 1894—1895 гг. Ленин и Крупская часто встречались. По воскресеньям, возвращаясь с занятий в рабочем кружке, Владимир Ильич обычно заходил в скромную квартиру Крупских на Старо-Невском, и между ними начинались долгие оживленные беседы. Крупская очень любила школу, в которой вела занятия с рабочими, и ее, как она сама писала, можно было хлебом не кормить, лишь бы дать поговорить о школе, об учениках. Некоторые ее ученики занимались у Ленина в марксистском кружке. Общие интересы, общее дело сблизили их. «Мы с Владимиром Ильичем работали в одном районе и скоро очень подружались». Дружба постепенно переросла в любовь, которую они пронесли через всю свою жизнь. В середине 30-х гг. Крупская рассказала однажды лекторам создававшегося тогда Центрального музея В. И. Ленина о своем знакомстве с Лениным, говорила о том, что он был внимателен и даже галантен: «Он и романс не прочь был мне пропеть: „Я вас люблю, люблю безмерно...“» «Никогда не мог бы он полюбить женщину, с которой бы расходился во взглядах, которая не была бы товарищем по работе»,— писала Надежда Константиновна. На протяжении почти тридцати лет жизнь Крупской была неразрывно связана с жизнью Ленина. «Гармония мысли и дела, растворение всей индивидуальности Надежды Константиновны в революционном действии—стали несокрушимой основой ее союза с Лениным»,— писала К. Цеткин.

В середине 90-х гг. рабочее движение становится массовым, что настоятельно требовало перехода от пропаганды марксизма в небольших кружках наиболее развитых рабочих к политической агитации среди широких

пролетарских масс с учетом их повседневных нужд. В связи с важностью вопроса и наличием ошибочных взглядов Ленин кроме узких совещаний «стариков» зимой 1895 г. провел расширенное собрание Центральной группы по руководству рабочим движением с представителями рабочих кружков. Крупская участвовала в этом собрании. Было принято решение: не отказываясь от пропаганды в кружках, немедленно приступить к широкой устной и печатной агитации среди рабочих на почве их насущных экономических и политических требований.

Весной 1895 г. Ленин болел воспалением легких, Крупская навещала его, в это время они вместе сделали перевод брошюры с немецкого. «Когда... Владимир Ильич поправлялся от воспаления легких,—вспоминала Крупская,—мы вместе с ним переводили какую-то брошюру с немецкого языка и очень оживленно обсуждали, что и как надо перевести». В маленькой комнатке Ленина она познакомилась с Марией Александровной, приехавшей к больному сыну.

Через Крупскую Ленин был связан с учителями Смоленской вечерне-воскресной школы. Перед отъездом за границу в апреле 1895 г. он провел совещание с группой учительниц воскресной школы (Н. К. Крупской, Л. М. Книпович, П. Ф. Куделли, А. И. Мещеряковой и другими) о ведении политической агитации в вечерне-воскресной школе. Крупская так вспоминала об этом: «По инициативе Владимира Ильича однажды мы устроили на квартире Книпович свидание нашей группы (Владимира Ильича, Кржижановского, Старкова и др.) с рядом склонившихся к социал-демократии учительниц, где договорились об увязке работы и характере ее». Крупская была не только участником, но и организатором этого совещания.

Надежда Константиновна через Смоленскую школу помогала Ленину завязывать связи с рабочими за Невской заставой. Через эту школу многие передовые рабочие находили дорогу к ленинской группе и позднее — к «Союзу борьбы». И. В. Бабушкин писал о Смоленской школе, что она «являлась в одно и то же время и сильным культурным учреждением, и тем решето, которое отделяло чистое зерно от примесей, и тем механизмом, который сталкивал одного субъекта с другим; здесь происходило хотя не очень большое, но довольно прочное сплетение сети знакомств». И. В. Бабушкин, С. И. Фунтиков, М. И. Рудаков, В. А. Щеглов и другие

ученики школы вербовали через школу рабочих в подпольные марксистские кружки. Бабушкин переходил, например, из группы в группу, чтобы изучить учеников, узнать из ответов, кого из них можно завербовать на работу в подполье. В этих целях он побывал в группах Н. К. Крупской, П. Ф. Куделли, З. П. Невзоровой и других.

Учителя-марксисты в своих группах, по словам П. Ф. Куделли, тоже нащупывали тех рабочих, которые склонны к революционной работе. Крупская через передовых рабочих организовывала рабочие подпольные кружки. Так, с помощью Ф. И. Бодрова она создала кружок рабочих, в котором проводил занятия Ленин. С помощью В. А. Щеглова она организовала еще кружок. Н. К. Крупская, по свидетельству З. П. Невзоровой, служила связующим центром между рабочими-учениками и нелегальной организацией.

Деятельность петербургских социал-демократов не осталась незамеченной полицией, началась усиленная слежка. Учитывая это обстоятельство, а также свою предстоящую поездку за границу, Владимир Ильич настаивал, что должен быть назначен «наследник», то есть особо доверенное лицо, за которым нет слежки и которому надо передать все связи, чтобы обеспечить непрерывность работы на случай провала. «...Так как я была наиболее „чистым“ человеком, то решено было назначить „наследницей“ меня...» — писала Крупская. Ни она, ни ее товарищи не знали о том, что уже в 1894 г. Крупская значилась в департаменте полиции как личность «сомнительной благонадежности».

В апреле 1895 г. под предлогом празднования пасхи собрались в Царском Селе у М. А. Сильвина, обсуждали, какие связи надо сохранить. Ленин учил шифровать, исшифровали почти полкниги. Конспиративные связи организации были переданы Крупской не только потому, что она считалась наиболее «чистым» человеком перед жандармско-полицейским отделением, но и потому, что к этому времени она уже пользовалась большим авторитетом среди марксистов ленинской группы. Здесь уместно привести слова М. А. Сильвина о Крупской: «...она не была пропагандисткой в тесном смысле слова, но вела ответственную, очень важную для нас работу. Своим положением в вечерней школе за Невской заставой она пользовалась для привлечения новых рабочих в наши кружки, к ней стекались все особо важные или срочные сведения для нас от рабочих — членов

кружков, все рабочие-вожаки лично ее знали и относились к ней с глубоким уважением и полным доверием. Она поддерживала и возобновляла обрывавшиеся связи, она была, в сущности, главным стержнем всей нашей организации...»

В сентябре 1895 г. В. И. Ленин вернулся из-за границы. Крупская вспоминала: «Приехал полон впечатлений, захватив из-за границы чемодан с двойным дном, между стенками которого была набита нелегальная литература». И сразу же за Лениным началась бешеная слежка. Двоюродная сестра Крупской служила в адресном столе; через пару дней после возвращения Ленина, во время ее дежурства, пришел сыщик и, роясь в картотеке, хвастал: «Выследили, вот, важного государственного преступника Ульянова,— брата его повесили,— приехал из-за границы, теперь от нас не уйдет». Крупская предупредила Ленина об опасности.

Ленин развернул большую идейную и организационную работу по строительству партии. Осенью 1895 г. под его руководством все социал-демократические кружки Петербурга, стоявшие на позициях революционного марксизма, были объединены в единую политическую организацию, которая в декабре стала называться «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Работа «Союза борьбы» строилась на принципах демократического централизма, строгой дисциплины и тесной связи с рабочими. Во главе «Союза» стояла Центральная организационная группа (В. И. Ленин, Н. К. Крупская, Г. М. Кржижановский, В. В. Старков, М. А. Сильвин, З. П. и С. П. Невзоровы, П. К. Запорожец, А. А. Якубова и другие), из состава которого был избран руководящий Центр— В. И. Ленин, Г. М. Кржижановский, В. В. Старков (позже вошли А. А. Ванеев и Ю. О. Мартов). Центр «Союза борьбы» руководил всей деятельностью группы: организационной, агитационно-пропагандистской, поддерживал связь с социал-демократическими организациями других городов.

В. И. Ленин был инициатором выпуска обличительных листовок, брошюр и являлся автором многих из них. Так, в ноябре 1895 г., когда забастовали 500 ткачей фабрики Торнтон, «Союз» выпустил написанную Лениным листовку «К рабочим и работницам фабрики Торнтон». Готовил Ленин эту листовку на квартире Крупских в Гродненском переулке, 7/36, кв. 73. В этой квартире, как и в других квартирах Крупских, Ленин часто бывал. Здесь он встречался с членами петербург-

ского «Союза борьбы». Здесь «происходили у нас регулярные собрания»,— писала Крупская. Надежде Константиновне запомнилось, как во время таких собраний на ее квартире Ленин «допрашивал» каждого: «А что вам рабочие говорят о своей жизни?»

Готовя листовку «К рабочим и работницам фабрики Торнтон», Ленин наметил круг вопросов и план, по которому надо было собрать сведения. Крупская поручила своему ученику Кроликову, работавшему на фабрике Торнтон, собрать по указанному плану сведения об условиях труда и жизни рабочих на фабрике. Сведения о порядках на фабриках и заводах собирались через многих учеников Смоленской вечерне-воскресной школы. «Так были собраны сведения для № 1 „Рабочего дела“, который готовил к выпуску „Союз борьбы“ и который был уже в готовом к печати виде захвачен жандармами»,— вспоминала Крупская. Кроликов принес Ленину (на квартиру Крупской) целую тетрадь очень ценных сведений, но понадобились дополнительные сведения, и Крупская с А. А. Якубовой, повязавшись платочками, чтобы не отличаться от работниц и не привлекать к себе внимания, ходили в общежитие фабрики. Полученные сведения легли в основу сформулированных Лениным требований рабочих и работниц фабрики Торнтон. Забастовка, руководимая «Союзом борьбы», окончилась успешно для ткачей.

Листовки, выпускаемые ленинской группой, звали к организованным выступлениям. «Листки читались рабочими нарасхват, вызывали массу толков, будили мысль рабочих, толкали их на борьбу»,— писала Крупская.— Рабочие начали давать отпор фабрикантам. Рабочее движение стало массовым. Ленин и сам писал листки и учил других, как надо это делать, ходил к рабочим, изучал их жизнь».

Обстановка требовала совершенствования организационных форм; в дополнение к двум существовавшим ранее звеньям — Центральной группе и рабочим кружкам — было создано третье важное звено — районные группы: Московско-Нарвская, Невская и Заречная (объединившая Васильевский остров, Петербургскую и Выборгскую стороны, а также Охту). «Когда группа достаточно спелась, узнала друг друга, Ильич поставил вопрос о распределении сил»,— писала Крупская. — Каждый был прикреплен к определенному району, который он изучал, в котором вел кружки». Сама Н. К. Крупская, Г. М. Кржижановский, Я. М. Ляховский и

А. Л. Малченко руководили районом за Невской заставой и Колпинским заводом. Связь с заводом осуществлялась через организаторов — рабочих-революционеров (И. В. Бабушкина, В. А. Шелгунова, Н. Е. Меркулова и многих других), входивших в районные группы. На заводах были созданы рабочие кружки.

«Слияние передовых рабочих с социал-демократическими организациями, — писал Ленин, — было вполне естественно и неизбежно. Это было результатом того крупного исторического факта, что в 90-х годах встретились два глубокие общественные движения в России: одно стихийное, народное движение в рабочем классе, другое — движение общественной мысли к теории Маркса и Энгельса, к учению социал-демократии».

В разных городах и местностях России по примеру петербургского «Союза борьбы» произошло объединение рабочих кружков в такие же союзы. Необходимо было установить между ними крепкие связи. Дальнейшее развитие рабочего движения требовало политической агитации в масштабе всей страны. С этой целью петербургский «Союз борьбы» решил издавать нелегальную газету под названием «Рабочее дело». Ленин тщательно готовил материал для первого номера. Им были написаны все основные статьи: «К русским рабочим» (передовая), «О чем думают наши министры?», «Ярославская стачка 1895 года» и другие. Передовая статья газеты разъясняла исторические задачи рабочего класса России и как первоочередную из них выдвигала задачу завоевания политической свободы. Газета готовилась основательно, было проведено не одно совещание. Так, по воспоминаниям участников совещаний, члены «Союза борьбы» собирались в комнате сестер Невзоровых (конец ноября 1895 г.), не раз на квартире С. И. и Л. Н. Радченко (октябрь — 6 декабря 1895 г.), на квартире Е. В. и Н. К. Крупских (ноябрь — 8 декабря 1895 г.). Сообща обсуждались статьи для газеты.

Большую долю работы по подготовке первого номера нелегальной газеты исполняла Надежда Константиновна, которая являлась, по существу, секретарем редакции. Через ее руки, как и через руки Ильича, прошла каждая строчка первого номера. У нее на квартире хранились его материалы, и здесь же происходили редакционные совещания, обсуждались написанные статьи, готовилась техника. Н. К. Крупская была и корреспондентом «Рабочего дела». Для первого номера ею был подготовлен сводный отчет о стачечном движении

в Петербурге (о стачках на фабриках Торнтон, Лаферм и других). Материал о стачке на фабрике Торнтон, как уже сказано выше, собирала Крупская по заданию Лепина. 8 декабря 1895 г. на квартире Крупских проходило последнее под руководством Ленина заседание руководителей «Союза борьбы», на котором окончательно зачитывался уже готовый к печати номер газеты «Рабочее дело». Он был в двух экземплярах. Один экземпляр взял Ванеев для окончательного просмотра, другой остался у Крупской.

В ночь с 8 на 9 декабря 1895 г. Ленин был арестован, отправлен в дом предварительного заключения и помещен в одиночную камеру. Были арестованы также Г. М. Кржижановский, П. К. Запорожец, А. А. Ванеев, В. В. Старков, А. Л. Малченко и многие рабочие — В. А. Шелгунов, Б. И. Зиновьев, Н. Е. Меркулов, И. И. Яковлев и другие. Всего было арестовано 68 человек. Во время ареста Ванеева полиция захватила у него на квартире готовые к печати материалы первого номера газеты. Крупская хранившийся у нее экземпляр «Рабочего дела» отнесла на хранение к Н. А. Герд — подруге по гимназии, будущей жене П. Б. Струве.

Активный член «Союза борьбы» М. А. Сильвин вспоминал, что утром 9 декабря, узнав об аресте А. А. Ванеева, он прежде всего пошел к Крупской в управление железной дороги, где она тогда служила. Выслушав Сильвина, она сказала, что разузнает, кто еще арестован; условились встретиться в тот же день вечером у З. П. Невзоровой. Встретившись вечером, оставшиеся на свободе члены «Союза борьбы», выяснили, кто арестован из Центральной организационной группы «Союза». Потери были велики, но собравшиеся решили — надо скорее действовать, показать полицейским органам, что арестованные якобы вовсе не главные участники в подпольной работе, что эта работа продолжается без них прежними и даже еще более энергичными темпами. Издание «Рабочего дела» решили отложить, чтобы не отягчить еще больше участь арестованных, а в первую очередь заняться усиленным выпуском листовок и как можно скорее созвать расширенное собрание организации, чтобы подсчитать силы, заново распределить обязанности и наметить более детально программу действий.

Собрание оставшихся на свободе членов центральной и районных групп состоялось 15 декабря 1895 г., участвовали в нем С. И. и Л. Н. Радченко, Ю. О. Мар-

тов, Н. К. Крупская, З. П. Невзорова, А. А. Якубова, Я. М. Ляховский, М. А. Сильвин, Я. П. Пономарев, а также новые товарищи, которыми решили немедленно пополнить руководящий центр «Союза борьбы»: В. М. Тренюхин, С. А. Гофман, М. А. Лурье, Ф. И. Гурвич, Е. Д. Стратонович, И. А. Шестопалов, Л. Г. Попов, М. Н. Леман и другие. После выяснения, кто арестован и кто уцелел, какими силами располагает организация, какие связи остались в рабочей среде, каковы денежные средства, нелегальный библиотечный фонд и техника, было решено продолжать агитацию путем выпуска листовок. Было прочитано и одобрено к выпуску воззвание «Ко всем петербургским рабочим», написанное еще до арестов; оно призывало к объединению и организованной борьбе. Затем зачитали проект обращения к рабочим — «От Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (по поводу декабрьских арестов). После этого выбрали новый организационный центр — С. И. Радченко, М. А. Сильвин, Ю. О. Мартов, Я. М. Ляховский (вскоре был кооптирован в центр С. А. Гофман); распределили обязанности остальных; по предложению Сильвина было принято название организации — «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»; постановили заказать печать и поставить ее на первом же выпускаемом листке. Листок, выпущенный от имени «Союза борьбы» 15 декабря 1895 г., объявлял, что «все ранее изданные воззвания принадлежали „Союзу борьбы“». В нем сообщалось, что «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» будет продолжать свое дело. Полиция ошиблась в адресе. Арестами и высылками не подавят рабочего движения: стачки и борьба не прекратятся до тех пор, пока не будет достигнуто полное освобождение рабочего класса из-под гнета капитализма». Данным воззванием «Союз борьбы» извещал, что он продолжает существовать и бороться.

Декабрьские аресты взволновали рабочих. Правительственные круги всячески распространяли клеветнические слухи с целью опорочить социал-демократов, дискредитировать их в глазах широкой общественности. В ответ на арест Ленина и его соратников и клевету на них Бабушкин написал политическую листовку «Что такое социалист и политический преступник?» и в вечерней школе передал ее Крупской для напечатания. В листовке популярно разъяснялось, что социалисты, именуемые в правительственных официальных документах «врагами рабочих» и «политическими преступниками»

и которых царское правительство пытается уничтожить, не являются врагами рабочего класса: «Социалисты — это те люди, которые стремятся к освобождению угнетенного рабочего народа из-под ярма капиталистов-хозяев». Напечатанная «Союзом борьбы» в конце декабря 1895 г. листовка получила широкое распространение среди петербургских рабочих.

Находясь в тюрьме, Ленин сумел установить связь с оставшимися на свободе членами «Союза борьбы», помогал «Союзу» советами и указаниями. Бабушкин вспоминал: «После огромного провала спустя недели две три всюду опять наладились сношения; всюду закипела живая работа в кружках и агитация листками и брошюрами». Большая заслуга в возобновлении деятельности «Союза» принадлежала Н. К. Крупской, И. В. Бабушкину, С. И. Радченко, З. П. Невзоровой, М. А. Сильвину.

2 января 1896 г. Ленин из тюрьмы на адрес А. К. Чеботаревой направил письмо товарищам, избежавшим ареста, в котором запросил о судьбе товарищей по «Союзу борьбы», вплетая в список книг, нужных ему для работы, названия существующих и не существующих книг, пользуясь кличками товарищей. Так, Maupé Rid «The Mynoga» — обозначало Крупскую, окрещенную псевдонимом «Рыба» или «Миного». Товарищи ответили Ленину таким же образом.

Полиция не дремала, в ночь с 4 на 5 января 1896 г. были арестованы еще 19 человек. За тюремной решеткой оказались члены руководящего центра «Союза борьбы» Ю. О. Мартов и Я. М. Ляховский, а также заведующий техникой Я. П. Пономарев. Большие потери были и в районных группах, среди арестованных находился И. В. Бабушкин. В связи с этим «Союзу борьбы» пришлось опять перестроиться и теснее сплотить свои ряды. Руководящий центр «Союза борьбы» образовался теперь из С. И. Радченко, С. А. Гофмана, И. А. Гурвича, Н. К. Крупской и М. А. Сильвина. На них пала большая доля работы. У Крупской была особая задача — «поддерживать и возобновлять постоянно нарушаемые арестами связи с рабочими, особенно в районе Шлиссельбургского тракта... Кроме того, через нее шли наши сношения с Лениным», — писал Сильвин. Благодаря Крупской Ленин, несмотря на вынужденную оторванность от товарищей по «Союзу борьбы», был в курсе всей работы организации и фактически руководил ее деятельностью.

Крупская «химией» сообщала Ленину о деятельности «Союза», получала от него советы и указания о дальнейшей работе организации. З. П. Невзорова вспоминала по этому поводу, что когда была арестована Центральная группа, то Н. К. Крупская, ближе всех познакомившаяся к тому времени с В. И. Лениным, вела с ним все нелегальные сношения через книги, на которых Ленин из тюрьмы писал молоком письма, листовки и даже брошюры.

Связь Ленина с «Союзом борьбы» осуществлялась также через А. И. Ульянову-Елизарову. Перед свиданием с братом Анна Ильинична специально виделась с оставшимися на воле членами «Союза борьбы», чтобы получить из первых рук сведения о ходе работы.

Тираж листовок увеличивался с каждым месяцем. К 1 мая 1896 г. «Союз борьбы» выпустил листовку «Рабочий праздник 1 Мая», неслыханным по тому времени тиражом — 2 тысячи экземпляров. Распространили ее на 40 фабриках и заводах Петербурга. Листовка произвела сильное впечатление на рабочих, ее расхватывали, многие потом говорили, что если бы не майский листок, то может быть, не было бы и летних стачек.

После выпуска майского листка руководители «Союза борьбы» решили подвести итоги своей работы и с этой целью устроили нечто вроде смотра сил руководящего центра. Собрались в Павловске. «Удалившись в глубь парка, уселись на лужайке Гофман, Бауэр, Крупская, Невзорова, Якубова, Шестопалов, Попов, я — всего человек десять», — вспоминал Сильвин. С грустью узнали о новых арестах, отметили огромный успех майского листка, обсудили новый листок.

В переписке с Крупской Ленин торопил с подготовкой первого съезда партии. В конце 1895 г. молоком между строк легальной книги он написал «Проект программы» для будущей партии, а летом 1896 г. — «Объяснение программы»; в тюрьме же была написана им для рабочих брошюра «О стачках». Все это Ленин передал на волю через Крупскую. Оба документа Крупская проявила, но переписать до конца не успела из-за ареста.

В тюрьме Ленин начал работу над книгой «Развитие капитализма в России». Необходимую для работы литературу ему доставляла сестра Анна, через нее передавала ему книги и Крупская. Несмотря на это, писала Крупская, нападала на него тюремная тоска. Ему очень хотелось увидеть Надежду Константиновну. Прийти в

тюрьму на свидание она не могла, так как ей надо было скрывать свою связь с членами «Союза борьбы». Оберегая ее от возможного ареста, Ленин просил не приходить в тюрьму под видом «невесты», как это обычно практиковалось. Поэтому в одном из зашифрованных писем он попросил ее прийти в определенный час и стать на тротуаре на углу Шпалерной улицы, напротив тюремных окон, и тогда он сможет увидеть ее (когда их вели на прогулку, он заметил, что из окна коридора на минутку виден кусочек тротуара). Крупская несколько дней ходила на Шпалерную улицу и простаивала подолгу, но увидеть друг друга они так и не смогли, так как именно в эти дни Ленина на прогулку не выводили. Позже, уже в ссылке, он рассказывал Крупской, как был огорчен, что ему так и не удалось увидеть ее хоть издали.

Летом 1896 г. Н. К. Крупская по поручению Ленина поехала в Киев в качестве представителя петербургского «Союза борьбы», чтобы договориться с русской социал-демократической группой, существовавшей с начала 90-х гг., о подготовке первого съезда партии и издании общей нелегальной газеты. Заехав предварительно в Полтаву, она встретила с П. П. Румянцевым, П. Л. Тучапским, М. А. Лурье, И. А. Саммером. По ее словам, «обо всем столковались в Полтаве». Однако из Полтавы Крупская очень скоро была вызвана обратно в Петербург в связи с назревавшей стачкой текстильщиков.

Она приехала в Петербург как раз к началу стачки и со свойственной ей энергией включилась в работу по руководству ею. Бастовали 30 тысяч текстильщиков. Уже в советские годы Н. К. Крупская писала в автобиографии: «В 1896 году принимала участие в организации стачки петербургских текстильщиков». В этом деле ей помогали ее организаторский талант, умение «подбирать ключи» к сердцам и умам самых различных людей. Крупская получает указания от Ленина и передает ему сведения о ходе забастовочного движения текстильщиков через А. И. Ульянову-Елизарову. Крупская возглавила в Невском районе всю работу «Союза борьбы» по руководству стачкой. «У себя на службе (я служила в Главном управлении железных дорог), — писала она, — я устроила «явку», ко мне приходили тогда и рабочие и работницы, студенты и курсистки, инженеры...» Она передавала инструкции «Союза борьбы» непосредственным организаторам стачек — Т. М. Мак-

симову (фабрика Максвеля), В. А. Щеглову (фабрика Паля). В обзоре полицейских дознаний за 1896 г. отмечалось, что Крупская держала связь с революционными рабочими Максимовым и Щегловым, второй из них — ученик вечерне-воскресной школы. Крупская отмечала, что «школа сыграла немалую роль в подготовке этой стачки».

Руководящая роль «Союза борьбы» осуществлялась путем массового распространения листовок на бастующих фабриках и других заводах. Значение листовок «Союза борьбы» в деле расширения стачки отмечали даже царские чиновники. Всего за время стачки «Союзом» было издано 13 листовок и прокламаций. Они выпускались почти ежедневно, иногда по нескольку в день, и с энтузиазмом встречались рабочими. Позднее Крупская вспоминала: «Листки печатались на восковой бумаге на пишущей машинке (мне также приходилось их печатать)», потом они размножались на мимеографе. Готовые листовки Крупская и другие разносили на передаточные пункты. Листовки «Союза» формулировали экономические и политические требования рабочих и являлись революционизирующим и организующим фактором стачечного движения.

Во время стачки материальное положение бастующих было чрезвычайно тяжелым, поэтому «Союз борьбы» организовал материальную помощь стачечникам. Стачечный фонд «Союза борьбы» к началу стачки составлял 4 тысячи рублей. Во время стачки было собрано еще 5 тысяч рублей. Крупская тоже участвовала в сборе средств для бастующих среди рабочих других заводов и фабрик, интеллигенции, служащих.

Для обсуждения ближайших задач и результатов летних стачек 14 июля 1896 г. в лесу недалеко от станции Парголово было проведено по инициативе рабочих большое собрание представителей фабрик и заводов с анализом уроков стачечной борьбы. От «Союза борьбы» выступили Сильвин и Ленгник. Все выступавшие отметили положительное значение результатов стачки текстильщиков. Собрание рекомендовало усилить выпуск листовок и поставило вопрос об издании популярной рабочей газеты.

18 июля 1896 г. Центральная группа «Союза борьбы» собралась в Шувалове, чтобы заслушать сообщение о парголовской сходке и обсудить другие неотложные вопросы. В этом собрании участвовала Н. К. Крупская. Несмотря на принятые меры предосторожности,

собрание было прослежено шпиками. Агентурные сведения о нем послужили впоследствии основанием для ареста участников собрания.

Стачки питерских текстильщиков способствовали развитию рабочего движения в Москве и других городах России. Они вынудили правительство ускорить пересмотр фабричных законов и издать закон от 2 июня 1897 г. о сокращении рабочего дня на фабриках и заводах до 11½ часа. Летние стачки 1896 г., по определению Ленина, «открыли эру неуклонно поднимавшегося затем рабочего движения,— этого самого могучего фактора всей нашей революции».

После окончания стачки текстильщиков, продолжавшейся с конца мая до 17 июня 1896 г., «Союз борьбы» начал подготовку к новому мощному выступлению пролетариата столицы. С 15 июня по 6 августа «Союз» выпустил 10 листов. Однако полиция не бездействовала. В ночь на 24 июня 1896 г. провалилась народовольческая типография в Лахте; в связи с этим были арестованы З. П. Невзорова, И. Г. Смидович, И. А. Шестопалов и другие. При обыске у Невзоровой было обнаружено большое количество нелегальной литературы. Крупская узнала о провале лахтинской типографии и аресте Л. М. Книпович после возвращения из Полтавы; она поехала на Валдайку, на дачу Книповичей. Несмотря на то что дом был окружен шпиками, соседи, у которых находилась корзина с нелегальщиной из типографии, умудрились принести ее Книповичам. В корзине кроме новеньких брошюр оказалось два ящика со шрифтом и рукопись В. И. Ленина (какая — до сих пор установить не удалось). С помощью жившей у Книповичей их родственницы, курсистки Л. Х. Лиморенко, нелегальщину Крупская сожгла в печке, хотя «жалко было до крайности... Надо бы было сжечь и рукопись Владимира Ильича, да не хватило духу», — писала она. Ящик со шрифтом и рукопись Ленина Крупская и Лиморенко зарыли в лесу.

ОТНОШЕНИЕ
СТОЛИЧНОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ
НАЧАЛЬНИКУ С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

11 августа 1896 г.

Забастовки среди рабочих бумагопрядильных фабрик С.-Петербурга в мае и июне сего года, сопровождавшиеся появлением преступных воззваний, распространявшихся в большом количестве в

рабочей среде, вызвали производство особого негласного расследования с целью выяснения лиц, виновных в их составлении и распространении, при чем результат этого расследования представляется в следующем виде.

Производившиеся начиная с декабря прошлого года аресты среди членов образовавшегося в С.-Петербурге кружка социал-демократов только в незначительной степени ослабили преступную деятельность этого кружка, присвоившего себе в последнее время наименование «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»...

Последние агентурные сведения отделения указывают на принадлежность к тому противоправительственному кружку лаборантки Высших женских курсов, дочери священника Аполлинарии Якубовой и дочери коллежского асессора Надежды Крупской, сношения коих с руководителями названного кружка установлены и дневниками негласного наблюдения, а также рабочих мастерских С.-Петербургско-Варшавской железной дороги Ильи Иванова и Осии Тимченко, кои замечены в распространении воззваний от имени «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и известны по сношениям с высланным ныне из С.-Петербурга за политическую неблагонадежность рабочим тех же мастерских Александром Дунаевым.

Здесь уместно напомнить, что департамент полиции уже давно, с 1894 г., следил за Крупской. И если ей удалось сравнительно долго проработать в «Союзе», то это благодаря умелой конспирации и тому, что ученики-рабочие всячески оберегали ее от ищеек полиции.

Во время обыска у Крупской ничего не нашли, хотя полиции было чем поживиться: в потайном хранилище — ножке круглого столика — хранился проявленный ею, но еще не до конца переписанный текст «Объяснительной записки» к «Проекту программы». Переписку потом закончила Анна Ильинична. Столик вместе с ленинской рукописью передала ей мать Крупской, он был сделан по просьбе Ленина рабочим-столяром и первоначально находился у Ленина.

В ночь на 12 августа 1896 г. были арестованы почти все оставшиеся на свободе руководители «Союза борьбы» — Н. К. Крупская, М. А. Сильвин, С. И. Радченко (вскоре освобожден за недостаточностью улик), К. К. Бауэр, М. А. Лурье и другие. Среди арестованных были также рабочие — ученики Смоленской вечерне-воскресной школы. В октябре полиция арестовала Ф. В. Ленгника и Л. К. Мартенса. Всего в феврале — октябре 1896 г. было арестовано и привлечено к дознанию 128 человек, из них рабочих 101 человек. Это свидетельствовало о том, что главной силой освободительного движения в России в середине 90-х гг. стали рабочие, к ним перешла ведущая роль в революционном процессе. Деятельность петербургского «Союза борьбы», в руководящий центр которого входила и Н. К. Крупская, как видим, не прошла даром.

Осенними арестами 1896 г. петербургскому «Союзу борьбы» был нанесен тяжелый удар. К руководству пришли К. М. Тахтарев, вскоре ставший «экономистом», и его приверженцы, которые начали проводить тред-юнионистскую линию, направленную на свертывание революционной социал-демократической работы. Выпуск листков резко сократился, в них стали преобладать «экономические» нотки.

Н. К. Крупская была арестована на основании агентурных сведений, указывающих на ее связи с руководителями «Союза борьбы» и участие в пропаганде среди рабочих. На допросах Крупская держалась стойко, не признавала себя виновной, отвергала все предъявленные обвинения и требовала конкретных доказательств.

ПРОТОКОЛ

1896 года сентября 2 дня в г. С.-Петербурге, я, отдельного корпуса жандармов подполковник Филатьев на основании ст. 1035¹ Уст. угол. судопр. (Судебных уставов Императора Александра Второго, изд. 1883 г.) в присутствии товарища прокурора С.-Петербургского окружного суда В. П. Носовича допрашивал обвиняемую, которая показала:

Зовут меня Надежда Константиновна Крупская.

Я не признаю себя виновной в принадлежности к какому-либо преступному сообществу, и в частности к «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса», я около 5 лет состою учительницей воскресной школы по Шлиссельбургскому тракту, но частных знакомств среди рабочих не имею, и они у меня на квартире не бывали, с Константином Константиновичем Бауером не знакома, и он у меня на квартире по Верейской улице никогда не был. Состоя на службе в Главном управлении казенных железных дорог, я выдавала Бауеру ассигновки на получение денег, и затем был однажды случай, что я по просьбе учительницы школы Александры Михайловны Калмыковой относила на квартиру к Бауеру книги, взятые Калмыковой из библиотеки Вольно-экономического общества; книги эти Калмыкова просила меня отнести в библиотеку Вольно-экономического общества или к Бауеру, который состоит членом этого общества, я предпочла отнести книги к Бауеру, т. к. идти в библиотеку общества мне было далеко. Изотову-Виноградову, бывшую слушательницу Высших женских курсов, я не знаю и по Подольской улице в доме № 39 я никогда не была. Студента Михаила Сильвина я не знаю, и таковой у меня на квартире никогда не был. Подлинный за надлежащими подписями.

ПРОТОКОЛ

1896 года сентября 10 дня в г. С.-Петербурге я, отдельного корпуса жандармов подполковник Филатьев на основании ст. 1035¹ Уст. угол. судопр. (Судебных уставов Императора Александра Второго, изд. 1883 г.) в присутствии товарища прокурора С.-Петербургской судебной палаты А. Е. Кичина допрашивал обвиняемую, которая в дополненне своих объяснений показала:

Зовут меня Надежда Крупская.

Прошрое лето я получила отпуск на 1 месяц, с 15 мая по 15 июня, и вместе с матерью моей поехала в Полтаву, откуда возвратилась в С.-Петербург около 13 июня, одна, без матери, и поселилась в доме на углу Невского и Литейной, в меблированных комнатах, по дороге из Полтавы заезжала на ст. Валдайку, к своей троюродной сестре Лидии Михайловне Книпович, где пробыла 5—6 дней, и, уезжая, я от Лидии Михайловны никаких поручений не получала и ничего от нее не увозила. В меблированных комнатах в вышеуказанном доме я проживала до приезда матери, всего в общем около месяца, а затем мы наняли квартиру на Верейской улице, в доме № 24, кв. 4, и переехала я туда вместе с матерью около 10—12 июля, где я и проживала до моего ареста. В остальном я подтверждаю свои прежние показания, что по Подольской улице в доме № 39 я никогда не бывала, и что с Бауером и Сильвиным я не знакома, и они на квартире у меня никогда не были. Подлинный за надлежащими подписями.

Ввиду отсутствия официальных улик жандармы были вынуждены 10 сентября 1896 г. освободить Крупскую из-под стражи, учредив за ней особый надзор полиции.

Выйдя на свободу, Крупская, соблюдая осторожность, вновь начала вести работу в «Союзе борьбы». Она старалась возобновить оборвавшиеся связи, организовать оставшихся на воле, принимала также участие в сборе средств на костромскую стачку. Было собрано 105 рублей. Вместе с деньгами в Кострому послали листовку «Союза борьбы» от 4 октября 1896 г. «К рабочим бумагопрядильной фабрики Зотова в г. Костроме», в которой говорилось: «Товарищи! Петербургская рабочая организация — «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», — считая стачку костромских рабочих делом всего рабочего класса, шлет вам первую помощь и предлагает дальнейшую поддержку. Дружно стойте, товарищи, за правое дело!»

28 октября 1896 г. Крупская снова была арестована и посажена в Дом предварительного заключения, где находилась до 12 марта 1897 г. На этот раз кроме агентурных сведений официальным основанием для ее ареста послужили показания испугавшихся наказания рабочих Н. Г. Бугоркова, В. А. Щеглова и других бывших ее учеников в воскресной школе.

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА Н. Г. БУГОРКОВА

18 октября 1896 г.

5 мая сего года я был на экзамене в воскресной школе, где состоит учительницей Надежда Константиновна Крупская, и по окончании экзамена, когда я выходил из класса, то находившийся в прихожей Влас Щеглов остановил меня и просил передать

Крупской, чтобы она назначила интеллигента-руководителя для кружка в доме № 25, но по какой улице, я этого теперь не помню. Я сейчас же возвратился в школу и, найдя Крупскую, передал ей просьбу Щеглова, на что она мне ответила: «Хорошо, я знаю. Скажите Щеглову, что я доставлю интеллигента и что он будет называть себя „Куй железо“». Затем я пошел к себе домой, в дом № 86 по Шлиссельбургскому просп., где я в то время проживал вместе с Власом Щегловым, и, застав его дома, передал ему ответ учительницы Крупской.

Крупская умело отводила предъявленные ей обвинения, стремилась оставить в тени активных деятелей движения, особенно рабочих. Так, на первом допросе 28 октября 1896 г. она сказала, что личностей, запечатленных на предъявленных ей фотографиях, которых ей назвали Власом Щегловым и «Куй железо», она не знает. Нила Бугоркова знает только как своего ученика в воскресной школе. О существовании кружков среди рабочих ей, мол, ничего не известно и что никто из рабочих не обращался к ней с просьбой о назначении интеллигента для кружка... Рабочего Максима Рудакова знает как ученика воскресной школы. Однако в руках тюремщиков были в это время материалы показаний Н. Бугоркова (от 18 и 28 октября 1896 г.), что «Крупская является представительницей от интеллигенции за Невской заставой, что благодаря воскресной школе она заводит знакомства среди рабочих, устраивает кружки и затем назначает руководителей этих кружков, знакомых ей интеллигентов». На допросе 22 января 1897 г. Крупская вынуждена была внести некоторые изменения в свои показания от 28 октября 1896 г., но не сообщила ни одного нового факта и все также защищала активных участников рабочего движения.

В. И. Ленин тоже в это время сидел в Доме предварительного заключения, и тайная переписка между ним и Н. К. Крупской продолжалась. К нему на свидания ходили его родные, к ней — ее мать. Через них они и пересылали свои письма. В это тяжелое время письма Ленина оказывали неоценимую моральную поддержку Крупской. «Письма Владимира Ильича дышали бодростью,— вспоминала она,— говорили о работе. Получая их, человек забывал, что сидит в тюрьме, и сам принимался за работу».

В тюрьме Крупская старалась придерживаться строгого режима, по самоучителю изучала английский язык, «усердно перестукивалась с сидящими в соседних камерах». Но тюремная обстановка была очень тяжелой и унесла у Крупской много сил и здоровья. Длительное

зге и зума, били ми се родине и оградиле
војсци, ми же фанатички шат Табачаро
Матемиа Пуданова и много каси умишља
нашеи војсцимаи итд.

Довишеним били рудитвеним сарторки:
Анаса Менсера, Сиренс Тодженска и Клема
Буржкова. Подрушеним за надрисла
ишми подрушеним.

С подрушеним брже:

Агротомасни Управеним,
Мтадер. Прушеним д. п. с. с.

2/2

пребывание в тюрьме привело к тяжелому заболеванию. Ее мать, Е. В. Крупская, шесть раз писала прошения об освобождении дочери ввиду ее крайне тяжелого состояния, просила также отдать ей дочь на поруки, добилась даже медицинского обследования дочери. Старший врач Дома предварительного заключения 7 марта 1897 г. в отзыве о состоянии здоровья Крупской уведомлял начальника Дома, а последний — департамент полиции, что «состояние здоровья заключенной Надежды Крупской очень неудовлетворительно». Однако департамент полиции считал, что «к освобождению обвиняемой Надежды Крупской из-под стражи по линии ДП не представляется достаточных оснований, тем более что сведения о принадлежности ее к группе пропагандистов среди рабочих находят себе достаточное подтверждение в показаниях обвиняемых Бугоркова и Щеглова».

Прокурор С.-Петербургской судебной палаты, наблюдавший за следствием по делу Крупской, сначала не обратил на нее никакого внимания — это была скромная молодая девушка, каких много тогда арестовывали. Но чем дальше шло следствие, тем все чаще и чаще он наталкивался на сведения о ее нелегальной работе. И на последнем допросе он сказал ей словами Некрасова: «Теперь я вижу, у Вас... под маской наружного холода бесконечная скрыта любовь к революции».

В своем заключении по делу Крупской прокурор писал: «Обвиняемая Надежда Крупская злоупотребляла своим положением учительницы при воскресной школе на Шлиссельбургском проспекте, играла за Невской заставой роль представительницы интеллигенции, т. е. преступного социал-демократического сообщества, и к ней рабочие обращались, имея надобность в интеллигенте-руководителе. Указанное объединяющее значение для сообщества деятельности Крупской находит себе подтверждение в ее сношениях со студентом С.-Петербургского университета Михаилом Александровичем Сильвиным, помощником присяжного поверенного Константином Константиновичем Бауэром, домашней учительницей Аполлинарией Александровной Якубовой и Зинаидой и Софьей Невзоровыми».

Когда в феврале 1897 г. Ленин вышел из тюрьмы, Крупская еще сидела, поэтому увидеться им не удалось. Перед отъездом в сибирскую ссылку Владимир Ильич передал Надежде Константиновне через ее мать написанное «химией» письмо, в котором признался в

любви. Крупская была освобождена из тюрьмы 12 марта 1897 г., после так называемой «ветровской истории» (заключенная Ветрова сожгла себя в Петропавловской крепости), но к ней были приставлены шпионы, «ходившие всюду по стопам».

**ОТНОШЕНИЕ
ДИРЕКТОРА ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ
С.-ПЕТЕРБУРГСКОМУ ГРАДОНАЧАЛЬНИКУ**

13 марта 1897 г.

Привлеченная к дознанию в С.-Петербурге по делу о преступной пропаганде среди рабочих и освобожденной 12 сего марта из-под стражи дворянке Надежде Константиновне Крупской разрешено ввиду болезненного состояния и отсутствия где-либо родных остаться на жительство в С.-Петербурге в течение двух месяцев.

...Прошу Ваше превосходительство не отказать в распоряжении об учреждении за Крупской на время ее пребывания в столице особого надзора полиции, также и негласного наблюдения и о всем, заслуживающем внимания, своевременно уведомлять.

**СООБЩЕНИЕ
НАЧАЛЬНИКА С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ПРИСТАВУ 3-ГО УЧАСТКА
ЛИТЕЙНОЙ ЧАСТИ**

17 марта 1897 г.

Отделение уведомляет Ваше высокоблагородие для сведения и объявления проживающей в доме № 4/34, кв. 42, на углу Баскова переулка и Надеждинской улицы, дочери коллежского асессора Надежде Константиновне Крупской, что ей департамент полиции ввиду болезненного состояния и отсутствия где-либо родных разрешил остаться на жительстве в С.-Петербурге в течение двух месяцев, считая срок с 15-го сего марта, причем надблести за своевременным выездом из столицы и о последующем сообщить отделению.

В «Списке обвиняемых по дознаниям, изложенным в Обзоре важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи по государственным преступлениям за 1895 и 1896 гг.» по С.-Петербургскому губернскому жандармскому управлению под № 47 значится Н. К. Крупская: «47. Крупская Надежда Константиновна, 27 лет, православная, дворянка, домашняя учительница, состояла на службе в Главном управлении казенных железных дорог...» Далее в этих «Обзорах» читаем: «...дознанием выяснены лица, которые, не принимая непосредственного участия в собраниях кружков, заведомо оказывали обнаруженному сооб-

1917
№ 12345
№ 12345
№ 12345

1917

Секретно

№ 12345
№ 12345

Въ Департаментъ Полиции.

Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в городахъ.

30 Апреля 1917 г.

2124288

Вследствие отношения отъ 15 минушаго Марта № 22, нѣтъ чести сообщать Департаменту Полиции, что негласно наблюдаемые нѣтъшкисъ въ состоянн подъ особымъ надзоромъ полиціи дворничкой Малехой Константиновой Крупской и выслезки сноженіи ея съ женой врача Евгеніей Караваевой, озвучающнцей влоскнхъ хемекнхъ курсовъ Соелой Дьяковой, дочернхъ Дѣятельнаго Статскаго Совѣтника Лидіей и Эннхдай Кннповнхъ, влоскн Табнаго Совѣтника Александрой Мухомовой, Каликовой, женой купца Дыбовъ Ледкнво, дочерью Дѣятельнаго Статскаго Совѣтника Ансей Внло, ко, дошннхй врачкн Еленой Ашурковой, дошннхй учнтельнхн Соелой Степановой Завидовой, Коллежскнхъ Секретарнхъ Николаемъ Александровнхъ Рубакннхъ, Полицнхкнхъ прнслнхнаго го-втрнннхго Николаемъ Днхтрннхъ Кнскнхъ, дочерью Коллежскаго Асснсора Александрой Константннхвой Нелозатовой и редакторнхъ газетн * Неднля * Васнлнхъ Гнхднхуровнхъ.

Какому счету долготъ прихосновуать, что Крупская 27 сего Априля выхкала изъ С. Петербурга на станціи Валдайка, Николаевской желнзной дергаи.

Генералъ-Маюръ

Начальникъ Отделенія

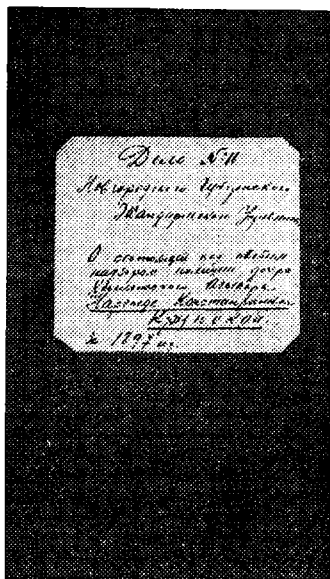
Налковнхъ

Отношение начальника петербургского охранного отделения по поводу связей Н. К. Крупской

шеству содействие тем, что заводили преступные сношения с отдельными рабочими, среди которых распространяли подпольные издания, предоставляли квартиры свои для складов подобных изданий, устраивали связи рабочих с интеллигентными агитаторами... К числу этих лиц должны быть отнесены... дочери чиновника София и Зинаида Невзоровы, близкая знакомая Шестопалова и Сильвина Надежда Крупская, рыбинская мещанка Анна Чечурина...

Чечурина и Крупская, по положению своему первая — библиотечарши при читальне Невского общества устройства народных развлечений и вторая — учительницы Варгунинской воскресной школы, войдя в близкие отношения с рабочими Шлиссельбургского участка, являлись посредницами между ними и интеллигентными организаторами преступной пропаганды, причем Чечурина устраивала свидания последних с рабочими и доставляла рабочим нелегальную литературу. Крупская же, находясь в сношениях с... рабочими Рудаковым, Максимовым и Щегловым, после ареста Стратановича, содействовала вступлению в рабочие кружки для дальнейшей преступной пропаганды обвиняемого Гофмана».

Царская тюрьма отпугивала малодушных, но она закаляла волю настоящих революционеров. После одиночного заключения Крупская вышла из тюрьмы еще более убежденной революционеркой. В ожидании приговора по своему делу она, несмотря на то что находилась под гласным и негласным надзором полиции и охраны, продолжала активную работу в «Союзе борьбы». Позднее она писала в автобиографии, что после выхода из тюрьмы «работала до весны 1898 г... в «Союзе борьбы», вела совместно с другими товарищами (И. А. Саммером и Ст. Ив. Радченко) подготовку к 1-му съезду партии». Она писала Ленину в Шушенское о ре-

Обложка «дела» Н. К. Крупской

некорректной прощупывании Васильева
дней, аргументы за вышестоящим Вру-
ской отбыл награды полиции и награды
меня: когда она правдива, а когда
от людей происходят, а мне занимают
есть, а тем же и так же, вероятно значитель-
носта для нас и тогда на временном
полномочное представителем приехал
Кружневой на отп. Евангелиста,
а равно и в Гродненской губернии
кажд за него награды - содержит много от-
временно. —

Прописано Начальником Управления
Генералом Владимиром Ковалевым

волюционных событиях, посылая необходимые ему для работы книги, выполняла различные его поручения, в том числе — по изданию сборника «Экономические этюды и статьи». Для заработка приходилось давать уроки. Именно в этот период она занималась с дочерью писателя В. Г. Короленко, о чем уже говорилось выше.

В. И. Ленин, приехав в Шушенское, послал Крупской опять «химией» большое письмо, в котором просил приехать к нему и стать его женой. Надежда Константиновна, будучи человеком очень сдержанным, принимая его предложение, написала: «Ну что ж, женой так женой»...

В конце декабря 1897 г. Крупская узнала приговор — три года ссылки в Уфимской губернии. Однако она еще до приговора решила ехать к Ленину. Поэтому подала прошение на имя министра внутренних дел, чтобы ей назначили местом ссылки село Шушенское ввиду того, что она выходит замуж за В. И. Ульянова, находящегося в селе Шушенском, и просила сократить ей срок ссылки до двух лет, так как через два года кончается срок ссылки ее жениха и, кроме того, с ней едет ее мать. Ленин в свою очередь телеграфом просил департамент полиции о разрешении для Крупской отбывать ссылку вместе с ним. Наконец разрешение было получено, однако срок ссылки не сократили.

19 марта 1898 г. Крупская обратилась в департамент полиции с прошением разрешить ей «следовать в Енисейскую губернию на свой счет». Разрешение было дано. Петербургскому градоначальнику вменялось объявить Крупской, что «если она, по прибытии в ссылку, не вступит в брак с упомянутым Ульяновым, то будет переведена в Уфимскую губернию».

16 апреля 1898 г. Крупская вместе с матерью выехала в ссылку. От Петербурга до Шушенского почти 6 тысяч верст. Ехали поездом, пароходом, на лошадях. Дорога была нелегкой, если учесть, что везли с собой и хозяйственные вещи, и теплую одежду, много книг. По просьбе Ленина Крупская везла и набор ювелирных инструментов (весом два пуда) для ссыльного рабочего О. Энгберга, жившего в Шушенском. В подарок Ленину Крупская везла керосиновую лампу с зеленым абажуром, чтобы ему удобнее было работать по вечерам. «Всю длинную дорогу я бережно держала ее на коленях...» — вспоминала она.

Уже в советские годы, оглядываясь на пройденный путь, Крупская писала: «В условиях царской России

быть революционером — значило постоянно рисковать быть арестованным, на долгие годы засаженым в тюрьму, быть сосланным, замученным. На это шли лишь люди, глубоко убежденные в том, что они борются за правое дело».

Н. К. Крупская уезжала в ссылку после того, как состоявшийся 1—3 марта 1898 г. в Минске I съезд официально провозгласил образование Российской социал-демократической рабочей партии. Он избрал Центральный Комитет, объявил «Рабочую газету» Центральным органом партии. По поручению съезда был опубликован Манифест РСДРП, который определил демократические и социалистические задачи российского пролетариата и его партии. Создание партии явилось крупным шагом вперед по пути соединения социализма с рабочим движением. «Образование партии весной 1898 года, — отмечал Ленин, — было самым рельефным и в то же время *последним* делом социал-демократов этой полосы».

ШУШЕНСКОЕ

В ссылку в сибирское село Шушенское, где находился Ленин, Крупская приехала вместе с матерью 7 мая 1898 г., а 10 июля 1898 г. Надежда Константиновна и Владимир Ильич обвенчались. Департамент полиции разрешил Крупской проживать в Шушенском только при условии немедленного оформления брака, действительным же тогда признавался лишь церковный брак. Пришлось венчаться, «проделать эту комедию», — вспоминала Крупская. От венчания зависело и получение пособия, полагавшегося жене ссыльного. После оформления брака Крупская в период ссылки получала пособие в размере 8 рублей в месяц.

В Шушенском за Крупской сразу же был учрежден гласный надзор полиции.

С приездом Надежды Константиновны Владимиру Ильичу стало легче жить и работать — рядом был любимый человек, друг, помощник и единомышленник.

В сибирской ссылке Ленин вел огромную теоретическую работу. Здесь он закончил начатую еще в тюрьме книгу «Развитие капитализма в России», в которой развил идеи Маркса, его экономическое учение. Н. К. Крупская подчеркивала значение книги: «Маркс был переведен на русский язык еще в 60-х гг. Но надо было еще Маркса перевести на язык русских фактов.

Это сделал Ленин в своей книге „Развитие капитализма в России”.

Крупская была первым читателем и первым критиком этой книги Ленина. «Я помогала ему в работе чем и как могла», — писала она позже. 14 октября 1898 г. она писала матери В. И. Ленина М. А. Ульяновой: «Первая глава уже готова, мне она показалась очень интересной. Я изображаю из себя «беспонятного читателя» и должна судить о ясности изложения «рынков», стараюсь быть как можно «беспонятнее», но особенно придаться ни к чему не могу».

В марте 1898 г. Ленин начал в интересах заработка перевод на русский язык книги известных английских общественных деятелей — Сиднея и Беатрисы Вебб «Теория и практика английского тред-юнионизма». Позже включилась в работу и Крупская. «С утра мы брались с Владимиром Ильичем за перевод Вебба», — вспоминала она. В письмах к родным перевод этой книги Ленин иногда прямо называет «наш перевод». Они вместе переводили, вместе готовили рукопись для издательства. «Вебв'а переписываем набело вдвоем с Надей», — писал Ленин старшей сестре А. Н. Ульяновой-Елизаровой. Перевод был хорошей практикой в изучении ими английского языка. 11 сентября 1899 г. Ленин сообщил матери: «Мы с Надей принялись теперь за второй том Webb'a».

Находясь в сибирской глуши, Ленин пристально следил за развитием европейского и российского социал-демократического движения. Естественно, что и Крупская находилась в курсе этих событий. Ленин раньше других понял опасность ревизионизма, зародившегося в социал-демократических партиях Западной Европы и пытавшегося извратить революционную сущность марксизма. Такую попытку предпринял немецкий социал-демократ Бернштейн в своей книге «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии». Выступив с ревизией марксизма, он проповедовал отказ от революционной борьбы рабочего класса, от диктатуры пролетариата, принижал роль теории, роль партии, проповедовал классовый мир и путь мелких экономических реформ, утверждая, что основным делом рабочих должна быть борьба за эти реформы, которые якобы могут улучшить положение трудящихся и в условиях капитализма. Ленин и Крупская, получив книгу Бернштейна 31 августа 1899 г., в тот же день начали ее читать. Об их единодушном возмущении ревизионизмом Бернштейна мы

узнаем из письма Ленина к матери от 1 сентября 1899 г.: «Книгу Бернштейна мы тотчас же приняли с Надей читать и больше половины прочли, и содержание ее все больше нас поражает. Теоретически — невероятно слабо... Практически — оппортунизм... Указания Бернштейна на солидарность с ним многих русских... совсем возмутили нас».

Крупская с негодованием отмечала, что в «Предпосылках социализма и задачах социал-демократии» Бернштейн опровергает теорию исторического материализма и вытекающие из нее положения о движущих силах революции, о борьбе пролетариата, о неизбежности замены капиталистического строя в результате этой борьбы строем социалистическим. «Бернштейн,— писала она,— выдвигая теорию примирения классов, утверждал, что «цель — ничто, движение — все», борьбу за социализм подменял борьбой за реформы».

В борьбе против Бернштейна, ревизионизма Ленин использовал и книгу К. Каутского «Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика», в которой автор, будучи в то время марксистом, выступал против Бернштейна, развенчивал легенду о нем как о «смельном и оригинальном теоретике». Получив книгу Каутского, Ленин и Крупская в течение двух недель перевели ее на русский язык. «Мы побросали все дела и перевели ее в срок — в две недели», «в 4 руки перевели», — вспоминала Крупская. «Мы тогда Каутского тщательно изучали... — писала она, — брали у Каутского то, что было у него революционного». Перевод, сделанный для ссыльных товарищей, переходил из рук в руки; переписанным его пересылали и в другие, более отдаленные колонии политических ссыльных. Забегая вперед, отметим, что, когда Крупская отбывала оставшийся срок ссылки после Шушенского в Уфе, у нее имелся рукописный экземпляр перевода этой книги Каутского. Она давала его читать ссыльным Уфы и губернии, посылала его Л. М. Книпович в Астрахань. Ленин, находившийся в это время за границей, просил Крупскую прислать ему этот перевод. В связи с этим Крупская писала 22 декабря 1900 г. М. А. и М. И. Ульяновым: «Перевод... Володя просил переслать ему, не знаю только, он принял такой трепаный вид, что неудобно и пересылать-то». «Трепаный вид» значит «многие его читали».

Перевод книги Каутского с немецкого языка на русский, сделанный в 1899 г. Лениным при участии Крупской, был издан в 1905 г. под заглавием «К. Каутский».

Сборник статей», имя переводчика не приводится. В 1906 г. книга вышла вторым изданием с указанием: «Перевод Ленина». Вкладом Крупской в борьбу с оппортунизмом является также сделанный ею совместно с В. М. Величкиной перевод книги К. Каутского «Очередные проблемы международного социализма» (1906 г.)

Волна оппортунизма захватила и часть российской социал-демократии, в рядах которой появились последователи Бернштейна, так называемые «экономисты», представлявшие разновидность международного ревизионизма. Крупская выступала твердым сторонником Ленина в борьбе как против международного оппортунизма-ревизионизма, так и против его разновидности — «экономизма» — в России. По ее словам, «экономизм» только был окрашен в российский цвет, но по существу дела он представлял собой вариации международного оппортунизма. Программный документ «экономистов» — «Кредо» (символ веры), присланный Ленину из Петербурга, представлял собой, как отмечал Ленин, квинтэссенцию социал-демократического оппортунизма. Ленин подверг этот манифест «экономистов» уничтожающей критике в написанном им «Протесте российских социал-демократов» и призвал русских социал-демократов объявить решительную войну всему кругу оппортунистических идей «экономистов», выступивших против создания в России марксистской революционной пролетарской партии, против ее руководящей роли в революционном движении. В «Протесте» отмечалось, что программа «экономистов» сводится к тому, чтобы рабочий класс России ограничился экономической борьбой, а «либерально-оппозиционные элементы» боролись при «участии» марксистов за «правовые формы». Ленин гневно писал, что «осуществление подобной программы было бы равносильно политическому самоубийству русской социал-демократии». В августе 1899 г. «Протест» был обсужден и одобрен собранием 17 ссыльных социал-демократов в селе Ермаковском. В собрании участвовали В. И. Ленин, Н. К. Крупская, а также А. А. Ванеев, Д. В. Ванеева, М. А. Сильвин, В. К. Курнатовский, П. Н. Лепешинский, О. Б. Лепешинская и Н. Н. Панин, проживавшие в Ермаковском; из Шушенского приехал О. А. Энгберг; из Минусинска — В. В. Старков, А. М. Старкова, Г. М. Кржижановский, З. П. Кржижановская; из села Тесинского — А. С. Шаповалов, Ф. В. Ленгник и Е. В. Барамзин. Все они единодушно подписали этот документ. По воспоминаниям Ф. В. Лен-

гника, собрание в Ермаковском положило начало так называемой «искровской организации».

Крупская много сделала для ознакомления социал-демократов с «Протестом». Она не раз переписывала его и нелегально рассылала товарищам по «Союзу борьбы», работавшим в Петербурге или находившимся в ссылке в разных, порой самых отдаленных местах. О получении от Крупской (через Л. М. Книпович) «Протеста» в Астрахани вспоминала бывшая там в ссылке по делу Лахтинской типографии А. Катанская. «Как сейчас помню,— писала она,— тонкие листки бумаги, все исписанные мелким почерком Надежды Константиновны и вложенные в переплет книги, которую мы вместе с Книпович потрошили». Получение в Астрахани «Протеста» привело к активизации борьбы революционных социал-демократов против «экономизма», к расколу в местной колонии ссыльных. «Помню,— писала А. Катанская,— как после получения «Кредо» и «Протеста 17 товарищей» у нас произошел резкий раскол». По свидетельству А. Катанской, в Астрахани «Протест» был размножен сотенным тиражом и распространен по Поволжью.

В ссылке Крупская вела почти всю деловую переписку Владимира Ильича, легальную и нелегальную. «...Поддерживала сношения с другими местами»,— скромно писала она об этом времени впоследствии в автобиографии. «Переписка была обширная,— вспоминала она.— Приходили письма из России (т. е. из европейской части России.— С. М.). Писала подробно обо всем Анна Ильинична, писали из Питера... Получали письма из Туруханска от Мартова, из Орлова Вятской губернии от Потресова. Но больше всего было писем от товарищей, разбросанных по соседним селам... Переписывались обо всем — о русских вестях, о планах на будущее, о книжках, о новых течениях, о философии». Эта деятельность Крупской стала известна полиции. Много позднее в одном из документов департамента полиции отмечалось: «Ульянова... с 1898 г. ведет обширную конспиративную переписку по делам партии со многими лицами».

Крупская регулярно переписывалась с родными В. И. Ленина. Большею частью она писала Марии Александровне, старалась успокоить мать, волновавшуюся за сына. Письма Крупской полны оптимизма, мельчайших подробностей об их жизни в ссылке. Она писала не только о работе, но и об отдыхе: прогулках, купании,

охоте, катании на коньках. Крупская всячески расхваливала их ссыльную жизнь. Жалея близких, она, конечно, не писала им о тяжести ссылки, об обыске, который у них был 2 мая 1899 г., о волнениях и о той тоске по активной партийной работе, которая порой охватывала Владимира Ильича.

Ленин тем не менее старался поддерживать товарищей по ссылке, не давал им впадать в уныние. Он побывал у ссыльных марксистов почти во всех населенных пунктах Минусинского округа. В этих поездках его постоянной спутницей была Крупская. Несколько раз они ездили в Минусинск, в села Тесинское, Ермаковское, деревню Ивановку. Во время встреч с товарищами обсуждали назревшие вопросы революционного движения, вели дискуссии по теоретическим проблемам. Радушно встречали они у себя в Шушенском приезжавших к ним товарищей по ссылке. В письмах родным Крупская подробно рассказывала об этом. Ее письма являются практически единственным источником об этом периоде жизни и деятельности Ленина.

В ссылке Крупская начала заниматься научной работой. По совету Ленина она стала писать книжку «Женщина-работница». Вопросу о роли женщины в общественной жизни Ленин придавал большое значение. А. М. Старкова, ехавшая в октябре 1898 г. на пароходе вместе с Лениным, возвращавшимся из Красноярска в Минусинск, вспоминала, что в беседе с ней Ленин затрагивал и вопрос о положении и роли женщины в обществе. «Я очень волновалась, выйдет ли она у меня. Владимир Ильич меня подбадривал,— вспоминала Крупская,— следил за этой моей работой, давал советы, вносил поправки». Ленин фактически редактировал брошюру в процессе работы Крупской над ней.

Напечатать брошюру в России легально было невозможно, и поэтому, когда Ленин в 1900 г. выехал за границу, чтобы наладить издание газеты «Искра», он захватил с собой и рукопись этой работы (провез ее нелегально). Там он показал ее старой революционерке В. И. Засулич. Крупская вспоминала, что в письме «химией» из Мюнхена Ленин известил ее, что редакция «Искры» решила издать брошюру нелегально, и сообщил отзыв Веры Ивановны Засулич. Вере Ивановне брошюра очень понравилась, некоторые места, по ее мнению, надо было написать иначе, но работа, как она выразилась, «написана обеими лапами».

Работа Крупской состоит из трех глав: «Женщина

как член рабочего класса», «Положение женщины-работницы в семье», «Женщина и воспитание детей». В первой главе Крупская анализирует положение и роль деревенской и городской трудящейся женщины в обществе, семье, воспитании детей. На ярких, неопровержимых примерах она подводит читателя к выводу о том, что положение женщины тесно связано с положением всего рабочего класса и что без победы рабочих женщина не может добиться своего раскрепощения. «Лишь борясь рука об руку с мужчиной за рабочее дело,— пишет Крупская,— женщина найдет ключи от „счастья женского, от женской вольной волюшки”». Она показывает тяжелое положение трудящейся женщины при царском строе. Безрадостна жизнь крестьянки из бедной семьи. «Какова жизнь крестьянки в таких бедных семьях,— нечего и говорить,— пишет Крупская.— В пыли, грязи, холоде бьется женщина-крестьянка, как и ее муж, над клочком выпаханной земли, обязывается работой соседнему помещику, либо... богатому крестьянину, бьется, чтобы достать лишний грош на уплату податей и недоимок, голодает, хворает с голоду, смотрит, как голодают ее дети,— и, не покладая рук, работает». Далее Крупская показывает, какой жестокой эксплуатации подвергается женщина-работница в городе, работая на капиталистических предприятиях. Трудясь наравне с мужчиной, женщина получает более низкую плату за свой труд. Порой заработная плата женщин так низка, что просуществовать на нее невозможно, и если женщине приходится жить самостоятельно, то нужда заставляет ее продавать не только свою рабочую силу, но и самое себя, проституция служит ей дополнительным заработком. Тяжко и положение женщины, занятой вместе со всей семьей кустарным промыслом. Надрываясь над работой по 16—19 часов в сутки, включая и детей, которые начинают работать с 5—8 лет, семья не может свести концы с концами и попадает в кабалу к ростовщику. Кабала ростовщика унижительнее всего сказывалась на жене кустаря. В некоторых местах, например в селе Павлове, существовал обычай «заклада жен», то есть до получения денег от кустаря, данных ему на время, ростовщик брал в залог его жену.

Во второй главе автор показывает экономическую зависимость женщины-работницы от кормильца-мужчины, порожденной существующим капиталистическим строем. Как марксист, Крупская не ограничивается описанием тяжелого положения трудящейся женщины,

она раскрывает классовые корни, причину женского неравенства и угнетения, которые кроются в общественном и государственном строе, основанном на частной собственности и эксплуатации.

Через всю брошюру красной нитью проходит положение марксизма о необходимости участия женщины в политической борьбе, о том, что освобождение трудящихся возможно только путем победы пролетарской революции.

Женщина-труженица — резерв пролетариата в грядущей революции. Судьба общедемократического и пролетарского движения зависит от того, на чьей стороне женские массы. Поэтому, писала Крупская, необходимо, чтобы в борьбе за рабочее дело женщина шла рука об руку с мужчиной.

Брошюра была первой марксистской работой в России на русском языке о положении трудящейся женщины, изданной Российской социал-демократической рабочей партией для работниц. Написанная просто и доходчиво, брошюра сыграла большую роль, пробуждая сознание женщины, указывая ей выход из беспросветной жизни, вовлекая ее в революционное движение.

«Женщина-работница» — первая марксистская работа в России не только по женскому вопросу, но и по вопросу о воспитании детей. В третьем разделе брошюры Крупская разработала педагогические вопросы. На большом фактическом материале она показала крайне бедственное положение детей трудящихся. Из-за недоедания, отсутствия ухода и медицинской помощи, из-за плохого жилья, скученности половина детей трудящихся умирает до пятилетнего возраста. Большинство детей не посещают школу. А те дети, которые ходят в нее, выучиваются лишь кое-как читать, писать да считать. Правительству выгодно держать народ в невежестве, и потому в школах запрещают говорить правду, а учителей обязывают учить детей почитать бога да царя. Где же выход из такого положения для детей работниц и крестьянок? Политическая борьба — вот тот путь, которым рабочие могут добиться существенного улучшения своего положения.

В брошюре Крупской уделено внимание и вопросу о школе в социалистическом обществе. В будущей школе, пишет она, ученики будут приобретать гораздо больше знаний, они будут в то же время приучаться в школе и к производительному труду, а главное, школа будет не только учить, она будет развивать в них все силы,

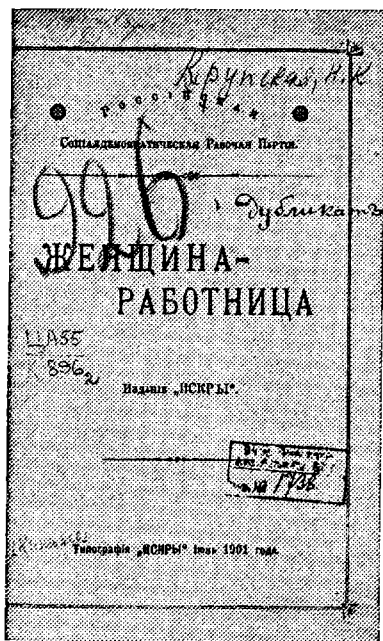
духовные и физические, будет воспитывать из них сильных, здоровых, умных, полезных и знающих людей, делает из них хороших граждан. «Женщина-работница не может не оценить всех благ общественного воспитания,— заключает Крупская.— Материнское чувство заставляет ее желать общественного воспитания детей, социалистического строя, победы рабочего дела!» Многие требования первой программы РСДРП (1903) по вопросам образования, охраны женского и детского труда почти текстуально совпадают с требованиями, о которых писала Крупская в своей брошюре.

Работу над брошюрой «Женщина-работница» Крупская закончила в 1899 г. Позднее, отбывая оставшийся срок ссылки в Уфе, она добавила в нее новейшие сведения об участии женщин в стачечной борьбе. Работа над брошюрой явилась продолжением ее партийной деятельности в условиях, когда она была оторвана от непосредственного общения с рабочими массами.

Впервые брошюра была напечатана (без указания автора) в типографии «Искры» в Мюнхене в феврале 1901 г. под редакцией Ленина. Редакция «Искры» придавала большое значение книжке «Женщина-работница», как и другой искровской литературе, и уделяла немало внимания ее распространению. В письме редакции П. Н. Лепешинскому в Псков от 8 (21) марта 1901 г. сообщалось: «У нас теперь вышли 1-й и 2-й номера «Искры», брошюры: о харьковской маевке и другая — «Женщина-работница». Пришлите адресов для посылки нелегалыщины...» На следующий день секретарь редакции «Искры» сообщала в петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»: «На даваемый Вами теперь адрес я пошлю на днях брошюру „Женщина-работница“».

Путь нелегальной литературы в Россию, в том числе и брошюры «Женщина-работница», был нелегким, и, когда удавалось найти какой-нибудь способ доставки, его немедленно использовали. Так, 1 (14) мая 1901 г. редакция «Искры» сообщала в Полтаву о том, что «удалось... наладить транспорт». Издания «Искры» были распределены по городам и организациям, так, Паша (Полтавская группа содействия «Искре») среди других изданий должна была получить 20 экземпляров брошюры «Женщина-работница» и поделиться с Женей (группой «Южный рабочий»).

«Женщина-работница» читалась рабочими с большим интересом и служила хорошим пособием для про-

Обложка книги «Женщина-работница»

пагандистов и агитаторов. Об этом свидетельствует и письмо в редакцию «Искры» из Харькова от товарища Крупской по уфимской ссылке А. И. Петренко. «Сегодня прочел брошюру «Женщина-работница»,— писал он.— В первое же совещание вношу предложение о выписке ее в 1000 экземплярах. Если предложение целиком не будет принято, то все же надеюсь, что несколько сотен экземпляров будет выписано». В письме, отправленном в редакцию «Искры» несколько дней спустя, А. И. Петренко извещал: «Брошюра «Женщина - работница» одобрена комитетом и принята для массового распространения».

Спрос на искровскую литературу, в том числе и брошюру «Женщина-работница», был велик, и обеспечить потребность в ней путем нелегального ввоза из-за границы было невозможно, поэтому в Кишиневе была организована русская нелегальная типография «Искры». В ней в июне 1901 г. была отпечатана брошюра Н. К. Крупской «Женщина-работница» (по заказу харьковского комитета) тиражом 500 экземпляров и послана редакции «Искры», Ленину и Крупской в Мюнхен Л. И. Гольдманом, одним из организаторов типографии, как первый образец ее продукции. Получив брошюру, Крупская написала в Кишинев Л. И. Гольдману: «Дорогой товарищ! порадовали же Вы нас своей посылкой! сделано великолепно... Назначьте срок, когда прислать материалы для следующей брошюры... Повторяем, Вы страшно обрадовали нас». В. И. Ленин в свою очередь сделал к этому письму приписку: «От себя видевший Вас здесь новый знакомый шлет Вам тройное ура по поводу такого успеха!!!»

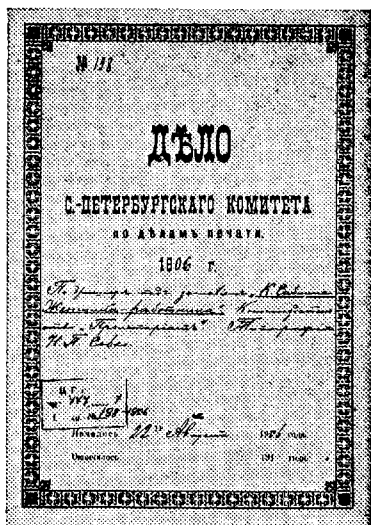
Члены редакции «Искры» по поводу выхода брошю-

ры писали в одной из корреспонденций в августе 1901 г. в Париж: «В нашей русской типографии вышло очень хорошо исполненное 2-е издание «Женщина-работница». К сожалению, у нас всего 1 экземпляр, почему не можем его выслать». Действительно, трудно было поверить, что это продукция кустарной типографии, настолько добротным было качество печати. Чтобы дезориентировать правительство и таким образом обезопасить кишиневскую типографию, «Искра» 10 сентября 1901 г. в № 8 объявила, что типография «Искры» выпустила 2-е издание брошюры «Женщина-работница».

В письме Л. И. Гольдману от 19 сентября (2 октября) 1901 г. Крупская писала: «Надо, чтобы брошюра попала также и в Москву и в Петербург». Теперь мы можем с уверенностью сказать, что в Москву брошюра была тогда доставлена агентами «Искры». Об этом свидетельствует донесение начальника отдела по охране общественного порядка в Москве Ратаева от 5 октября 1901 г. начальнику московской охранки Зубатову. «Искровцы уже поставили в России собственную типографию, на которой месяц назад напечатали второе издание „Женщины-работницы“» — сообщалось в донесении.

Брошюра, созвучная нараставшему в народной гуще революционному настроению, продолжала распространяться. Во время обысков у революционеров среди другой революционной литературы полиция находила и работу Крупской.

Несмотря на два издания, осуществленные в 1901 г., спрос на книжку был велик. В августе 1903 г. брошюра «Женщина-работница», также нелегально, была переиздана в социал-демократической типографии в России без указания места издания и автора, тиражом

Дело петербургского комитета по делам печати по брошюре «Женщина-работница»

3 тысячи экземпляров. Легально книжка вышла в Петербурге в 1905 г. в издательстве «Пролетариат». «Ее подписали выдуманной фамилией, которой меня иногда называли, — Саблиной», — вспоминала Крупская. Тираж брошюры — 20 тысяч экземпляров.

Брошюра сразу привлекла внимание и, естественно, вызвала преследование со стороны цензурных, судебных и полицейских учреждений*. Тем не менее тираж удалось вывезти из типографии, распространить в Петербурге и провинции. В руки полиции попали немногие экземпляры.

Таким образом, до Октябрьской революции брошюра издавалась четыре раза: в феврале 1901 г. — в Мюнхене, в июне 1901 г. — в Кишиневе, в августе 1903 г. — в социал-демократической типографии в России (без указания точного места издания), в 1905 г. — в Петербурге. Общий ее тираж, к сожалению, установить не удалось; по имеющимся данным, тираж трех изданий (в июне 1901 г., в 1903 и 1905 гг.) составляет 23 500 экземпляров.

Работа Н. К. Крупской «Женщина-работница» является одним из лучших произведений марксистской литературы по пролетарскому женскому революционному движению. Она сыграла значительную роль в активизации работниц в период первой русской революции и позднее. Книжка не потеряла своего значения и после победы Октября. В 1925 г. в предисловии к ее новому изданию Крупская писала: «Перечитывая брошюру, я подумала, что надо согласиться на предложение товарищей перепечатать эту старую книжечку. Сравнивая описание тогдашнего положения женщины-работницы с теперешним, наглядно видишь, как далеко ушли мы вперед. Но видишь и другое, — видишь, как много еще не сделано и как упорно надо работать, чтобы добиться полного раскрепощения женщины-работницы».

Время, проведенное Крупской вместе с Лениным в ссылке, несмотря на трудности, навсегда осталось в ее памяти как одна из самых светлых полос ее жизни. «Мы, ведь, молодожены были, — и скрашивало это ссылку. То, что я не пишу об этом в воспоминаниях, вовсе не значит, что не было в нашей жизни ни поэзии, ни молодой страсти», — писала позднее она. «Так живо

* В Ленинграде, в ЦГИА СССР, хранятся документы, содержащие переписку о преследовании брошюры, — наложение на нее ареста и приговор об уничтожении.

ОФИСЪ
Министерство
Внутреннихъ Дѣлъ.

ВЕРНО
29 Окт. 1899

Содержан.

7
60

Генералъ-Адмиралъ Курляндскій

ДЕПАРТАМЕНТЪ
ПОЛИЦІИ.

№ . 5 . Делопроизводство

Исх. № 1899

№ 1108

Департаментъ Полиціи имѣетъ честь покорнѣе про-
сить Ваше Превосходительство приказати обзавести состоян-
іемъ гласныхъ извѣстныхъ поспѣше въ с. Шумонскомъ, Милослав-
скомъ уездѣ, Псковской Губерніи (урожденной Крупской), что
когда-либо въ с. разрѣшеніи ей пожить на жительство въ
с. Псковъ, Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ признана не под-
лежащая удовлетворенію.

64
99

Вашъ Директоръ

Секретарь

Б. С. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ
30 Октября 1899 г. № 110
Секретарь, Губернаторъ, Председатель
Всего Мн. Дѣлъ

Директоръ-исполнитель

Департаментъ полиціи призналъ «не подлежащимъ удовлетворенію»
когда-либо въ с. разрѣшеніи ей пожить на жительство въ
Псковъ

встает перед глазами то время первобытной цельности, радости существования. Все какое-то первобытное — природа, щавель, грибы, охота, коньки, тесный, близкий круг товарищей, — ездили на праздники... в Минусинск, тесный, тесный круг товарищей-друзей, совместные прогулки, пение, совместное какое-то наивное веселье, дома — мама, домашнее первобытное хозяйство, полунатуральное, наша жизнь — совместная работа, одни и те же переживания, реакции...»

И все же с нетерпением ожидали Ленин и Крупская окончания ссылки. Владимир Ильич перестал спать, страшно исхудал; чем дальше, тем больше овладевало им нетерпение, тем больше рвался он на работу. 29 января 1900 г. наконец кончился срок ссылки Ленина, и в тот же день утром он вместе с Крупской и ее матерью покинул Шушенское. Проводить их собрались ссыльные и крестьяне. О. А. Энгберг подарил Крупской, своей учительнице, самодельную брошку в виде книги с надписью: «Карл Маркс», в память о занятиях с ним по «Капиталу». В день отъезда стоял тридцатиградусный мороз. Крупская образно писала: «Наконец, урядившись в валенки, дохи и пр., двинулись в путь. Ехали на лошадях 300 верст по Енисею, день и ночь, благо луна светила вовсю. Владимир Ильич заботливо засупонивал меня и маму на каждой станции; осматривал, не забыли ли чего... Мчались вовсю, и Владимир Ильич... уносился мыслью в Россию, где можно будет поработать вволю».

УФА

6 февраля 1900 г. около 5 часов вечера приехали в Уфу. Здесь Надежда Константиновна должна была отбыть еще год ссылки, так как просьба перевести ее в Псков, куда направлялся Ленин, Министерство внутренних дел признало не подлежащим удовлетворению. Хотя Уфа значилась в числе городов, запрещенных для проживания Владимира Ильича, он все-таки остановился здесь, чтобы помочь жене устроиться в незнакомом месте. Очень его волновало, оставят ли ее в губернском городе или же зашлют в какой-нибудь уезд. К счастью, Крупскую оставили в Уфе, но вопрос этот решился только в конце февраля, уже после отъезда Ленина.

**ОТНОШЕНИЕ
ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ
УФИМСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ**

24 февраля 1900 г.
Секретно

Вследствие отношения от 7 февраля сего года за № 243 департамент полиции имеет честь уведомить Ваше превосходительство, что жена дворянина Надежда Константиновна Ульянова, урожденная Крупская, привлекалась в 1898 году в С.-Петербурге по делу о преступном сообществе «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», дознанием установлено, что Ульянова устраивала рабочие кружки, причем была посредницей между рабочими и интеллигенцией, давая первым руководителей.

На основании высочайшего повеления 11 марта 1898 г. Ульянова подлежала высылке в Уфимскую губернию под гласный надзор полиции на три года сроком по 11 марта 1901 года, но, согласно ходатайства названной личности, ей было разрешено переехать в Енисейскую губернию: в место водворения мужа Владимира Ульянова, который, по истечении 29 января сего года срока ссылки в Восточную Сибирь, возвратился в Европейскую Россию, почему и Надежда Ульянова получила разрешение переехать в Уфимскую губернию, с подчинением гласному надзору полиции, сроком по 11 марта 1901 года. Что же касается ходатайства Ульяновой о дозволении ей отбыть срок надзора в г. Уфе, то разрешение означенного ходатайства представляется усмотрению Вашего превосходительства.

Уфимская колония политических ссыльных социал-демократов в идейном отношении являла тогда картину того «разброда, распада, шатания», о которых Ленин писал в «Что делать?», имея в виду состояние русской социал-демократии в период 1898—1901 гг. Следствием этого и явился раскол среди ссыльных и социал-демократов в Уфе, о котором Крупская позднее писала в своих воспоминаниях: «Незадолго до моего приезда в Уфу там была ссыльная история, и социал-демократическая публика раскололась на два лагеря. В одном лагере были: Крохмаль, Цюрупа, Свицерский, в другом — братья Плаксины, Салтыков, Квятковский. Чачина и Аптекман стояли вне группировок, поддерживали отношения с обеими группами». Причиной раскола явились идейные разногласия, борьба между революционными марксистами и сторонниками «экономизма». Поводом для раскола послужил полученный здесь в 1899 г. «Протест российских социал-демократов». Крупская писала: «Мне была ближе первая группа, с которой я скоро сблизилась».

Встреча и беседа Ленина и Крупской с уфимскими социал-демократами состоялась на квартире В. Н. Крохмали. «В тот вечер разговор шел на тему об «эконо-

мизме» и о необходимости вести с ним решительную борьбу, более активное участие в споре из нашей ссылкеной братии принимали Попов и Бойков,— вспоминал А. И. Петренко.— Я здесь из уст Владимира Ильича впервые услышал точное и ясное определение, что такое политическая партия и как она должна вести борьбу при данных условиях».

Встречи и беседы с Лениным и Крупской продолжались и в последующие дни. Некоторые участники собрания приходили в гостиницу к Ульяновым для «приватной» беседы. Ленин знакомил местных социал-демократов со своим планом издания за границей общероссийской нелегальной марксистской газеты, договаривался о ее поддержке. Эти встречи оставили у участников глубокий след. «...Как будто в душной комнате широко распахнули окно, через которое ворвался свежий, бодрящий, освещенный солнечными лучами воздух» — так образно передал свои впечатления А. И. Петренко. Таким образом, был создан первый опорный пункт «Искры».

«Пару дней* пробыл Владимир Ильич в Уфе,— вспоминала Крупская,— и, поговоривши с публикой и препоручив меня с мамой товарищам, двинулся дальше... Очень жаль было расставаться, когда только что начиналась «настоящая» работа, но даже и в голову не приходило, что можно Владимиру Ильичу остаться в Уфе, когда появилась возможность перебраться поближе к Питеру». Переехав в Псков, Ленин мог приступить к выполнению продуманного во всех деталях еще в Сибири плана издания за границей нелегальной общероссийской марксистской газеты. Вокруг нее должны были объединиться разрозненные социал-демократические кружки и комитеты. Как всегда, на первый план Ленин и Крупская ставили интересы дела, их общую революционную работу.

7 февраля Крупская предъявила в полицию Уфы проходное свидетельство и сразу же за ней был учрежден гласный надзор полиции. Товарищи помогли найти квартиру (в доме на Приютской улице, ныне — улица Кирова, 20). Необходимо было позаботиться о заработке, так как после окончания ссылки Ленина она лишалась того скудного денежного пособия, которое получала в Шушенском. Ленин, не имея постоянного заработка, не мог ей систематически помогать. Ссылные

* В. И. Ленин пробыл в Уфе около недели.

4897
МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДѢЛ

Внутреннее Министерство

7648

Москва
Собр. - Павуций местн. кр.

ДЕПАРТАМЕНТЪ
ПОЛИЦІИ.

№ 5. 1900

1 марта 1900

№ 10

Департаментъ Поли-
ции имеет честь поворачи-
ти просить Ваше Прево-
дительство прекратить
объявлять графиками
въ Москву по Высшему
Суду гласно д. 45 18 1888
Дисциплинарнаго Вѣдѣна
со Соборника Марии Ахмет-
Нової Ульяновой, что ходи-
таментъ о разрѣшеніи пе-
реѣзда въ Наврузднъ Ульяно-
вой оставшии подъ надзоръ
пачуши въ Тобилской гу-
берніи прислать въ Москву
Министерство Внутрен-
нихъ Дѣлъ прислать не
подписавшии уведомленіе
лично

Съ Высш. - Директорск. кр.

Д. М. Ульяновской

Департамент полиции отклонил просьбу М. А. Ульяновой о переезде Н. К. Крупской в Москву

товарищи помогли Крупской найти частные уроки, переводы.

Перед отъездом за границу Ленин вместе с матерью и старшей сестрой навестили Надежду Константиновну. Приехали они в Уфу 15 июня 1900 г. Из-за ремонта прежней квартиры Крупская жила в доме № 78 на углу улиц Тюремной и Жандармской (ныне угол улиц Крупской и Достоевского). Ленин шутил, что это самые подходящие для нее улицы. Владимир Ильич за прошедшие месяцы побывал в Москве, Риге, Подольске, Петербурге (дважды) и Нижнем Новгороде. «Усердно вил Владимир Ильич нити организации, которые должны были тесно связывать будущую заграничную общерусскую газету с Россией, с русской работой», — писала Крупская много лет спустя. В Уфе по случаю приезда Ленина прошел ряд собраний, по словам А. Д. Цюрупы, «были споры и даже горячие бои». Ленин встречался также с социал-демократами, специально приезжавшими в Уфу из других городов, чтобы договориться о содействии будущей газете и связях. Крупская организовывала все эти встречи и совещания и сама участвовала в них. Кроме И. С. Якутова Крупская познакомила Ленина с социал-демократкой И. С. Кадомцевой. Встречались Ленин и Крупская с приехавшими из Екатеринбурга И. П. Мазановым, рабочим, только что вернувшимся из туруханской ссылки. Приезжал из Воронежа В. А. Носков посоветоваться с Лениным о создании «Северного рабочего союза».

Более двух недель пробыл на этот раз Ленин в Уфе, но они пролетели так быстро, что Надежде Константиновне показалось, будто только «около недели прожил тогда в Уфе Владимир Ильич». Заручившись поддержкой единомышленников, создав в разных городах прочные опорные пункты будущей газеты (в Уфе опорным пунктом руководила Крупская), Ленин в июле 1900 г. уехал за границу, чтобы наладить издание «Искры». К сожалению, его письма Надежде Константиновне отсюда не сохранились, потому что переписка велась «химией» и «все письма уничтожались тотчас же по прочтении». Сохранилось только одно большое деловое письмо, написанное в августе 1900 г. и посланное в Уфу из Швейцарии. В нем обстоятельно рассказывалось о причинах и сущности раскола, который произошел в апреле 1900 г. между плехановской группой «Освобождение труда» и «Союзом русских социал-демократов за границей», ставшим на позиции «экономизма».

По сообщениям Ленина чувствовалось, что дело с изданием газеты шло не так быстро, как того хотелось. «Трудно было столкнуться с Плехановым, и письма Владимира Ильича из-за границы были кратки, невеселы, кончались: „расскажу, когда приедешь“, „о конфликте с Плехановым подробно записал для тебя“». Это описание встреч с Плехановым и переговоров с ним об издании «Искры» известно под названием «Как чуть не потухла «Искра»?». Оно предназначалось для самого близкого Ленину человека — Надежды Константиновны. Владимир Ильич рассказывает ей о той душевной драме, которую ему пришлось пережить во время переговоров с Плехановым.

В Уфе Н. К. Крупская, несмотря на полицейский надзор, стала вести занятия в рабочих кружках. Переpletчик А. И. Крылов вспоминал: «...мы прорабатывали «Коммунистический манифест» К. Маркса и Ф. Энгельса, изучали политическую экономию по «Капиталу» К. Маркса. Обычно после каждого занятия Надежда Константиновна знакомила нас с международной обстановкой и говорила о неизбежности пролетарской революции. С жадностью мы слушали простые и убедительные ее слова». Крылов бывал у Крупской и дома, помогал ей налаживать связи с рабочими, рассказывало работе местных печатников, дал материал о забастовке типографских мальчиков в Екатеринбурге, который затем был опубликован в первом номере «Искры». Старательно готовил он двойные переплеты книг, в которые заделывались письма и корреспонденции, посылаемые за границу в редакцию «Искры».

Глубокие марксистские знания и навыки конспирации выдвинули Крупскую в Уфе в число наиболее авторитетных местных социал-демократов. Уфа становилась одним из центральных пунктов революционной жизни на востоке европейской части страны, а Крупская — центром всей нелегальной работы в Уфе и губернии. Сюда к Крупской под любыми предлогами старались приехать ссыльные Стерлитамака, Бирска, Белебея и других уездных городов за «новостями», получить совет или новую нелегальную книжку. Крупская находила все новых сторонников и корреспондентов газеты, направляла их работу, учила писать шифром, соблюдать необходимую конспирацию. Кроме того, она была связующим звеном между Лениным и уфимскими социал-демократами. «Через Надежду Константиновну велась с ним переписка,— вспоминал А. И. Петренко,— от нее

мы узнавали наиболее интересные политические новости, о которых нельзя было прочесть в легальной периодической печати. Жизнь уфимской колонии ссыльных стала более красочной, насколько это было возможно при полицейском режиме».

Уфа лежала на пути из Сибири в Центральную Россию, поэтому возвращавшиеся ссыльные социал-демократы, останавливаясь в городе, заходили к Крупской, договаривались о дальнейшей революционной работе. Очень краткие, отрывочные сведения об этом содержатся в ее письмах родным — 26 августа 1900 г.: «...в Уфе сутолочно... Теперь, положим, время такое, кто уезжает, кто приезжает, кто проезжает»; 11 сентября: «На днях поджидаю одного возвращающегося товарища, он бы должен был проехать уже давно...»; 2 декабря: «Сибиряки пишут редко, а от проезжих я знаю только, что Глеб похудел, а Зина потолстела. Маловато»; 22 декабря: «Мы живем на большой дороге, и у нас постоянно бывают проезжие, которые вносят немало разнообразия в нашу жизнь. Недавно как-то был один минусинский знакомый...». Все они имели явку к Крупской. Уже в советские годы Крупская писала об одном из таких посещений: «Осенью 1900 г. неожиданно приехала ко мне в Уфу на пару дней Лидия (Книпович.— С. М.), тайно уехавшая из Астрахани. Потолковали мы с ней обо всем, условились о шифре и пр. Когда стала выходить «Искра»... вела с нами конспиративную переписку, налаживала заграничный транспорт...» В конце лета заехала к Крупской возвращавшаяся из Сибири Г. И. Окулова, чтобы договориться о ее «дальнейшей революционной работе и поехать туда, где наиболее нужно». Приезжала к Крупской О. А. Варенцова из Воронежа, куда отправилась в феврале 1901 г., по истечении срока ограничений. Она хотела получить первый номер «Искры» и адреса для непосредственной переписки с редакцией «Искры» (до этого она была связана с редакцией «Искры» через Крупскую).

Велась Крупской переписка с Г. М. и З. П. Кржижановскими, П. Н. и О. Б. Лепешинскими, В. В. и А. М. Старковыми, М. А. и О. А. Сильвиными, Г. И. Окуловой, В. К. Курнатовским, а также с другими соратниками по революционной борьбе. Эта переписка с единомышленниками имела большое значение для их сплочения вокруг будущей «Искры».

В декабре 1900 г. в Лейпциге вышел первый номер ленинской «Искры». Несмотря на то что транспорт с

газетой, предназначавшейся для Уфы, был захвачен полицией, номер в конце января — начале февраля 1901 г. все же был получен через Крупскую и распространялся не только среди социал-демократов самой Уфы, но даже на отдаленных заводах губернии и вызвал огромный политический подъем среди социал-демократов, оживление работы, повышенный спрос на нелегальную литературу, которой, по словам Крупской, «было очень мало». В воспоминаниях старого большевика, уральского рабочего Ф. Н. Сызранкина, рассказывается о том, какое огромное, незабываемое впечатление на рабочих произвел первый номер «Искры» с напечатанной в ней ленинской статьей «Насущные задачи нашего движения», зовущей к созданию марксистской рабочей партии, к политической борьбе за освобождение рабочего класса.

Путь нелегальной литературы в Россию был нелегким и рискованным. В марте 1901 г. в Уфу из Полтавы был отправлен ящик с «домашними вещами». Однако при перегрузке на станции ящик развалился, и железнодорожный жандарм увидел, что в нем литература, газета «Южный рабочий». Почти одновременно, в феврале 1901 г., на западной границе, в районе Либавы, был перехвачен крупный транспорт искровской литературы с указанием на двух тюках буквы «у» — «Уфа». В это же время департамент полиции разослал секретный циркуляр с перечнем расшифрованных адресов, захваченных при обыске у одного из деятелей РСДРП, среди них значился и уфимский: «Аксаковская, контора пивоваренного завода, А. Кинд»*. Выяснив, что В. А. Квятковский давал уроки дочери владелицы пивоваренного завода и может иметь отношение к транспортам литературы, жандармы учинили у него обыск и нашли тетрадки с текстом ленинского «Протеста российских социал-демократов» и письмо от О. В. Аптекмана, а самого Квятковского арестовали. Крупская потом писала об этом, что через Мартова, поселившегося в Полтаве, «надеялись получить литературу. Литература пришла, кажется, через неделю после моего отъезда из Уфы, и отправившийся получить ее Квятковский угодил за этот развалившийся в дороге ящик на 5 лет в Сибирь».

* Владелица пивоваренного завода А. А. Кинд давала уфимским социал-демократам свой адрес для получения нелегальной корреспонденции. Впоследствии через А. А. Кинд пересылались в Мюнхен деньги для «Искры».

«„Искра” перевозилась главным образом в чемоданах с двойным дном с разными попутчиками, которые отвозили в Россию эти чемоданы в условленное место, на явки», — писала Крупская. В марте 1901 г. одним из таких попутчиков оказался сын купца из Кургана К. А. Ванюков, возвращавшийся из Берлина. Он привез чемодан с литературой в Курган, отстоящий от Уфы на 700 с лишним верст. Привезти его оттуда тоже было делом нелегким.

Живя в Уфе, Крупская усиленно изучала иностранные языки: французский — на разговорных курсах, немецкий — у частного преподавателя. «К немцу... хожу и пишу ему сочинения по 10 страниц... читаю немецкую беллетристику», — писала она М. А. Ульяновой. В одном из писем Ленин советовал Крупской заняться изучением английского языка. Кроме того, она продолжала самостоятельно овладевать польским языком. «Я заразилась, видно, Володиной *idée fixe* — хочется одолеть языки во что бы то ни стало», — признавалась Крупская. В ее воспоминаниях есть такая фраза: «Я понемногу акклиматизировалась в Уфе, устроилась с переводами, достала уроки». «Устроилась с переводами» — это не только для заработка. А. И. Петренко вспоминал, что в течение трех месяцев (февраль — апрель 1900 г.), которые он был в Уфе до выдворения его к месту ссылки в Мензелинск, они с Крупской почти ежедневно совместно переводили Энгельса и Каутского.

Вскоре после приезда в Уфу, 30 марта 1900 г., Крупская писала М. И. Ульяновой: «Посылаю тебе свой перевод и книжку». 30 апреля Ленин просил М. И. Ульянову «прислать... перевод Надин... Я его отправлю в журнал». Переводы каких работ это были, пока неизвестно. В настоящее время мы знаем только о двух переводах Крупской в уфимский период, оба они с немецкого: статья Г. В. Плеханова «Материализм или кантианство?» (*Neue Zeit*, 1899, № 19, 20), разоблачающая ревизионизм; статья К. Каутского «Два критика моего „Аграрного вопроса”», также опубликованная в «*Neue Zeit*» и тоже направленная против ревизионистов, немецких и русских. С целью сделать эти статьи из журнала, запрещенного царскими властями, доступными русским революционным социал-демократам Крупская и перевела их на русский язык.

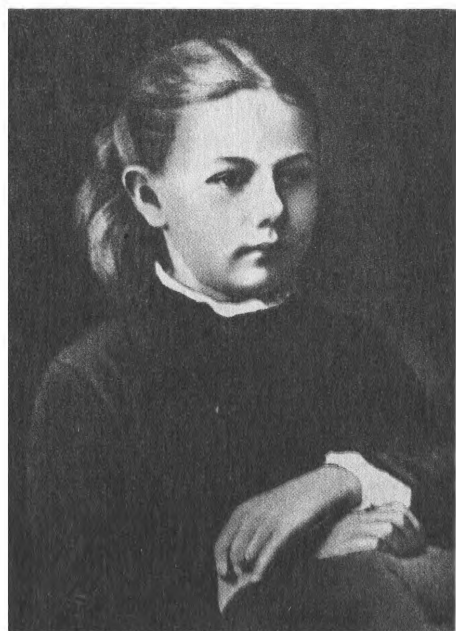
Немало времени, часов по 6 в день, отнимали у Крупской уроки для заработка, но она увлеченно занималась педагогической работой. «...У меня два урока

Е. В. Крупская

К. И. Крупский

Надя Крупская в детские годы

Дача Левина в деревне Поречье. Детский рисунок Н. К. Крупской

Здесь, в Гродненском переулке, на квартире Крупских, в 1895 г. проходили совещания «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»

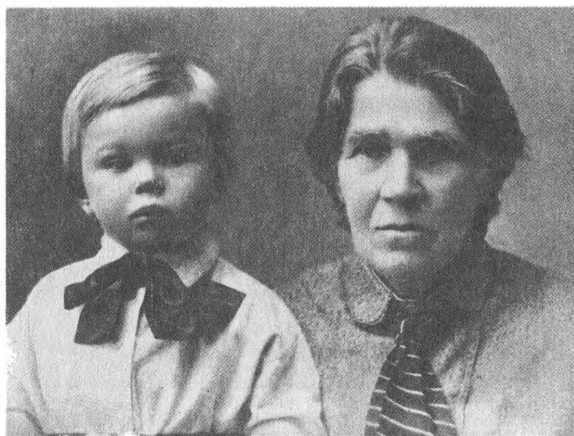
Е. В. Крупская с дочерью и ее друзьями

**Е. В. и Н. К. Крупские в момент отъезда из Стирсуддена
(Финляндия). 1907 г.**

Дом на станции Валдайка

А. Т. Яворская с внуком

Пропуск в Кремль на имя Л. П. Парвайнен

Л. П. Парвайнен вспоминает. Запись ведет С. А. Рубанов

Летом 1917 г. Н. К. Крупская
ездила в Финляндию к Ленину
под видом работницы

В. И. Ленин и Н. К. Крупская

В. И. Ленин и Н. К. Крупская. 1919 г.

Н. К. Крупская

Н. К. Крупская во время поездки на агитпароходе «Красная Звезда». 1919 г.

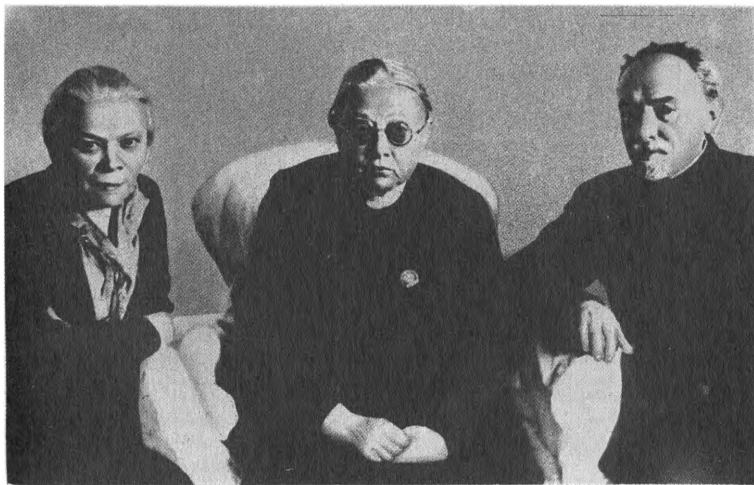
Н. К. Крупская

**Н. К. Крупская в своем
рабочем кабинете**

**Н. К. Крупская. Рисунок
Т. Н. Жирмунской**

М. И. Ульянова, Н. К. Крупская и Д. И. Ульянов

Гостиница «Европейская». Здесь останавливалась Н. К. Крупская в январе 1931 г.

Н. К. Крупская в группе старых большевиков

— делегатов XVII съезда партии

Последняя фотография Н. К. Крупской

с славными ребятами, — сообщала она Марии Александровне. — Я, вообще-то говоря, очень люблю заниматься с детьми, а сейчас-то и дети еще славные, в особенности одна крохотная девчурка...»

За время отбывания ссылки в Уфе Крупская написала три статьи на педагогические темы. Две из них — «Общественная сторона педагогических вопросов» и «Школа и жизнь» — были опубликованы в «Самарской газете» 17 января и 16 февраля 1901 г. В письме М. И. Ульяновой 2 февраля 1901 г. Крупская писала: «Сейчас вся наша уфимская публика присоединилась к самарской газете, литературит там, ну и я тоже. Так как дело для меня мало привычное, то и доставляет мне хлопот немало. Вообще я в этом году попытки делаю к литературе пристроиться, пристроиться отчасти удастся, но беда в том, что не удастся мне писать так, как хотелось бы, и я прямо-таки ненавижу свои писания». Как видим, и здесь проявилась чрезвычайная скромность Надежды Константиновны, ее высокая требовательность к себе.

В первой статье Крупская показала, что недостатки в обучении и воспитании связаны с пороками общественного строя тогдашней России. «Связь всей организации школы с общественными условиями» — такой марксистский вывод был сделан Крупской в подцензурной статье, когда невозможно было открыто критиковать порядки, царившие в стране.

Статья «Школа и жизнь» написана Крупской под впечатлением повести А. М. Горького «Трое» и рассказа Н. П. Ашешева «Первые ступени», напечатанных в № 11 и 12 журнала «Жизнь» за 1900 г. «...Когда я добывала ссылку в Уфе, прочла я начало Ваших «Троих», и так это меня захватило, что я в Самарскую газету даже что-то написала, хотя тогда я была еще совсем неписущая», — писала Крупская А. М. Горькому 30 сентября 1932 г., поздравляя его с 40-летием литературной деятельности. Статья Крупской направлена против насилия и попрания человеческого достоинства в ребенке, против ханжества и лицемерия, калечащих детские души. Крупская критиковала официальную школу и педагогику, религиозное воспитание, настаивала на отделении школы от церкви. Это было не только педагогическим, но и политическим требованием. Особое значение Крупская отводила семье, ее роли в развитии и формировании личности ребенка.

Третья статья Крупской — «Тип хорошего учителя

ля» — была опубликована в № 10 журнала «Образованье» за 1900 г. и подписана, как и предыдущие две, инициалами «Н. У.». Принадлежность этой статьи перу Крупской установил исследователь Г. Ф. Павлюченков. В противовес официальной точке зрения на роль учителя, от которого власти требовали, чтобы он воспитывал учеников в повиновении, послушании, религиозности, — словом, воспитывал покорного раба, Крупская писала, что во главе педагогического дела должны находиться «люди, не скованные духом рутины, люди живые, с широким взглядом на дело народного образования, люди, для которых это дело дорого и важно». Цель школы Крупская видела в том, чтобы дать «всестороннее гармоническое развитие человеческой личности». Учителями, по мнению Крупской, могут быть люди, занимающиеся педагогикой по призванию, а не из-за куска хлеба.

Находясь в Уфе, Крупская посылала Ленину, редакции «Искры» письма, корреспонденции, документы, деньги для газеты. Естественно, нелегальным путем. Так были пересланы четыре мандата от имени уфимских и уральских революционных социал-демократов для группы «Освобождение труда» на предстоящий V Международный социалистический конгресс в Париже (сентябрь 1900 г.). Это чрезвычайно важное дело Крупская организовала по инициативе Ленина. Благодаря этому Г. В. Плеханов и его группа приняли участие в работе конгресса, отстаивали позиции революционного крыла в русской и западноевропейской социал-демократии в борьбе с ревизионистами.

Уфимская группа содействия «Искре» вела планомерную работу для всесторонней поддержки газеты. По предложению Крупской группа создала две кассы, одна из которых делала денежные сборы исключительно в пользу «Искры», а вторая — для нужд группы. Исковской кассой уфимской группы ведала Крупская. После отъезда из Уфы А. Д. Цюрупы Крупская стала выполнять еще и обязанности кассира и сборщика денег. В начальный период деятельности редакция «Искры» испытывала большие финансовые затруднения, о чем свидетельствуют следующие выдержки из писем Ленина разным лицам. 20 марта 1901 г.: «Касса у нас *очень* плоха»; 22 марта: «Мы доведены теперь почти до нищенства, и для нас получение крупной суммы — вопрос жизни»; 23 марта: «Если можете... собрать сколько-нибудь денег, то очень обяжете. Деньги нам очень нужны». Из этого видно, какое большое значение имели сборы

в пользу «Искры» в Уфе. Крупской, готовящейся к отъезду за границу к Ленину, уфимцы обещали рублей по 50 в месяц для «Искры» (в основном за счет сборов за распространяемую нелегальную литературу). Ленин скрупулезно подсчитывал поступления для «Искры», в его записях значится: «427 88 из России (из Уфы)», то есть 427 марок 88 пфеннигов, или 132 рубля 6 копеек, что составило 70 процентов всех поступлений в «Искру» почти за месяц.

Ко времени отъезда Крупской из Уфы многие социал-демократы, отбив здесь ссылку, уехали в разные места на работу: в Воронеж, затем в Иваново-Вознесенск — О. А. Варенцова; в Самару — К. К. Газенбуш, А. Г. Безрукова-Газенбуш, А. И. Хрящева; в Киев — В. Н. Крохмаль; в Нижний Новгород — О. И. Чачина; в Харьков — А. Д. Цюрупа; в Смоленск — П. Ф. Савинов и т. д. Остававшиеся в Уфе Н. Н. Плаксин, Е. Д. Плаклина, С. Н. Салтыков и некоторые другие сочувствовали «Искре», но для активной работы в качестве агентов «Искры» не годились. «Дела перед моим отъездом были совсем плачевны. Правда, приехала приятельница К. (Ю. А. Попова.— С. М.), но она была очень непрочна, кассу... передала ей, но сборы и сношения с редакцией пришлось поручить Х (В. В. Леоновичу, эсеру.— С. М.)», — писала Крупская.

Срок ссылки Крупской кончался 11 марта 1901 г. Этот день пришелся на воскресенье, поэтому заграничный паспорт она получила в понедельник, 12 марта, но в этот день не было поезда на Москву, пришлось отложить отъезд еще на один день.

В Москве Надежда Константиновна навестила Марию Александровну Ульянову. Были у нее здесь и нелегальные встречи, точно так же, как затем и в Петербурге. Е. Д. Стасова отмечала потом, что Крупская устанавливала здесь связи для переписки с редакцией «Искры».

ДОНЕСЕНИЕ
НАЧАЛЬНИКА УФИМСКОГО ГУБЕРНСКОГО
ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
ДЕПАРТАМЕНТУ ПОЛИЦИИ

12 апреля 1901 г.
Секретно

Состоящая под негласным надзором полиции дворянка Надежда Константиновна Ульянова (урожденная Крупская) 15-го минувшего марта выехала за границу, в Австрию, по паспорту, выданному г. уфимским губернатором от 12 марта за № 27 сроком на 6 месяцев, о чем на основании § 10 положения о негласном полицейском надзоре имею честь донести департаменту полиции.

В Мюнхен к Ленину Крупская приехала в середине апреля 1901 г., где и стала бессменным секретарем редакции ленинской «Искры». Начался новый этап ее революционной деятельности.

ВСПОМИНАЯ ВСТРЕЧИ

О. А. Яковлева

ИЗ ВОСПОМИНИЙ СТАРОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ

Знакомство мое с Надеждой Константиновной Крупской исчисляется более чем полувеком; мне пришлось работать вместе с нею в течение 5 лет в самом начале ее педагогической и революционной деятельности в рабочей Смоленской школе за Певской заставой,— и хочется оглянуться на эти долгие годы и к 70-летней годовщине этой замечательной, полной глубокого содержания жизни восстановить в памяти некоторые моменты, связанные с ее первыми шагами учительницы и пропагандистки в тяжелых условиях дореволюционной школы, ставившей узкие жесткие рамки учителям, «допускаемым» до соприкосновения с рабочими.

В это время, встретившись с Надеждой Константиновной на подпольной работе и сразу оценив ее, как совершенно исключительного человека, на моих глазах выбрал ее в товарищи жизни «марксист с Волги», как называли тогда Владимира Ильича, приехавшего в 1893 г. в Петербург из Самары.

В. И. произвел тогда на всех участников петербургских марксистских кружков глубокое впечатление. Среди них была и Надежда Константиновна, уже 2 года преподававшая в рабочей школе. Она уже тогда была убежденной марксисткой. Знакомство с В. И., его несокрушимая вера в победу рабочего класса еще больше укрепила Н. К. в ее убеждениях. В. И. стал работать в том же районе, занимаясь в кружках передовых рабочих, и Надежда Константиновна очень облегчала выбор сознательных надежных участников этих кружков (напр., И. В. Бабушкина и многих других).

Моя первая встреча с Над. Конст. относится к 1886 г., когда деревенским дичком впервые я приехала в Петербург учиться и поступила в 4-й класс гимназии Оболенской. Н. К. училась там же, в одном из старших классов, но мне приходилось с ней часто встречаться помимо школы, в кругу ее сотоварищей, так как с ней в одном классе училась моя двоюродная сестра. Уже тогда Н. К. приворожила меня к себе своей простотой, ясностью, глубиной мысли, человечностью и умением подойти к людям. Несмотря на тогда еще сказывающуюся разницу в возрасте (3 года), меня тянуло к ней. Ее умение сплотить товарищей одноклассников вызывало во мне

молчаливую зависть к тем, с кем она дружила, она умела быть горячо любящим другом.

Уже окончательно сложившимся человеком, сравнившимся с ней по «взрослости», я почувствовала себя в стенах нашей любимой вечерней воскресной школы за Невской заставой, тогда называвшейся Смоленской. Там мы работали с 1891 по 1896 год, когда изгнали целую группу учителей, лишив права преподавания в рабочих школах Технического общества, среди них были и мы.

Эта школа дореволюционного периода обслуживалась, главным образом, учителями детских школ села Смоленского. Я тоже в 1891 г. получила детскую заводскую школу в том районе. Но кроме нас, местного учительства, школа для взрослых привлекала многих людей, желавших принять участие в просвещении рабочей массы, и им разрешалось после проверки их благонадежности браться за преподавание, благо для школ этого типа требовался даровой труд.

Среди преподавателей, приезжавших из города, были работники, которые умели соединять просветительную работу с революционной пропагандой; к ним принадлежала Н. К., поступившая в школу преподавательницей в 1891 г.

Она была тогда скромной, застенчивой, строгой к себе девушкой, ее никто из старых преподавателей не знал и, как она сама пишет, ее встретили «недоверчиво», дав ей «небольшую захудалую группку безграмотных». Однако она отнеслась к своему делу, впервые ее столкнувшему лицом к лицу со взрослыми рабочими, как только одна она умела, серьезно. Бросив платную работу в гимназии (а жили они с матерью очень стесненно материально), Н. К. сохранила лишь грошовые частные уроки, и вся отдалась своим ученикам, с которыми у нее быстро сложились самые лучшие отношения. Не говоря уже о том, что она все силы вкладывала в каждого из них, старалась скорее обучить их, она стремилась познаться с условиями их жизни, труда и питания, а для этого, сменив шапочку на платок, ходила в рабочие казармы.

«Первый год моих занятий облек для меня рабочее движение живой плотью, навсегда связал меня с рабочим классом», — пишет она.

Чтобы ясно представить всю трудность ввести в преподавание дореволюционных рабочих школ что-либо сверх программы, стоит оглянуться на то, что представляли из себя эти «школы».

Под наименованием «училищ для рабочих» значились училища, в которых учились фабричные и заводские рабочие и в значительном числе дети рабочих, окончившие училища и еще не принятые на работу.

(Эти полуробята по настроению часто сильно мешали: будучи хорошо грамотными и в то же время не доросшие до серьезных вопросов «о жизни», интересовавших взрослых, они не могли слиться с «бородачами».)

Задача этих училищ была двойная:

1) дать общее образование в объеме начальных училищ и
2) сообщить элементарные сведения по техническому образованию, необходимые для более сознательного исполнения разнообразных работ.

В 90-х годах промышленность переживала период подъема. Росло число рабочих, а технически подготовленных не хватало совсем. От технических школ для взрослых ждали немедленной пользы для техники...

Чтобы судить о том, как зорко следили за тем, чтобы преподаватели как-нибудь не уклонились от допущенной программы, достаточно привести случай, описанный Надеждой Константиновной. «Приехал в школу как-то инспектор и пошел на урок в так называемую «повторительскую группу». Там в это время проходились десятичные дроби, ученики блестяли своими знаниями. Инспектор рассыпался в похвалах, но на другой день пришла бумага: «закреть повторительную группу за превышение программы». Можно было по программе лишь повторять четыре действия арифметики, преподавание же дробей считалось слишком революционным». И вот, несмотря на такие узкие рамки, строго ограничивающие каждое слово, сказанное в стенах рабочей школы, Над. Конст. умела обойти все запреты и насытить свои занятия богатейшим революционным содержанием.

Прежде всего, с первого же года занятий, видя, как узок кругозор учащихся и как недоступна им самая легальная книга из-за отсутствия библиотек,— а в «Народных читальнях», имевшихся в рабочих окраинах, список разрешенных книг был очень невелик: запрещен был даже Некрасов,— Н. К. связала своих учеников с городской библиотекой. «Абонемент на 5 книг стоил 75 коп.,— пишет Н. К.,— на ученика приходилось 15 коп. Подписались и читали 25 человек. Я превратилась в верблюда, таская книги из города на тракт и с тракта в город». Но Н. К. была не только «верблюдом», она развила любовь к чтению, направляла его и делала это очень умело и чутко. По четвергам в школе проводились обычно чтения с волшебным фонарем, на которых присутствовали все группы.

В школу взрослых многие преподаватели переносили приемы занятий с детьми, и на четверговых чтениях обычно читалась какая-нибудь беллетристика. Н. К. предложила вместо этого рассказывать под названием «география» о других странах. Ей было предоставлено попробовать, и она начала со Швеции. Рабочие слушали с большим интересом, хотя не было волшебных картин, а висела лишь карта; они хорошо запомнили рассказанное, и потом многие подали учительнице по русскому языку толково написанные рассказы о Швеции. С тех пор уроки «географии» стали главной заботой Н. К. и любимым уроком для учеников. Я так и вижу скромную комнатку, в которой жила Н. К. со своей матерью и где она изошрялась над много говорящими диаграммами и всевозможными «наглядными пособиями» для своих занятий. Замаскированные, они скрывали в себе яркую картину социальных про-

тиворечий капиталистических стран, вопросы о стачках, о союзах рабочих, о государственном бюджете; там вычислялись проценты, идущие капиталистам, их нажива на рабочем классе и пр. и пр. Сколько продумывалось, как тщательно обсуждалось каждое занятие, сколько интереснейших бесед приходилось мне слышать между Н. К. и Лидией Михайловной Книпович, которую Владимир Ильич, дававший удачные прозвища нелегальным работникам, окрестил «дяденькой». Никого в те времена, кажется, Н. К. так не ценила, как Лидию — «образец твердокаменной большевички, человека, всего себя без остатка отдавшего партийной работе и в то же время как-то по-особенному близкого товарища. Именно в трудную минуту, именно к Лидии шли товарищи посоветоваться, рассказать о своих затруднениях, промахах, о своем горе».

Л. М. Книпович работала в нашей школе, умела подходить к ученикам как товарищ и пользовалась их безграничным доверием. И вот, всесторонне продуманные «пособия по географии» являлись на уроках Надежды Константиновны. «Ученикам раздавались хрестоматии Баранова, раскрывалась страница, где нарисован был английский матрос в шапке с ленточками. Это на случай приезда инспектора, — и шли рассказы о жизни и борьбе рабочих в европейских странах, о роли машин и пр.».

Выискав в Уставе Технического общества, что при постоянных курсах могут читаться лекции по отдельным предметам, Надежда Константиновна всячески содействовала привлечению преподавателей для чтения лекций по отдельным предметам. Кроме Н. К. чтения по «географии» очень содержательно и талантливо вела А. М. Калмыкова. Кроме «географии» развивало и действовало революционизирующее широкое знакомство рабочих с естественноисторическими фактами. Любимыми уроками были занятия по химии, которые вел Н. Н. Яковлев, сопровождая их интереснейшими опытами. Прочел несколько прекрасных лекций широко образованный естествовед Д. А. Витмер, своими рассказами о происхождении человека взбудораживший всю школу.

К нам стали ходить не только жаждущие просвещения, но и «организованные» рабочие. Бывало, даже рабочие с Путиловского завода. Они приглядывались к наиболее развитым ученикам и старались завербовать их в свои ряды. Между ними и марксистками-учительницами установилось как бы молчаливое соглашение. «Некоторые мои ученики, — пишет Н. К., — И. В. Бабушкин, Грибакин, братья Бодровы — Арсений и Филипп ходили в кружок Владимира Ильича. Мы тогда много говорили с В. И. о методах пропаганды, об агитации, о содержании пропаганды. Ученики В. И. догадывались о нашем знакомстве», — говорит она.

В 1895 г. Вл. И-ч был арестован с рядом других работников, и Бабушкин попросил Н. К. за него написать листок об арестах, что она и сделала. Хотя на заседании «Союза борьбы», где обсуждался текст листка, его нашли слишком

«политическим», тем не менее издали, так как думали, что он написан «рабочим».

Н. К., продолжая заниматься в школе, вплотную через школу подошла к жизни рабочей массы окружающих школу фабрик и заводов, собирая через близких учеников все сведения о «порядках», царивших там. Все сведения для 1-го номера «Рабочего дела», готовившегося к выпуску, «Союзом борьбы» были собраны через школу, марксистками-учительницами. (Уже готовый к выпуску, этот номер был захвачен жандармами.)

Так как чтения «по географии» Европы, больше всего привлекавшие рабочих, были не утверждены, Н. К. стала читать в своей группе «Географию России». Ученики сами взялись за внутреннюю охрану и предупреждали Н. К., если приходил кто-нибудь подозрительный. Но обычно группа собиралась в «своей комнате», запирали на ключ парадные двери, чтобы на случай приезда инспектора знать вовремя об этом, сами же все шли через черный ход, этот заговор был известен только посвященным, а, очутившись в своей комнате, слушатели свободно говорили с Н. К.: обо всем, об очень, очень «многом».

Наши ученики очень дорожили своими учителями и всячески их берегли. Разумеется, шпики пытались проникать на занятия: меня оберегали от «подозрительного» слушателя в темных очках, мигая мне, когда им казалось, что, увлекшись, я переходила допущенные границы; Л. М. Книпович предупреждали, чтоб она остерегалась «черного», который «в охранку шляется». А. М. Калмыкову, у которой я, заведывая фонарем во время чтения, была в заговоре со слушателями; они не только предупреждали об осторожности во время чтения, но, зная некоторых шпииков, ученики провожали А. М. Калмыкову до паровичка и охраняли от пытавшихся ехать с нею вместе для слежки за ней, как им казалось, «врагов». Ученики устраивали нарочно при посадке давку и свалку, задерживая «спутников» и давая возможность уехать без них любимой учительнице.

Когда вспыхнула стачка 1896 г. среди текстилей, в подготовке которой школа сыграла немалую роль, нашелся провокатор, который донес об этом. Были арестованы многие ученики и учительницы — члены «Союза борьбы». Арестовали и Н. К.

После чистки 1896 г. школа продолжала существовать в особо строгих рамках, но всегда отличалась своим участием в развивающемся рабочем движении.

В 1905 г. она осуществила в своих стенах возможную в то время свободу собраний; там выступал тогда и В. И. В 1917 г. она явилась центром коммунистического движения. С 1922 г., после ряда трудных в материальном отношении моментов, несмотря на продолжавшийся даровой труд, на отсутствие помещения, она возродилась и вошла в состав Дома просвещения имени Крупской.

70 лет жизни... Долгий, трудный путь женщины-революцио-

нерки, неустанный женщины-борца, пройденный рядом с величайшим созидателем и вождем нашей партии Владимиром Ильичем Лениным.

Белые, как снег, волосы, сгорбленная спина, изношенное сердце, слабый, негромкий голос...

И в последнюю нашу встречу, прошлой зимой, забравшись с ногами на диван, как 50 лет тому назад, она с увлечением, блестя глазами, торопилась рассказать мне о том, как учатся ребята в Горках, как растут и обогащаются деревенские библиотеки.

Показывала разные письма ребят, просящих дать им возможность учиться, с отзывами о тех же ребятах, как об «отличниках».

К 70-летней годовщине хочется пожелать дорогому, старому другу долго еще, до последних дней сохранить ту чудесную душевную молодость, которую Надежда Константиновна сумела пронести сквозь всю свою светлую жизнь, полную любви к людям и самозабвения.

Из фондов Центрального партийного архива ИМЛ при ЦК КПСС

УЧЕНИКИ СМОЛЕНСКОЙ ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЫ О Н. К. КРУПСКОЙ

И. Балашов:

Впервые встретился я с Надеждой Константиновной Крупской в 1896 г. в Петербурге, в Смоленской вечерней рабочей школе.

Малограмотный крестьянский парень, я приехал в столицу из глухой Рязанской губернии, прямо от сохи, и устроился рабочим в небольшой книжный магазин за Невской заставой.

Это был типичный рабочий район. На правом берегу реки находились мануфактура Торнтона и писчебумажная фабрика братьев Варгуниных. В селе Смоленском, недалеко от вечерней школы, были расположены большие ситценабивные фабрики Паля и Максвеля, а дальше по Шлиссельбургскому тракту помещались Семянниковский паровозостроительный завод, фарфоровый завод и другие предприятия помельче.

За Невской заставой не было ни одного предприятия, рабоче которого не занимались бы в Смоленской вечерней школе. Популярность школы была так велика, что в ней учились и «дальние» — рабочие Обуховского завода и завода Берта. Им приходилось спешить, и они являлись на уроки прямо с производства, прокопченные, вымазанные.

Работать и учиться при 12-часовом рабочем дне было очень трудно. Косо глядела на учащихся и администрация предприятий. Но тяга к просвещению была так велика, что рабочие не обращали внимания на препятствия.

Поступил в школу и я. С тех пор прошло 43 года, и многое стерлось из памяти, но светлый образ Надежды Константиновны навсегда останется в моем сознании.

Учителя, вернее, учительницы (у нас преподавали главным образом женщины) относились к своим ученикам, которые нередко были старше их, с большим вниманием. За преподавание они не получали ничего. Они учили нас из любви к просвещению народа, и мы, рабочие, были им глубоко благодарны за те знания, которые от них получали.

Самой любимой нашей учительницей была Надежда Константиновна, преподававшая историю и экономические науки. Она вкладывала в преподавание всю свою великую любовь к народу.

К сожалению, мне не удалось окончить Смоленскую школу. Болезнь вынудила меня уехать в деревню. Но все, с чем вступил я в жизнь, все, что поддерживает мой духовный уровень и сейчас, на 65-м году жизни, я почерпнул тогда на уроках Надежды Константиновны.

Грянул гром Великой Октябрьской социалистической революции. Шел 1918 год. Неожиданно получаю телеграмму из Москвы. По рекомендации Надежды Константиновны меня вызывают работать в Наркомпрос, в отдел снабжения.

Целую бурю чувств вызвала во мне эта телеграмма. Надежда Константиновна среди всех волнений революции не забыла своего ученика из Смоленской вечерней школы!

Изумительная чуткость, сердечность всегда были свойственны Надежде Константиновне в ее отношениях с людьми — и с теми, кто просто приходил к ней со своими наболевшими вопросами, недоумениями.

Известия, 1939, 1 марта

Ф. Жуков:

Впервые я встретился с Надеждой Константиновной Крупской в 1895 году. Надежда Константиновна преподавала тогда на вечерних курсах в селе Смоленском (под Петербургом). Я поступил на эти курсы по совету А. Е. Бадаева, с которым вместе работал в бывших главных вагонных мастерских Николаевской железной дороги. Сейчас неловко вспоминать, но на курсы я пришел глубоко религиозным, слепо веруя в бога и царя. Курсы переродили меня. Из верующего фанатика я стал атеистом, из верноподданного — революционером, большевиком.

Всем этим я обязан в первую очередь преподававшей на курсах Надежде Константиновне. Она производила неизгладимое впечатление на каждого, кто с ней встречался. Трудно объяснить, но всему, что она говорила, верилось. В ней была какая-то внутренняя убежденность, правота, которая передавалась слушателям.

Надежда Константиновна учила нас не только грамоте. Она разъясняла нам политические вопросы. Бывали случаи, когда при разборе какого-нибудь революционного сочинения открывалась дверь и входили полицейские. Надежда Константиновна немедленно меняла тему и продолжала урок русского языка или арифметики.

Учащиеся курсов очень уважали тов. Крупскую. Говорила она понятно, доступно, стремилась поднять наш политический уровень.

Мне пришлось встречаться с тов. Н. К. Крупской и после Великой Октябрьской революции. Каждый раз, как я беседовал с ней, она интересовалась жизнью рабочих и работниц Ленинграда, расспрашивала о старых производственниках, которых она знала по своей работе в районе Невской заставы.

До конца своей жизни Надежда Константиновна отдавала все свои знания и силы борьбе за дело коммунизма.

Правда, 1939, 28 февраля

Ф. И. Б о д р о в:

В 1890 году, то есть 23 лет, я стал посещать вечернюю Корниловскую школу за Невской заставой, где учился около трех лет. Здесь-то и было мне заложено в душу умелой рукой сознание правоты великого дела освобождения рабочего класса — нашей доблестной, неутомимой труженицей в деле просвещения Надеждой Константиновной Крупской.

...Учился ревностно, не пропускал учебных дней. Надежда Константиновна заметила мою тягу к учебе, стала давать мне читать хорошие книги, а потом, познакомившись ближе, сказала, что нам нужно организовать социал-демократический кружок.

Об Ильиче: Воспоминания питерцев. Л., 1970, с. 38

И. В. Б а б у ш к и н:

Живое и смелое слово учительниц вызывало у нас особую страсть к школе, и нашим суждениям не было конца. Приемы, употребляемые учительницами, мы отлично понимали и просто диву давались их умению вызвать откровенность в каждом ученике: и горожанине, и фабричном, и деревенском. Каждое посещение все тесней и тесней сближало нас со школой и учительницами, мы чувствовали необыкновенную симпатию к ним, и между нами зародилась какая-то родственная, чисто идейная близость. Придя в школу и садясь за парту, с каким-то особенным чувством ожидали учительницу, прибытие которой вызывало трудно передаваемую радость. И это одинаково происходило в каждой группе. Все ученики, посещающие школу, не могли надивиться и нахвалиться всем виденным и слышанным в школе, и потому-то эта школа так высоко и смело несла свои знания. Мало того, часто один ученик тащил своего товарища хоть раз посмотреть и послушать занятия в школе и учительницу, и я сам ходил в другие группы с этой целью.

И. В. Бабушкин. Воспоминания. М., 1951, с. 56—57

В. А. Шелгунов:

Сорок лет тому назад я познакомился с Надеждой Константиновной на вечерних курсах для рабочих, где она читала курс русской литературы, причем она всегда выбирала таких авторов, которые больше всего говорили о положении рабочих и крестьян. Мне особенно хорошо запомнилась ее лекция о Некрасове, в которой она говорила о том, как крестьян эксплуатировали помещики и угнетало царское правительство. Она говорила о том, как Некрасов в своих стихах описывал тяжелую долю крестьян. Надежда Константиновна на своих занятиях всегда говорила очень простым языком, так что рабочие как-то особенно хорошо чувствовали себя на ее лекциях. Много было в вечерних школах учительниц, но лекции Надежды Константиновны особенно охотно посещались. В первое время я не знал, что Надежда Константиновна близка к тому кружку, которым руководил Владимир Ильич. Но однажды она как-то улучила минутку и сообщила мне наедине, что ко мне должен прийти один из пропагандистов, который ходил за Невскую заставу. Вот так я и узнал, что Надежда Константиновна принадлежит к нелегальному кружку, в который входил Владимир Ильич. Тогда главная забота заключалась в том, чтобы приблизить крестьянина к рабочему. Тогда народники обвиняли нас, марксистов, в том, что мы хотим переварить крестьян в фабричном котле. А теперь мы нашли для крестьян другой котел — колхозный — и подготовили переварку крестьян в этом колхозном котле, для того чтобы крестьянин мог отделаться от своих собственнических инстинктов. Мы подготовим из него такого же рабочего и с такой же идеологией, какая имеется у индустриальных рабочих.

Наша задача, задача старых большевиков, и в дальнейшем бороться за укрепление союза рабочих и крестьян. И если мы вместе с молодыми товарищами будем вести эту работу так, как мы ее раньше вели, если будем выполнять те заветы, которые нам оставил Владимир Ильич, тогда, надо полагать, Надежда Константиновна доживет вместе с нами до победы мировой пролетарской революции.

Рядом с Лениным. М., 1969, с. 383

М. Ф. Давидович-Нащинская

МИР ХИЖИНАМ

Корни моей связи с Крупской уходят далеко в прошлое. Родная сестра матери Н. К. Крупской, Мария Васильевна, в 1863 году вышла замуж за горного инженера Давидович-Нащинского Федора Игнатъевича, который долгое время работал на горных заводах Алтая, а потом по состоянию здоровья переехал в Петербург и со своей семьей поселился на Невском проспекте, 88.

В 1881 году умерла его жена Мария Васильевна. Эту утрату Федор Игнатьевич переживал сильно и все свои душевные волнения делил в семье Крупских. Но шло время, и переживания постепенно затихли. Федор Игнатьевич сблизился с квартиранткой Крупских Маврой Александровной, которая потом стала его второй женой. У них появились дети: Михаил, Надежда и Мария. Самой младшей дали имя в память Марии Васильевны.

У меня сохранились некоторые документы, фотографии и два письма Н. К. Крупской на имя моей матери Мавры Александровны. Третье письмо в период немецко-фашистской оккупации г. Полтавы погибло.

На одной из фотографий Н. К. Крупской есть надпись: «Мише от Нади». Эту фотографию Н. К. Крупская подписала и подарила моему брату, когда ей исполнилось 20 лет.

В свидетельстве № 3907 о рождении моей старшей сестры Надежды есть такая запись: «У отставного титулярного советника Федора Игнатьевича Давидовича Нащинского и его жены Мавры Александровны, обоих православных, дочь Надежда родилась двадцать третьего ноября, а крещена второго декабря тысяча восемьсот девяностого года. Восприемниками были: отставной генерал-майор Иосиф Иванович Кованько и дочь коллежского асессора девица Надежда Константиновна Крупская, гербовой сбор уплачен. Мая 13 дня 1891 года».

Наша семья жила в Петербурге до 1893 года, а потом переехала в Полтаву. Причина переезда — болезнь детей. По совету врача нужно было менять сырой петербургский климат. Поселились мы в Полтаве по улице Дворянской (ныне ул. Парижской Коммуны, 10).

С Петербургом мы поддерживали постоянную связь. Мать Н. К. Крупской писала нам письма и несколько раз приезжала к нам в гости в Полтаву.

В 1896 году в Полтаву приехала Надежда Константиновна Крупская, которая остановилась у нас на квартире. Перед ее приездом приехала Саша Исполотова, двоюродная сестра Н. К. Крупской. Она была послана Надеждой Константиновной для выяснения обстановки в г. Полтаве и конспирации социал-демократических организаций. Она моих родителей и предупредила о приезде Н. К. Крупской.

Сразу же после приезда, не отдохнувши, Надежда Константиновна решила пойти в город и с разрешения родителей забрала и меня с собой.

Мы с ней пошли в городской парк (ныне парк Победы). В парке внизу около прудов мы присели на скамеечке около большого дуба. Надежда Константиновна достала из сумочки самодельный свисток и подала его мне. Я с радостью его взяла и начала свистеть. На этот сигнал пришел человек в железнодорожной форме. Он пристально посмотрел на мой свисток и заметил, что на нем вырезана буква «М». Эта буква обозначала начало слова пароля. Они с Надеждой Константи-

новной обменялись паролями, и после этого она подала ему какую-то трубочку и он ушел.

Позже мне отец объяснил, что пароль был — Мир хижинам — война дворцам.

Затем на наш сигнал еще подходило два человека. После этого мы сразу же оставили парк и пошли домой. Хотя я тогда была еще совсем маленькая, но я тот случай хорошо запомнила.

Мать моя — Мавра Александровна, когда я стала повзрослей, рассказывала, что тогда Надежда Константиновна встречалась со многими социал-демократами г. Полтавы.

На второй день после приезда Н. К. Крупской в Полтаву мой отец был вызван в полицейский участок с объяснением, кто к нему приехал.

Сейчас точно не могу вспомнить, но твердо знаю, что Н. К. Крупская второй раз приезжала в Полтаву. Это было, примерно, в 1900 или 1901 году. Она приехала к нам ночью и сказала отцу, что она здесь проездом. Причем она не доехала до Полтавы, а сошла из поезда на станции Свиновка и шла пешком верст 7. Они о чем-то разговаривали с отцом, и в эту ночь рано на рассвете она ушла из нашего дома и уехала. Отец говорил, что за ней следили шпики, но не смогли напасть на ее след.

В 1917 году я ездила в Петербург, и когда В. И. Ленин и Н. К. Крупская возвратились из эмиграции, я встретила с Н. К. Крупской и видела В. И. Ленина, но они настолько были заняты, что мне не пришлось с Надеждой Константиновной вдоволь наговориться. Помню, Владимир Ильич спрашивал меня, что являюсь ли я членом партии. Я ответила, что нет.

Надежда Константиновна хотя и сильно была занята своей работой, но никогда не забывала о нашей семье. В период, когда Советская власть твердо установилась и хотя было еще трудное время, но она писала и даже высылала деньги из своего скромного заработка. Два письма Н. К. Крупской, написанных моей матери в первые годы Советской власти, сохранились у меня до сих пор.

В 1908 году умер мой отец, а в 1926 году умерла и мать. Остались мы с сестрой Надей, которая в 1935 году ездила в Москву, была в гостях у Надежды Константиновны Крупской. Она ее хорошо приняла и оказала помощь в лечении.

Из фондов Центрального партийного архива ИМЛ при ЦК КПСС

С Ильичем и без Ильича

С.А.РУБАНОВ

«СТАРАЛАСЬ ПОМОГАТЬ ЕМУ В РАБОТЕ»

«Я крепко любила Ильича,— вспоминает Надежда Константиновна,— что его волновало, волновало и меня; я старалась в меру своих сил и умения помогать ему в работе...»

Еще в сибирской ссылке у Надежды Константиновны появилось очень важное для профессионального революционера качество — умение вести легальную и нелегальную переписку. Это особенно пригодилось в последующие годы, когда Надежда Константиновна исполняла многотрудные обязанности секретаря большевистских изданий «Искра», «Заря», «Вперед», «Пролетарий». Тысячи и тысячи писем за эти годы написала Надежда Константиновна. А какого громадного труда стоило шифровать, расшифровывать, писать «химией», заделывать конспиративные послания в обложки толстых альбомов, корешки книг и т. д. и т. п.! Надежда Константиновна в совершенстве овладела всеми сложными приемами и процессами техники конспиративной переписки. А ведь приходилось оперировать сотнями адресов, шифров, явок, паролей, кличек, псевдонимов. Надежда Константиновна вела в отдельных тетрадях учет переписки, хранила копии писем. Благодаря этой многолетней титанической работе создан уникальный архив источников по истории нашей партии. Опубликованная переписка составила многотомное издание.

В списке делегатов II съезда РСДРП, составленном Владимиром Ильичем сразу после съезда, Надежду Константиновну он записал под фамилией «Ленина». На самом же съезде Н. К. Крупская значилась под псевдонимом Саблина. Ее упоминает В. И. Ленин в своей книге «Шаг вперед, два шага назад» и материалах к ней. Саблина неизменно среди твердых искровцев.

Задолго до открытия II съезда дел, связанных с его

подготовкой, у Надежды Константиновны значительно прибавилось. «Надя утомляется немного, — писал Владимир Ильич матери еще 9 декабря 1902 г., — но в общем все же ничего». Она всячески помогала Владимиру Ильичу в подготовке материалов к съезду, старалась освободить его от черновой, механической работы. Готовя проект программы РСДРП, Ленин пользовался копией первоначального проекта Г. В. Плеханова, подготовленной Н. К. Крупской.

К съезду Надежде Константиновне было поручено написать «Доклад Организации „Искры” II съезду РСДРП». Большую помощь в его подготовке оказал Владимир Ильич. Он специально написал «Заметки к докладу на II съезде РСДРП о деятельности Организации „Искры”». Они послужили Крупской в качестве плана. Позже Владимир Ильич внимательно прочитал доклад, внес небольшие редакционные изменения.

Доклад был зачитан на двенадцатом заседании съезда 23 июля 1903 г. Он произвел сильное впечатление на делегатов. Даже лидер экономистов Акимов после доклада Н. К. Крупской должен был признать, что «Искра» и «Заря» в настоящее время занимают господствующее положение в русской социал-демократии.

Столь же активное участие принимала Крупская и в последующих партийных съездах и конференциях.

Множество других сложных и многообразных обязанностей лежало на плечах Надежды Константиновны. «По просьбе товарищей привожу сведения о Хозяйственной комиссии... — писал В. И. Ленин. — В настоящее время (20.X.05) в нее входят товарищи: Бонч-Бруевич... Ленина (секретарь ЦК)...» Хозяйственная комиссия ЦК РСДРП призвана была содействовать «Центральному Комитету во всей его заграничной работе. Сюда относится, — пояснял Владимир Ильич, — техника... и финансы, и транспорт и отправка людей в Россию, и предприятия по вооружению... и объединение работы всех агентов ЦК...»

В первых числах ноября 1905 г. Владимир Ильич выехал в Россию. Властно звала его российская революция. Ленин решил сам проверить безопасность «пути Фрея» через Стокгольм — Гельсингфорс, прежде чем повторит его Надежда Константиновна. Из Гельсингфорса прислал письмо: можно ехать.

Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне не очень часто доводилось жить порознь, но они тяжело переносили разлуку. «...Солнце светит как-то радостно,

по-весеннему,— писала Надежда Константиновна из Уфы 2 февраля 1901 г. Марии Ильиничне,— а я о весне мечтаю, нет-нет, и возвращаюсь к мысли: полтора месяца, а там... там я вовсе поглупею от радости, особенно, когда допутешествую до Володи». Через десять дней ей же: «Остался один месяц. Не правда ли чудесно? А когда-нибудь будет один день! Да, все будет».

Считала время до встречи не только Надежда Константиновна. «Жену свою я жду еще не скоро,— сокрушенно пишет Владимир Ильич 20 марта 1901 г. П. Б. Аксельроду,— ее срок только в воскресенье кончается, да затем ей необходимо кой-куда захватить, так что раньше второй половины апреля она вряд ли может быть».

Дошли до нас и деловые письма В. И. Ленина, адресованные Н. К. Крупской. В них содержатся разнообразные задания: и о пересылке писем, и о корректуре, и множество других конспиративных поручений. Просил писать ему с соблюдением сугубой конспирации, иногда через нейтральные адреса «в двух конвертах и внутренний покрепче, поосторожнее». Все деловые письма Владимир Ильич подписывал непременно: «Твой...» Ни имени, ни фамилии из конспиративных соображений не ставил.

Нередко под официальными партийными документами стоят рядом подписи В. И. Ленина и Н. К. Крупской. Так, в октябре 1903 г. под открытым письмом членом Заграничной Лиги русской революционной социал-демократии соседствуют подписи: Ленин, Плеханов, Шарко (псевдоним Н. К. Крупской). В июне 1908 г. Заявление редакции газеты «Пролетарий» подписала с В. И. Лениным, И. Ф. Дубровинским и «секретарь Б[ольшевистского] Ц[ентра] Саблина».

По-прежнему Владимир Ильич помогает Надежде Константиновне в ее творческой литературной работе. В 1905 г. вышел из печати сборник статей К. Каутского. Перевели его с немецкого Владимир Ильич и Надежда Константиновна. В. И. Ленин отредактировал также перевод статьи Р. Люксембург «Август Бебель», сделанный в 1910 г. Н. К. Крупской.

В 1912 г. Н. К. Крупская перевела циркуляр Международного социалистического бюро против войны. Владимир Ильич внес в текст редакционную правку, дал заголовок: «Интернационал против войны. Или: Международное бюро рабочих партий против войны». Отправляя его в редакцию «Правды» для публикации,

отмечает: «Это важный документ: циркуляр Международного социалистического бюро против войны. Можно поставить: письмо из Брюсселя». В конце документа приписал: «Ежели нецензурно, советовал бы выкинуть везде слово социализм, оставив только «Междун. бюро» и рабочие партии».

Редактировал В. И. Ленин не только переводы Н. К. Крупской. В 1912 г. она написала статью «Сила рабочих партий в Европейских парламентах». Статья была отредактирована В. И. Лениным и под инициалами «В. И.» напечатана в «Невской звезде» (1912, 31 мая). Позже она долго считалась одним из произведений В. И. Ленина, входила в ранние собрания его сочинений.

Владимир Ильич не раз обращался к анализу данных о большевистской, меньшевистской и эсеровской печати, которые составляла для него Надежда Константиновна. В конце 1913 г. по просьбе Владимира Ильича редакция «Правды» прислала список подписчиков газеты, Надежда Константиновна по ним составила карту распространения «Правды». Летом 1914 г. Надежда Константиновна сделала выписки из журнала «Вопросы страхования» о количестве корреспонденций из Петербурга, о членах правления больничных касс, о взносах рабочих групп, о резолюциях от городов и иногородних организаций. Эти материалы В. И. Ленин тоже внимательно изучил.

Как секретарь Заграничного бюро ЦК РСДРП, Н. К. Крупская проводила большую и важную работу по руководству деятельностью депутатов-большевиков IV Государственной думы. В ноябре 1912 г. Надежда Константиновна переписала и послала в Петербург большевикам-депутатам важный ленинский документ «К вопросу о рабочих депутатах в Думе и их декларации». Это был проект декларации социал-демократической фракции Думы.

Три дня спустя в письме в Русское бюро ЦК по поручению В. И. Ленина она попросила дать сведения о забастовке в Петербурге в день открытия IV Думы.

В том же месяце и тоже по поручению Владимира Ильича направила в Петербург А. Е. Бадаеву проект заявления с протестом против войны на Балканах от имени социал-демократов — депутатов Думы. В письме в Русское бюро ЦК, написанном Надеждой Константиновной 9 декабря 1912 г., она настаивает на обязательном приезде всех депутатов-большевиков. «Отдель-

Итить часть предстатьи Вашему Превосходительству
ссылки о находящихся за границей членах Российской
Социаль-Демократической Рабочей Партии, принадлежа-
щих к фракции "большевиков":

1. ЛЕНИНЪ - лидеръ большевистской фракции Пар-
тии с.-д., наст. фам. УЛЬЯНОВЪ, членъ
Ц. К-та и большевистскаго центра, ре-
дакторъ "Пролетаріа" - центрального
органа "Социаль-Демократа"; прола-
вастъ 4, кие Мали-Фонъ Пари
2. ЛЕНИНА Надежда Константиновна - секретаря по
своимъ группамъ съ Россіей; кие
перваго, съ кимъ и живетъ.
3. КАМЕНЕВЪ - наст. фам. РОЗЕНФЕЛДЪ - членъ
большевистскаго центра, редакторъ
"Пролетаріа" и "Социаль-Демократа"
живетъ 19, кие Суван

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
Господину Директору Департамента Полиции.

Из донесения в департамент полиции

ные разговоры с частью части,— пишет Н. К. Крупская,— в сумме не равны общему разговору».

После Краковского совещания (конец декабря 1912-го — начало января 1913 г.) она с радостью писала: «Дела большевизма так хороши, как никогда».

Весной и летом 1913 г. Н. К. Крупская принимала участие в организации партийной школы в Поронине. В апреле 1913 г. она по поручению В. И. Ленина пишет в Петербург большевикам-депутатам о создании для них в Поронине во время летних каникул партийной школы. Сообщает им учебный план, разработанный при участии В. И. Ленина, отмечает, что в плане кроме теоретических предусмотрены и практические занятия по составлению речей, конспектов, отчетов перед избирателями, работе в думских комиссиях, подготовке к лекциям и многому другому, что так необходимо рабочему депутату. А в мае 1913 г. по поручению В. И. Ленина просит направить из Петербурга в партийную школу больше рабочих.

Большую роль сыграла Н. К. Крупская в подготовке и проведении Краковского и Поронинского совещаний ЦК партии с партийными работниками. В мае 1914 г. в Думе развернулись прения по вопросу о смете Министерства народного просвещения. 16 мая в Думе выступил большевистский депутат А. Е. Бадаев. Проект его речи подготовила Н. К. Крупская, положив в основу две свои статьи. Первую статью в январе 1914 г. отредактировал В. И. Ленин, он озаглавил ее «К вопросу о политике Министерства народного просвещения» и внес дополнения, в частности такие строки: «Ни в одной культурной стране мира... не осталось такого гнусного учреждения, как цензура. А у нас, помимо общих преследований печати, помимо диких мер против библиотек вообще, издается еще во сто крат более стеснительные правила против народных библиотек. Это — вопиющая политика народного затемнения».

Вторую статью Н. К. Крупской — «К вопросу о смете Министерства народного просвещения» — тоже редактировал В. И. Ленин и сделал на ней подпись: «Вернуть по снятию копии».

В статье убедительно, на данных четырех учебных округов, показано, что большинство детей школьного возраста не умеют «ни читать, ни писать, не выучив даже азбуки». «Таково положение дел,— завершает статью Н. К. Крупская.— Из этого тупика никогда не выйдет положение народных школ России, пока оно будет нахо-

даться не в руках самих заинтересованных в деле слоев населения, не в руках демократии, а в руках министерских чиновников».

СПРАВКА
ПО ДЕЛУ Н. К. КРУПСКОЙ
ИЗ ДОКУМЕНТОВ
ПЕРМСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ

13 марта 1913 г.

Ульянова, урожденная Крупская Надежда Константиновна (революционная кличка «Ленина»), дочь коллежского асессора, ныне 42 лет, разыскивается циркуляром Департамента полиции от 9-го февраля 1912 года за № 89044-185 (ст. 23005).

В 1898 году Ульянова привлекалась в С.-Петербурге по делу о преступном сообществе «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»; дознанием установлено, что Ульянова устраивала рабочие кружки, причем была посредницей между рабочими и интеллигентами, давая первым руководителей.

На основании высочайшего повеления 11 марта 1898 года Ульянова подлежала ссылке в Уфимскую губернию под гласный надзор полиции на три года сроком по 11 марта 1901 года.

Постановлением Особого Совещания Ульяновой воспрещалось житьство в столицах и С.-Петербургской губернии впредь до распоряжения, а в университетских городах и фабричных местностях на один год, считая 11 марта 1901 года. 12 марта 1901 г. за № 27 Уфимским губернатором выдан Ульяновой заграничный паспорт. В мае того же года Ульянова выбыла в Австрию и была помещена в циркуляры Департамента от 24 апреля и 22 июня 1901 года за №№ 1354 и 2235 на предмет учреждения за ней негласного надзора полиции в случае возвращения ее в пределы России. Проживая со второй половины 1901 года за границей, она, под именем «Кати», вела из разных заграничных городов оживленную конспиративную переписку со всеми, действующими в России комитетами Российской социал-демократической рабочей партии и занимала центральное положение в заграничной организации «Искра».

К 1907 году Надежда Константиновна Ленина являлась главным секретарем тайной центральной организации «большевиков» и распространительницей агитационной литературы, а также принимала участие в организации съезда социал-демократической партии в Копенгагене.

В 1909 году в Париже образовался кружок женщины социал-демократок, причем одной из организаторш этого кружка является жена Ленина — Ульянова; в том же году Ульянова принимала участие в организации Комитета партийной школы учеников в м. Лонжюмо.

18 апреля 1912 года при ликвидации в Киеве лиц, принадлежащих к местной социал-демократической организации, в числе переписки, отобранной по произведенным обыскам, были найдены и письма Крупской, носящие партийный характер.

При ликвидации 29 июля 1912 года в Киеве собрания районных представителей местной социал-демократической организации,

по обыскам, в числе другой переписки обнаружены подлинные письма Крупской партийного характера, некоторые с химическим текстом.

«НАДО БЫЛО ПОДГОТОВЛЯТЬ ФРОНТ ПРОСВЕЩЕНИЯ»

«...С большим удовольствием взял бы на себя статьи по вопросам политической экономии, политики, рабочего движения, философии и др., — писал В. И. Ленин секретарю редакции изданий Гранат в январе 1915 г. — Моя жена, под именем Н. Крупской, писала по педагогике в «Русской Школе», и «Свободном Воспитании», занималась особенно вопросом о *«Трудовой школе»* и изучением старых классиков педагогики. Она охотно взяла бы на себя статьи по этим вопросам».

У Надежды Константиновны рано проявилась склонность к анализу и обобщению. Ее первой педагогической работой стал доклад «О внеклассном чтении в повторительной группе за 1892—93 учебный год», прочитанный на общем собрании учителей Смоленской воскресной школы за Невской заставой. Правда, он увидел свет почти полвека спустя, но первенец был особенно дорог.

Первая опубликованная статья Н. К. Крупской появилась в петербургском педагогическом и научно-популярном журнале «Образование». В десятой книжке за 1900 г. этого популярного издания либерального направления появилась статья под названием «Тип хорошего учителя».

В 1901 г. «Самарская газета» напечатала еще две статьи Н. К. Крупской — «Общественная сторона педагогических вопросов» (17 января) и «Школа и жизнь» (16 февраля).

Все три статьи подписаны инициалами «Н. У.». Автор с марксистских позиций подходит к анализу пороков российской школы, зависимости ее от общественных условий, рассматривает другие острые проблемы образования в царской России.

С каждым годом Надежда Константиновна все более углублялась в научную работу по вопросам педагогики, народного образования. Публиковалась она в партийной и педагогической прессе. В России и за рубежом. В легальных изданиях и нелегальных.

«Мы живем ничего себе, тихо, мирно в сонном Берне, — писал Владимир Ильич младшей сестре в конце 1914 г. — Хороши здесь библиотеки, и я устроился не-

дурно в смысле пользования книгами... Надя имеет здесь еще педагогическую библиотеку и пишет педагогическую работу».

Во время второй эмиграции Крупская написала свыше трех десятков педагогических статей.

Драгоценным обстоятельством для Надежды Константиновны явилось систематическое, тесное творческое содружество с Владимиром Ильичем. Он помогал советами, первым читал и редактировал ее работы. Многие из них создавались Надеждой Константиновной по его инициативе, в том числе главный труд — книга «Народное образование и демократия».

«Сын выдающегося педагога,— писала Н. К. Крупская,— Владимир Ильич с особенным вниманием читал то, что говорили Маркс и Энгельс о школе, о соединении обучения с производительным трудом... Когда разразилась мировая война, Ленин, предвидя громадные исторические сдвиги в истории человечества и думая о подрастающем поколении, останавливается на вопросах воспитания. В статье «Карл Маркс», написанной для Граната (Русский энциклопедический словарь братьев А. и И. Гранат. В т. 28 опубликована статья В. И. Ленина «Карл Маркс».— С. Р.), в разделе «Социализм», он приводит цитату из Маркса, касающуюся соединения обучения с производительным трудом. Владимир Ильич посоветовал тогда мне засесть за писание книжки о том, что делается в передовых, в промышленном отношении, странах в направлении соединения обучения с производительным трудом. В результате я написала книжку «Народное образование и демократия», которую он внимательно прочитал и стал заботиться, чтобы продвинуть ее в печать».

Владимир Ильич дал книге очень высокую оценку. «Многоуважаемый Алексей Максимович! — писал он А. М. Горькому в феврале 1916 г.— Посылаю Вам заказной бандеролью брошюру моей жены «Народное образование и демократия».

Автор занимается педагогикой давно, более 20 лет. И в брошюре собраны как личные наблюдения, так и материалы о новой школе Европы и Америки. Из оглавления Вы увидите, что дан также, в первой половине, очерк истории демократических взглядов. Это тоже очень важно, ибо обычно взгляды великих демократов прошлого излагают неверно или с неверной точки зрения... Изменения в школе новейшей, империалистской, эпохи очерчены по материалам последних лет и дают

очень интересное освещение для демократии в России.

Вы очень обяжете меня, если поспособствуете — прямо или косвенно — изданию этой брошюры. Спрос на литературу этой области, верно, сильно возрос теперь в России».

К сожалению, тогда опубликовать книгу в горьковском издательстве «Парус» не представилось возможным.

Не удалось подыскать издателя и родным Владимиру Ильича. Еще в конце сентября 1915 г. Надежда Константиновна писала в Петроград: «Теперь у меня просьба к Ане. Я зимой занималась много педагогикой, а летом строчила педагогическую брошюру, почти уже кончила, через месяц будет готова окончательно, листов 6 будет. Тема: «Народная школа и демократия». Удалось подобрать довольно много интересного материала, совершенно почти неразработанного. Так вот, не наклонится ли какой издатель. Не знаю, как теперь положение книжного рынка, найдется ли издатель».

Выпустить книгу в свет удалось только в 1917 г. в издательстве «Жизнь и знание». И появилась она вовремя. В одном из предисловий к своей книге «Народное образование и демократия» Н. К. Крупская писала: «Надо было готовиться к моменту, когда власть перейдет в руки рабочего класса, надо было подготавливать фронт просвещения».

Эта книга была не только первым марксистским трудом по истории педагогики. «Книга Надежды Константиновны,— писал А. В. Луначарский,— была той основой, из которой мы исходили при составлении программ во всей нашей работе как в деле создания новых идей о школе, так и в деле ее практического осуществления, в деле практической педагогической работы, реального педагогического процесса в тысячах и тысячах школ нашей республики».

Была еще одна творческая задумка у Н. К. Крупской. «...Надя планирует издание «Педагогического словаря» или «Педагогической энциклопедии»,— писал В. И. Ленин в феврале 1917 г. М. Т. Елизарову.— Я усиленно поддерживаю этот план, который, по-моему, заполнит очень важный пробел в русской педагогической литературе... Спрос теперь в России, с увеличением числа и круга читателей, именно на энциклопедии и подобные издания очень велик и сильно растет. Хорошо составленный «Педагогический словарь» или «Педагогическая эн-

циклопедия» будут настольной книгой и выдержат ряд изданий. Что Надя сможет выполнить это, я уверен, ибо она много лет занималась педагогикой, писала об ней, готовилась систематически».

Владимир Ильич просил Марка Тимофеевича организовать издание «Педагогического словаря».

Ход революционных событий заставил Н. К. Крупскую изменить творческие планы, она всегда рассматривала свою педагогическую деятельность как неотъемлемую часть революционной работы.

Н. К. Крупская активно участвовала в осуществлении решений Апрельской партийной конференции. В апреле — мае 1917 г. она разработала проект изменения пунктов Программы РСДРП(б), принятых II съездом РСДРП, которые относились к народному образованию. Владимир Ильич полностью одобрил их и включил в изданную в июне брошюру «Материалы по пересмотру партийной программы». Перечисляя материалы, он в предисловии указал: «Снабженный краткими пояснениями проект изменения пунктов партийной программы, относящихся к народному образованию. Проект этот составлен уже после конференции Н. К. Крупской».

Наступила пора практического осуществления этой программы, что Надежда Константиновна и делала вначале в Выборгской районной думе, а после Октябрьской революции — в Наркомпросе. Еще до образования наркомата В. И. Ленин написал заметки об организации аппарата управления. Есть там и такие строки: «Н[адежда] К[онстантиновна] — тов[ариш] м[инистр]а при Лунач[арском]». Беседуя с А. В. Луначарским, Владимир Ильич сказал будущему наркому: «Я думаю, что Вам нужно серьезно переговорить с Надеждой Константиновной. Она будет Вам помогать. Она много думала над этими вопросами и, мне кажется, наметила правильную линию».

1 ноября 1917 г. Н. К. Крупская назначается заведующей Внешкольным отделом Наркомпроса. 2 января 1918 г. — правительственным комиссаром при Наркомпросе. 21 марта 1918 г. — заместителем наркома просвещения в Москве (нарком просвещения А. В. Луначарский после переезда Совнаркома в Москву некоторое время оставался в Петрограде представителем СНК). 25 июня Владимир Ильич подписал удостоверение Н. К. Крупской об утверждении ее членом коллегии Наркомпроса.

По заданию В. И. Ленина она участвовала в разра-

ботке важных декретов, докладов, которые определяли основные направления политико-просветительной и общеобразовательной работы в стране. 3 ноября 1920 г. Совнарком принял декрет «О централизации библиотечного дела в РСФСР». Его написала Надежда Константиновна. Владимир Ильич внимательно просмотрел проект, внес дополнения и поправки. 14 ноября 1920 г. он прочитал предложенные Надеждой Константиновной дополнения к проекту письма ЦК РКП(б) «О пролеткультах». «Я принимаю все поправки Н[адежды] К[онстантиновны], — пишет В. И. Ленин, — и предлагаю еще одно добавление: добавить о слиянии работы политико-просветительной и научно-просветительной. С этими поправками и дополнениями можно бы принять проект Зиновьева». «Дайте переписать этот отзыв Н[адежды] К[онстантиновны] к декрету о платности книг», — распорядился В. И. Ленин 19 ноября 1920 г., познакоившись с документом, написанным Н. К. Крупской.

«В настоящий момент, в связи с военными победами РСФСР и ее международным положением вообще, производственная пропаганда должна быть снова выдвинута на первый план, усилена и организационно укреплена». Так В. И. Ленин начал 18 ноября 1920 г. «Тезисы о производственной пропаганде (черновой набросок)». А уже 27 ноября в «Правде» были опубликованы написанные Н. К. Крупской на основании ленинского проекта тезисы Главполитпросвета «Производственная пропаганда». Рукопись до публикации была внимательно просмотрена В. И. Лениным. «Производственная пропаганда, — писала Н. К. Крупская в тезисах, — имеет целью поднять в массах сознательное отношение к труду, превратить их в активных преобразователей хозяйственной жизни».

По инициативе В. И. Ленина Надежда Константиновна готовила доклад о политехническом образовании на Первом партийном совещании по вопросам народного образования, созванном ЦК РКП(б). Владимир Ильич не только изучил написанные тезисы, но и написал «Заметки на тезисы Надежды Константиновны» — «О политехническом образовании». Хотя В. И. Ленин тут же указал в скобках: «Приватно. Черняк. Не оглашать. Я еще раз и два обдумаю это», — документ этот сыграл огромную роль в становлении политехнического образования в СССР. Доклад из-за болезни Надежды Константиновны, к сожалению, так и не состоялся.

В это же время (конец 1920-го — начало 1921 г.) работала комиссия по подготовке реформы Наркомпроса, утвержденная ЦК РКП(б). Возглавлял комиссию В. И. Ленин. Ему же принадлежала идея коренной перестройки всей системы наркомата. Активное участие во всей этой работе принимала и Надежда Константиновна. Познакомившись с двумя проектами реорганизации Наркомпроса (авторы Е. А. Литкенс и В. И. Соловаев) и замечаниями Н. К. Крупской на эти проекты, В. И. Ленин написал свои замечания и предложения. Они легли в основу нового положения о Наркомпросе.

Н. К. Крупская не раз отмечала, что Владимир Ильич постоянно интересовался работой Наркомпроса, помогал ей во всех, в том числе и в текущих, делах. «Письма о помощи, которые к тебе иногда приходят,— сообщал В. И. Ленин 9 июля 1919 г. жене на пароход «Красная Звезда»,— я читаю и стараюсь сделать, что можно».

Получив в том же 1919 г. сообщение Н. К. Крупской, что комбед, в который проникли враждебные элементы, арестовал хорошо известного ей рабочего, бывшего ученика Смоленской школы Балашова, за организацию коллективного огородного хозяйства, Владимир Ильич дает указание Ф. Э. Дзержинскому расследовать это дело.

29 декабря 1920 г. Надежда Константиновна прочитала Владимиру Ильичу телеграмму от заведующей опытной школой Наркомпроса А. Ф. Балкашиной. Просьба ее по тем временам была непростая — оказать помощь в получении для 150 детей новогодних подарков. В. И. Ленин поручил секретарю передать просьбу Балкашиной председателю Московской потребительской коммуны А. Е. Бадаеву. Все ребята получили подарки к Новому году.

Редко выступала Н. К. Крупская в роли ходатая за своих сотрудников. Но это были такие просьбы, которые без всяких колебаний поддерживал и Владимир Ильич. В марте 1921 г. он прочитал письмо Надежды Константиновны с предложением об оказании содействия работнику Главполитпросвета Б. М. Волину в получении жилплощади и тут же написал на нем поручение секретарю СНК Л. А. Фотиевой: «Лидия Александровна, созвонитесь! И помогите этому». Вскоре Б. М. Волин, член партии с 1904 г., получил жилплощадь, в которой остро нуждался.

«В комиссию столовой Совнаркома.

Уважаемые товарищи,— писала Н. К. Крупская 4 ноября 1922 г.,— в числе членов коллегии Наркомпроса имеется тов. Бем, коммунист, очень хороший товарищ. Перед приездом в Москву он перенес тяжелую болезнь (заражение крови). По приезде в Москву он подал заявление в совнаркомовскую столовую, но до сих пор ответа не получил. Работает уйму, питается совершенно фантастически и хворает от истощения. Человек не умеет бороться за жизненные блага для себя, но это не причина давать ему надрываться. Очень просила бы дать ему возможность кормиться в столовке Совнаркома на одинаковых правах с другими членами коллегии...

С ком. приветом *Н. Ульянова*».

Владимир Ильич приписал:

«Поддерживаю эту просьбу. С к. прив, *Ленин*».

Справедливо и уважительно именовали Надежду Константиновну «душой Наркомпроса». И нельзя не привести здесь слова А. В. Луначарского: «С самого начала существования Наркомпроса Н. К. Крупская являлась главной его идейной силой. Как ум интенсивный и как сила, контролирующая правильность коммунистической педагогической линии, Надежда Константиновна неизменно стояла на высоте. В течение долгого времени ее работа была посвящена исключительно Главполитпросвету. Между тем, она, на мой взгляд, гораздо более ценна, как педагог и работница по школьному делу. В последнее время Надежде Константиновне удалось несколько освободиться от этой работы и посвятить почти все свое время работам научно-педагогической секции [осударственного] У[ченого] С[овета]. Как первоначальная выработка ею основного идеала трудовой школы, так и ныне проводимая ею работа, по осуществлению точной программы переходного типа к трудовой, являются огромными заслугами не только для России, но и для международного коммунизма. Мы все сознаем, что она является в Наркомпросе работником совершенно незаменимым и безусловно крупнейшим педагогом-теоретиком, какого имеет сейчас Россия».

«СЧИТАЮ СВОЮ БОЛЕЗНЬ ЛИКВИДИРОВАННОЙ»

Еще зимой в Россию шли обычные письма. «У нас все здоровы», «живем мы по-старому, помаленьку»,—

извещал Владимир Ильич родных в январе — феврале 1913 г.

Но весной появляются тревожные нотки. «Дорогая Маняша, — делится Надежда Константиновна с Марией Ильиничной 10 апреля 1913 г. — Мечтаю о том, что летом удастся позаниматься немного, а то я хоть сижу при книгах, но как-то читать совсем не удается, и страшно позаниматься хочется. Этот месяц так зря пройдет, делишек будет по горло, а тут еще выяснилось, что у меня базедка, доктор напугал, и каждый день хожу в клинику электризоваться, что отнимает часа три, а потом хожу полдня, как очумелая. Поят бромом, и вообще все это тощица ужасная. Собиралась написать тебе длинное письмо, да все вот время между рук уходит. Ну целую очень. Твоя Надя».

Марии Александровне обострившуюся болезнь описала осторожно. «Надя пишет, что ей лучше, — сообщает она дочери в Вологду 30 апреля, — т. е. сердцу и глазам, кажется, успокоить меня хотела, писала не совсем искренне».

Надежда Константиновна и раньше страдала базедовой болезнью. Но на сей раз обострение было настолько сильное, что вызвало у Владимира Ильича большую тревогу. Он начал энергично действовать. «Ильич настоял, чтобы я пошла к доктору, — вспоминает Надежда Константиновна, — доктор сказал: тяжелая болезнь, нервы надорвались, сердце переродилось... надо ехать в горы».

В начале лета перехали из Кракова в горную деревушку Поронин. Но горы помогли плохо, и Надежда Константиновна, по ее выражению, все больше и больше приходила в инвалидное состояние. Владимир Ильич основательно засел за специальную медицинскую литературу. Убедился, сколь опасна и коварна эта болезнь. В апреле послал письма родным. Ничего не скрывал. Просил совета у Дмитрия Ильича, которого высоко ставил как врача.

Письма Владимира Ильича до нас не дошли. Но их содержание хорошо передает Мария Александровна в упомянутом послании в Вологду: «Сейчас получила письмо от В[олоди], в котором он пишет также Мите, сообщает ему, что, несмотря на лечение электричеством в продолжение 3-х недель, глаза, шея и сердце по-прежнему... знакомые советуют везти Надю в Берн к Кохеру, первоклассная знаменитость по болезням такого рода, вылечит, мол, но запускать рискованно, бо-

лезнь серьезная, ничего не поделаешь потом... и вот В[олодя] в большом затруднении, бросать ли дачу... или везти к Кохеру, он же хирург, вздумает, пожалуй, резать, а многие говорили, что операции в подобных болезнях трудны и сомнительны по исходу... и вот В[олодя] спрашивает совета Мити, правда, положение Володи трудное... Митя не вернулся еще, ждем его завтра утром, что-то он ответит Володе. Но что он может советовать,— размышляла Мария Александровна в письме к младшей дочери,— ведь он же неопытный врач!.. Мы с Аней думаем, что слушать советы знакомых нельзя, а надо посоветоваться с опытным врачом хоть в Вене, везти туда Надю».

К такому же решению, как видно, начал склоняться и Владимир Ильич, в те тревожные дни не зная покоя. «Дорогой Ш.! — обратился он в Берн к старому знакомому, деятелю РСДРП Г. Л. Шкловскому 8 мая.— Приехали сюда в деревню около Закопане для лечения Над. Konst. горным воздухом (здесь ок. 700 метров высоты) от базедовой болезни. Меня пугают: запустите-де, непоправимо будет, отвезите-де *тотчас* к Кохеру в Берн, это-де знаменитость первоклассная... С одной стороны, Кохер — хирург. Хирурги любят резать, а операция здесь, кажись, архиопасна и архисомнительна... С другой стороны, лечат горным воздухом и *покоем*. Но у нас «покой» трудно осуществим при нервной жизни. Болезнь же на нервной почве. Лечили 3 недели электричеством. Успех = 0. Все по-прежнему: и пученье глаз, и вздутие шеи, и сердцебиение, все симптомы базедовой болезни.

Не сможете ли Вы навести справки насчет Кохера? Я не знаю, *как* это сделать, и хочу посоветоваться. Нельзя ли с кем-либо, студентом или врачом, сходить к Кохеру поговорить? Или он не станет говорить без больной? Или нельзя ли поговорить с ним, добыв письмо от лечившего здесь (т. е. в Кракове) врача? Если можно вообще навести справки серьезного характера в Берне о Кохере или у Кохера (последнее лучше, конечно, было бы), буду очень Вам обязан. Ежели справки будут говорить *за* поездку в Берн, черкните, когда принимает Кохер, когда он уедет на лето и как придется устраиваться в Берне, в лечебнице (и очень ли дорогой) или иначе.

Жму руку и заранее благодарю за хлопоты. Ваш Н. Ленин».

На следующий день он поделился с А. М. Горьким:

«У меня невзгоды. Жена заболела базедовой болезнью. Нервы! У меня тоже нервы малость шалят. Уехали на лето в деревню Поронин, около Закопане... Места хорошие. Здоровые. Высота около 700 метров».

Между тем Надежда Константиновна бодрилась. Как могла, старалась успокоить мужа и его родных. «Дорогая Марья Александровна,— писала она 25 мая,— сегодня получили Ваше письмо. Тороплюсь ответить. Я уже поправляюсь. Сердцебиения гораздо меньше. Следуя совету доктора, ем за троих, лакаю молоко, принимаю препарат железа Робена, и вообще все очень хорошо. Володя очень кипитится, особенно его смущают Кохером. Я очень рада, что Дм[итрий] Ил[ьич] ему написал письмо, что операции не стоит делать и т. п., а то ему наговорят всякой всячины: то ослепнуть можно, то 1½ года лежать без движения и т. д. У меня совсем не такая уж сильная степень болезни, и за лето выздоревю. Настоящий отдых теперь только начинается».

Очень хотел в это верить и Владимир Ильич. «Дорогая мамочка! — приписал он.— Крепко обнимаю тебя и шлю всем привет. Мите большое спасибо за письма. Надю уговариваю ехать в Берн. Не хочет. Но теперь она *немного* поправляется».

Надежда Константиновна до последнего старалась избежать операции. И не только из-за громадного риска, с ней связанного. Поездка в Берн и лечение у Кохера означали непомерные для них расходы. А денег не было.

Владимир Ильич делает все возможное, чтобы собрать необходимую сумму. «Деньги получил за апрель,— пишет он в редакцию газеты «Правда» 16 июня.— Необходимо послать за *май*. Очень прошу не опаздывать. (Деньги крайне нужны мне на лечение жены, на операцию)».

Необходимость поездки в Берн становилась все очевидней. Как ни храбрилась Надежда Константиновна, недужилось ей все сильнее и сильнее. И только самой близкой подруге, революционерке Л. М. Книпович, она могла написать в те дни вполне откровенно: «Дорогая Лида! Спасибо за открытку, а я и забыла, что праздник... Мама в Россию не поехала из-за моей болезни. У меня оказалась-таки базедка, да еще запущенная. Доктор мне насказал всяких ужасов... и скоро буду ображать, что умираю. Главное, нельзя двигаться, ну это никак невозможно, конечно, а после каждой возни делаешься совсем больной, сердце хочет выскочить, глаз

лезет и т. д. Ну, ты, по-моему, знаешь, что это за приятность...»

Пришлось-таки Надежде Константиновне согласиться на поездку в Берн. 18 июня Владимир Ильич сообщил об этом родным: «21 или 22. VI мы едем с Надей в Берн, где ей будут делать операцию (вероятно)... Пробудем 1—3 недели, должно быть».

Спустя неделю по пути в Берн написал матери из Вены. 28 или 29 июня уже по прибытии: «Вот уже несколько дней мы с Надей в Берне. Кохер еще не принял. Капризник он. Знаменитость и... ломается. Здешние знающие врачи архихвалят его и обещают полный успех. Подождем... Здесь придется, вероятно, пробыть несколько недель».

Вторично обратился в редакцию газеты «Правда»: «Уважаемые коллеги! — писал он в конце июня 1913 г.— Очень прошу выслать мне сюда, в Берн, гонорар за май (и за июнь тоже) (100 р.)... Деньги крайне нужны. Надеюсь через несколько дней налажу и отсюда сотрудничество в „Правду“».

Болезнь Надежды Константиновны в летних письмах Владимира Ильича занимала главное место. 29 июня он пишет Л. Б. Каменеву: «С Кохером возня большая: капризник. Все еще не принял, придется ждать. На «Правду» поналягте, если можно... Я писать теперь не могу».

Но выступать он себя заставил, ведь даже ожидаемый перевод из «Правды» не мог покрыть всех расходов. Денег катастрофически не хватало. Владимир Ильич старается пополнить семейный бюджет. «Стоит ли прочесть реферат в Берне на тему, напр. «Национальный вопрос и социал-демократия»? — советуется он со Шкловским перед отъездом в Швейцарию.— Сколько можно собрать?»

В ожидании операции жены Владимир Ильич выступил с рефератом по национальному вопросу в Цюрихе (9 июля), в Женеве (10 июля), в Лозанне (11 июля) и в Берне (13 июля). Легко представить, какого напряжения стоили эти ежедневные публичные лекции. И хотя сборы от рефератов были невелики, все же прибавка в семейный кошелек.

Почти месяц не писал В. И. Ленин родным и лишь в субботу 26 июля 1913 г. взял в руки перо: «Дорогая мамочка! В среду наконец после 2-недельной «подготовки» в клинике Надю оперировали. Операция, видимо, сошла удачно, ибо вчера уже вид был у Нади здоро-

вый довольно, начала пить с охотой. Операция была, по-видимому, довольно трудная, помучили Надю около трех часов — без наркоза, но она перенесла мужественно. В четверг была очень плоха — сильнейший жар и бред, так что я перетрусил изрядно. Но вчера уже явно пошло на поправку, лихорадки нет, пульс лучше и пр. Кохер все же хирург замечательный... Теперь уже думаю о поездке назад: 4-го августа думаем выехать (если Кохер не задержит, что иногда бывает), остановимся на почлеги в Цюрихе, Мюнхене и Вене и затем домой... Если задержусь здесь, напишу еще».

О радостном известии Мария Александровна тут же дала знать в Феодосию младшему сыну. Подробно описала, как прошла операция, добавила: «Лечение, операция, дорога и прочее стоило Володе немало денег (своими средствами он не обошелся бы), только в клинике 25 франков в сутки. В[олодя] брал, конечно, отдельную комнату. Хорошо, что обошлось все благополучно!.. Замечательный хирург и врач Кохер...»

Лечение шло успешно, но затянулось сверх ожидаемого. «...Я пробуду здесь *еще две недели*, а то и побольше,— писал Владимир Ильич 20 июля 1913 г. Г. И. Сафарову.— Точно не знаю».

Успех операции окрылил Владимира Ильича: всего лишь за месяц он написал больше трех десятков статей и писем.

Сколько успешной ни была операция, она не излечила Надежду Константиновну окончательно. Не прошло и года, как болезнь опять напомнила о себе.

«Дорогая Маняша! — поверял Владимир Ильич свои тревоги младшей сестре в письме 16 февраля 1914 г.— У Нади, кажись, рецидив базедовой болезни — пока слабые признаки, но есть. Может быть, придется весной опять везти на операцию... Но это еще не наверное, и ей лучше пока не писать».

Он и матери ничего не написал о возобновившейся болезни Надежды Константиновны. Обеспокоенный, тогда же, видимо, послал письмо Г. Л. Шкловскому с просьбой проконсультироваться у Кохера. Это явствует из ответного письма Шкловского, полученного В. И. Лениным 12 марта 1914 г. Вероятно, Кохер не советовал делать повторной операции. Только тогда и написала Надежда Константиновна 16 марта Марии Александровне: «У меня опять базедка, не в такой сильной степени, как раньше, глаза почти нормальны, шея вздувается только при волнении, но сердце бьется порядком.

Собственно говоря, сейчас болезнь меня не очень беспокоит и ничему не мешает, но скучно, что опять надо всего остерегаться и вести инвалидный режим. Тут в Кракове сыро, а в Поронине, верно, все пройдет очень быстро. Володя очень любит Поронин, особенно лазить по горам...»

22 апреля Владимир Ильич сообщил Марии Ильичичне: «Мы недели через две едем опять в Поронин, — там горы, и я надеюсь, что базедка Надина пройдет, от этой болезни лечат горами». В середине декабря того же года писал старшей сестре из Берна в Петроград: «Надя чувствует себя здоровой».

Но и в последующие годы у Надежды Константиновны случались рецидивы базедовой болезни. В марте 1915 г. в Берне скончалась Елизавета Васильевна. Смерть матери без сомнения явилась сильным потрясением для Крупской, опять обострилась болезнь. «Получила вчера письмо от Нади, — сообщала Мария Александровна младшей дочери в апреле 1915 г., — заболела она опять базедкой, опять сердцебиение, обратилась к врачу — прописал микстуру и советовал ехать в горы (выше 1000 метров), думают ехать, когда почувствует себя лучше».

В начале июня 1915 г. Владимир Ильич и Надежда Константиновна по совету врача переехали из Берна в горную деревушку Зеренберг, где прожили все лето. «Здесь у нас лечение Нади идет, кажись, недурно», — с удовлетворением известил Владимир Ильич В. А. Карпинского в конце июня 1915 г.

«Дорогая Мария Александровна, — писала Надежда Константиновна в сентябре в Петроград. — Скоро перебираемся в город. На меня горы подействовали очень хорошо. Базедка, можно считать, совершенно прошла. Последнюю неделю у нас стоит великолепная погода, и мы с Володей облазали все окрестные горы. Я два раза всходила на Ротхорн (2300 метров), оттуда прекрасный вид на Альпы, без всякой усталости, а это не всякому и здоровому человеку под силу. Поэтому считаю свою болезнь ликвидированной и перехожу на здоровое положение». Это же в октябре 1915 г. подтвердил и Владимир Ильич: «Дорогая мамочка! Мы переехали на днях с Надей в Берн... Надя поправилась недурно; прошли сердцебиения; могла даже на горы ходить; лишь бы не повторилась базедка».

К сожалению, опасение это подтвердилось новым

приступом болезни летом 1916 г. Непогода помешала Владимиру Ильичу отвезти Надежду Константиновну в горы в июне. «Здоровье ее неважное,— писал он Инессе Арманд в начале июля,— погода скверная, нельзя уехать в горы». Через неделю ей же: «Надя шлет привет; не писала все время, ибо нездоровилось; запустила болезнь».

Только в июле Ульяновым удалось выбраться в горное селение Флумс, неподалеку от Цюриха. Лечение пошло было удачно, но в это время пришло известие о смерти М. А. Ульяновой...

Усугубила болезнь чрезвычайно холодная зима 1917 г. «Надя частенько прихварывает»,— сокрушается Владимир Ильич в письме к младшей сестре.

В 1917 г. в Петроград из Крыма ненадолго приехала Л. М. Книпович. Здесь подруги последний раз встретились. «Я к ней собиралась все время,— вспоминает Крупская,— Ильич настаивал, чтобы я непременно к ней поехала, планировал поселить нас на самой высокой горе Крыма... но дела прилипали как тесто к рукам; так и не выбралась я. Крым заняли белые».

Весной 1922 г. по рекомендации врачей намечалась поездка В. И. Ленина и Н. К. Крупской на Кавказ. Владимир Ильич соглашался поехать лишь на такой курорт, который подходил для Надежды Константиновны. «Высоту (над уровнем моря) намеченного дома надо знать,— пишет он в одном из писем Г. К. Орджоникидзе,— ибо сердце у Н[адежды] К[онстантиновны] плохо и большой высоты не вынесет». В другом письме он уточнил «...Абастуман совсем-де не годится, ибо похож на «гроб», узкая котловина; нервным не годно, прогулок нет, иначе как лазить, а лазить Надежде Константиновне никак нельзя... высота чрезмерная, больше 1000 метров *нельзя*».

Ни в Крым, ни на Кавказ поездка не состоялась.

Много волнений доставило В. И. Ленину плавание Н. К. Крупской на агитпароходе «Красная Звезда» в 1919 г. Надежда Константиновна, хотя и была нездорова, но отговорить ее от поездки не удалось. Пришлось-таки В. И. Ленину выдать ей удостоверение, в котором значилось:

«Предъявительница сего Надежда Константиновна Ульянова (Крупская-Ленина) член Коллегии Наркомпроса едет с литературно-инструкторским пароходом ВЦИК «Красная Звезда» по Волге и Каме. Прошу все

советские учреждения, военные ж. д. и речные власти оказать всяческое содействие предъявительнице.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)

27-го июня 1919 года
Москва, Кремль».

Сохранились две телеграммы и два письма Владимира Ильича Надежде Константиновне за период со 2 по 15 июля 1919 г. «Дорогая Надюшка! — писал Владимир Ильич 9 июля.— Очень рад был получить от тебя весть. Я уже дал одну телеграмму в Казань и, не получив на нее ответа, послал другую в Нижний, оттуда сегодня ответили... Крепко обнимаю, прошу писать и телеграфировать чаще. Твой *В. Ульянов*.

НВ: Слушайся доктора: ешь и спи больше, тогда к зиме будешь **вполне** работоспособна».

О своей переписке с Владимиром Ильичем Надежда Константиновна вспоминает: «Письмо от 9 июля 1919 г.— единственное личное письмо Владимира Ильича, которое у меня сохранилось. Мы мало жили врозь. Много переписывались, когда Ильич сидел в тюрьме, потом жил первый год в ссылке один, а также в бытность мою в Уфе. Но тогда переписка велась почти исключительно химией, и все письма тщательно уничтожались тотчас же по прочтении. В 1919 году я ездила месяца два на агитационном пароходе «Красная Звезда». В это время переписка затруднялась постоянным передвижением парохода. Но и те несколько писем, которые я получила от Ильича, я уничтожила, кроме одного, тотчас по прочтении, по старой конспиративной привычке».

Однако сохранилось еще одно письмо — от 15 июля 1919 г.

«Дорогая Надюшка! — писал Владимир Ильич.— Пользуюсь поездкой Крестинского в Пермь, чтобы написать тебе. Авось догонит.

Вчера получил телеграмму Молотова из Казани и ответил ему так, что ты должна была получить до отхода из Казани...

От Молотова узнал, что приступ болезни сердца у тебя все же был. Значит, ты работаешь *не в меру*. Надо строже соблюдать правила и слушаться врача хорошенько...

Крепко обнимаю и целую. Прошу больше отдыхать, меньше работать. Твой *В. Ульянов*».

ТЕЛЕГРАФЪ ВЪ МОСКВѢ		ТЕЛЕГРАММА	
Получено в 22 Часа 30 Минут		МОСКВА ПРЕДСОЗНАРИОМУ ЛЕНИНУ	
Срок 100			
От Я. МОКРА ТИХИ ГОР		№ 92 49-2477 15 1	
Содержание в рубрике № 078		П р и м е ч е н и я	
1.			
		Содержание в рубрике	

После казани Надежде Константиновне временами не здоровилось особенно от жары и комаров мешавших ему точка последние дни здоровье Надежды Константиновны улучшилось так как условия и погода сделали благоприятнее точка иногда после приехании в работе она утомляется но некоторые отяжи возстандрет лы точка иногда лучше для нее бы полный отдых и хорошее лечение что к сожалению на пароходе Надежда Константиновна не соглашается и теперешнии условия жизни на пароходе вообще надежде будет способстват не только обеспечению впечатления но и некоторому укреплению здоровья точка доброе вам телеграфическая дорога Боровки представитель звяки красной звезды молотов.

* На телеграммах, посылаемых телеграммой, пишется на обратном конверте, адрес на адрес по адресу: Москва: 1-й номер телеграмм 2-й номер, 3-й номер, 4-й номер и 5-й номер и адрес по адресу.

Телеграмма В. М. Молотова В. И. Ленину о состоянии здоровья Н. К. Крупской

Это письмо В. И. Ленина Надежде Константиновне передали в Чистополе перед красноармейским митингом. Не слушалась она предостерегающих советов Владимира Ильича, врача Фрадковой, товарищей, работала сверх меры. «У меня от постоянных выступлений забесилось сердце,— записала она,— приходилось отлеживаться».

Владимир Ильич понял, какая опасность грозит здоровью жены. «Получив мое письмо,— вспоминает Надежда Константиновна,— где я писала о том, что мне охота остаться работать на Урале, Ильич дал телеграм-

Груше

Дорогой Владимир! Очень
рад был услышать от
тебя вст. А уж да об этом
переговорам в Казани. А
но услышав от нас о том,
каково будет в Казани
нам, откуда садовод
открылся, Кр. Н. Груше
даже в Кз. и прощай, я
не могу с собой. А Груше

Миссис В. И. Ленин. Ко мне
из Кр. Зв. — 1917.

му т. Крестинскому в Свердловск, чтобы по дороге в Москву он заехал в Пермь и взял меня. Крестинский пришел как раз на наш красноармейский митинг и стал настаивать на моем отъезде в Москву. Я не очень спорила, ибо расхворалась порядком. Сели мы на обычный пароход, в Казани пересели на другой... и вернулись в Москву».

Забота Владимира Ильича о здоровье жены проявлялась всегда и во всем. Достаточно вспомнить первый подарок молодой жене — теплый сибирский тулуп. Или история с муфтой, случившаяся два десятилетия спустя. С какой теплотой вспоминает ее Надежда Константиновна: «Как-то собрались мы с ним ехать на митинг. Стоим уже совсем одетые, готовые к выходу, а он вдруг обращается ко мне: «Надя, а перчатки ты забыла надеть». Это перчатки, которые он мне подарил, а их у меня уже нет. Но, чтобы отвести этот разговор, сую руки в карманы, делая вид, что их достаю, — и бегом к двери. А он что-то уже заподозрил, преграждает дорогу. «На дворе мороз. Нельзя без перчаток, руки отморозишь. Где перчатки? Забыла?» Я отвечаю уклончиво. Ему уже ясно, что перчаток нет. Ну, пришлось сознаться: приезжала в Наркомпрос старая учительница издалека, пришла ко мне в кабинет. Гляжу: вся она синяя, замерзла, пальтишко худое, перчатки совсем рваные. Уговорила, хоть мои перчатки взяты. «Все ясно», — сказал Владимир Ильич и, обратившись к стоявшей тогда рядом с нами Марии Ильиничне, добавил: «Ну, теперь ей больше перчатки покупать не надо, а придется достать муфту и обязательно на шнурке. Муфту уж никому не навяжет». Надо же такое для меня придумать. И что же? Добыли эту муфту, да еще на шнурке, как мы носили когда-то, когда учились в гимназии. Так то было в гимназии, а теперь...»

В конце 1918 г. при очередном обострении болезни Владимир Ильич настоял, чтобы Надежда Константиновна отдохнула хотя бы в лесной школе. И почти каждый вечер приезжал в Сокольники к больной жене. 19 января 1919 г. по пути в Сокольники Владимир Ильич подвергся нападению бандитов. Они отобрали у него документы, угнали машину. Владимир Ильич пешком добрался до Сокольнического райсовета и по телефону сообщил о нападении в ВЧК. На прибывшей из Кремля машине Владимир Ильич продолжил путь в Сокольники.

Сохранилась записка, адресованная В. Д. Бонч-Бруе-

вичу в связи с болезнью Надежды Константиновны: «В[ладимир] Д[митриевич]! — писал Владимир Ильич в марте того же 1919 г. — Посылаю рецепт. Если в Кремле не сумеют сделать тотчас, пошлите самокатчика, пожалуйста, к Ферейну (аптекарь. — С. Р.) с запиской от Вас, чтобы дали вне очереди, и позвоните от себя Ферейну. Ваш Ленин».

Был и такой случай. Секретарь СНК М. И. Гляссер известила Ленина запиской о выходе Надежды Константиновны на работу в Наркомпрос, а между тем врачи ей еще не разрешили вставать. Встревоженный Владимир Ильич на обороте записки написал: «Неослабно справляться по телефону».

Сам находясь между жизнью и смертью, В. И. Ленин беспокоился о здоровье жены. Август 1918-го. Владимир Ильич тяжело ранен. Увидев, как Надежда Константиновна, взволнованная, примчалась с работы, он, собрав последние силы, заботливо произнес: «Ты устала, пойдй ляг».

Начало мая 1922 г. «Владимир Ильич, — вспоминает врач В. Н. Розанов, — сказал, что его беспокоит больше не свое здоровье, а здоровье Надежды Константиновны, которая, кажется, стала мало слушаться Федора Александровича (доктора Гетье), и просил сказать Гетье, чтобы он с ней был понастойчивее, а то она всегда говорит, что „ей хорошо“».

Осень 1923 г. В. И. Ленин просит, чтобы в комнате Надежды Константиновны были вставлены новые рамы, и сам проверяет, хорошо ли сделана работа.

И так до последней минуты жизни Владимира Ильича.

«НАДЯ ПИШЕТ ПОДРОБНО»

В письмах Владимира Ильича родным сплошь и рядом встречаются такие строки: «Надя говорит, что пишет подробнее о нашей жизни», «Надя соорудила уже длиннейший рассказ про нашу жизнь, и мне ровно ничего не остается добавить», «Надя сегодня напишет сама».

Писать родным Владимира Ильича Надежда Константиновна начала, еще будучи невестой. Из Петербурга. Перед отъездом в Сибирь. Нетерпеливо, напряженно ожидая разрешения властей отбывать ссылку в Шушенском вместо Уфы. «Я все же думаю, что в Шушу меня пустят, — пишет Надежда Константиновна Марии

Александровне 15 февраля 1898 г., — не все ли им равно?» Марии Ильиничне: «Относительно моего отъезда... Ничего я, Маня дорогая, не знаю... Завтра пойду опять в департамент. Так не хочется, чтобы моя поездка откладывалась до весны».

Самые первые письма Надежды Константиновны к родным, к сожалению, не сохранились. Пропали и многие другие. Но и те, что дошли до нас, свидетельствуют, как естественно и легко вошла она в дружную, крепко спаянную семью Ульяновых и заняла в ней свое особое место. Со свойственной ей пунктуальностью Надежда Константиновна регулярно писала родным Владимира Ильича. «В этих письмах, — говорится в предисловии к „Письмам к родным“, — живо и ярко описывается их совместная жизнь, работа, отдых, встречи с товарищами. Письма Надежды Константиновны как бы иллюстрируют письма В. И. Ленина, подробнее освещают условия жизни Владимира Ильича, события в семье, их жизненный уклад».

Значительная часть писем как Владимира Ильича, так и Надежды Константиновны обращена к Марии Александровне Ульяновой. Более половины писем Владимира Ильича предназначались матери. Сколько в них сыновней любви, заботы, нежности! Начинаются они неизменно словами: «Дорогая мамочка!», кончаются: «Любящий тебя» или «Твой В. Ульянов».

Письма Надежды Константиновны почти полностью посвящены Владимиру Ильичу. В первом же дошедшем до нас письме она сообщает Марии Александровне, что ей «обещали непременно найти издателя» (для сборника В. И. Ленина «Экономические этюды и статьи»), что «послала Володе перевод с английского», который «очень интересный и хорошо оплачивается», что «Володин списочек я передала одному знакомому, он обещал достать все... хочу запастись побольше книгами...». И в первой весточке из Сибири: «Дорогая Мария Александровна! Добрались мы до Шушенского, и я исполняю свое обещание — написать, как выглядит Володя. Помоему, он ужасно поздоровел, и вид у него блестящий сравнительно с тем, какой был в Питере». В следующем письме она еще раз отмечает, что «все еще не привыкла к теперешнему здоровому виду Володи, в Питере-то я его привыкла видеть всегда в прихварывающем состоянии».

Конечно же, Надежда Константиновна не зря так настойчиво подчеркивала «здоровый вид» Владимира

Ильича. Она прекрасно понимала, как беспокоится Мария Александровна о здоровье сына, и стремилась ее успокоить.

Письма Надежды Константиновны наполнены мягким юмором. Перед поездкой Владимира Ильича в Красноярск сообщила родным, что «Володе вменяется в обязанность купить себе 2 шапки, полотна на рубахи... Заказывала я было купить на кофточку... но т. к. Володя отправился к маме спрашивать, сколько „фунтов“ надо купить на кофточку, то и был освобожден от сей тяжелой обязанности». «Теперь Володя ушел уже решительно и окончательно в свои „рынки“, — осведомила она Анну Ильиничну 28 ноября 1898 г., — жадничает на время страшно... по утрам Володя просит будить его в 8 часов и даже 7½, но мое бужение, конечно, обыкновенно оканчивается ничем, помычит-помычит, закроется с головой и заснет опять».

Или вот как красочно она описала родным Владимира Ильича его охотничьи увлечения: «Мы все ходили с ним на охоту... Теперь охота на тетерок и куропаток — это птицы благородные, за ними не надо лезть в болото, как за какими-нибудь утками. Только сколько раз мы ни ходили, ни одной тетерки или куропатки не видели, но гуляли славно. Впрочем, куропаток раз видели штук 20: ехали на дрогах — вся колония шушенская, вдруг по обеим сторонам дороги поднялся табун куропаток, что тут с нашими охотниками поделалось, Володя даже застонал как-то, успел все же прицелиться, но куропатка не улетела даже, а просто ушла. Вообще та охота была плачевная: не убили никого».

В письме из Парижа в декабре 1909 г. она с улыбкой рассказывала Марии Александровне: «Маняше я писала недавно, вчера сделала открытие, что мое письмо к ней преспокойно лежит в Володином кармане. Сколько раз зарекалась давать ему письма бросать в ящик. Этот раз уверял, что не забудет. И вот забыл-таки!»

В подобных бесхитростных рассказах о бытовых мелочах скрывались трудности ссылки и эмиграции. В пространных, порой беспечных письмах родным и намека нельзя было отыскать, к примеру, на внезапный обыск в Шушенском 2 мая 1899 г.

Надежда Константиновна сообщала и о напряженной творческой работе мужа. «Володя сейчас занимается довольно усердно, — писала Надежда Константиновна в августе 1901 г. и с удовлетворением добавила: — Я

очень рада за него: когда он уйдет целиком в какую-нибудь работу, он чувствует себя хорошо и бодро — это уж такое свойство его природы; здоровье его совсем хорошо, от катара, по-видимому и следов никаких не осталось, бессонницы тоже нет. Он каждый день вытирается холодной водой, да, кроме того, мы ходим почти каждый день купаться».

Теплотой и нежностью веяло от этих дорогих для Марии Александровны весточек. Приглушалась вечная тревога, и спокойнее билось материнское сердце.

«Марию Александровну я очень любила,— вспоминает Надежда Константиновна,— она такая чуткая и внимательная всегда была. Когда мы за границей жили... всегда она писала нам письма вместе и никогда Владимиру Ильичу одному.

Мелочь это, но столько чуткости было в этой мелочи... Владимир Ильич страшно любил мать... Свою силу воли Владимир Ильич унаследовал от матери, унаследовал также и ее чуткость к людям... Я старалась описать ей как можно живее нашу жизнь, чтобы почувствовала она хоть немного близость сына».

К большому сожалению, лишь небольшая часть писем Марии Александровны к Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне дошла до наших дней. Неумолимые требования конспирации, частые переезды, обыски приводили к неминуемой потере дорогих весточек. Но и те немногие, что сохранились, ярко свидетельствуют, что Мария Александровна была единомышленницей своих детей. Она всегда была в курсе общественных интересов и творческих планов и дел своих детей. Особенно Владимира Ильича. В письме к младшей дочери Мария Александровна писала в декабре 1898 г.: «...поджидали нынче вечером Марка (М. Т. Елизарова.— С. Р.)... приехал с сибирским поездом. Но вестей никаких не привез, кроме, что Струве читает свой реферат в понедельник 7-го; Аня хочет... послушать его да поговорить с ним относительно „Рынков“ Вл[адимира]».

Мария Александровна, как могла, стремилась облегчить жизнь сына и невестки. Щедрые посылки, ласковые материнские письма.

«Дорогая Марья Александровна и Анечка,— писала Надежда Константиновна 24 февраля 1913 г.,— крепко целую за подарки, только больно уж все роскошно, мы совсем так не привыкли как-то. Сегодня Володя позвал знакомых по случаю посылки и по случаю разных блестящих планов издательства, возникших сегодня».

В этот же день Владимир Ильич написал матери и старшей сестре: «Вот уже так кучу сластей прислали нам!.. Надя прямо сердита на меня, что я написал „по поводу рыбы“, про сласти и что наделал вам такую кучу хлопот. Но я не ожидал, что все окажется в таком гигантском количестве,— с ласковым упреком оправдывался он и приписал: — Вот теперь мы „новый год“ еще раз будем праздновать!»

«Дорогие мои Наденька и Володя,— так начала Мария Александровна письмо 30 ноября 1912 г. — Давно не получала письма от Вас и что-то беспокоюсь, здоровы ли Вы...» И, сообщив новости, просила: «Пишите, дорогие, пожалуйста. Обнимаю крепко обоих вас и желаю всего лучшего... До свидания, дорогие мои Володя и Наденька, будьте здоровы. Пишите Вашей маме».

Другой раз (1 февраля 1915 г.) письмо свое заключила такими словами: «Крепко обнимаю тебя, дорогой мой, а также дорогую Наденьку, как рада была б я повидать вас. Будьте здоровы, дорогие мои, пишите, пожалуйста, почаще, жду большого письма от тебя, милая Наденька, напиши, как вы чувствуете себя, как проводите время и прочее и прочее, очень порадуюсь меня таким письмом».

И Надежда Константиновна радовала Марию Александровну ласковыми, теплыми весточками, сколь возможно подробно описывая их жизнь.

Нелегко давалась Надежде Константиновне эмиграция. И хотя в начале пребывания за границей она бодрилась: «В общем-то я довольна теперь нашей жизнью,— делилась она с Марией Александровной в июле 1901 г.,— вначале скучно было как-то, все чуждо очень, но теперь, по мере того как входишь в здешнюю жизнь, чувство это пропадает», тоска по родным местам сквозит в письмах Надежды Константиновны и Владимира Ильича. Частенько идет открытое или между строк сравнение (не в пользу Европы) с Россией: времен года, природы, погоды. Давала о себе знать оторванность от России, родных, друзей. «Как бы охотно побывала я теперь у Вас!.. — воскликнула Надежда Константиновна, обращаясь к Марии Александровне. — Дайте крылья мне перелетные...» «Иногда ужасно тянет в Россию, а сегодня особенно»,— призналась она в июне 1903 г. Прорываются порой жалобы на неаккуратность в переписке: «Вообще пишут нам из России ужасно мало. Можно подумать, что все старые друзья забыли о нашем существовании».

В годы первой мировой войны добавились еще и трудности с получением русских журналов и газет. «Сегодня получили последний номер „Речи“,—сообщала Надежда Константиновна в конце сентября 1915 г. Марии Александровне,—последнее время читали ее с особенным интересом, жаль, что перестаем получать ее, других русских газет не получали. Вообще с русскими газетами и журналами совсем плохо».

И все же Владимир Ильич и Надежда Константиновна старались представить свою жизнь в эмиграции в наилучшем виде. «Пожалуй, Вы подумаете, что мы тут не развлекаемся совсем,—писала Надежда Константиновна свекрови в 1903 г.,—напротив, чуть не каждый вечер куда-нибудь ходим, и в театре немецком несколько раз были, и в концерте, смотрим народ, местную жизнь... Володя очень увлекается этими наблюдениями... так же, как всем, что он делает».

Как могла, Мария Александровна силилась облегчить и разнообразить жизнь сына и невестки. Об одном таком эпизоде вспоминает В. Д. Бонч-Бруевич:

«Одно время, после II съезда, Владимир Ильич жил в Лозанне на Женевском озере... И вот, однажды, когда Владимир Ильич собирался отправиться в двухнедельное путешествие по Швейцарии, я приехал к нему... Встретил я Владимира Ильича весьма оживленным.

— Пойдемте-ка,—сказал он мне,—я покажу вам, какой замечательный подарок мама прислала мне с Надей! — И он быстро, увлекая меня, пошел к выходной двери. Мы спустились вниз, во дворик дома. Здесь стояли только что распакованные новенькие, прекрасные два велосипеда: один мужской, другой женский.

— Смотрите, какое великолепие! Это все Надя наделала. Написала как-то маме, что я люблю ездить на велосипеде, но что у нас своих нет. Мама приняла это к сердцу и коллективно со всеми нашими сколотила изрядную сумму, а Марк Тимофеевич (муж Анны Ильиничны) заказал нам в Берлине два велосипеда через общество «Надежда», где он служил. И вот вдруг — уведомление из Транспортного общества: куда прикажете доставить посылку? Я подумал, что вернулась какая-либо нелегальщина, литература, а может быть, кто выслал книги? Приносят — и вот вам нелегальщина! — говорил Владимир Ильич. — Ай да мамочка! Вот удружила! Мы теперь с Надей сами себе господа. Поедем не по железной дороге, а прямо на велосипедах...

Надежда Константиновна вся сияла и радовалась радости Владимира Ильича.

— Рад как ребенок! — шепнула мне. — Ужасно любит мать, но не ожидал такого внимания от всех наших и сейчас прямо в восторге».

«Володя пользуется летом недурно, — писала Надежда Константиновна Марии Александровне в августе 1911 г. — Присстроился заниматься в поле, очень много ездит на велосипеде... На этой неделе мы с ним носились на велосипеде без памяти. Сделали три прогулки по 70—75 километров каждая, три леса обрыскали, было очень хорошо. Володя страшно любит такие прогулки, чтобы уехать часов в 6—7 и вернуться поздно вечером».

Нередко в жизни Марии Александровны наступали периоды, когда после арестов детей она оставалась одна. Тогда чаще обычного писали ей Владимир Ильич и Надежда Константиновна. Они понимали, как тяжело приходится матери и как много значат для нее их весточки.

Так, в 1912 г., когда по делу Саратовской организации РСДРП(б) были арестованы М. И. Ульянова и А. И. Ульянова-Елизарова, Мария Александровна получила из Парижа сразу два письма. «Дорогая мамочка!.. Я уверен, что долго продержат их не смогут: слишком очевидно нелепость ареста, — успокаивал Владимир Ильич и тревожно спрашивал: — Есть ли у тебя знакомые, моя дорогая? Навещает ли кто-нибудь? Хуже и тяжелее всего в таких случаях внезапное одиночество... Крепко обнимаю тебя, моя дорогая, и желаю здоровья и бодрости. Твой В. У.».

Надежда Константиновна в своем письме старалась убедить Марию Александровну в случайности ареста дочерей. «Одно только думаю, — писала она, — что скоро Маняшу и Анюту выпустят. Теперь, судя по газетам, по всей России повальные обыски, берут всех, кто раньше когда-либо сидел, на глаз, так сказать, в предупреждение того, «как бы чего не вышло», а потом, как разберутся — недели через две, — выпускаются. Я уже слышала о нескольких таких нелепых арестах. Обидно только, что всем вам пришлось так переволноваться и так тяжело, пока все это разъяснится.

Берегите себя, дорогая моя, любимая. Крепко обнимаю и целую. Ваша *Надя*».

В таких письмах Мария Александровна черпала силы и бодрость в борьбе с невзгодами.

Нежная дружба связывала Надежду Константиновну с Маняшей, младшей сестрой мужа. Ей одной, порой, поверяла она свои заботы. «Дорогая Маняша,— писала Надежда Константиновна в декабре 1915 г.,— сейчас пишу тебе по одному специальному поводу. У нас скоро прекращаются все старые источники существования, и вопрос о зароботке встает довольно остро. Тут найти что-либо трудно. Обещали мне урок, но дело все как-то тянется, обещали переписку — тоже ни черта. Предприму еще кое-что, но все сие весьма проблематично. Надо думать о литературном зароботке. Не хочется мне, чтобы эта сторона дела падала целиком на Володю. Он и так много работает. Вопрос же о зароботке его порядком беспокоит... Самый трудный вопрос — это найти куда писать. Отсюда трудно что-либо устроить. Сделай что можешь...»

Оживленной была переписка между Надеждой Константиновной и Анной Ильиничной. «От В[олоди] только несколько слов карандашом на конверте получила,— сетовала Анна Ильинична в письме младшей сестре.— Пишет, что очень занят. Беда иметь брата писателя! Надя пишет».

Во многих письмах Надежды Константиновны сообщались факты из их эмигрантского бытия. Вот, например, отрывок из такого письма. «Дорогая Аня,— писала Надежда Константиновна в марте 1912 г. из Парижа в Саратов,— совсем я как-то отбилась от писем в этом году. Очень уже однообразно идет жизнь, не знаешь, что и писать. Эту зиму очень уж упорно я сидела дома за своей работяшкой, месяцами не вылазила из своего квартала... Очень рада весне, которая в этом году очень ранняя. Раза два уж закатывались с Володей на лоно природы. Правда, я после этих прогулок пошевелиться не могу от усталости, зато славно уж очень. Эту неделю вообще загуляли. Ходили в театр... в антрактах была чудесная музыка: Чайковского, Римского-Корсакова, Бородина. Сегодня идем Софокловскую „Электру“ глядеть... Все это по случаю весны. Ну уж и балуете вы нас в этом году посылками! Володя даже по этому случаю выучился сам в шкаф ходить и есть вне абонемента, т. е. не в положенные часы. Придет откуда-нибудь и закусувает. Теперь он пьет на ночь молоко... и по утрам ест яйца».

В конце писем иногда писала: «...мужскому персоналу (так Надежда Константиновна шутливо именовала Д. И. Ульянова и М. Т. Елизарова.— С. Р.) шлю свои

поклоны». Новостями о жизни «мужского персонала» она интересовалась постоянно: «Пришел ли ответ из Питера относительно поступления Дм. И. в университет?», «Д. И. мой привет и спасибо за книгу, которая давно получена», «Что пишет Марк Тимофеевич?»

Кроме обычных легальных писем между Крупской и сестрами В. И. Ленина шла многолетняя деловая сугубо конспиративная переписка по партийным делам. Когда в январе 1911 г. Надежда Константиновна написала Марии Ильиничне три химических письма, Владимир Ильич в письме Марии Александровне как бы между прочим обронил: «Маняше Надя писала дважды, пишет сегодня третий раз. Получает ли письма Маняша?» Так перемежалась легальная переписка с нелегальной.

Впрочем, Надежде Константиновне пришлось однажды применить конспирацию и в повседневной переписке с Марией Александровной...

В апреле 1899 г. пришла в Подольск весточка из Шушенского. «Дорогая Марья Александровна,— писала Надежда Константиновна,— недели две тому назад я писала Вам, причем по обыкновению наболтала всякой всячины». Знала Надежда Константиновна, сколь важна для свекрови эта «всячина», потому и письмо продолжала в своей привычной, неизменной манере. «Все у нас по-старому, все здоровы, на дворе теплынь — до 17° доходит, в поле местами сухо, и мы гуляем подолгу, видели двух диких гусей и селезня. Володя купил себе новые сапоги для охоты чуть не по пояс...» Далее в том же духе и вдруг: «Что касается моего здоровья, то я совершенно здорова, но относительно прилета пташечки дела обстоят, к сожалению, плохо: никакой пташечки что-то прилететь не собирается».

Мои смутные догадки подтвердил Г. Я. Лозгачев, воспитанник Анны Ильиничны и Марка Тимофеевича Елизаровых, в одну из наших встреч у него дома в Саратове.

— Марии Александровне прихлась по душе невестка,— рассказывал Георгий Яковлевич,— она как родную дочь полюбила Надежду Константиновну. По словам Анны Ильиничны, она в ожидании первого внука буквально грезила себя бабушкой.

По условному сигналу невестки Мария Александровна собиралась выехать в Шушенское. Время шло, а знака все не было. Почти год спустя со свойственной ей деликатностью Мария Александровна поинтересова-

лась здоровьем невестки. Тогда-то в ответ и появилась «пташечка» в письме Надежды Константиновны...

А. Н. Емельянов осенью 1917 г. стал невольным свидетелем разговора в Разливе своей матери Надежды Кондратьевны с Н. К. Крупской.

— Очень мы с Владимиром Ильичем хотели детей, дорогая Надежда Кондратьевна,—говорила Надежда Константиновна,—у вас вон какое богатство — молодцы растут.

— А что же вам помешало? Ссылка, эмиграция?

— Да нет,—вдохнула Надежда Константиновна,—болезни мои. И врачи не помогли.

Владимир Ильич и Надежда Константиновна очень любили детей. И дети отвечали им тем же. «Володя приехал из Красноярска третьего дня поздно вечером,—писала Надежда Константиновна свекрови 27 сентября 1898 г.—купил... игрушек детям Проминского и сынишке катанщика Мине, который живет у нас во дворе. Мальчуган лет пяти и часто у нас толчется. Утром, как узнал, что Володя приехал, второпях схватил материны сапоги и стал торопливо одеваться. Мать спрашивает: «Куда ты?» — «Да ведь Владимир Ильич приехал!» — «Ты помешаешь, не ходи...» — «О, нет, Вл[адимир] Ил[ьич] меня любит!» (Володя действительно его любит). Когда же вчера ему дали лошадь, которую Володя привез ему из Красноярска, то он проникнулся к Володе такой нежностью, что даже не хотел идти домой спать... Потешный мальчушка!»

Судьба не одарила Надежду Константиновну счастьем материнства. И непреходящая боль от этого чувствуется в письме Варваре Арманд, у которой родилась дочь: «О том, чтобы понянчить его, не приходится мне и мечтать, а хорошо бы было. Подумай, привыкла бы ко мне, рученьки протянула, улыбнулась... Так я хотела когда-то ребенка...»

Свою любовь к детям Надежда Константиновна перенесла на всю многомиллионную советскую детвору. «Я всегда жалела, что у меня не было ребят,—писала она в автобиографии „Моя жизнь“. —Теперь не жалею. Теперь их у меня много — комсомольцы и юные пионеры. Все они — ленинцы, хотят быть ленинцами.

По заказу юных пионеров написана эта автобиография.

Им, моим милым, родным ребятам, я ее и посвящаю».

«ПРОЖИЛИ ВСЮ ЖИЗНЬ ВМЕСТЕ»

10 мая 1898 г. Владимир Ильич писал матери из Шушенского: «Приехали ко мне наконец, дорогая мамочка, и гости... Я нашел, что Надежда Константиновна высмотрит неудовлетворительно — придется ей здесь заняться получше своим здоровьем. Про меня же Елизавета Васильевна сказала: „Эк Вас разнесло!“ — отзыв, как видишь, такой, что лучше и не надо!»

С 1898 г. и до своей кончины не расставалась Е. В. Крупская с дочерью и зятем, с ними испытывали тяготы ссылки и эмиграции. Все хозяйство молодой семьи взяла она в свои опытные руки. Любила и в земле покопаться: где бы ни жили, старалась развести сад, огород, чтобы на столе были свои овощи, а квартиру украшали цветы. «Мы с мамой посадили всякой всячины (даже дынь и помидоров), — сообщала Надежда Константиновна Марии Александровне из Шушенского в июне 1899 г., — и мы давно уже едим свою редиску, салат, укроп. Сад тоже развели, резеда цветет, а остальные цветы (левкой, душистый горошек, маргаритки, анютины глазки, флоксы) еще имеют цвести в более менее отдаленном будущем, все же сад и маме доставляет удовольствие!»

В огородно-садовых делах принял участие и Владимир Ильич. «В огороде выросла у нас всякая всячина — огурцы, морковь, свекла, тыква; очень я гордилась своим огородом, — не без удовольствия вспоминает Надежда Константиновна. — Съездили мы с Ильичем в лес, хмелю привезли, сад соорудили».

Елизавета Васильевна и Надежда Константиновна изо всех сил старались ничем не обременять Владимира Ильича, дать ему возможность заниматься спокойно, и все же нередко бывало, что он, услышав, что к чаю нет хлеба или еще надо что-нибудь купить, оставлял работу, тут же появлялся в растворенной двери и решительно заявлял:

— Ну, уж за хлебом это я пойду! Почему ты, Надя, мне раньше этого не сказала?.. Должен же я принимать участие в хозяйстве...

Перечить Владимиру Ильичу было нельзя, он мигом одевался и уходил в булочную или лавочку и приносил все, что было надо.

— А это по моему личному выбору, — торжественно объявлял он, вынимая то, что купил самостоятельно, быстро уходил к себе и продолжал прерванную работу.

В сентябре 1905 г. Е. Д. Стасова приехала в Женеву. Случилось так, что дома она застала одного Владимира Ильича. И он показал себя достойным хозяином. Первым делом зажег газовую плиту, вскипятил воду в чайнике, накрыл стол и приготовил все необходимое для угощения. Лишь после этого стал беседовать с дорогой гостьей из Питера.

Елена Дмитриевна отмечает, что в этой семье хозяйничал тот, кто был свободен. Но все же главные заботы лежали на Елизавете Васильевне.

«Вспоминая эту прекрасную женщину,— пишет М. М. Эссен,— понимаешь, как много облегчения и уюта внесла она в жизнь Владимира Ильича и Надежды Константиновны».

Эти, казалось, несложные домашние дела отнимали много времени и сил. А сил-то с каждым годом становилось все меньше. К тому же и здоровье у Елизаветы Васильевны было слабым. Ей ничего не стоило простудиться и заболеть. «Елизавета Васильевна прихварывает»,— часто встречается в письмах как Владимира Ильича, так и Надежды Константиновны. Порой Владимир Ильич с удовольствием писал родным: «Я здоров. Е[лизавета] В[асильевна] тоже молодцом». Но и при нездоровье она всячески старалась поддержать налаженный быт семьи.

Изредка Елизавета Васильевна наезжала в Россию: в родные края ее тянуло неодолимо. Часто ездить не могла: не хотела оставлять дочь и зятя одних. Случалось, они сами устраивали Елизавете Васильевне поездки в Россию. Когда весной 1902 г. было решено перенести издание газеты «Искра» из Мюнхена в Лондон, уговорили Елизавету Васильевну провести лето на родине, в Петербурге. Хотели освободить ее от тягот, связанных с нелегким переездом и устройством на новом месте. Но Елизавета Васильевна долго не гостила. «Переписываешься ли ты с Е. В., которая теперь в С.-Петербурге,— спрашивал Владимир Ильич мать в письме из Лондона 8 мая 1902 г.,— и не очень, кажется, им довольна, так что подумывает об обратном путешествии».

Н. К. Крупская так вспоминает об этом времени: «Скоро должна была приехать моя мать, и мы решили устроиться по-семейному: нанять две комнаты и кормиться дома, так как ко всем этим «бычачьим хвостам», жареным в жиру скатам, кексам российские желудки весьма мало приспособлены, да и... приходилось беречь каждую копейку, а своим хозяйством жить было де-

шевле». И во время второй эмиграции: «Мы было обосновались в Женеве,— вспоминает Надежда Константиновна.— Приехала моя мать, и мы устроились по-домашнему — наняли небольшую квартиру, завели хозяйство. Внешне жизнь как бы стала входить в колею».

Хозяйство временами переходило в руки дочери. И тогда начиналась, по выражению Надежды Константиновны, студенческая жизнь. Летом 1904 г., когда Елизавета Васильевна была в Петербурге, Надежда Константиновна писала Марии Александровне в Киев: «Мы теперь тоже отдыхаем. Сдали свой дом, чему я страшно рада, а то уборка и хозяйство занимали целый день, при той толкотне, которая у нас царит иногда, необходимость постоянно думать о хозяйстве надоедала очень. Уйдешь гулять — без молока останешься, не встанешь в 7 часов — изволь идти за мясом в город и т. д. Да и холодно зимой».

В 1912 г. в Париж приехал А. В. Шотман и ежедневно бывал на улице Мари-Роз. Приходил он по делам, но помогал и по хозяйству. «Идейные женщины, курсистки, революционерки редко умели вести хозяйство,— пишет Александр Васильевич.— Крупская в этом отношении мало чем отличалась... Мать у нее занемогла. И мне доставляло удовольствие, беседуя с Надеждой Константиновной, чистить картошку, готовить обед, мыть посуду. Вернувшись в Гельсингфорс, я рассказал об этом матери. Она охала и ахала. Поэтому-то когда «Ильичи» жили в Смольном и Надежда Константиновна, уходя на работу, очень расстраивалась, что Владимир Ильич не ухожен, я попросил свою мать заняться этим делом. Вскоре она стала своим человеком в семье Ленина».

Сама Надежда Константиновна скептически относилась к своим хозяйственным способностям. «Хозяйка я была плохая,— честно признается она,— только Владимир Ильич и Инок (И. Ф. Дубровинский.— С. Р.) были другого мнения, а люди, привыкшие к заправскому хозяйству, весьма критически относились к моим упрощенным приемам».

Случился как-то в гостях у Ульяновых М. Т. Елизаров. Пообедал. С любопытством понаблюдал, как хлопчут на кухне Надежда Константиновна и Мария Ильинична, приехавшая в Париж, как по очереди мою посуду. И дружески посоветовал:

— Лучше бы вы «Машу» какую завели.

Но, не без юмора вспоминает Надежда Константи-

новна, французские «Маши» не мирились с русской эмигрантской сутолокой. Да и денег не было на домработницу. «Потом,— пишет она,— я понемногу приспособилась...»

И у Елизаветы Васильевны изредка случались разлады с хозяйством. После переезда в Париж «на мою долю,— пишет Надежда Константиновна,— выпало много всякой хозяйственной возни — моя старуха мать как-то растерялась в сутолоке большого города. В Женеве все хозяйственные дела улаживались гораздо проще, а тут пошла какая-то канитель: газ надо было открыть, так пришлось раза три ездить куда-то в центр, чтобы добиться соответствующей бумаги. Бюрократизм во Франции чудовищный... С хозяйством на первых порах была большая возня».

Осенью 1909 г. переехали на новую квартиру на глухой тогда улочке Мари-Роз. Как вспоминает Надежда Константиновна, к тому времени «хозяйство вошло в свою колею, мама тоже приспособилась».

Племянник Надежды Константиновны М. А. Крупский в числе прочих реликвий семейного архива познкомил меня с письмом, полученным его отцом А. А. Крупским из Парижа. «Здравствуй, Шурка! — писала Елизавета Васильевна 24 октября 1904 г. своему племяннику. — Что тебе сказать о нашем житье-бытье? Надя и зять здоровы, и работы им по горло. У них дело более научное, мое же по домашности. Живется ничего, только очень скучаю по России».

Своими занятиями «по домашности» Е. В. Крупская давала возможность Надежде Константиновне и Владимиру Ильичу беззаветно отдаваться революционной деятельности.

И все же, поглощенная громадной революционной работой, Надежда Константиновна всячески оберегала мать. Анна Ильинична, посетившая Ульяновых в Париже в октябре 1911 г., писала матери в Саратов: «Е. В. поправилась, но Надя не допускает ее до хозяйства».

Елизавета Васильевна помогала дочери и зятю не только «по домашности». Ее вначале приводило в отчаяние, как они оба буквально горели на работе.

— Они убивают себя такой жизнью,— жаловалась она по секрету Зинаиде Павловне Кржижановской,— я пробовала убеждать их несколько изменить образ жизни. Но это оказалось невозможно, конечно.

Елизавета Васильевна понимала: революционная деятельность — образ жизни дочери и зятя. И стара-

лась, как могла, помочь им и в этом. Е. В. Крупская, по выражению дочери, стала «близким товарищем, помогавшим во всей работе».

Как вспоминает Д. А. Лазуркина, Владимир Ильич, Надежда Константиновна и ее мать Елизавета Васильевна «жили общими интересами, большой политической жизнью, глубокими мыслями, дышали воздухом революции. Теплой дружбой, глубокой любовью веяло от этой семьи».

Еще в Петербурге мать помогала дочери и ее товарищам в революционных делах: передавала поручения, носила в Дом предварительного заключения передачи, книги с шифрованными письмами, во время обысков прятала нелегальщину.

1 мая 1899 г. в Шушенском произошло неслыханное — празднование международного дня солидарности рабочих. Конечно, местное население ничего не знало о 1 Мая. Праздновали только ссыльные. «Их в Шушенском было немного,— пишет Надежда Константиновна,— Владимир Ильич, я, польский рабочий Проминский и питерский рабочий Оскар. С нами жила моя мать, которая нам во всем сочувствовала и помогала как могла... Проминский очень хорошо пел польские революционные песни. Владимир Ильич, мама и все другие подтягивали ему». Пели «Интернационал», песню о 1 Мая и другие. Пели дома, а потом на поляне провели маевку. Даже подняли красный платок.

На следующий день, 2 мая, внезапно нагрянули с обыском. И здесь свою роль сыграла Елизавета Васильевна. Вот рассказ Надежды Константиновны об этом в изложении А. С. Шаповалова: «На пороге показался жандарм с товарищем прокурора. Сразу поняли мы, в чем дело, и в тот же момент я пришла в ужас, вспомнив, что нелегальщина осталась в горшке из-под молока, заткнутом тряпкой и стоящем на этажерке с книгами. Но моя мама нашлась. В то время, когда я стояла оцепенев от испуга и не двигаясь, пока Володя разглядывал распоряжение жандармского управления об обыске, она, подойдя к полкам с книгами, на которых уже начали рыться жандармы, сказала:

— Ах, я старая дура, ох, батюшки, горшок я свой здесь забыла, наверно, он вам мешает. Дайте-ка мне его.

Обманутый наивностью тона, звучавшей в словах матушки, жандарм, не подозревая обмана, отдал ей горшок. Быстро разведя огонь на кухне, она немедленно сожгла все содержимое горшка.

Таким образом жандармы, ничего не найдя, уехали несолоно хлебавши».

Несомненно, если бы жандармы нашли нелегальщину, Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне срок ссылки был бы прибавлен.

За границей Елизавета Васильевна тоже помогала дочери и зятю в революционных делах. Из очень тонкой материи она шила пояса, корсеты или панцири с узкими, глубокими пазухами, которые заполнялись нелегальной литературой. Шить их нужно было очень умело, чтобы они были по фигуре и не слишком изменяли ее. Елизавета Васильевна освоила эту непростую работу и в сшитых ею поясах удалось переправить в Россию немало нелегальной литературы.

Особенно большую помощь оказывала Елизавета Васильевна дочери в переписке с Россией. Она сочиняла «скелеты» для химических писем, то есть писала обычное письмо, которое ни своим видом, ни содержанием не должно было внушить и малейших подозрений. Затем между строк химическими чернилами вписывался невидимый зашифрованный текст... Сколько таких писем прошло через руки Елизаветы Васильевны!

Вероятно, Е. В. Крупская участвовала и в отправке этих писем. Ведь не случайно ее рукой написан список адресатов за 1908—1909 гг. Он хранится в Центральном партархиве в Москве.

Помощь была многообразной. Две недели мать и дочь по заданию Владимира Ильича исследовали списки подписчиков «Правды». Разрезали листы, подбирали по городам и другим населенным пунктам. В результате получилась карта распространения большевистской газеты. Она о многом говорила и очень понравилась Владимиру Ильичу.

На адрес Е. В. Крупской иногда присылалась корреспонденция. В 1913 г., к примеру, в письме на имя Е. В. Крупской Г. И. Петровский просил В. И. Ленина выслать материалы для ответной речи на предстоящее выступление министра в IV Думе.

В годы первой русской революции Елизавета Васильевна жила вместе с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной в Куоккале, на даче «Ваза». «Ильич из Куоккалы руководил фактически всей работой большевиков,— вспоминает Н. К. Крупская. — Дверь дачи никогда не запиралась... Утром очень часто в столовой мы заставляли приехавших ночью товарищей... Я редко видала в это время Ильича, проводя целые дни

в Питере. Возвращаясь поздно, заставляла Ильича всегда озабоченным...»

Заботы по хозяйству в этом большевистском центре легли на плечи Елизаветы Васильевны. «Здесь мы живем с компанией хороших друзей (А. А. Богданов, И. Ф. Дубровинский, Н. А. Рожков, Г. Д. Лейтейзен. — С. Р.), — писал Владимир Ильич 15 октября 1907 г. с дачи «Ваза» Марии Александровне на станцию Михнево. — Есть книги, работа... Недавно все почти заплатили свою дань осени — похворали дня по два инфлюэнцей. Теперь здоровы или выздоравливают. Ел. Вас. тоже чувствует себя хорошо — только чересчур иногда волнуется с хозяйством».

Очень уважали и любили Елизавету Васильевну товарищи. За открытый, веселый нрав, дружелюбие, помощь и содействие, которое она старалась оказать. «Камо принес нам с Ильичем гостинцев, — вспоминает Надежда Константиновна. — Бывал у нас в Куоккале. Подружился с моей матерью, рассказывал ей о тетке, о сестрах. Камо часто ездил из Финляндии в Питер, всегда брал с собой оружие, и мама каждый раз особо заботливо увязывала ему револьверы на спине».

В 1911 г. Елизавета Васильевна жила вместе с дочерью и зятем в Лонжюмо, под Парижем. Здесь, в маленьком поселке, по инициативе В. И. Ленина работала нелегальная партийная школа для слушателей из России. «Мы... ходили обедать в общую столовую, — вспоминает Н. К. Крупская, — где хорошо было поболтать с учениками». Общалась с ними и Елизавета Васильевна. Она давно и хорошо знала некоторых преподавателей и учеников. Выделяла Семена Шварца. «Его особенно любила моя мать, — пишет Надежда Константиновна, — в присутствии которой он рассказывал, как впервые молодым девятнадцатилетним парнем распространял листки на заводе, представившись пьяным».

Кое-кто специально приходил к Ульяновым поговорить с Елизаветой Васильевной. Беседы с этой умной, образованной, с большим жизненным опытом женщиной доставляли удовольствие. С некоторыми ее связывала истинная дружба. «К Инессе (Арманд. — С. Р.) очень привязалась моя мать, — свидетельствует Надежда Константиновна, — к которой Инесса заходила часто поговорить, посидеть с ней, покурить. Уютнее, веселее становилось, когда приходила Инесса».

О душевных разговорах с Елизаветой Васильевной в Женеве очень тепло вспоминает М. М. Эссен. «Надеж-

да Константиновна ложилась спать,— пишет Мария Моисеевна,— а мы с Елизаветой Васильевной усаживались на скамеечке в садике и шепотом беседовали, чтобы не помешать Владимиру Ильичу. Иногда он спускался к нам на минутку перемолвиться парой слов, а то, посмеявшись над нашей неугомонностью, сверху зашумит, чтобы ложились спать».

Больше всего трогало М. М. Эссен то поразительное внимание, которым Владимир Ильич окружал своих близких. Да и другие мемуаристы единодушно говорят об удивительно трогательной, большой дружбе между ним и Елизаветой Васильевной. Проявлялось это и в постоянной заботе о здоровье нередко прихварывающей пожилой женщины. Стоило ей заболеть, как Владимир Ильич тут же начинал действовать. Приглашал врача, ходил за лекарствами. И непременно ободрял больную.

— На время болезни,— говорил он,— главное — не падать духом.

Владимир Ильич и планы свои порой менял из-за нездоровья Елизаветы Васильевны. «Получила от него (В. И. Ленина.— С. Р.) письмо,— писала Анна Ильинична матери осенью 1911 г.,— что он возвращается в Париж и не едет в Италию, так как Ел. В. больна — что-то с сердцем у нее неладно».

Она очень любила природу, и Владимир Ильич и Надежда Константиновна старались доставить ей такое удовольствие как можно чаще. «У нас тепло,— писал Владимир Ильич матери из Лондона в марте 1903 г.— Недавно мы взяли и Е. В. на большую прогулку — захватили с собой бутерброды вместо обеда и двинулись на целый день...» Ходили сообща купаться, даже на каток.

Планируя летний отдых, Владимир Ильич в первую очередь думал о пансионе, как он писал, «с полным отдыхом Наде и Е. В.». Его не устраивала «дача, где им придется самим готовить: Е. В. сильно это утомляет».

Всей семьей отдыхали то в деревне Бомбон, недалеко от Парижа, то в местечке Порник, на берегу Бискайского залива. Когда не было возможности отдыхать сообща, отправляли Елизавету Васильевну на юг Франции к знакомым.

Елизавету Васильевну никогда не оставляли одну. «Через неделю мы собираемся съездить ненадолго в Швейцарию к Анюте,— писала Надежда Константиновна Марии Александровне в августе 1901 г. из Мюнхе-

на. — Поедем мы на несколько дней... к маме на это время переберется один наш знакомый, так что она не будет бояться остаться одна».

В июле 1913 г., накануне отъезда из Поронина в Берн с больной Надеждой Константиновной, Владимир Ильич попросил С. Ю. Багоцкого переселиться на их дачу. «Елизавете Васильевне было уже семьдесят лет, — вспоминает С. Ю. Багоцкий, — и она была довольно беспомощна. Оставлять ее одну Ульяновы не решились. Владимир Ильич просил меня на время их отсутствия переселиться в их квартиру, с чем я, конечно, согласился».

В августе 1914 г., когда нависла угроза ареста, «Ильича беспокоило, — пишет Н. К. Крупская, — как мы вдвоем с матерью останемся в Поронине, одни в большом доме, и он сговорился с т. Тихомирновым, что тот пока поселится у нас в верхней комнате. Тихомирнов недавно вернулся из олонецкой ссылки».

Владимир Ильич всегда старался хоть чем-то порадовать старую женщину. Возвращаясь домой с прогулок, нередко приносил ей букетик цветов. Мягко относился к ее пристрастиям. Иногда, оставив все дела, садился играть с Елизаветой Васильевной в карты. Както, увлекшись, выиграл несколько раз подряд. Увидев, что Елизавета Васильевна огорчена, продолжил игру. Конечно, проиграл, и она сказала, что на этот раз игра была прекрасной.

«Раз как-то сидит мать унылая, — пишет Н. К. Крупская. — Была она отчаянной курильщицей, а тут забыла купить папирос, а был праздник, нигде нельзя было купить папирос. Увидал это Ильич. «Эка беда, сейчас я достану», и пошел разыскивать папиросы по кафе, отыскал, принес матери».

Но и между ними случались несогласия. «Они часто спорили», — пишет Надежда Константиновна. К. Тахтарев уточняет: «Мать Надежды Константиновны была очень славная женщина, но старых понятий и нравов. И это было причиной ее нередких «идейных» столкновений с Владимиром Ильичем, иногда очень курьезных». Ленин часто поддразнивал Елизавету Васильевну, уверял ее, как вспоминает Л. А. Фотиева, что «самое большое наказание за двоеженство — две тещи».

Все эти «идейные столкновения» вносили живые черточки в напряженную жизнь Ульяновых. А забот у семьи хватало. Одна из них — постоянное архискромное материальное положение. Чем могла помочь Елизавета

Васильевна? Кроме мизерной пенсии не было у нее, как выразилась Надежда Константиновна, ни кола ни двора. Еще перед поездкой в Шушенское ломала голову, как помочь дочери. Не с «приданым», нет. Встала более прозаическая проблема — на какие средства совершить далекое путешествие? На что приобрести самое необходимое для жизни в Сибири? Да и невеста хотела приехать к жениху не с пустыми руками. Книги само собой, но Надежда замыслила и совсем уж необычайный подарок — настольную лампу с зеленым абажуром. Где деньги взять?

В кладбищенской канцелярии Новодевичьего монастыря немало удивились просьбе посетительницы: Е. В. Крупская решила отказаться от заранее приобретенного места на кладбище рядом с могилой мужа. Возвратили Елизавете Васильевне почти сто рублей. Но и этих денег не хватило.

Много лет тому назад в Полтаве мне довелось встретиться с родственницей Крупских М. Ф. Давидович-Нащинской.

— Елизавета Васильевна приезжала в Полтаву несколько раз, — рассказывала Мария Федоровна, очень пожилая женщина. — Самый памятный ее приезд — перед Шушенским. Оставила у нас на сохранение кое-какие вещи. И продала обручальные кольца — свое и мужа.

Решила расстаться с самым дорогим, что хранила свято. Другого выхода не было. Достаточно сказать, что ехали в Сибирь Крупские в бесплацкартных вагонах.

Другой раз Елизавете Васильевне удалось пополнить семейный бюджет более существенно. «Мама кланяется, — писала Надежда Константиновна Марии Александровне в мае 1913 г. — Она все грустит, у ней недели две тому назад умерла сестра, с которой они вместе росли и всю жизнь поддерживали близкие отношения. Хотела мама было даже ехать в Новочеркасск, когда узнала о болезни сестры, да паспорта не было — послан на обмен».

Родная сестра Ольга оставила Елизавете Васильевне в наследство четыре тысячи рублей, которые скопила за тридцать лет педагогического труда. Деньги положили в краковский банк. Когда после незаконного ареста В. И. Ленин в 1914 г. получил право вместе с семьей выехать в Швейцарию, взять деньги из банка оказалось не так просто. «Чтобы выволить их, — пишет Н. К. Крупская, — надо было пойти на сделку с каким-

то маклером в Вене, который раздобыл их, взяв за услугу ровно половину этих денег. На оставшиеся деньги мы и жили главным образом во время войны, так экономя, что в 1917 году, когда мы возвращались в Россию, сохранилась от них некоторая сумма, удостоверение в наличии которой было взято в июльские дни 1917 года в Петербурге во время обыска в качестве доказательства того, что Владимир Ильич получал деньги за шпионаж от немецкого правительства».

Вот такая, почти детективная, история произошла с наследством, полученным Елизаветой Васильевной...

В письмах к Марии Александровне Владимир Ильич часто пишет: «Е. В. и Надя очень кланяются и целуют тебя. Я тоже». Елизавета Васильевна и Мария Александровна переписывались между собой. Когда письма не доходили, выясняли причину через детей. «Письмо, значит, пропало,— писала Надежда Константиновна Марии Александровне,— т. к. мама от Вас письма не получала и недавно как-то заказывала спросить Вас, получили ли ее письмо».

В начале 1915 г. письма из Швейцарии вообще перестали поступать, и Мария Александровна забила тревогу. «Дорогие мои Володя и Наденька, давно нет вестей от вас,— писала она 1 февраля,— может быть, не все письма доходят, скучно и грустно, что корреспонденция так медленно движется и письма не всегда, как видно, доходят... Вот и масленица прошла... А как у вас, пекли ли вы блины? Сколько мне помнится, Володя небольшой охотник до них, не знаю, как ты, Наденька, и Е. В. Довольны ли вы немецким обедом, там много овощей и плодов, очень вкусное и здоровое питание. Как здоровье Е. В.? Я думаю, что ей нравится в Берне, хороший это городок... Передайте ей от меня привет и пожелание ей здоровья и всего лучшего. Вероятно, ее не тянет теперь в Россию, здесь не хорошо теперь, только и слышишь, только и читаешь каждый день об ужасах войны».

Но не война была виновата в задержке переписки. Будто чувствовала Мария Александровна неладное. Просила в конце письма: «Милая Наденька, напиши, как вы чувствуете себя».

Большое горе пришло в их дом. Началось, казалось, с пустяков: все переболели инфлюэнцей. Раньше всех оправилась от болезни Надежда Константиновна. Медленно поправлялся Владимир Ильич. Елизавета Васильевна болела долго и тяжело. Потому в Россию род-

ным писали редко. А о ее болезни Владимир Ильич не распространялся. «Е. В. хворает инфлюэнцей», — только и обмолвился в письме 9 февраля 1915 г. Еще в ноябре минувшего, 1914 г. он с грустью отмечал, что Елизавета Васильевна «состарилась уже очень». А тут еще болезнь. Крайне тяжело перенесла Елизавета Васильевна зиму. К весне совсем обессилела. Почувствовала приближение смерти.

Навсегда запомнила Надежда Константиновна последние беседы с ней. «Как-то незадолго уже до смерти говорит мне мать: „Нет, уж что, одна я в Россию не поеду, вместе с вами уж поеду“. Другой раз заговорили о религии. Она считала себя верующей, но в церковь не ходила годами, не постилась, не молилась, и вообще никакой роли религия в ее жизни не играла, но не любила она разговоров на эту тему, а тут говорит: „Верила я в молодости, а как пожила, узнала жизнь, увидела: такие это пустяки“».

В теплый мартовский день, когда стало пригревать весеннее солнце, Елизавета Васильевна попросилась в лес. Он находился поблизости от домика на Дистельвег, где они квартировали. Надежда Константиновна помогла матери спуститься со второго этажа и дойти до Бремгартенского леса. Посидели они там на лавочке с полчаса. Обратной Елизавета Васильевна еле дошла. На следующий день, 21 марта 1915 г., она скончалась.

23 марта Владимир Ильич и Надежда Константиновна похоронили мать на Бремгартенском кладбище. По воле усопшей ее кремировали в кладбищенском крематории. Около могилы посадили молодое деревце.

«Дорогая Марья Александровна! — писала Н. К. Крупская 17 апреля 1915 г. — Теперь Вы, вероятно, уже получили мое письмо, где я писала о маминой смерти. Завтра уж четыре недели, как она умерла. Все никак в себя прийти не могу...»

Воспоминания о матери постоянно жили с ней. «Милая Оля, — писала Н. К. Крупская 22 декабря 1922 г. О. К. Витмер. — Вы знаете, мама ведь училась в Павловском институте и так много всегда про него рассказывала. В детстве, проходя мимо него, я всегда смотрела на это здание с большим волнением и — хоть это и смешно, но прошлое имеет большую власть надо мной, — узнав, что Вы заведуете этой школой, я не могла к этому отнестись равнодушно. Знаете, последние годы мама стала очень многое забывать, и вот я часто заводила с ней разговор о ее молодости и детстве, и тогда

все это оживало перед ней и она светлела. И вот мы часто говорили об институте, так, неважное, разные мелочи, но важные для того, кто их пережил».

Волею обстоятельств не смогла Н. К. Крупская выполнить последний наказ Елизаветы Васильевны — похоронить ее в родном Петербурге, на Новодевичьем кладбище, рядом с могилой мужа — Константина Игнатьевича. Но всякий раз, когда ей представлялась возможность отдать дань памяти матери, она использовала ее.

4 мая 1924 г. в письме Л. М. Михайлову-Политикусу интересовалась, нельзя ли попросить товарища, который едет в Швейцарию, зайти на кладбище в Берне и заснять могилу Е. В. Крупской. «Это, конечно, мое личное дело,— добавила Надежда Константиновна,— но мама все время жила с нами, ее знали и любили многие товарищи... Конечно, эта просьба уместна, если едет близкий товарищ. А может быть, это вообще неуместная просьба — тогда никому о ней не говорите».

В 1927 г. корреспондентом «Комсомольской правды» на экономическую конференцию в Швейцарию поехала Галина Серебрякова. Об этом узнала Надежда Константиновна и пригласила ее к себе. «Расспрашивая, как всегда, подробно, что я буду делать и писать,— вспоминает Г. Серебрякова,— она сказала:

— Вы будете в Берне? Там похоронена моя мать... Прошу Вас, положите цветы на ее могилу.

Очевидно, Надежда Константиновна, человек необычайной чуткости, уловила что-то на моем лице и сказала ласково, как умела говорить с людьми только она:

— Вы не ожидали именно этой просьбы...

Я обещала Надежде Константиновне, что выполню ее просьбу, и действительно на бернском кладбище возложила букет красных роз на скромную могилу».

...15 июля 1969 г. Кладбище Новодевичьего монастыря. Собрались соратники, друзья Н. К. Крупской, партийные, советские работники, ветераны партии, учителя, комсомольцы. На церемонию перезахоронения, редкостную на этом старинном петербургском кладбище.

Свыше полувека покоился прах Е. В. Крупской на Бремгартенском кладбище в Берне. И вот урна доставлена в Ленинград. Траурный митинг окончен. Возлагаются цветы, среди них цветок, привезенный с могилы в Берне. Положил и я букетик полевых цветов. Их так любила эта замечательная русская женщина.

«ФАМИЛИЯ ЕЕ БЫЛА ЯВОРСКАЯ»

Почта шла нескончаемой чередой. И в праздники и в выходные. Знакомиться с обширной корреспонденцией, прочитывать каждый листок давно стало для Надежды Константиновны первейшей потребностью. Письма приходили разные. Длинные и лаконичные, бессвязные и логичные. Одни раскрывали душу, делились сокровенным. Другие просили совета и помощи. Писали выстраданное. Волновала почта Надежду Константиновну, но письмо учителя В. Е. Баранова буквально потрясло ее. «Жива Тимофейка, жива!» — сообщал Василий Егорович. Вот радости! Больше полувека ведь прошло...

Ей тогда было всего лишь одиннадцать лет. Больную девочку отправили для поправки здоровья в Псковскую губернию, в имение помещиков Косяковских. Дела их фабрики вел отец Нади, Константин Игнатьевич. «Первую ночь меня уложили спать на какую-то шикарную постель, — вспоминает Крупская, — было душно и жарко. Я подошла к окну, распахнула его. В комнату хлынул запах сирени: заливаясь, щелкал соловей. Долго я стояла у окна. На другое утро я встала раненько и вышла в сад, спускавшийся к реке. В саду встретила я молоденькую девушку лет восемнадцати, в простеньком ситцевом платье, с низким лбом и темными выщипавшимися волосами. Она заговорила со мной. Это была, как оказалось, местная учительница Александра Тимофеевна, или, как ее звали, «Тимофейка». Минут через десять я уже чувствовала себя с «Тимофейкой» совсем просто, точно с подружкой, и болтала с ней о всех своих впечатлениях».

Так началась большая дружба, оказавшая глубокое влияние на Крупскую.

«Фамилия ее была Яворская, — писала она. — Зимой, сидя в классе, я все рисовала домики с вывеской „Школа“ и думала о том, как я буду сельской учительницей. С тех пор у меня на всю жизнь сохранился интерес к сельской школе и сельскому учительству».

С той поры Надежда Константиновна никогда не видела Тимофейку. Судя по письму В. Е. Баранова, бедствует Александра Тимофеевна. Тут же написала ходатайство:

«Александра Тимофеевна Яворская (по мужу Яковлева) в 1880 году проводила большую революционную работу среди крестьян села Студенец Псковской губер-

нии. А[лександра] Т[имофеевна] была тогда учительницей начальной школы, отдавала всю себя делу. Ребята ее страшно любили. В 1881 году была арестована и просидела в псковской тюрьме в камере без окна два года. Потом вышла замуж. Муж умер в 1919 году, принимал участие в революционной работе, неоднократно сидел в тюрьмах, был в ссылке. Тверской губисполком в 1926 г. назначил ей персональную пенсию в размере 11 рублей.

А[лександра] Т[имофеевна] страшно нуждается, уже глубокая старуха. Я знала ее в детстве, она имела очень большое влияние на мое развитие и интерес к школе.

Всячески ходатайствую о назначении А[лександре] Т[имофеевне] персональной пенсии. Нужна ей немедленно помощь».

Отложив все другие дела, Надежда Константиновна отвезла прошение в Главсобес, начала хлопотать о персональной пенсии для Тимофеевки. Только после этого, 12 июля 1932 г. написала ей самой.

С дочерью Тимофеевки, Ниной Никандровной Калистратовой, я познакомился почти четверть века назад. Учительница с сорокалетним стажем, она много и охотно вспоминает о прошлом.

— Уже старая моя мать жила со мной, — рассказывает Нина Никандровна. — Однажды в июльский день 1932 года в нашей квартире появился посыльный в форме, который разыскивал Александру Тимофеевну Яворскую. Появление человека с письмом всех нас встревожило. Мать вскрыла конверт и стала читать письмо вслух:

«Дорогая Александра Тимофеевна, вчера получила письмо от Вас[илия] Ег[оровича] Баранова, который, прочитав в моих воспоминаниях о Вас, сообщил мне Ваш адрес. Я ужасно была рада. Вы вряд ли помните меня, я была тогда, в 1880 году, еще совсем глупая девчонка, но Вы произвели на меня тогда — Вы в то время были учительницей в Студенце — неизгладимое впечатление. Больше полвека прошло с тех пор, и у Вас, и у меня целая жизнь прошла. Но впечатления детства властны над нами. Вас. Егорович написал о Вашем тяжелом материальном положении. А тут пофартило мне: как раз вчера пришлось встретиться с тов. из Главсобеса, я ему подробно рассказала о Вас, написала прошение о выдаче Вам персональной пенсии. Обещал дело быстро двинуть.

Позвольте крепко, крепко пожать Вам руку и горячо поблагодарить Вас за прошлое. Ваша работа, как учительницы и революционерки, дала мне так много».

— В конце письма стояла подпись Крупской. Мы были крайне взволнованы, а мать еще и еще раз вчитывалась в дорогие строки. Чувствовалось, что она внутренне углубилась, ушла в свои мысли. Человек строгий и ровный, она не сдержалась и всплакнула от счастья и нахлынувших воспоминаний. А вечером написала ответ. Однако не призналась. Сказала — не помнит, мол, такой встречи. Давно все это было. Матери и так было совестно, что Надежда Константиновна затеяла хлопотать о персональной пенсии. Не хотела ее больше затруднять. Очень скоро пришел ответ. Разрешите я вам его прочитаю вслух, — предложила Нина Никандровна.

Шесть листков, заполненных аккуратным убористым почерком.

«Дорогая Александра Тимофеевна, ужасно рада была получить Ваше письмо. Я так и думала, что Вы меня не помните, где же помнить ребят. Я была застенчивая и очень простая девчонка, ничем не выдающаяся. Было это весной 1880 года. Косяковских здорово обирал их компаньон англичанин. Сами они ни черта не понимали в этом деле — фабрика у них бумажная была, а отец знал этого их компаньона по другой фабрике, где он был одно время инспектором. Говард, кажись, назывался этот англичанин. Отец был юрист и повел дело Косяковских. По сему случаю они возились со мной...»

Дальше Надежда Константиновна подробно описывала свое путешествие из Петербурга в Студенец, впечатления о Косяковских и других помещиках Назимовых. Но главной героиней письма была она, Тимофейка.

«Вы о чем-то просто заговорили со мной, — читала Нина Никандровна, — и с тех пор я стала бегать за Вами, как собачонка. У Вас была в доме комнатешка с лежанкой и столиком. На лежанке была целая библиотека детских книг. Я Вам помогала их подклеивать. Средняя группа в школу уже не ходила, оставалось лишь пять человек ребят, которые должны были сдавать экзамены. Один был мальчик — Илюша, и еще был другой — высокий, с Вас ростом, не то Афанасий его звали, не то как-то иначе. Остальных ребят помню смутно. Я приходила иногда в класс. Очень мне нравилось решать вместе с ребятами задачи. По воскресеньям к Вам в комнатешку набиралась из соседних деревень куча ребят — помню, читали вместе стихи Некра-

сова и еще какую-то книжку «Похождения одного беспаспортного». Было очень весело. Ребята Вас очень любили. Вы интересно вели урок. Помню, как Вы раз что-то резко сказали Афанасию, причем сами покраснели. Афанасий этот кошку затравил и повесил.

Помню, Вы ездили с ребятами в соседнее имение к помещице Назимовой — ребят там экзаменовали. Эта Назимова держала себя очень важно, когда идет в церковь, прикладывается к руке попа и 25 рублей ему дает, так поп без нее обедни не служил.

Ребята держали экзамен — читали по ролям «Недоросль», потом писали диктовку. Я тут же торчала. Вижу, Илюша пишет вместо «щи» «счи», я подошла к нему и стала поправлять. Вы мне говорите, «поди, Надя, сядь! Нельзя так». Я села, но очень мучилась, что Илюша от волнения он ведь что напишет. Потом мы обедали у Назимовой. У ней была куча каких-то левреток, болонок. За столом прислуживали какие-то две босоногие девчурки. Сначала они разносили тарелки собакам, потом гостям... Вы что-то сказали мне по поводу того, что девчата прислуживают собакам.

...Вы были очень критически настроены по отношению к Косяковским... Вы ходили по крестьянским избам и родителям учеников и разговаривали с ними о политике. Хоть я и была девчонка, но у нас в доме все время бывали разные революционеры, товарищи отца и так знакомые, я много слышала и видела уже к этому времени, хотя, конечно, понимала из пятого в десятое, но видела, что Вы говорите о политике. Я знала, что об этом надо молчать. Потом Вы уезжали на каникулы. Когда Вы приехали, я жила уже не у Косяковских, а с отцом и матерью в доме около фабрики. Помню, как Вы были там раза два. Раз говорили моему отцу, что я прямо глотаю книги, и мне говорили, что от этого получится поверхностность. А другой раз качались на качелях и пели «Вот лягушка по дорожке скачет, вытянувши ножки». Ходили мы как-то в поле и пробовали лен таскать, чему нас обучил один из Ваших учеников.

Вот те куски, которые я помню. Не помню, той ли зимой или позже я слышала от отца, что зимой у Вас был обыск. Нашли у Вас портрет царя, со сделанными на портрете задачами. Потом слышала, что Вы два года просидели в Псковской тюрьме, в камере без окна. Помню, что у нас ругали Косяковских, что они всюду рассказывали о Ваших революционных настроениях. И остался у меня на всю жизнь образ молоденькой учи-

тельницы-революционерки. И сама я решила идти в деревню в учительницы. Все парты изрезала, рисуя на них домики деревенские с вывеской школа. Однако в учительницы деревенские я не попала. Не могла получить места. Потом стала учительствовать в вечерне-воскресной школе, в профшколах, для заработка бегала по урокам, а потом пошла в тюрьму, в ссылку, в эмиграцию. Детей у нас не было. Вся жизнь была связана с революционной борьбой. Хоть и много пришлось пережить, но пришлось жить в исключительно интересное время. Личная жизнь сложилась у меня светло. Партийная работа, участие в ней активное—это тоже дает много очень. Ну вот.

Крепко, крепко жму Вашу руку. Вас тогда называли «Тимофеейкой». Книжку свою—она написана для пионеров сжато, я Вам пришлю, когда поеду в город. Я сейчас живу не в Москве.

Ну всего. *Н. Крупская*».

Да, таких строк Крупской до той поры мне не встретилось. Настоящий «кусочек жизни», как говаривала Надежда Константиновна. И вырвался он из глубины души и тайников памяти. Какой искренний, доверительный тон!

— Второе письмо Надежды Константиновны буквально сразило мать,—промолвила Нина Никандровна.— Вот посмотрите,—подала она пожелтевший листок.— Это единственный сохранившийся у меня автограф матери. Тут и дата получения письма—26 августа 1932 года. Прочитав откровение Надежды Константиновны, она тут же на листке набросала пушкинской «Я помню чудное мгновенье». Сдалась Тимофеейка. Перестала отпираться. Послала Надежде Константиновне свою карточку и подробный рассказ о минувших годах.

Жизнь Тимофеейка прожила суровую, трудную. Мужественно прошла свой путь революционера. В архивном деле хранится собственноручно написанная А. Т. Яворской краткая автобиография.

«Родилась я на севере,—писала она в июне 1926 г.,— в г. Архангельске. Окончила курс Марининской женской гимназии. Когда училась в 4-ом классе, в Архангельск был сослан В. В. Берви. Под псевдонимом Флеровского у него было написано несколько книг: «Положение рабочего класса в России», «Азбука социальных наук» и другие. Книги пользовались успехом среди молодежи и скоро были запрещены. Мы, гимназистки, познакомились с Берви, он вел с нами беседы, человек

он был очень образованный, рекомендовал книги для чтения. Под его влиянием у меня пробудилось желание идти в народ и посвятить свою жизнь на служение ему.

Я, кончив курс гимназии, стала искать место учительницы в деревне. Нашла его в Псковской губернии, в Порховском уезде, там в деревне Студенец. Школа там существовала только год до моего приезда и учительница была уволена за неблагонадежность. Учила я крестьянских детей, а по вечерам занималась со взрослыми, желающими быть грамотными рабочими. Примени была фабрика оберточной бумаги. Так работала 2 года. После 1-го марта 1881 года у меня сделали обыск, нашли несколько запрещенных книг, меня арестовали. Посадили сначала в Порховскую, а затем в Псковскую тюрьму. Просидела 7 месяцев и была выслана в г. Архангельск на родину. Здесь находилась под гласным надзором целых 5 лет. Была освобождена без права въезда в столичные города. Потом вышла замуж за Никандра Егоровича Яковлева, принимала горячее участие во всех его делах и занималась воспитанием своих детей».

Архивные документы и воспоминания могут дополнить это сверхскромное, чисто анкетное жизнеописание.

— Моя мать родилась в Архангельске 4 ноября 1859 года,— рассказывала Н. Н. Калистратова. — Отец ее Тимофей Францевич Яворский в морские офицеры выслужился из нижних чинов. В 45 лет он вторично женился на восемнадцатилетней девушке из бедной семьи. Сыновья Яворского от первого брака были старше его молодой супруги. От второго брака у Яворских было двое детей — Александра и Павел. Через пять лет мать умерла от скоротечной чахотки. Тимофей Францевич сильно горевал после смерти любимой жены и, как человек религиозный, возил Сашу на богомолье в Киев. Хождение по церквям и монастырям создавало у девочки состояние таинственности. Но религиозности у нее от этого не прибавилось.

После смерти матери дети росли под присмотром родной тетки, старшей сестры их матери. Тимофей Францевич, человек по-военному суровый, особой нежностью не отличался. Но детей любил, заботился о них.

В 1870 году мать поступает во второй класс Архангельской Мариинской женской гимназии. Учение давалось ей легко.

Но не семья, не гимназия, а знакомство с В. В. Берви-Флеровским оказало решающее влияние на формиро-

вание ее взглядов и характера. Навсегда было покончено с религией. А книги стали ее дорогими, неизменными спутниками на всю жизнь. Как рассказывала мама, беседы с Василием Васильевичем в долгие северные вечера, прочитанные под его руководством политические книги пробудили у нее страстное желание стать учительницей, нести свет просвещения в народ.

В секретном отношении департамента полиции архангельскому губернатору от 7 ноября 1881 г. сообщается, что «Яворская, находясь в Архангельске, по окончании курса тамошней гимназии посещала тайные собрания, имевшие целью чтение книг антиправительственного содержания, и находилась в тесной дружбе с лицами политически неблагонадежными и состоящими под надзором полиции».

Как видим, знакомство Александра Яворская вела не только с В. В. Берви-Флеровским, но и с другими поднадзорными, активно участвуя в их сходках.

В 1876 г. она окончила гимназию, но еще три года находилась в Архангельске, не могла найти место учительницы. И все это время за ней бдительно следили. Секретное наблюдение продолжалось и после переезда в деревню Студенец, где в июне 1879 г. она стала работать учительницей местной школы.

Мечта Александры Яворской осуществилась. Ее не пугали захолустье — сорок верст до железной дороги, непролазная грязь дорог, беднота и неграмотность псковских крестьян и рабочих.

Новую кареглазую учительницу полюбили. Называли ласково и нежно — Тимофеевкой. Недолго, однако, проучительствовала Тимофеевка. Всего два года вела она свою революционную работу в Студенце. В апреле 1881 г. в деревню нагрянула полиция, произвела у Яворской обыск. Ее арестовали, и началось дознание. Вот выдержка из письма псковского губернатора министру внутренних дел от 7 июня 1881 г.: «Из производившего дознания об учительнице Студенецкой народной школы Александре Яворской выяснилось, что Яворская вела преступную пропаганду между учениками означенной школы, распространяя между ними запрещенные книги и стихи».

В другом письме губернатор представил список из пятнадцати запрещенных книг, которые были изъяты у Яворской при обыске.

Жандармы полагали, что вредное влияние молодой революционерки распространялось не только на учени-

ков. Доносили, что жители Студенца весьма непочтительно отзываются даже о самой особе государя. Что же касается помещиков, то поносят их на все лады. Из Петербурга последовало строгое распоряжение «о совершенном закрытии Студенецкой частной школы».

Между тем Александра Яворская томилась в тюремной одиночке. Часто среди ночи ее вели на допрос. Она держалась стойко. Независимо, с достоинством отвечала на каверзные вопросы следователей. Никого не назвала. Не поддавалась ни угрозам, ни щедрым обещаниям.

Судьбу гордой революционерки решал лично Александр III. 21 октября 1881 г. министр юстиции писал министру внутренних дел: «По всеподданейшему докладу г. министром юстиции обстоятельств дела по обвинению Александры Яворской в государственном преступлении, государь император в 21 день октября 1881 года высочайше повелеть соизволил: разрешить настоящее дело административным порядком с тем, чтобы выслать Александру Яворскую на родину, в Архангельскую губернию, под надзор полиции на пять лет».

Ссылка в Архангельск — это годы непрерывной и неприкрытой слежки, частых обысков и вызовов в полицию. Но и здесь Тимофейка не смирилась. «До моего сведения доведено, — писал архангельский губернатор полицмейстеру 24 ноября 1882 г., — что политические ссыльные Тошаков, Рево, две сестры Левандовские и Яковлев весьма часто собираются в квартире политической ссыльной Александры Яворской, которую также посещают воспитанники и воспитанницы гимназий».

Губернатор строго предписал полицмейстеру подобрать «наиболее дельных и благонадежных околоточных и надзирателей, переместить их на жительство в околоток, где живет Яворская, и учредить особенно бдительный надзор за ней и всеми собраниями ссыльных, которые происходят у нее в квартире».

В 1886 г. кончились срок ссылки в Архангельске и гласный надзор. Но негласный продолжался свыше тридцати лет. Вплоть до Октябрьской революции.

Ссылка, назойливый негласный надзор, запрещение заниматься учительской деятельностью, постоянные материальные затруднения — все это не сломило мужественную революционерку. Она по-прежнему активно занимается революционной работой, поддерживает большевиков-ленинцев.

«У Александры Тимофеевны,—вспоминает учительница-пенсионерка З. Степанова из Торжка, куда А. Т. Яворская выехала в 1887 г.,—было много книг революционного содержания. К ней приходили учителя, помню, брали «Капитал» Маркса, работы В. И. Ленина».

— После победы Великого Октября,—рассказывала Нина Никандровна,—мать все свои уже немногие силы отдала просвещению народа. Отец мой тоже был под стать матери. Активный революционер, он много раз подвергался репрессиям властей и умер в 1919 году. Похоронен с революционными почестями. После его смерти мать очень сильно болела.

Переписка продолжалась.

«Дорогая Александра Тимофеевна,—писала Н. К. Крупская 30 сентября 1932 г.,—вернулась в Москву и стала узнавать о Вашей пенсии. Мое ходатайство поддерживают и другие члены коллегии, но мне сказали, что тут нужен ряд формальностей и дело протянется месяца три еще.

Пробуем мы добиться вообще повышения пенсии учителям, не знаю, удастся ли, бюджет напряженный в этом году.

Вы описали мне свою жизнь, за что шлю Вам большое спасибо. Посылаю Вам только что вышедшую мою книжку «Воспоминания о Ленине». Из нее Вы узнаете о моей жизни. Я рада буду, если Вы ее прочтете, в ней много пережитого. Посылаю также и свою брошюрку, написанную для пионеров. Мне ребята очень много пишут. Школа, находящаяся поблизости к Студенцу, описывала мне как-то свою экскурсию в Студенец. Крепко жму руку. *Н. Крупская*».

На книжках Надежда Константиновна оставила трогательные посвящения. На «Воспоминаниях о Ленине» написала: «Дорогой Александре Тимофеевне, образ которой в детстве крепко врезался мне в память и оставил след на всю жизнь, от Н. К. Крупской». На другой книжке «Моя жизнь» тоже автограф: «Дорогой Александре Тимофеевне от Н. Крупской».

— Мать читала и перечитывала эти дорогие для нее книги,—говорила Нина Никандровна,—по ним изучала историю революционной деятельности Владимира Ильича, Надежды Константиновны.

Но одной страницы жизни Крупской там все же нет. Думается, ее Тимофейка прочла бы с особенным вниманием. К ней она имеет прямое отношение.

Лето 1887 г. мать и дочь Крупские решили провести на даче. Выбрали новгородскую деревню Обречье, расположенную вблизи от станции Окуловка. Место спокойное, и железная дорога рядом. Здесь, в имении Левина, они и обосновались.

Долго бродил я по деревне Обречье, вытянувшейся вдоль тихой речки Перетны. От прошлого века остался в этих местах разве что вокзал в Окуловке да вековые березы. Нет и деревни Обречье: она вошла в состав города. Даже следов имения Левина я не нашел.

Помогла мне местная жительница А. Н. Логинова. Повела меня на огород у своего дома, показала обширную площадку, покрытую дерном. Кое-где из-под него выступали большие камни. Это был фундамент дома, по свидетельству Анны Николаевны, некогда принадлежавшего Левину. Четырехоконный дом Левина, рисунок которого оставила Крупская, вполне мог уместиться на фундаменте. Рядом были остатки аллей и рощи вековых лип, которые тянулись вдоль усадьбы к железной дороге.

Логиновы, старожилы этих мест, жили по соседству с имением Левина. Дед Анны Николаевны, чтобы прокормить свою немалую семью, крестьянствовал и на фабрике работал. В поте лица трудились все дети. Тут уж было не до грамоты. Повезло только старшему, одиннадцатилетнему Николаю, очень любознательному парнишке. Появление у соседей дачниц вызвало его любопытство. С удивлением наблюдал он сквозь щели в заборе, как девушка, которую мать ласково называла Наденькой, все время что-то читала и писала. Иногда рисовала в альбоме. Как-то Коля неосторожно высунулся из-за ели. Девушка заметила его, улыбнулась и поманила пальцем. Так познакомились. Через день Надежда стала обучать грамоте Колю и его приятелей — двух братьев Зубовых. Скоро все они читали по складам, а потом и бегло.

Ученики же обучили свою учительницу крестьянскому труду. Вместе с ними Надежда полола, помогала убирать сено, выполняла другие нелегкие работы.

— Отец мой прожил долгую и хорошую жизнь, — сказала Анна Николаевна на прощание. — Крестьянствовал, работал на фабрике, был лесником. Участвовал во всех войнах, начиная с русско-японской. На пенсию вышел лишь на восьмом десятке. С той поры, как узнал азбуку, и до конца жизни Николай Николаевич любил читать, особенно газеты. За это он с благодарно-

стью вспоминал свою первую и единственную в жизни учительницу. Обреченским ученикам Надежды Константиновны не довелось больше учиться.

Стремилась Надя Крупская по примеру Тимофеевки в сельские учительницы, да не брали ее нигде. Тянулся за ней след отцовской неблагонадежности. Но в какой-то степени мечта сбылась: были у нее деревенские ученики — Коля Логинов и Зубовы. Из новгородской деревушки Обрече...

Вернемся, однако, к Тимофеевке. Письма из Москвы идут одно за другим.

«Дорогая Александра Тимофеевна,— писала Крупская 7 ноября 1933 г.— Ваше письмо с приложением карточки я получила еще в августе, была ему очень рада, но, так как я тогда жила не в Москве и книжки, о которой Вы писали, у меня под рукой не было, я решила, что напишу Вам, когда приеду в Москву. А когда приехала в Москву, здорово простудилась, а тут работы всякой навалило, приходится мне сейчас библиотечным делом заниматься. Дело большое, хочется хоть немного добиться улучшения на этом фронте. Вот и увязла в делишках. Решила, что напишу Вам на праздниках, что и делаю».

В октябре 1932 г. А. Т. Яворской была назначена персональная пенсия республиканского значения. Ходатайствуя об улучшении ее жилищных условий, Надежда Константиновна дала высокую оценку всей ее деятельности: «Александрю Тимофеевну Яворскую (Яковлеву) знаю с 1880 года. Она уже тогда была революционерка. Будучи сельской учительницей, она вела пропаганду среди крестьян. Она имела глубокое влияние на все мое развитие. Я писала об этом в своей биографии. Потом она сидела в тюрьме, долгие годы учительствовала. Очень прошу оказать ей всяческое содействие в ее жилищном устройстве».

«Дорогая Александра Тимофеевна,— писала Крупская в мае 1934 г.— надеюсь, вскоре можно будет повидаться с Вами. У меня был катаракт на глазу, и я делала себе операцию, только что вышла из больницы. Зрение восстановлено, буду теперь видеть хорошо. Но пока что еще большая слабость, а дела за месяц моего отсутствия накопилось уйма. Еле ноги пока волоку. Скоро отойду. На днях поеду в Ленинград, а по возвращении надеюсь повидать Вас».

Пришлось Надежде Константиновне заняться не только своим здоровьем. Заболела тяжело и Александра

Тимофеевна. Стараниями Крупской она была определена в одну из лучших московских клиник. Но болезнь оказалась неизлечимой. В конце 1936 г. А. Т. Яворской не стало.

...Узкая, извилистая, едва заметная тропинка, круто сбегающая к речке, приводит к трем вековым тополям. Говорят, что именно здесь состоялась встреча Нади Крупской с Тимофеевой.

В память об А. Т. Яворской колхозники артелей имени Крупской и «Красное знамя» построили в соседней со Студенцом деревне Березе новую школу. На торжественном митинге в октябре 1967 г. у входа засияла новая вывеска. Ярко выделяются золотистые буквы — «Березовская восьмилетняя школа имени А. Т. Яворской».

«В ТО ВРЕМЯ Я БЫЛА СЕКРЕТАРЕМ ЦК»

Из первой эмиграции Н. К. Крупская вернулась в Петербург 18 ноября 1905 г.

«В то время я была секретарем ЦК и сразу впряглась в эту работу целиком, — вспоминает она. — Я ведала явками, сношениями с комитетами, людьми. Теперь трудно представить себе, какая тогда у секретариата ЦК была упрощенная техника... были в спичечных коробках, в переплетах и т. п. хранилищах шифрованные адреса. Брали памятью. Народу валило к нам уйма, мы его всячески охаживали, снабжали чем надо: литературой, паспортами, инструкциями, советами. Теперь даже не представляешь себе, как это мы тогда справлялись и как это мы, никем не контролируемые, и жили, что называется «на всей божьей воле». Обычно встречаясь с Ильичем, я рассказывала ему подробно обо всем. Наиболее интересных товарищей по наиболее интересным делам направляли непосредственно к цекистам».

Прочным фундаментом для успешной деятельности Центрального Комитета РСДРП, его секретариата были явки. Тщательно законспирированные, они имели надежные легальные прикрытия.

Припомним некоторые из них, где в годы первой русской революции трудилась Надежда Константиновна.

Невский проспект, д. 58/40. Здание на углу Невского и набережной реки Фонтанки много повидало на своем веку. Этот дом, по праву именовавшийся Литературным

домом столицы, служил приютом В. Г. Белинскому, Д. И. Писареву, И. С. Тургеневу. Здесь часто бывали И. А. Гончаров, Д. В. Григорович, Ф. М. Достоевский и другие деятели передовой русской демократической литературы. Но самая памятная страница выпала на бурный 1905 год. С конца октября здесь находились редакция и контора первой легальной большевистской газеты «Новая жизнь». Еще задолго до возвращения из эмиграции В. И. Ленин тщательно вел подготовку к изданию газеты. «Мечта Владимира Ильича сбылась,— отмечала Надежда Константиновна,— в Питере, на Невском, у большевиков была уже своя газета „Новая жизнь“. Ильич... через „Новую жизнь“ открыто говорил с рабочей массой, с десятками тысяч рабочих».

Уже на второй день после приезда в Петербург Владимир Ильич провел заседание редакции. С этого дня он стал фактическим редактором большевистской газеты. А на следующий день, 10 ноября 1905 г., в «Новой жизни» была опубликована его статья «О реорганизации партии». Основная ставка делалась на вовлечение в партию рабочих. Ленин подчеркивал также необходимость наряду с открытой борьбой использования легальных и полуполегальных возможностей, сохранения конспиративного аппарата партии.

Л. Б. Красин в статье «Как возникла „Новая жизнь“» вспоминал: «И в редакции, и в конторе была, как говорится, «нетолченная труба» всякой партийной публики. Придя туда, вы могли видеть в уголку Надежду Константиновну Крупскую с ее неизменными записочками и бумажками, окруженную толпой приезжих, которые получали от нее адреса, справки, явки, указания и т. д. В других углах той же комнаты вы встречали товарищей с Кавказа, из Иваново-Вознесенского района, приехавших за литературой, за партийными директивами, привезших корреспонденцию или явившихся за получением шифра, материалов для провинциальных типографий и т. д.».

Благодаря Надежде Константиновне через редакцию осуществлялась конспиративная связь с партийными организациями и группами более чем шестидесяти мест страны. В ее распоряжении находилось более 250 адресов. Они использовались не только для конспиративной переписки, но и пересылки литературы, явочных встреч. Надежда Константиновна проводила в редакции большую часть своего времени, ведя переписку, проводя бесконечные встречи.

Значение «Новой жизни», руководимой В. И. Лениным, исключительно велико. С 21-го номера газета открыто издавалась как орган РСДРП. На ней горел боевой призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» В. И. Ленин с гордостью называл «Новую жизнь» фактическим Центральным органом партии. К сожалению, просуществовала она недолго. 3 декабря 1905 г. Надежда Константиновна «по обыкновению, отправилась на явку в редакцию, нагруженная всякой нелегальщиной». «У подъезда меня остановил газетчик. «Газета „Новое время“, — громко выкрикивал он и между двумя выкриками вполголоса предупредил: — В редакции идет обыск!» «„Народ за нас“, — заметил по этому поводу Владимир Ильич».

«Новая жизнь» была закрыта. Но она породила ряд других легальных большевистских периодических изданий. В 1906—1907 гг. в Петербурге выходили газеты «Волна», «Вперед», «Эхо», «Новый луч», «Рабочая волна» и другие, а также еженедельники «Тернии труда», «Простые речи», журналы «Наша мысль», «Вестник жизни» и другие. Н. К. Крупская и их использовала для явок, проведения конспиративной секретарской деятельности.

Загородный проспект, д. 49. На углу Загородного и Забалканского (ныне Московского) проспектов широко раскинуло свои крылья здание Технологического института. Воспитанники «Техноложки», как ласково именовали одно из старейших учебных заведений России, еще с прошлого века были в первых рядах революционной молодежи. Здесь организовалась социал-демократическая группа Михаила Бруснева, кружок технологов, ставший основой «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В годы первой русской революции здесь неоднократно выступал В. И. Ленин.

Невдалеке от института начинались рабочие районы столицы, и не случайно в годы первой русской революции здесь образовался штаб революционной работы. Во дворе института располагалось здание столовой. Оно широко использовалось как очень удобная конспиративная явка: множество выходов, постоянная толчея обедающих создавали исключительные условия для нелегальных встреч.

Почти ежедневно к трем часам пополудни сюда приходила Надежда Константиновна. Незаметно передавала товарищам литературу, беседовала с ними, инструк-

тировала. Нелегалам вручала паспорта, сообщала адреса явочных квартир, пароли, отзывы.

Здесь побывали делегаты IV съезда РСДРП. «Нам, делегатам,— вспоминает М. Н. Лядов,— нужно было пробраться через петербургские явки. Оттуда мы попадали в столовку Технологического института, которая в то время служила главным штабом ЦК. Здесь работала Надежда Константиновна, именно к ней мы направляли наших делегатов».

«В Петербурге,— вспоминал Н. Н. Накоряков,— на явке, нас большевистских делегатов, встретила Надежда Константиновна Крупская. Она подробно расспрашивала о жизни и деятельности партийных организаций, не забывала получить сведения из наших биографий, внимательно узнавала, в чем нуждаемся, как подготовлены к поездке в отношении денег, одежды, состояния здоровья и т. п.

Нам, в первый раз едущим на партийный съезд большевикам-делегатам от молодого, поднимающегося в революционном движении Урала, она сказала, что В. И. Ленин хочет нас повидать, и каждому в отдельности конспиративно сообщила время и место встречи. Это сообщение взволновало и чрезвычайно обрадовало всех».

Надежда Константиновна настойчиво рекомендовала делегатам быть все время настороже, предупреждала, что шпики в Питере «тьма тьмушая».

С большими предосторожностями добрался Н. Н. Накоряков до дачи «Ваза» в Куоккале, где жил тогда В. И. Ленин. Оказалось, что на встречу с Владимиром Ильичем Надежда Константиновна направила исключительно молодых делегатов, впервые едущих на съезд. Собралось восемь посланцев большевиков Урала, Донбасса, Иваново-Вознесенска, Харькова, Тулы. Встреча на даче «Ваза» также врезалась в память, как и разговор в «Техноложке». «Владимир Ильич сразу стал душой беседы,— писал Н. Накоряков,— он живо интересовался революционным движением на местах, условиями жизни рабочих, нашими биографиями, нашим образованием, даже тем, что мы читали, какие собрания проводили с рабочими перед съездом, какие издавали листовки, как понимаем задачи партии в революции...»

Множество людей прошли через явки в «Техноложке». Никому ее «хозяйка» не бросалась в глаза. Лишь однажды Надежда Константиновна оказалась в центре

всеобщего внимания многочисленных посетителей столовой. Но винить ее в этом не приходится.

В тот день Надежда Константиновна привычно занималась очередными конспиративными делами. Внезапно ее поразила необычная тишина, наступившая в вечно гудевшем зале. Она подняла голову и увидела: к ее столу неторопливо идет человек в черкеске с газырями. На голове лохматая папаха. В руках что-то круглое, завернутое в салфетку. Уж не анархист ли с бомбой? Так, видно, многие решили и испуганно раступались перед ним. Кавказец подошел, поздоровался, тихо назвал пароль, представился:

— Камо.

Развернул салфетку, и оторопевшая толпа увидела... огромный арбуз.

«Камо,— вспоминала Крупская,— смущенно улыбаясь, сказал, что это тетка прислала мне. На протяжении нашего долгого знакомства Камо не раз снабжал нас всякими лакомствами кавказского приготовления, неизменно прибавляя, что это прислала тетка».

Полиции о явке в Технологическом институте стало известно лишь весной 1907 г. Глава заграничной агентуры в Париже Гартинг 1 марта 1907 г. донесил департаменту полиции: «Центральный вертеп всех районных комитетов, Центрального Комитета и Петербургского комитета помещается в Технологическом институте, в столовой. Там есть комнаты, которые так и называются «Секретариат Центрального Комитета» и «Секретариат Петербургского комитета». Чтобы туда попасть, необходимо иметь пароль — от меньшевиков: «От Акима», а от большевиков: «От Макара Матвеевича». Там бывают: Елена Стасова, Надежда Константиновна Ленина, Виктор Николаевич Крохмаль-Загорский и еще другие лица, о которых будет сообщено дополнительно».

Но явка в «Техноложке» действовала безотказно.

Невский проспект, д. 108. В апреле—мае 1906 г. явка размещалась в зубной лечебнице Л. Рубинсон, в зубо-врачебном кабинете Д. И. Двойрес-Зильберман. Под видом пациентов здесь происходили встречи В. И. Ленина с сотрудниками большевистских газет и журналов.

Николаевская улица (ныне улица Марата), д. 33, кв. 6. Хозяйка зубо-врачебного кабинета, находившегося по этому адресу, Юлия Ивановна Лаврентьева была вполне надежным, проверенным человеком. Она начала помогать большевикам в конспиративной работе задолго до первой русской революции.

Впервые направляясь к Лаврентьевой, Надежда Константиновна хорошо затвердила пароль «Долой бонапартизм» и ответ «Мы соединимся в единую партию». И адрес прекрасно запомнила. Шла неторопливо, уверенно. На Николаевской отыскала дом № 32, позвонила в шестую квартиру. Двери отворил солдат. «Я, ничего не спрашивая,— вспоминает Крупская,— нагруженная всякими шифрованными адресами и литературой, пружу прямо по коридору. За мной следом, страшно побледнев, весь дрожа, бросается денщик. Я останавливаюсь: «Разве сегодня не приемный день? У меня зубы болят». Заикаясь, денщик говорит: «Г-на полковника дома нет». — «Какого полковника?» — «Полковника-с Римана». Оказывается, я залезла в квартиру Римана, полковника Семеновского полка, усмирявшего московское восстание, чинившего расправу на Московско-Казанской ж. д.

Он, очевидно, боялся покушения, потому была сорвана карточка на двери, а я ворвалась к нему в квартиру и устремилась по коридору без доклада.

«Я не туда зашла, значит, мне к доктору надо»,— сказала я и повернула обратно».

Так Надежда Константиновна, как она выразилась, «чуть не влетела». Виноват оказался товарищ, который давал ей явку,— перепутал номер дома. Это был хороший урок. Еще раз убедилась — в конспирации нет мелочей.

Квартира Ю. И. Лаврентьевой была безупречна с точки зрения конспирации. Вход на лестницу был между двумя магазинами: попробуй уследи, куда направился посетитель. Но даже если кто и поднялся к врачу, так на то он и существует, чтобы принимать пациентов.

Надежда Константиновна часто приходила сюда. Засиживаясь допоздна, иногда оставалась ночевать. Здесь находилась одна из важнейших явок Центрального и Петербургского комитетов. Пароль на эту явку получали совсем немногие, особо доверенные лица.

Ямская улица (ныне улица Достоевского), д. 21, кв. 2. Много приходило на явки к Надежде Константиновне людей. Умела она взглянуть в каждого. Как-то явилась молодая женщина, назвала пароль. Сообщила, что для партийных клубов подыскала три удобные квартиры.

Она заинтересовала Крупскую. Разговорились... Так у Надежды Константиновны появилась еще одна помощница: Вера Рудольфовна Менжинская. Ежевечерне

подводили итоги дня. Чем дальше, тем ладнее шла работа. Крупская оставалась довольна Менжинской. Скоро и квартиру ее стали использовать как особо важную явку. Квартира на Ямской была так хорошо законспирирована, что не вызывала и малейших подозрений у полиции. Здесь очень часто бывала Надежда Константиновна, организовывала встречи Владимира Ильича с товарищами, важнейшие совещания. Даже в пору, когда особенно свирепствовала реакция.

Петербургский университет. В годы первой русской революции он походил на бурлящий котел. В стенах университета проходили непрерывные сходки, митинги, собрания, совещания. Часто здесь бывал и выступал Владимир Ильич. А в комнате совета студенческих старост в сентябре начала было проводить явки Н. К. Крупская, принимая приезжавших в Петербург большевиков. Но к сожалению, место это оказалось небезопасным. Пришлось перенести явку в маленькую комнату «дежурных по столовой». Находилась она на первом этаже, между входными дверями и лестницей, ведущей на второй этаж: в конспиративном отношении очень удобно.

С боями, постепенно отступала первая русская революция. И чем дальше, тем большую роль играла конспиративная работа партии. Особое значение приобретали явки. Еще и потому, что Центральный Комитет не имел постоянной штаб-квартиры.

Караванная улица (ныне улица Толмачева), д. 9, кв. 8 и 9.

— Вот так я выглядела, когда работала в издательстве «Вперед». — Ольга Константиновна протянула мне портрет молодой девушки с высокой взбитой прической. Цветы в руках у девушки гармонируют с милым обликом. Что, однако, годы делают с человеком! Моей собеседнице уже за восемьдесят. К тому же писательница О. К. Матюшина в блокадном Ленинграде потеряла зрение. Но память сохранила ясную. Особенно о тех, далеких уже, годах юности, выпавших на годы первой русской революции.

Ольга Константиновна увлеченно вспоминает. Вот она, выпускница далекой, провинциальной вятской гимназии, оказалась в бурном Петербурге. Какими широко раскрытыми глазами смотрела вокруг! Как захватила ее революция пятого года! Как счастлива была работать в книжном магазине на Троицкой улице! Через сестру связалась с Петербургским комитетом. Выполняла поручения М. И. Ульяновой.

Скоро, однако, угодила за решетку. К счастью, через несколько месяцев была выпущена. Но осталась без работы: ни в одном магазине ее не брали.

— Вот тогда Мария Ильинична направила меня к В. Д. Бонч-Бруевичу в издательство «Вперед», — рассказывала Ольга Константиновна. — На воротах дома номер девять на Караванной улице увидела небольшую деревянную дощечку с надписью: «Издательство „Вперед“, книжный магазин и склад». Очень я трусила. Вдруг и здесь мне скажут, что неблагонадежных не берут? Но Владимир Дмитриевич, похоже, обрадовался, что я сидела в тюрьме. «У нас, милая девушка, — сказал он, — здесь все такие». Так я стала младшей продавщицей издательства «Вперед». От других сотрудников я отличалась тем, что была в заключении несколько месяцев. Остальные пережили годы одиночек.

Здесь Ольга Матюшина познакомилась с В. И. Лениным, Н. К. Крупской и другими деятелями партии большевиков.

Первое легальное большевистское издательство «Вперед» возникло по инициативе Владимира Ильича. Весной и летом 1906 г. он возглавлял редакционный совет, направлял всю работу издательства. Часто приходил сюда и в специально отведенной ему комнатке проводил долгие часы. Писал, беседовал с работниками издательства, внимательно знакомился с рукописями, корректурами. И не только просматривал, но и вносил в них свои замечания.

В магазине всегда толпился народ. Под видом покупателей сюда заглядывали партийцы. В укромных уголках книжного склада проходили нелегальные встречи, беседы. Здесь же проводились важные партийные собрания. В конце марта 1906 г. под руководством В. И. Ленина состоялось совещание группы делегатов-большевиков, направлявшихся на IV съезд РСДРП. Здесь же часто с участием Владимира Ильича проходили заседания Петербургского комитета РСДРП, собрания партийцев. Встречался он с товарищами по партии, рабочими-активистами, которых направляла к нему Н. К. Крупская. Проводила здесь явочные встречи и Надежда Константиновна.

Большое внимание уделялось работе среди солдат столичного гарнизона. «Мы составляли тщательно подобранные библиотечки из нелегальных изданий того времени, — вспоминала А. И. Радченко, — и передавали их новобранцам для их собственного политического про-

свещения и для распространения среди населения. На этом деле я познакомилась лично с Н. К. Крупской, которая нам помогла в подборе брошюр в партийном книжном магазине „Вперед“ на Караванной улице».

Еще больше забот у Надежды Константиновны уходило на подбор литературы для местных комитетов. В этом хлопотном занятии ей тоже помогали на Караванной.

— Владимир Дмитриевич,— вспоминает Ольга Константиновна Матюшина,— подошел как-то вместе с Крупской к прилавку, где я разбирала книги и спросил:

— У вас найдется время помочь Надежде Константиновне? У нее всегда так много требований на редкие книги. Она ходит из магазина в магазин, тратит столько времени и сил.

Крупская не хотела терять время. Вынув из сумочки списки, она начала читать мне авторов и названия книг. Слушая Надежду Константиновну, я отмечала:

— Вот эта есть у нас... Эту можно достать в «Общественной пользе», эту — в «Труде», а эту — только у букинистов.

Мы просмотрели весь список. Я подбирала книги.

Скомплектованные библиотечки Надежда Константиновна рассылала по партийным комитетам.

За два года своего существования издательство «Вперед» выпустило 77 изданий. Среди них 28 ленинских работ. Так был издан «Доклад об Объединительном съезде РСДРП (Письмо к петербургским рабочим)».

Властям стало известно о готовящемся издании «Доклада», и Петербургская судебная палата вынесла решение: «Брошюру уничтожить вместе со стереотипами и другими принадлежностями для тискания заготовленными для ее печатания».

Но не тут-то было. Лишь 13 экземпляров удалось полиции отобрать у газетчиков на Невском да еще несколько экземпляров в книжных магазинах. Вот и весь улов полиции. А весь тираж — 50 тысяч экземпляров — буквально разлетелся по всей России.

— Мы часто оставались работать вечерами,— рассказывает Ольга Константиновна.— Вот однажды слышу голос Надежды Константиновны. Был очень холодный день, она вошла вся замерзшая. В руках большой пакет, и видно, что она его с большим трудом донесла. В это время из внутренних комнат вышел Владимир Ильич, увидел ее в таком виде, подошел и говорит:

— Зачем ты это делаешь, зачем несла такую тяжесть, такой большой пакет?

Видно, что он очень расстроился. А Надежда Константиновна ему говорит:

— Я нашла книги, которые так нужны для твоей работы. Могла ли я их оставить?

Вы бы видели, как изменился Владимир Ильич! Он бережно снял с Надежды Константиновны пальто, подвел ее к печке и усадил в кресло.

Она говорит ему:

— Ты посмотри, какие я книги тебе принесла.

Владимир Ильич развернул пакет и стал перебирать книги. Одну он быстро перелистал, погладил по обложке и прижал к груди.

— Спасибо, Наденька, я так давно искал эту книгу.

Мне было очень неловко. Я сидела на стремянке и думала: вот люди, которые так глубоко, так по-настоящему любят друг друга. И я подумала тогда: вот такими, наверно, должны быть человеческие отношения. Такая удивительная общность, какая-то внутренняя спаянность. Надежда Константиновна тащила эту тяжесть в мороз не только чтобы помочь Владимиру Ильичу, но доставить радость любимому человеку.

Работа в издательстве заканчивалась поздним вечером. Прежде чем разойтись, кто-нибудь из служащих посылался на улицу «на разведку», проверить, не дежурит ли сыщик у ворот.

— В тот морозный вечер,— рассказывала Ольга Константиновна,— наш кассир Порфирыч вернулся встревоженный. Несмотря на мороз и поздний час, у ворот паслись двое подозрительных личностей. Решили применить многократно использованный прием. Как обычно в таких случаях, все служащие вышли вместе, толпой окружили филеров и начали весело и шумно прощаться. Пока оторопевшие «гороховые пальто» приходили в себя, Владимир Ильич и Надежда Константиновна незаметно исчезли.

В. Д. Бонч-Бруевич по-своему пытался «приручить» полицейских. Во время первого обыска, произведенного в издательстве, он сунул приставу «четвертной». Пристав привычно на ощупь определив достоинство купюры, хмуро буркнул:

— Маловато!

Владимир Дмитриевич добавил десятку. Пристав, с достоинством спрятав деньги, деловито сказал:

— А на будущее договоримся так: если приду по

солидному для вас доносу, то полста, а если так себе, мелочь, то четвертной.

Владимир Дмитриевич не скупился, но и «четвертные» плохо помогали. Реакция усиливалась, обыски все учащались.

«Однажды,— пишет Крупская,— мы с Верой Рудольфовной Менжинской расположились принимать приезжих в складе «Вперед», где нам для этой цели отвели особую комнату. К нам пришел какой-то районщик с пачкой прокламаций, другой сидел в ожидании своей очереди, как вдруг дверь открылась, в нее просунулась голова пристава, который сказал: «Ага»,— и запер нас на ключ. Что было делать? Лезть в окно было нецелесообразно, сидели и недоуменно смотрели друг на друга. Потом решили пока что сжечь прокламации и другую всяческую нелегальщину, что и сделали, сговорились сказать, что мы отбираем популярную литературу для деревни. Так и сказали. Пристав поглядел на нас с усмешечкой, но не арестовал. Записал фамилии наши и адреса. Мы сказали, конечно, адреса и фамилии фиктивные».

И еще раз Надежда Константиновна чуть «не влетела». Она так же проводила явку в одной из комнат, когда внезапно полиция явилась с обыском. Предупрежденная одной из работниц, Крупская тут же перешла в магазин и, как обычная покупательница, стала рассматривать на прилавке книги. Пристав, приступивший к обыску, приказал всем посторонним немедленно покинуть помещение, а Надежде Константиновне только того и нужно было.

Искусный конспиратор Бонч-Бруевич со знанием дела выбрал помещение для издательства: сравнительно недорого, рядом Невский проспект. Но снятое им помещение имело и другие очевидные достоинства: окна выходили во двор, кроме парадного был и черный ход.

Надежда Константиновна досконально изучила все конспиративные возможности издательства и виртуозно их использовала. Минуя ворота, сворачивала в узкий двор. Но не торопилась войти в главный вход, расположенный тут же, рядом с воротами. Быстрый взгляд на окна первого этажа. Если освещены и люди работают — можно войти. Если что не так, нужно спокойно пройти в конец двора. Здесь вход в жилой дом, а из подъезда легко попасть в издательство через черный ход.

Однажды Крупская только вошла в магазин, как жандармы следом заполнили двор. Арест был неминуем.

Но и тут Надежда Константиновна нашла выход из, казалось, безвыходного положения. Надела чью-то шубу, поверх шапки повязала платок и вместе с молодой продавщицей магазина быстро вышла через черный ход. Поднялась по лестнице до самого верха и стала медленно спускаться — будто она жительница дома. Ей блестяще удалась роль глухой, ворчливой старухи. Сгорбившись, тяжело опираясь на «внучку», она громко бранила ее. Не переставая ругаться, благополучно выбралась на улицу мимо ничего не заподозривших «стражей порядка».

Порой Надежда Константиновна спасала от опасности Владимира Ильича и его товарищей. Как-то ей удалось установить, что в квартире, где вскоре должно было состояться заседание Центрального и Петербургского комитетов, полиция устроила засаду. Надежда Константиновна действовала быстро и решительно. Позвонила на партийный книжный склад, вызвала оттуда всех работников, расставила их на подходе к провалившейся явке. До их прибытия постаралась встретить нескольких товарищей. А ведь кругом множество шпиков зорко следили за всеми подходами к полицейской засаде! Надежда Константиновна даже не привлекла их внимания. Ей удалось встретить Владимира Ильича и незаметно предостеречь его об опасности. Свой опасный пост она покинула последней.

Немаловажным обстоятельством было и то, что старший дворник дома на Караванной сочувствовал революционерам. Он заблаговременно предупреждал Бонч-Бруевича о нежелательных «визитерах».

Но все чаще и чаще появлялись жандармы. Один разгром издательства следовал за другим. В начале 1907 г. по требованию домовладельца книгоиздательство «Вперед» вынуждено было освободить помещение. Переехали в дом 33 на Итальянской улице (ныне улица Ракова). А летом того же года издательство закрылось.

Трудно перечислить все адреса, где проводила явки Надежда Константиновна в годы первой русской революции, — слишком длинным оказался бы список. Но деятельность Н. К. Крупской не сводилась лишь к сугубо секретарским обязанностям. Первейшим долгом своим Надежда Константиновна считала активное участие в издании работ В. И. Ленина.

Отредактировав русский перевод статьи К. Каутского «Движущие силы и перспективы русской революции»

и написав к ней предисловие, Владимир Ильич попросил Надежду Константиновну «добиться, чтобы брошюра была немедленно издана, самой просмотреть все корректуры». Задача архисложная, если учесть, что брошюра должна была увидеть свет, минуя цензуру.

«Ильич умел заражать своей страстностью окружающих,— писала Крупская.— После того, как он рассказал все свои мысли, которые у него возникли в связи с брошюрой Каутского, после написанного им предисловия,— надо, ясно было, бросить все дела и сидеть в типографии, пока не добьешься выхода брошюры».

Между тем легальную большевистскую типографию на Фонтанке, 96, где целые дни проводила Надежда Константиновна, потрясали частые налеты полиции. Только по этой причине «громкая легальная типография,— вспоминает Крупская,— три дня не могла набрать небольшой брошюры... пришлось три дня невылазно сидеть в типографии, часами ждать корректуры».

Все же Надежда Константиновна сумела выполнить трудное задание Владимира Ильича и в конце декабря 1906 г. преподнесла ему на даче «Ваза» дорогой новогодний подарок: еще пахнущие типографской краской книжечки. Она же по просьбе Владимира Ильича организовала немедленную отправку брошюры из типографии в Москву, а оттуда — по всей стране.

«И сейчас, больше 20 лет спустя,— писала Крупская в 1928 г.,— в памяти у меня странным образом ассоциируется серая обложка, шрифт и типографские ошибки в муках нашей тогдашней российской технической безалаберности рожденной брошюры со страстными речами Ильича и заключительными словами его предисловия к этой брошюре...»

В кипучей борьбе прошли два бурных года жизни в родном городе.

«1917 ГОД СВЯЗАЛ МЕНЯ С РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖЬЮ»

— Айда в завком! — шумели подростки завода «Русский Рено».

Весной 1917 г. взрослые рабочие получили так называемую «надбавку» на дороговизну в размере 25 процентов, а молодые — всего лишь 15. Разом поднялись заводские мальчишки. Запротестовали. Бросили работу.

В завкоме их поддержали. Тотчас созвали общее собрание всей заводской молодежи. Для переговоров с администрацией выбрали пятнадцатилетних учеников слесарей Метелкина и Фейбурга.

Заводуправление пошло на уступки. Метелкин и Фейбург вошли в завком как представители молодежи завода.

Умные, инициативные подростки, они свою роль поняли гораздо шире. Беспредельно преданные рабочему делу, они обратились к молодежи района с призывом организоваться.

«В течение недели,— писал Петр Смородин, один из организаторов и руководителей комсомола,— вся молодежь Выборгской стороны организовалась в коллективы, а с Выборгской стороны, как огненное пламя, движение стало перебрасываться во все рабочие районы. К первому мая вся молодежь Питера организовалась по фабрикам и заводам в коллективы».

В первых числах апреля Метелкин и Фейбург пришли в Выборгский райком партии. Принял их секретарь райкома И. Д. Чугурин. С большим вниманием выслушал предложение подростков пойти на первомайскую демонстрацию самостоятельной колонной. Под своими флагами, знаменами. Лозунг даже придумали: «Охрана детского труда».

Иван Дмитриевич решил рассказать об этом Н. К. Крупской. Член партии с 1902 г. он в 1911 г. учился в партийной школе в Лонжюмо, под Парижем. Часто встречался с Владимиром Ильичем, Надеждой Константиновной. С той поры считал себя их учеником.

Надежде Константиновне понравилось предложение подростков. Выборгский райком решил поддержать инициативу молодежи. Но это предстояло обсудить еще и на широком представительном собрании.

Мне довелось встречаться с ветеранами юношеского движения в Питере.

— Весть о предстоящем собрании 11 апреля 1917 года на заводе «Русский Рено»,— вспоминает ветеран движения М. П. Синозерский,— всколыхнула всех подростков Выборгской стороны. На заводах и фабриках проходили собрания молодежи, на которых выбирались делегаты. Несмотря на то что нужно было выбрать по одному, а на крупных предприятиях — по два человека, выбирали по три-четыре представителя. С завода «Новый Парвайнен», где я тогда работал, были делегиро-

ваны Дрязгов Григорий, Копеко Вениамин, Сурков Константин, которые представляли восемьдесят рабочих-подростков.

Сохранился уникальный документ — «Протокол общего собрания учеников всех заводов Выборгского района». В нем записано: «Присутствовало на общем собрании учеников представителей от всех заводов 100 человек. Заводов было представлено 26, в том числе и фабрики».

Собрание решило организовать юношеские первомайские колонны.

«Правда» в тот же день откликнулась на собрание заводской молодежи. Под заголовком «Заводские мальчики» было напечатано обращение Выборгского райкома партии ко всем районным комитетам РСДРП Петрограда организовать первомайскую демонстрацию рабочих подростков. «Мальчики завода «Русский Рено», — говорилось в нем, — обратились к Выборгскому райкому с просьбой предоставить мальчикам 18 апреля право особо демонстрировать при группе одних малолетних всего Выборгского района впереди всех рабочих со своим оркестром и своими флагами с надписью «Охрана труда».

Районный комитет постановил удовлетворить их просьбу и передал разработку плана в организационную комиссию, которая со своей стороны обращается ко всем мальчикам, работающим на заводах и фабриках Выборгской стороны, чтобы они избрали из своей среды представителя для обсуждения совместного празднования 1-го Мая».

13 апреля 1917 г. на четвертой странице «Правды» под рубрикой «Собрания» было напечатано такое объявление: «13 апреля в 5½ часов дня в столовой завода «Русский Рено» (Большой Сампсониевский проспект, 77) собрание делегатов заводских мальчиков о праздновании 1 Мая».

Столовой громко именовали трехконную деревянную постройку. Перед домиком чахли хилые березки. Сюда в обеденный перерыв приходили рабочие запить кипятком принесенную с собой еду.

На второе делегатское собрание в эту комнату чудом втиснулось 300 делегатов. В три раза больше, чем на собрании 11 апреля.

— Не только яблоку — зернышку негде было упасть, — рассказывал А. Н. Панов, — сидели на полу, подоконниках, столах.

Александр Никитич, а тогда просто Саша, токарь по металлу, был делегатом от завода «Новый Лесскер».

— Мы не знали, что на собрании будет и Надежда Константиновна,— говорит он,— но вот прошелестел слух, что пришла жена Ленина. Ее никто не знал еще. Представляли именно как «жену Ленина». А о нем только и было разговоров. Думалось: раз пришла, то обязательно скажет речь. Громко. Внушительно. Да и саму ее представлял видной, осанистой. Но вот взяла слово худощавая, очень скромно одетая женщина. Говорила неторопливо. Тихим, чуть глуховатым голосом. Наступала полная тишина. Слушали Надежду Константиновну притаив дыхание. И только иногда перешептывались: «Смотри-ка, жена Ленина-то, как говорит здорово...» Но видно было, волновалась она,— отметил Александр Никитич.

Да и как было не волноваться. Десять лет не видела эти простые и такие родные лица питерских рабочих. Всего десять дней, как возвратилась с Ильичем из эмиграции в Петроград. Это он мастер выступать на больших собраниях, а ей до сих пор ни разу не довелось речи говорить. Впервые вот приходится, да еще перед подростками. Вон какие вопросительные глаза у этих нетерпеливых заводских мальчиков.

— И «жена Ленина» не обманула наших ожиданий,— продолжал Панов.— Надежда Константиновна от имени большевистской партии сердечно приветствовала нас, молодых рабочих Петрограда, очень понятно рассказала о политической обстановке в стране. Призвала к активной и организованной борьбе молодежи за свои экономические и политические права. Надежда Константиновна доступно говорила о задачах молодежи. Призвала петроградскую молодежь присоединиться к Интернационалу молодежи. Подробно рассказала об этом международном объединении. Общегородское собрание под дружные аплодисменты единодушно приняло это предложение Крупской.

По ее предложению делегаты приняли решение создать Петроградский союз рабочей молодежи и объявить его секцией Интернационала молодежи.

— Многое прояснилось в наших головах после речи Крупской,— вспоминал Александр Никитич,— до той поры мы, к примеру, не знали даже, что такое Интернационал. Но и неясные вопросы остались. Спросили Надежду Константиновну, как теперь поступить с «Трудом и светом». Разогнать?

«Не разгонять,—ответила она,—а отвоевывать ту молодежь, которая запуталась и пошла в эту организацию случайно, по неопытности. Ведь соблазнов было много».

Действительно, соблазны имелись. И очень непросто было разобраться юным, неопытным головам, когда в мартовские дни 1917 г. стали на заводах Выборгской стороны возникать ячейки молодежной организации с привлекательным и зовущим названием «Труд и свет». Это буржуазия стала прибирать стихийное молодежное движение к своим рукам. И руководителя приставили к нему своего — кадета Швецова. И лозунг он придумал летучий: «Из народа — для народа». Но за псевдоревOLUTIONными фразами стояло стремление увести молодежь подальше от революции, от общественной жизни.

«С первых дней Русской революции,— писал в 1917 г. журнал «Юный пролетарий»,—зашевелилась рабочая молодежь Петербурга и многих других городов России. Закипела работа. Инициаторы нового дела неоднократно обращались к своим старшим товарищам, к сознательным взрослым рабочим за содействием. Но рабочий класс переживал в это время бурный период Русской революции, все активные силы его были поглощены непосредственной революционной борьбой... и лишь немногим, отдельным единичным товарищам удалось урывать час-другой от своей работы, чтобы посвятить себя делу завтрашнего дня, организации подрастающего поколения рабочих».

Правда, уже в мартовские дни 1917 г. Петербургский комитет партии пытался обсудить вопрос о молодежи, но, как отмечает Н. И. Подвойский, «опыта у товарищей, работавших в подполье, в этой области не было, и потому этот вопрос не вылился в определенное предложение, а прошел случайно в качестве вопроса, по которому обменялись мнениями и оставили открытым. Но когда из-за границы приехал Владимир Ильич и с ним группа товарищей, то к этому времени следует отнести более широкую постановку в нашей партии этого вопроса и толчок в рабочем юношеском движении».

После возвращения в Петроград Н. К. Крупская берет за многое. Но одно ее особенно волновало — судьба молодежи, и в первую очередь рабочей молодежи. Не случайно сразу же она получила важное задание ЦК — вести работу среди стихийно и бурно развивавшегося движения рабочей молодежи Питера. «Я стала внимательно присматриваться к нему,— пишет Надежда

Константиновна,— ходить на собрания молодежи. Революционная волна захватила рабочую молодежь с необычайной силой. Она кипела, рвалась к борьбе, к новой жизни. Рабочая молодежь в то время была еще беспартийной, но это была рабочая молодежь, жившая одной жизнью с рабочим классом, и классовый инстинкт был у нее чрезвычайно силен, выявлялся во всех ее высказываниях, порывах, действиях. Когда рабочий класс сплотился около Коммунистической партии, признал ее своею, и рабочая молодежь пошла за ней.

Этот 1917 год связал меня особо крепкими нитями с рабочей молодежью, заставил принимать близко к сердцу все вопросы, касающиеся молодежи. По многим из них я высказывала свое мнение».

Через два дня после выступления на собрании рабочей молодежи Надежда Константиновна опубликовала в «Правде» первую статью, касающуюся юношеского движения. Называлась она «Неотложная задача рабочих — охрана труда детей и подростков».

Первого мая с раннего утра с рабочих окраин Петрограда потянулись колонны. И впереди шли молодые пролетарии. Демонстранты вливались на Марсово поле...

Из-за болезни Надежде Константиновне не пришлось принять участие в первой свободной российской маевке, которую она с такой любовью готовила. Позднее ей обо всем рассказали Владимир Ильич и молодые рабочие, участники кружка, которым Крупская стала руководить. Особенно порадовало ее, что в первых рядах шли заводские мальчики Выборгского района, делегаты собрания на «Русском Рено», которые слушали ее речь.

С апреля по июнь 1917 г. Надежда Константиновна опубликовала в «Правде» серию статей, раскрывающих самые важные проблемы организации социалистического юношеского движения: «Школьная муниципальная программа» (19 мая), «Союз молодежи» (27 мая), «Борьба за рабочую молодежь» (30 мая), «Как организовать рабочую молодежь» (20 июня).

Подробно знакомя юных читателей с революционным молодежным движением на Западе, Крупская в статье «Союз молодежи» показала разворот движения в Петрограде, где заводские ученики и ученицы объединили в своих рядах около 50 тысяч человек. «Они положили начало,— пишет Надежда Константиновна,— российской секции «Интернационала молодежи», они зовут к объединению всю рабочую молодежь... Москвы,

Московской области, Екатеринослава, Харькова,— словом, всей России».

Надежда Константиновна придавала огромное значение именно начальному этапу объединения молодежи. «Организация молодежи в России только складывается,— писала она в статье «Борьба за рабочую молодежь». — Первые шаги самые сложные, самые ответственные. От них в значительной степени зависит то, по какому пути пойдет это движение: будет ли организация молодежи в России организацией пролетарской, пойдет ли она рука об руку с рабочей организацией своей страны и Интернационалом молодежи... Или же организация молодежи оторвется на время от рабочего движения...

В первом случае петроградской организации рабочей молодежи предстоит, вероятно, почетная роль — сплотить около себя всю рабочую молодежь России, во втором — наделать кучу ошибок и на время задержать развитие организации. Мы не сомневаемся, что революционная пролетарская молодежь Петрограда пойдет по первому пути».

6 июня 1917 г. была создана специальная комиссия Петербургского комитета РСДРП(б) для работы среди молодежи. Возглавляли ее Н. К. Крупская и М. М. Харитонов. Надежде Константиновне было поручено разработать Устав Союза рабочей молодежи России. Она его приложила к статье «Как организовать рабочую молодежь». Как свидетельствует Е. Д. Стасова, статью эту Надежда Константиновна написала «по прямому требованию Владимира Ильича, так как он считал необходимым создание молодежной организации».

Нет сомнения в том, что не только Устав Союза рабочей молодежи, но и все «молодежные» статьи Н. К. Крупской были если не отредактированы, то самым внимательным образом прочитаны В. И. Лениным. Безусловно, в них нашли отражение и его взгляды на организацию юношеского движения в России.

В этот период, как вспоминает Надежда Константиновна, Владимир Ильич пристально интересовался настроением рабочей молодежи. «Мы много говорили с Ильичем о том, как вести работу среди молодежи». Надежда Константиновна подчеркивала, что он придавал революционному движению рабочей молодежи совершенно особенное значение.

Проект Устава, написанный Н. К. Крупской, напечатала «Правда» 7 июня 1917 г. В ту пору со всех кон-

цов России в газету шел поток писем, запросов. Проект Устава, статьи Н. К. Крупской отвечали на самые мучительные вопросы молодежи.

3 июля 1917 г. на Второй (июльской) Петроградской конференции РСДРП(б) Н. К. Крупская выступила со специальным докладом о создании Союза рабочей молодежи.

— Вопрос об организации молодежи,— говорила она,— важный вопрос, не разрешенный до сих пор не только у нас, но и на Западе. По последнему подсчету Международного социалистического бюро в 1915 г., на 17 стран насчитывалось около 120 000 организованной молодежи, находящейся под социалистическим влиянием. Между тем буржуазные организации молодежи насчитывают значительно большее количество членов. На конгрессе 1915 г. указывалось на недостаточную самостоятельность организаций молодежи. Только в пяти странах организациями управляла сама молодежь, в остальных же управление принадлежало взрослым, которые вырабатывали весь план занятий молодежи.

В тот период в партии дебатировались вопросы организационного строения юношеского движения. Существовали две точки зрения. Одни отстаивали существование юношеских организаций при партийных. Другие, среди них и Надежда Константиновна, боролись за то, чтобы молодежные организации существовали организационно самостоятельно, но работали под общим руководством партии.

Надежда Константиновна призывала усилить партийное влияние на молодежь, настаивала на тесной повседневной связи с ней партийных организаций. Рассказывая на конференции о движении молодежи, она подчеркивала, что в пятидесятитысячный отряд питерских юношей и девушек, создавших свою организацию, затесались и пособники буржуазных партий. Они и пытаются оторвать молодежь от рабочего класса.

В резолюции, принятой по докладу Н. К. Крупской, говорилось: «Конференция считает: 1) что организации молодежи должны быть массовыми пролетарскими организациями, социалистическими по духу и тесно связанными с Интернационалом молодежи; 2) что партия должна со всем вниманием отнестись к возникающим самостоятельно организациям молодежи, оказывать им содействие и посылать туда своих членов, чтобы установить тесный контакт между движением взрослых рабочих и движением молодежи.

Поэтому конференция находит нужным поддержать работающую организацию молодежи и помочь ей сложиться так, чтобы она способствовала выработке сознательных и активных членов партии, способных справиться с теми задачами, которые поставит перед ними жизнь».

Конференция большинством голосов приняла предложенный Н. К. Крупской проект Устава Союза рабочей молодежи. Нужно отметить, что на конференцию были представлены еще два проекта.

В конце июля — начале августа в Петрограде состоялся VI съезд РСДРП(б), нацеливший партию на подготовку к вооруженному восстанию. Свержение буржуазии требовало мобилизации всех революционных масс, в том числе и рабочей молодежи. Вот почему съезд рассмотрел вопрос о руководстве молодежными организациями. Делегат съезда Н. К. Крупская выступала с основным докладом по секции молодежи и приняла участие в составлении резолюции съезда по этому вопросу.

«Съезд считает необходимым,— говорится в резолюции,— чтобы партийные организации на местах обратили самое серьезное внимание на дело организации молодежи... В настоящее время, когда борьба рабочего класса переходит в фазу непосредственной борьбы за социализм, съезд считает содействие созданию классовых социалистических организаций молодежи одной из неотложных задач момента и вменяет партийным организациям в обязанность уделить работе этой возможный максимум внимания».

В резолюции съезда прямо указывалось, что «вмешательство партии в организационное строительство рабочей молодежи не должно носить характера опеки над нею». В то же время получили отпор те, кто ратовал за самотек и стихийность революционного юношеского движения, отвергал необходимость идейного направления деятельности юношеских организаций со стороны партийных комитетов.

Разумеется, не обошлось на съезде и без полемики, в частности относительно того, назвать ли союз молодежи социалистическим. Но в резолюции съезда «О союзах молодежи» было записано четко: «Партия стремится к тому, чтобы организации эти с самого же своего возникновения приняли социалистический характер, чтобы будущий Социалистический союз рабочей молодежи

России при самом своем возникновении примкнул к Интернационалу молодежи».

«Когда обсуждался вопрос о союзах молодежи,— писала Крупская,— мне казалось, что будущий союз молодежи лучше будет назвать не социалистическим, а коммунистическим. Владимир Ильич в это время уже предлагал назвать нашу партию „коммунистической“».

Уже через несколько дней после VI съезда партии собралась первая конференция социалистических союзов рабочей молодежи Петрограда. Делегаты конференции направили приветствие В. И. Ленину. «Наши молодые силы,— писали юные питерцы,— готовы не только продолжать, но и окончить Ваше идейное дело и на развалинах самодержавия воздвигнуть новую Россию, Россию пролетарскую».

На этой конференции, как вспоминал Петр Смородин, «был прочно вбит осиновый кол в самую середину старой организации „Труд и свет“». 179 делегатов, представлявших 13—14 тысяч рабочей молодежи, приняли Программу и Устав нового Социалистического союза рабочей молодежи Петрограда. Так оформилась новая массовая классовая организация петроградской молодежи.

В одной из витрин Музея истории комсомола Выборгской стороны на Болотной улице хранится очень интересный документ:

«Исполнительная комиссия юношей Выборгского района.

№ 614, 17 августа 1917 года.

Удостоверение

Дана сия Бурмистрову Павлу и Егорову Сергею для организации Красной гвардии по заводам Лесснер, Струн, Экваль, Пузырев.

По инструкции Крупской о всем доносить президенту Исполнительного комитета.

Председатель *Кузнецов*».

О событиях, связанных с этим удостоверением, рассказал его владелец Павел Бурмистров:

— Надежда Константиновна Крупская была прикомандирована к нам. Стала готовить подпольную Красную гвардию. К Октябрьской революции у нас уже было человек двести. Она состояла из молодых рабочих заводов «Лесснер», «Рено», и человек сорок от «Нобеля». Мы занимались на площадке, на футбольном поле. Для виду играли в футбол, а больше изучали наган и винтовку. Приходил к нам инструктор и рассказывал,

как заряжать оружие, стрелять из револьвера и винтовки, как обращаться с гранатами. Временное правительство объявило, чтобы большевики сдали все оружие, но сдали оружие худое, ломаное, а хорошее спрятали. Молодежь Выборгского района принимала активное участие в создании Красной гвардии.

Еще в «Письмах из далека», написанных в марте 1917 г., Владимир Ильич призывал большевиков вовлекать всю пролетарскую молодежь в отряды рабочей милиции. «Такая милиция,— писал он,— втянула бы подростков в политическую жизнь, уча их не только словом, но и делом, работой».

Как вспоминала позднее Н. К. Крупская, она «с головой ушла в работу, хотелось втянуть массы поголовно в общественную работу, сделать возможным осуществление той «народной милиции», о которой ставил... вопрос Владимир Ильич». В подлинные штабы по формированию отрядов Красной гвардии превратила она школы грамотности, которые создавались на заводах и фабриках Выборгской стороны. Не случайно время их массовой организации приходится на этот период, что подтверждает отчет в попечительский совет по внешкольному образованию, датированный 1 августа 1917 г. Хранится этот документ в Центральном партархиве. Как отмечает в нем Н. К. Крупская, до той поры существовала всего одна школа грамотности. «В настоящее время,— пишет она,— предполагается к открытию целый ряд школ грамотности. На днях открываются 2 класса для безграмотных подростков (записалось свыше 100 человек) Выборгского района. Занятия будут происходить в доме Нобеля (Лесной пр., д. 20). Затем в городской и детской больнице Выборгского района открыто 7 классов для обучения грамоте (записалось свыше 250 чел.).

На эти семь классов грамотности требуется... 2700 рублей.

Кроме того, при разговоре с представителями заводов выяснилось, что в ближайшем будущем можно будет открыть еще около 30 школ грамотности (при каждом заводе). Будет также функционировать школа и в Финском переулке.

На все эти школы желательно было бы получить немедленно ассигновку, чтобы можно было приступить к открытию школ.

Заведующий культурно-просветительным отделом, член управы *Ульянова*».

Вот что вспоминает О. А. Стецкая, член партии с 1917 г., по заданию Н. К. Крупской работавшая в этих школах грамотности.

— Надежда Константиновна ставила целью привлечение молодых рабочих к культуре ради вовлечения их в революцию,— рассказывала Ольга Алексеевна. — Бывало, сообщишь ей о приходе в школу новых учеников, а она говорит: «Хорошо это, революции очень нужны новые люди». Основную массу слушателей вечерних школ грамотности составляли молодые рабочие. И создавалось встречное движение: молодые рабочие, получившись в наших школах, вступали в Союз рабочей молодежи, а Союз рабочей молодежи помогал нам вовлекать в школы все новых и новых молодых учеников. А в канун Октября наши школы, можно сказать, слились с отрядами Красной гвардии. Школы стали своеобразными пунктами по подготовке красногвардейцев, санитаров. Даже в помещении культурно-просветительного отдела, где работала Надежда Константиновна, были такие курсы. Надежда Константиновна тогда дневала и ночевала на Выборгской стороне.

Н. К. Крупская до конца жизни активно участвовала в деятельности Ленинского комсомола и пионерской организации. С 1919 по 1931 г. она выступала на семи съездах комсомола, на всех важнейших пленумах ЦК ВЛКСМ, конференциях, совещаниях, обсуждавших вопросы образования и воспитания молодежи. При ее активном участии была создана детская коммунистическая организация юных пионеров имени В. И. Ленина, а первые шаги были сделаны в незабываемом 1917-м в Питере. «Ее статьи в 1917 году, ее примерный устав Союза рабочей молодежи, непосредственная работа в Ленинграде — первые камни в фундамент ВЛКСМ», — говорилось в предисловии Центрального Комитета комсомола к сборнику работ Н. К. Крупской, изданному в 1925 г.

«ПРИГОТОВИТЬ ПЕРЕЕЗД ИЗ ВЫБОРГА В ПЕТРОГРАД»

Безмятежно спокойной, мирной выглядела сонная Широкая в этот предутренний час, когда тревожный звонок поднял жильцов двадцать четвертой квартиры дома 48/9. На пороге стоял Яков Михайлович Свердлов.

— Юнкера разгромили редакцию «Правды»,— сказал он Ленину,— через полчаса после вашего ухода.

Как вспоминает Мария Ильинична, Яков Михайлович «стал настаивать на необходимости для Ильича немедленно скрыться. Было совершенно очевидно, что разгромом редакции дело не окончится и что Ильичу грозит опасность попасть в лапы юнкеров». Было 5 июля 1917 года.

Свердлов накинул на Владимира Ильича принесенный с собой плащ. Улица Широкая еще не успела пробудиться, когда они благополучно добрались до набережной реки Карповки. Здесь, в доме 25, в квартире М. Л. Сулимовой, секретаря Военной организации при ЦК большевиков, укрылся В. И. Ленин.

В тот же день, соблюдая сугубую конспирацию, Надежда Константиновна направилась на Петроградскую сторону. Однако у дома Сулимовой ее ждала неожиданность. Оказывается, Временное правительство издало приказ: запереть ворота и парадные, установить дежурства дворников, проверять всех посетителей.

— А что, Мария Леонтьевна дома? — нашлась Крупская, улыбнувшись дворничихе.

— А вам зачем? — строго поинтересовалась «хозяйка дома».

— Да вот привезла ей подарочек с Волги: воблы да икорки,— показала мешочек, в котором лежала провизия для Владимира Ильича.

— Проходите,— милостиво разрешила дворничиха.

Условным звонком в 18-ю квартиру Надежда Константиновна дала знать о своем приходе.

Вскоре выяснилось, что и эта квартира небезопасна. Владимир Ильич сказал по этому поводу Сулимовой с горькой усмешкой:

— Придут к вам с обыском, вас, возможно, арестуют, а меня могут и «подвесить».

Он понимал всю серьезность положения. Об этом говорит записка Л. Б. Каменеву, которую он написал на квартире Сулимовой и о которой просил Льва Борисовича никому не говорить. «...Если меня укокошат,— писал Владимир Ильич,— я Вас прошу издать мою тетрадку: „Марксизм о государстве“ (застряла в Стокгольме). Синяя обложка, переплетенная»*.

* В дальнейшем эта «синяя тетрадь» была переправлена В. И. Ленину в Разлив и использована им при написании книги «Государство и революция».

Обстановка в Петрограде ухудшалась. Было объявлено военное положение, в город ввели реакционные войска. Шли массовые обыски и аресты.

Центральный Комитет принял меры, чтобы надежно укрыть Ильича. Надежда Константиновна, как и Владимир Ильич, считала, что лучшего места, чем Выборгская сторона, не найти. Было решено, что Ильич переедет на квартиру рабочего В. Н. Каюрова.

Рано утром 6 июля Надежда Константиновна пришла к Сулимовой. По совету жены Владимир Ильич сбрил усы и бороду и стал неузнаваем. Хозяйка дала ему зонтик, трость и широкополую шляпу. Надвинув шляпу на лоб, помахивая тростью, Владимир Ильич благополучно миновал «знакомую» дворничиху. Невдалеке их с Надеждой Константиновной ожидал Каюров. «Мы медленно пошли вдвоем, — вспоминает он. — Увлечшись разговором, я изредка, по привычке незаметно для себя, прибавлял ходу, несмотря на замечания Владимира Ильича о том, что Надежда Константиновна быстро идти не может...

Наконец мы перешли Гренадерский мост.., соединяющий Петроградскую сторону с Выборгским районом. «Кончен трудный путь, — подумал я, зная, что здесь Ильичу бояться нечего. — Здесь, в родной атмосфере, нас никто не посмеет тронуть». Повеселевшая Надежда Константиновна, протившись с нами, отправилась в районную думу...»

Надежда Константиновна торопилась на заседание исполнительной комиссии Петербургского комитета партии, куда были приглашены также представители заводов Выборгского района. Рабочие предлагали в ответ на июльские события объявить всеобщую политическую стачку. В ходе прений Н. К. Крупская предложила не принимать окончательного решения до встречи членов исполнительной комиссии с В. И. Лениным. Встреча состоялась в небольшой деревянной сторожке завода «Русский Рено». Владимир Ильич сумел убедить товарищей в нецелесообразности стачки в сложившейся обстановке.

С завода «Русский Рено» Надежда Константиновна пошла на Сердобольскую, где в квартире М. В. Фофановой должно было состояться узкое совещание ЦК партии с участием В. И. Ленина, надо было проверить, все ли здесь в порядке.

На совещании по предложению Владимира Ильича решили не переводить партию на нелегальное положение.

ние, но быть готовыми к этому. Самого же В. И. Ленина совещание обязало оставаться на нелегальном положении.

На квартиру В. Н. Каюрова он не вернулся: она тоже не выдержала экзамена на конспирацию. «У Каюрова,— отмечала Н. К. Крупская,— сын был анархист, молодежь возилась с бомбами, что не очень подходило для конспиративной квартиры».

В ночь с 6 на 7 июля Временное правительство вынесло решение об аресте В. И. Ленина, Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева. Об этом Владимир Ильич узнал, уже находясь на квартире старого питерского рабочего, члена партии с 1896 г. С. Я. Аллилуева. Квартира его на 10-й Рождественской отвечала самым строгим требованиям конспирации.

Днем 7 июля сюда приехали Н. К. Крупская и М. И. Ульянова и рассказали следующее.

Минувшей ночью Широкую поднял сильный шум. По улице прогрохотал огромный грузовик и затих возле их дома. Солдаты и юнкера буквально ворвались в квартиру Елизаровых. Искали Владимира Ильича. Заглядывали даже в корзины и сундуки, перевернули все вверх дном. Не найдя, стали допытываться, где он находится. Один из офицеров упорно допрашивал об этом Надежду Константиновну, но его осадила Мария Ильинична.

— Ведь и по старым царским законам жена не обязана была выдавать своего мужа,— прервала она рьяного служаку.

Услышав о налете, Владимир Ильич тут же сел за стол. Взглянув на часы, быстро написал: «Сейчас только, в 3¼ часа дня, 7 июля, я узнал, что у меня на квартире был сегодня ночью обыск, произведенный вопреки протестам жены, вооруженными людьми, не предъявившими письменного приказа. Я выражаю свой протест против этого, прошу Бюро ЦИК расследовать это прямое нарушение закона».

Письмо В. И. Ленин адресовал в Бюро Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих и солдатских депутатов. В письме он также выражал готовность явиться в назначенное ЦИК место для ареста.

Надежда Константиновна и Мария Ильинична горячо возражали против явки в суд. Они доказывали, что совершится дикая расправа. Владимир Ильич думал иначе.

— Мы с Григорием решили явиться в суд,— сказал он Надежде Константиновне,— пойди скажи об этом Каменеву.

Лев Борисович скрывался на другой конспиративной квартире, находившейся неподалеку. Надежда Константиновна заторопилась выполнить поручение Владимира Ильича.

— Давай попросаемся,— задержал он жену,— может, не увидимся уж.

Они обнялись...

Вечером на квартире Аллилуевых собрались Г. К. Орджоникидзе, Е. Д. Стасова, В. П. Ногин и другие. Товарищи «убедили» Ильича на суд не явиться,— писала Н. К. Крупская,— и тем спасли его жизнь.

Переживания того дня, однако, еще не были исчерпаны. «Вечером у нас на Широкой,— вспоминает Надежда Константиновна,— был обыск... Был какой-то полковник и еще какой-то военный в шинели на белой подкладке. Они взяли из стола несколько записок, какие-то мои документы. Спросили, не знаю ли я, где Ильич, из чего я заключила, что он не объявился».

9 июля к Елизаровым опять ворвалась банда юнкеров. На этот раз не только перевернули все вверх дном. Надежду Константиновну и Марку Тимофеевича Елизарова увезли в контрразведку Генерального штаба.

«Рассадили там на расстоянии друг от друга,— вспоминает Н. К. Крупская.— К каждому приставили по солдату с ружьем. Через некоторое время врывается рассвирепелое какое-то офицерье, собирается броситься на нас. Но входит тот полковник, который делал у нас обыск в первый раз, посмотрел на нас и сказал: «Это не те люди, которые нам нужны». Если бы был Ильич, они бы его разорвали на части. Нас отпустили».

Г. Я. Лозгачев, воспитанник М. Т. и А. И. Елизаровых, не был свидетелем налетов и обысков на квартиру на Широкой: Марк Тимофеевич отвез его на это лихое время в Поповку, на дачу к знакомым.

— Когда же я возвратился домой,— рассказывает он,— то квартира наша будто осиротела. Не было ни Владимира Ильича, ни Надежды Константиновны. Я не раз допытывался, где они и что с ними. Это меня очень интересовало и волновало. Анна Ильинична всегда учила меня говорить только правду. А сама, видимо, не смогла сказать мне всего. Потому ответила неопределенно. Мол, Володя с Надей живут на Выборгской стороне. «Ты ведь все понимаешь,— гладила меня по голо-

ве Анна Ильинична,— вырос уже. Так вот к ним сейчас нельзя. Они сами придут, когда можно будет».

В фондах Ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина хранится редкостный документ — «Книга для записывания прибывающих и выбывающих из дому № 48-9 по Широкой и Газовой улице 4 участка Петроградской стороны». Записи в ней свидетельствуют, что Надежда Константиновна на вопрос: «Откуда и когда прибыл в дом» ответила: «Апрель. Из Москвы». На тот же вопрос против фамилии В. И. Ульянова ниже записано: «Тоже. В апреле 1917 г.». В графе «Род занятий, место службы или какими средствами живет» записи предельно кратки и выразительны: против фамилии Крупской — «При муже», Ульянова — «Капиталом».

Во время драматических июльских дней в домовой книге в графе «Когда и куда выбыл» против фамилии Н. К. Крупской запись: «7 июля. Неизвестно куда». «Неизвестно куда» записано и против фамилии В. И. Ульянова.

Между тем Владимира Ильича вместе с Г. Е. Зиновьевым партия надежно скрыла в Разливе у старого опытного подпольщика, рабочего Сестрорецкого оружейного завода Н. А. Емельянова.

Не без сдержанного юмора говорил В. И. Ленин, что благодаря «особенно заботливому вниманию», которым его «почтило» правительство Керенского, ему пришлось уйти в подполье. «Прятал нашего брата, конечно, рабочий».

«Заботами» того же Временного правительства в полуподполье скрывалась и Надежда Константиновна. И ей помогали тоже рабочие.

Правду сказала Анна Ильинична воспитаннику: Надежда Константиновна перебралась на Выборгскую сторону. Она покинула квартиру родных, чтобы не ставить их под удар. «Я стала все время проводить в Выборгском районе,— вспоминала Надежда Константиновна.— В июльские дни поражала разница между настроениями обывателя и рабочих. В трамваях, по улицам шипел из всех углов озлобленный обыватель, но перейдешь через деревянный мост, который вел на Выборгскую сторону, и точно в другой мир попадаешь».

— В те тревожные дни,— рассказывала М. В. Фофанова,— Надежде Константиновне приходилось скитаться по квартирам надежных рабочих-выборжцев. Несколько раз ночевала она и у меня.

Не личной безопасности искала Н. К. Крупская на Выборгской стороне. Она — связующее звено между Ильичем и Центральным Комитетом, а места удобнее для этого, чем Выборгская сторона, не сыскать.

И связь наладилась. Весточки получала через надежных товарищей — В. И. Зофа и Шуру Маленькую — так ласково именовали Александру Токареву, работницу Выборгского райкома. Не вызывая подозрений, она заходила в Выборгскую районную управу и незаметно передавала Н. К. Крупской послания В. И. Ленина. В начале августа связные сменились.

С Л. П. Парвизайнен, членом партии с 1917 г., я был знаком много лет. Бывало, пока не угостит крепчайшим «финским» кофе, беседу не начнет. Щедро делилась воспоминаниями. А память у нее, несмотря на возраст, была удивительная. Каждая такая встреча пополняла мои знания о В. И. Ленине, Н. К. Крупской, семье славных революционеров Рахья. В нее вошла Лидия Петровна, став женой Эйно Рахья. Ему партия доверила обеспечивать безопасность В. И. Ленина в самые трудные дни последнего подполья.

— Однажды, это было в начале августа 1917 года, — рассказывала Лидия Петровна, — к нам на квартиру на Певческий переулок явился Шотман. Александр Васильевич пришел к моему мужу как представитель ЦК партии. Оба финны, они много лет знали друг друга по партийной работе. В Гельсингфорсе, на заводе «Сокол», Шотман работал мастером, а Рахья у него рабочим. Шотман и Рахья о чем-то долго беседовали, а потом муж говорит мне: «Нужно тебе поехать к родителям. Узнаешь, нельзя ли прожить там Владимиру Ильичу». Дело в том, что ему в Разливе больше нельзя было оставаться. Кончалась сенокосная пора, и коску-финну, под видом которого жил Ильич в Разливе, там больше делать было нечего. Кроме того, в тот год осеннее ненастье пришло рано. Наступило похолодание, пошли дожди. ЦК и решил переправить Ленина в Финляндию, а пока Шотману поручили найти безопасное место возле железной дороги, чтобы удобно было держать связь.

Родители мои жили в деревне Ялкала, в 12 километрах от станции Териоки, нынешнего Зеленогорска. Отец мой, старый питерский рабочий-литейщик, решил заняться сельским хозяйством. В ближайшую субботу я поехала к родителям. Спросила отца, может ли у нас пожить несколько дней русский писатель Константин

Петрович Иванов. Ему нужно много работать и хорошо, чтобы дети ему не мешали. «Хорошо,— сказал отец,— комнату в пристройке приготовим, и пусть работает, сколько хочет».

Владимиру Ильичу, то есть Константину Петровичу,—с улыбкой поправила Лидия Петровна,—пришлось очень по душе в Ялкала. «Еще нигде мне не приходилось так спокойно жить,—говорил он моим родителям.— Я когда-нибудь приеду с супругой к вам. Можно будет?» — «Со всем удовольствием, во всякое время»,— ответил отец...

Особенно же «писателю Иванову» понравилась пристройка с отдельным входом. Он в шутку называл ее «флигелем». Целыми днями сидел он над бумагами и не разгибаясь писал.

— Первый раз Владимир Ильич просил меня приехать во вторник очень рано, в шесть часов утра. Позвал во «флигель» и дал несколько узких листков тетрадной бумаги в клетку. В клеточках еле заметным бисером написаны груды чисел дробью, а между ними встречались слова «да», «почему».

— Лидия Петровна, передайте это, пожалуйста, Надежде Константиновне.

— Владимир Ильич, что это такое?

— Это, Лидочка, называется шифром, а зашифрована статья «Политический шантаж». Обязательно обучу вас шифровать текст.

Но потом было некогда этим заниматься, а позднее уже и не нужно стало. Я взяла листки и хотела вернуть в газету, но Владимир Ильич спросил:

— Вы разве не читаете книгу в вагоне?

Я сказала, что читаю, и довольно интересную книгу.

— Покажите,—заинтересовался Владимир Ильич и внимательно осмотрел увесистый том сочинений И. С. Тургенева.

— Вот и отлично,—сказал он и заложил листки между страницами книги.— Будете в вагоне читать, но ненароком не выроните,—и крепко пожал мне руку.

— Листки не должны попасть в чужие руки,—добавил он и то ли в шутку, то ли всерьез сказал: — В случае чего, их нужно съесть. Конечно, невкусно. Но нужно.

В дороге я, конечно, не раскрывала Тургенева. Крепко держала книгу в руках, боясь выпустить и незаметно поглядывала по сторонам. И все думала, как мне придется глотать эти листочки. Смогу ли? Но все, слава

богу, обошлось. Сразу по прибытии в Петроград направилась на встречу с Надеждой Константиновной. Она меня уже ждала. Я передала ей листки, а она мне письмо для Владимира Ильича. Другой раз Надежда Константиновна получила от меня листки и опять передала письмо и пакет с бельем на смену. Она знала, что он купается в озере и любит париться в нашей деревенской финской бане.

— Лидия Петровна, а где вы встречались с Надеждой Константиновной? — спросил я.

— На Большой Посадской улице, в двухэтажном доме, на квартире Хилтунена. Мы всегда договаривались точно о времени, и не было случая, чтобы она опоздала. Третий раз Владимир Ильич вместе с запиской передал мне школьную в синей обложке тетрадь, исписанную вдоль и поперек мелким-мелким почерком. Это была рукопись главы его работы «Государство и революция». Над ней он все время и работал в Ялкала. В этот раз я не узнала Владимира Ильича. Шотман прислал двух артистов-любителей, которые загримировали его под финского пастора. В таком наряде в сопровождении артистов он уехал вглубь Финляндии. Вначале в Лахту, а оттуда в Хельсинки.

В 1948 г. в Петрозаводске я случайно попал на встречу с Г. Э. Ялава, бывшим машинистом знаменитого паровоза № 293. По студенческой привычке записывал в блокнот наиболее интересное из его увлекательных воспоминаний.

— Мне посчастливилось не только дважды перевезти Владимира Ильича через финскую границу, — рассказывал Гуго Эрикович, — но и доставлять ему газеты из Петрограда. Когда Владимир Ильич переехал в Гельсингфорс, его корреспонденцию в Петроград доставлял почтальон почтового вагона Кесси Ахмала. Верный был товарищ. Его потом расстреляли белые. Он передавал мне пакет, а я относил вначале в редакцию «Правды», а затем Надежде Константиновне.

Потом я прочитал в воспоминаниях Н. К. Крупской: «Тов. Ялава, финский товарищ, служивший машинистом на Финляндской железной дороге, — его хорошо знали тт. Шотман и Рахья — взялся перевезти Ильича под видом кочегара. Так и было сделано. Сношения велись с Ильичем также через т. Ялаву, и я не раз заходила потом к нему за письмами от Ильича — т. Ялава жил также в Выборгском районе».

Больше мне, к сожалению, с Г. Э. Ялава встре-

тяться не довелось. На возникшие впоследствии вопросы получил ответ тоже в Петрозаводске от его жены.

— Было это в середине августа 1917 года,— начала рассказывать Лидия Германовна. — Нужно вам сказать, что, как работник Финляндской железной дороги, Гуго Эрикович жалованье получал финскими деньгами. И время от времени мне приходилось ездить в Финляндию за продуктами. Вернулась я домой из такой поездки. Сели мы с мужем обедать. Вдруг кто-то позвонил. Открываю дверь. Стоит какая-то незнакомая женщина. Я спросила по-фински, кто ей нужен. Другого языка тогда я не знала. Она назвала имя мужа. Я впустила ее. Но Гуго ее встретил тоже как незнакомую. Но когда она произнесла по-русски какую-то фразу, потом я узнала, что это был пароль, муж приветливо улыбнулся и пригласил ее за стол. Я ничего не понимала. Гуго Эрикович коротко объяснил мне, что это жена того «старика», которого, как сказал, он удачно «сплавил» за речку Сестру. Зовут ее Надежда Константиновна. Я принесла кофе. Они о чем-то живо заговорили. О «старике» — Владимире Ильиче Гуго мне уже рассказывал. Да и кто тогда не знал о Ленине. Столько грязи о нем было в газетах и разговоров на каждом углу. Прощаясь, Гуго Эрикович передал ей какой-то конверт. Я тогда еще не знала ничего о почте из Гельсингфорса. Но скоро муж привлек и меня. Как-то он сказал мне: «Пойдешь со мной. Увидишь, кто тебе будет передавать пакеты от „старика“». На Финляндском вокзале муж показал мне кассу, где обменивали финские марки на рубли. Мы стояли немного в стороне, и Гуго внимательно вглядывался в тех, кто подходил к окошку. Наконец к нам подошел мужчина.

Лидия Германовна перебрала бумаги на столе и показала мне фотографию молодого человека в шляпе:

— Это он, Кесси Ахмала. Тогда он выглядел иначе. На голове была фуражка железнодорожника с почтовым гербом. Он кивнул и незаметно передал Гуго пакет. Муж очень тихо сказал: «Теперь она будет приходить».

Я часто стала встречать поезд из Гельсингфорса. Мы обменивались пакетами у той же обменной кассы или в дежурной комнате финской бригады железнодорожников. На Финляндском вокзале я была, можно сказать, своим человеком. Часто в корзиночке приносила Гуго еду и горячий кофе. Так что у сыщиков не вы-

зывали подозрений ни я, ни моя корзиночка. В ней я и носила пакеты с письмами.

— Лидия Германовна, а когда приходила к вам Надежда Константиновна?

— Обычно она заходила к нам с передачей для Владимира Ильича под вечер, незадолго до отправления поезда. Я относила передачу и отдавала ей пакет от Владимира Ильича. Однажды Надежда Константиновна принесла и совсем необычную передачу. Темное демисезонное пальто с бархатным воротником. Оно было доставлено Владимиру Ильичу. Оказалось, что он скрылся из Петрограда в пальто С. Я. Аллилуева и его темно-серой кепи.

Квартира Ялава на Ломанском была очень удобна в конспиративном отношении. Потому и была выбрана Н. К. Крупской для обмена почтой. Дом населяли вполне надежные люди, в большинстве железнодорожники и рабочие Выборгской стороны. Попастъ в него можно было с Лесного проспекта, Ломанского переулка и Нижегородской улицы.

Лидия Германовна перебирает фотографии, документы, письма.

— Те незабываемые дни сохранились в памяти не только моей и Гуго, но и Надежды Константиновны,— говорит она.— В мае 1938 года она написала ходатайство, по которому я получаю персональную пенсию. Оно тронуло меня до глубины души.

«Лидию Германовну Ялаву знаю по 1917 году. Ее муж был машинистом Ф. Ж. Д. и после июльских дней 1917 г. увез Владимира Ильича на паровозе в Финляндию и перед Октябрьской революцией привез его обратно. Ильич скрывался в Гельсингфорсе у Ровио и в Выборге у Латукки. Я тогда работала в Выборгском районе. Лидия Германовна приносила мне письма и корреспонденцию от Ильича и брала у меня письма для него.

Всячески поддерживаю ее ходатайство о выдаче ей персональной пенсии.

Н. Крупская».

Почти в каждой почте рукописи статей. Иногда даже несколько. Ночами Крупская перепечатывала, утром отвозила в редакцию. Нередко знакомила с ними работников Выборгского райкома. «Надежда Константиновна очень часто читала эти рукописи,— вспоминает работник райкома Н. Ф. Свешников.— Огненные слова

вождя увеличивали нашу силу, вселяли какую-то необычайную ясность в головах. Помню, как сейчас, склонившуюся фигуру Надежды Константиновны в одной из комнат районной управы... тщательно сверявшую рукопись с оригиналом, и тут же рядом Дядя (М. Я. Ладис.— С. Р.) и Женя (Е. Н. Егорова.— С. Р.), просящие по копии. Эти строки из первых рук служили как бы вполне заслуженной наградой за революционную четкость района, и члены районного комитета, читавшие эти копии, так это и понимали».

Очень тревожным было это время для Надежды Константиновны: волновалась за Ильича. Но внешне это никак не проявлялось. Старая большевичка Л. И. Исупова вспоминает: «Внешне спокойная, приходила она, как обычно, каждое утро в Выборгскую управу, беседовала с многочисленными посетителями, и только внимательный взгляд мог уловить грусть и тревогу в ее больших серых глазах».

Днем шла обычная работа. Ее всегда хватало и было, как выражалась Крупская, «по горло». Десятки людей приходят к ней в управу, в райком. Каждого внимательно выслушает, старается ответить на все вопросы. И выступать приходится чаще обычного, статьи в газету писать. Трудится Н. К. Крупская в муниципальной группе ЦК РСДРП(б) и в культурно-просветительной комиссии при Петербургском партийном комитете.

Всех участков работы Крупской и не перечислить. Надежда Константиновна — делегат VI съезда партии, в подготовке и работе которого приняла самое деятельное участие. И хотя В. И. Ленина на съезде не было, он фактически направлял всю его работу, участвовал в составлении важнейших решений. Екатеринбургские большевики демонстративно избрали его делегатом съезда, и на первом же заседании съезд единогласно избрал Владимира Ильича почетным председателем.

С большим удовлетворением встретила Н. К. Крупская, вся семья Ульяновых категорический протест съезда против подлой клеветы на Владимира Ильича и единодушное одобрение неявики на судилище контрреволюции, которое превратилось бы в расправу.

Н. К. Крупская старалась как можно полнее информировать Владимира Ильича о положении дел. Говоря словами А. М. Коллонтай, «все видит, слышит, наблюдает, чтобы потом передать Владимиру Ильичу и дополнить меткими замечаниями, подыскать разумную, верную, нужную мысль». Надежда Константиновна бы-

ла полна этими наблюдениями, мыслями, впечатлениями. Как они важны для Ильича, оторванного от центра событий, о которых он может судить лишь по газетам и почте! Она должна передать ему все нюансы происходящего в Питере. Ильич очень любит тончайшие оттенки, мелочи, штрихи. В них часто видит главное, отыскивает основное звено.

Ни разу не было провалов на почтовом пути за все месяцы последнего подполья. Ни одна бумажечка не попала во вражеские руки. А ведь за Крупской следили неустанно.

Получив почту, Надежда Константиновна торопилась к себе. Надежно запиралась, завешивала окно и расшифровывала, расшифровывала... Почта содержала поручения Владимира Ильича. Были и строки, обращенные лично к ней. Так мог писать только он, Володя...

Расшифровка корреспонденции давно уже стала делом привычным. «И после каждого такого письма,— пишет Надежда Константиновна,— до жути хотелось повидаться, перекинуться хоть парой слов». Когда Владимир Ильич уезжал в Финляндию, они условились, что он даст знать, когда можно будет приехать. И вот в книге, полученной из Гельсингфорса, Надежда Константиновна проявила химическое письмо с приглашением. Но как перебраться через финскую границу? Имелось, правда, у нее удостоверение на право проезда в Финляндию, полученное еще до июльских дней. Но там значилась фамилия Ульяновой. Воспользоваться им — верный провал. Лучше подарок ищейкам Временного правительства трудно придумать. Осталась одна надежда. «Я повязалась платком,— вспоминает Надежда Константиновна,— и поехала в Разлив, к Емельяновым...»

— В этой горнице,— рассказывал мне Александр Николаевич Емельянов,— сохранено все в том виде, как было при родителях,— он кивнул на портреты Николая Александровича и Надежды Кондратьевны Емельяновых, висевшие в красном углу.

Комната застлана домотканым цветастым половиком, уставлена старой мебелью. Уютно, чисто. Здесь мы подробно беседуем с нынешним хозяином дома. 1965 год. Поздравляю Александра Николаевича, старшего из семи сыновей Емельяновых, с получением персональной пенсии союзного значения. За плечами большая, трудная жизнь. Каких только, порой трагических, страниц не было в летописи этой удивительной семьи питерских рабочих, вписавших свое имя в историю нашей партии!

Но об этом разговор особый. Александр Николаевич не только свидетель, но и участник тех событий семнадцатого года. О них и прошу его рассказать.

— Помню, был ненастный осенний день. Часов в шесть вечера пришел домой, а у нас гостя. Хотя и была она повязана платочком, но я без труда узнал ее. Еще 3 апреля 1917 года я видел Владимира Ильича и Надежду Константиновну на станции Белоостров, когда они возвращались из эмиграции. Кто-то из встречавших вручил Надежде Константиновне букет красивых красных роз... Отец представил меня гостье и усадил за стол. Мне тогда уже исполнилось восемнадцать лет и был я большевиком. Потому он и пригласил меня принять участие в общем совете.

Александр Николаевич пояснил, что и к ним в Разлив добраться Надежде Константиновне было не так-то просто. Нужно было обмануть шпиков, которые в надежде напасть на след Ленина неотступно за ней следили. Пройти к дому № 2 на 5-й Тарховской улице ей удалось незамеченной. Благо, дом Емельяновых стоял в стороне от станции и был закрыт с улицы деревьями, густым кустарником и сараем.

— Гораздо сложнее, — продолжал Александр Николаевич, — было придумать, как перебраться через границу. Вариантов перебрали много. Вначале думали перевезти Крупскую на лодке мимо форта и высадить на финском берегу в районе Териок. Этим путем мои родители в годы первой русской революции перевозили оружие для революционеров. Обсуждался и такой план — нелегально, без документов перейти границу. «Ну, хорошо, — улыбнулась Надежда Константиновна, — а как я вернусь?» — «Да, не годится, — согласился Николай Александрович, — и слишком все это рискованно». И вот что придумал тогда отец. На станции Райвола (теперь это поселок Рощино) жила его тетка Агафья Александровна Атаманова. И хотя Райвола находилась на финской территории, многие жители поселка работали в Сестрорецке, были приписаны к тамошней волости. Рабочие и члены их семей по своим паспортам могли свободно переходить границу. Отец и предложил Надежде Константиновне воспользоваться для перехода границы паспортом на имя Агафьи Атамановой, которая весной 1917 года умерла.

Александр Николаевич подарил мне групповое фото многочисленной семьи Емельяновых. Показал Атаманову. Оказалось, что тетка Николая Александровича

была старше Крупской на двадцать лет, но Надежда Константиновна приняла этот план. Из всех предложенных он ей пришелся больше по душе.

Первым делом нужна была фотография. Дали знать Дмитрию Ильичу Лещенко, старому партийному товарищу. Он уже имел подобный опыт: незадолго перед тем фотографировал Владимира Ильича для пропуска на имя рабочего Константина Петровича Иванова.

Во дворе Александр Николаевич показал то место, где Лещенко сфотографировал Надежду Константиновну. Надежда Кондратьевна дала ей свое старое платье. На голове у нее был повязан платок.

Делая снимок, Дмитрий Ильич рассказал, как он на покосе фотографировал Владимира Ильича. Надежду Константиновну интересовали самые мельчайшие подробности.

Александр Николаевич показал и комнату младшего брата Кондратия, в которой жила Надежда Константиновна. В маленькой комнате едва умещалось самое необходимое: столик, простая железная кровать, стул и этажерка с книгами.

— Надежда Константиновна очень много читала, — продолжал Александр Николаевич. — Мы ежедневно приносили ей свежие газеты. Она подробно расспрашивала про жизнь Владимира Ильича в Разливе. Однажды попросила свезти ее на бывший покос. Шалаш и стог еще стояли. Долго ходила Надежда Константиновна по поляне, ни о чем не спрашивая, задумчиво стояла перед ленинским «зеленым кабинетом», молчаливая возвращалась обратно. Почти неделю прожила у нас. Тут и Лещенко привез фотографии. Теперь нужно было добыть паспорт.

Вспомнила Надежда Кондратьевна, что писарь Сестрорецкой волости Василий Прокофьевич Антипов много лет был ее соседом. К нему и отправилась. Приходу гостей Антипов был рад. Встреча вышла дружеской. Вспомнили старые времена. Потом придумали версию, что к ним хочет приехать тетка. Но вот беда, — посетовал Николай Александрович, — потеряла тетка паспорт, прислала вот фотокарточку и просит получить новый документ. Поколебался было писарь, но все же заполнил бланк, приклеил на него фотокарточку. Волостной же старшина и вовсе не глядя подписал и заверил печатью. Так Надежда Константиновна Крупская стала Агафьей Александровной Атамановой.

Надежда Константиновна подарила Николаю Алек-

сандровичу и Надежде Кондратьевне свою фотографию в платочке. Многие годы хранился снимок в семейном альбоме. Перед самой войной сын Емельяновых Лев Николаевич увез альбом в Москву. Позднее он прислал эту фотографию родителям. К 90-летию со дня рождения В. И. Ленина памятный снимок появился в экспозиции Музея Великой Октябрьской социалистической революции.

...Емельяновы пошли проводить Надежду Константиновну. Вместе с Александром Николаевичем повторяем этот маршрут. С нами отправилась группа юных искровцев, дотошных следопытов Ленинградского дворца пионеров.

— Из Разлива в сопровождении моих родителей,— рассказывает Александр Николаевич,— приехала Надежда Константиновна на станцию Курорт. Прежде чем отправиться, отец проверил безопасность всего пути.

Отсюда, с Курорта, и мы отправились по пути Агафьи Атамановой. Тропинка вывела нас на лесную просеку. Идем по насыпи, на которой в 1917 г. была узкоколейка. По ней доехали Крупская и Емельяновы до Дюн. Мы прошли еще два километра вдоль берега реки Сестры. По шаткому мостику перебрались через «Ржавую канаву».

— Тут и была пограничная застава,— сказал Александр Николаевич, когда мы подошли к покрытому дерном фундаменту.— Можете представить, как волновались мои родители, когда офицер проверял паспорт Надежды Константиновны. Но все обошлось как нельзя лучше. Пограничник даже не взглянул на «Агафью Атаманову». Затем она прошла еще километров пять до небольшой станции Оллила и оттуда уже поездом к Ильичу.

В поселке Солнечное, как ныне называется бывшая Оллила, прощаемся с Александром Николаевичем.

— Да, вот забыл.— Он вытащил из кармана тоненькую книжечку.— Это воспоминания моего отца. Хочу прочесть одно место:

«Перед отъездом Крупская развязала платочек и вынула оттуда 75 рублей.

— Возьмите, пожалуйста,— сказала она мне,— теперь я получила деньги, а Ильич так долго жил у вас, питался...

Я обиделся и вернул ей деньги, проводил Надежду Константиновну через Дюны до станции Оллила, купил ей билет, посадил в вагон и вернулся домой. Но все-

таки Надежда Константиновна переупрямила меня: засунула деньги под тарелку.

Осенью, когда мы встретились в Смольном, Надежда Константиновна сказала:

— Спасибо вам за заботу. Я не вызвала тогда никаких подозрений. Хорошо доехала до Ильича».

Что означало «хорошо доехала», находим в воспоминаниях Надежды Константиновны. «Емельяновы проводили меня,— пишет она,— правда, пришлось всю ночь простоять, так как вагон был битком набит, но как-то не замечалось усталости, мысли были сосредоточены».

Да, подумать было о чем. Предстояло решить очень сложную задачу: разыскать в чужом, незнакомом городе конспиративную квартиру Ильича. Это неожиданное испытание Надежда Константиновна устроила ненароком себе сама. В химическом письме Владимир Ильич не только сообщил свой адрес в Гельсингфорсе, но и нарисовал подробный план, как к нему добраться, никого не спрашивая. Но вот беда: проявляя на свечке конспиративное письмо, Надежда Константиновна нечаянно часть плана сожгла. «Приехав в Гельсингфорс,— вспоминает она,— пошла в другую сторону, зашла в какие-то каменоломни, вижу, что не туда зашла, вернулась...» И все же случилось чудо. «С трудом,— пишет Крупская,— наконец, нашла Владимира Ильича».

«Ильич обрадовался очень,— продолжает Надежда Константиновна.— Видно было, как истосковался он, сидя в подполье в момент, когда так важно было быть в центре подготовки к борьбе. Я ему рассказала о всем, что знала».

Жадно впитывал Владимир Ильич сообщения жены о положении в Петрограде. Информация была, как говорится, из первых рук. Расспросам не было конца.

Надежда Константиновна застала Владимира Ильича в самый разгар работы над книжкой «Государство и революция». Видела, что затворничество, спокойная обстановка, которой так часто недоставало Ильичу, очень благоприятствовали написанию работы. Но и доза одиночества показалась ей слишком уж великой даже для него. Не с кем было поделиться, отточить свои мысли в живой беседе. Как он обрадовался такой слушательнице, как Надежда Константиновна! Опять, как когда-то в Шушенском, знакомилась она с главами книги, изображала «беспонятного читателя».

Два дня пролетели как один миг. Нужно было возвращаться. Как ни отговаривала Надежда Константи-

новна, Владимир Ильич пошел ее провожать. Почти до самого вокзала довел, до последнего поворота.

Был еще один повод для поездки Надежды Константиновны в Гельсингфорс, и связан он с М. В. Фофановой, участницей революционного движения с 1902 г.

Разговор, начатый с Маргаритой Васильевной в Москве, продолжился в Ленинграде. Вначале едем по местам, памятным ей по 1917 г. Среди них и бывший Большой Сампсониевский, 62 (ныне проспект Карла Маркса). Останавливаемся у парадной, которая вела на второй этаж, в кабинет Н. К. Крупской.

— В дни последнего подполья Ильича я бывала тут часто у Надежды Константиновны. Выходила всегда черным ходом, под арку. В то время надо было особенно соблюдать конспирацию.

О многих памятных событиях, связанных с этим историческим зданием, рассказала Маргарита Васильевна.

Дом на Сердобольской. Поднимаемся по лестнице.

— Эта квартира — самое дорогое для меня место, — говорит Фофанова, открывая дверь Квартиры-музея В. И. Ленина.

Так же как и в своей московской квартире, гостеприимно приглашает к большому круглому столу, и начинается такая же задушевная беседа. Но здесь, в бывшей квартире Фофановой, рассказ ее воспринимается как-то иначе. Осязаемо. Зримо. Волнующе.

— Уже после Шестого съезда партии, — говорит она, — Надежда Константиновна и Женя Егорова, секретарь Выборгского райкома партии, сказали мне, что моя квартира должна быть подготовлена как конспиративная для Владимира Ильича. Я списалась с моими родителями и 27 августа отправила детей к ним в Уфимскую губернию. О чем сразу сообщила Надежде Константиновне. Рано утром 28 августа она пришла ко мне. Еще раз внимательно осмотрела квартиру, и вместе мы наметили комнату для Владимира Ильича. На мой вопрос, какие вещи нужно поставить, ответила — не нужно ничего лишнего, Володя любит только тишину и чистоту. Начертили подробный план квартиры. Указали все окна, куда они выходят. С этим планом Надежда Константиновна собиралась поехать к Владимиру Ильичу в Гельсингфорс. Меня немного удивило, что она попросила у меня платок, а уходя, надела его на голову. Потом я узнала, зачем он ей нужен был, — улыбнулась Маргарита Васильевна, — но тогда спрашивать

нельзя было — конспирация. Вышли вместе. Объяснила ей, что расположено вокруг дома. Надежда Константиновна сама везде посмотрела. Осталась довольна.

Действительно, квартира Фофановой отвечала самым строгим требованиям конспирации. Четырехэтажный, казарменного вида дом, со стенами из неоштукатуренного красного кирпича, ничем не выделялся. Стоял он на окраине. Населен исключительно рабочими. Станция Ланская рядом, — значит, в случае чего, можно быстро уехать.

— Прямо с Финляндского вокзала, возвратившись от Владимира Ильича, Надежда Константиновна пришла ко мне, — продолжала свой рассказ Фофанова. — Сказала, что Ильич комнатой остался очень доволен. Просил сделать для него ключи от квартиры и его комнаты. Дал поручение продумать, с какой станции лучше ему добраться.

Задание непростое. Решили Крупская с Фофановой сами проделать весь путь. Первым делом сходили на Ланскую. Благо, станция всего в сотне метров от дома. Но ее отвергли сразу. Слишком многолюдно и толкотливо.

Остановились на Удельной. От нее километров пять прошли часа за полгора, убедились — дорога безопасна, идет по совершенно пустынным, малолюдным местам.

Через две недели после первой поездки Надежда Константиновна второй раз направилась в Гельсингфорс. Поехала тем же путем, по тому же паспорту Агафьи Атамановой, в той же одежде, что и в первый раз. Только на этот раз не заезжала к Емельяновым в Разлив, дела задержали. И пожалела. На границе-то все сошло наилучшим образом: офицер только взглядом скользнул по паспорту, на Крупскую и не взглянул, а по дороге на Оллила показалось, что заблудилась. Однако все же добралась до станции, даже за полчаса до прихода поезда.

Опять вагон битком набит матросами и солдатами. «Было так тесно, — вспоминает Надежда Константиновна, — что всю дорогу пришлось стоять. Солдаты открыто говорили о восстании. Говорили только о политике. Вагон представлял собой сплошной крайне возбужденный митинг. Никто из посторонних в вагон не заходил. Зашел вначале какой-то штатский, да, послушав солдата, который рассказывал, как они в Выборге бросали в воду офицеров, на первой же станции смылся. На меня никто не обращал внимания».

15 сентября на заседании ЦК партии обсуждались письма В. И. Ленина Центральному, Московскому и Петроградскому комитетам партии «Большевики должны взять власть» и письмо Центральному Комитету партии «Марксизм и восстание». В. И. Ленин требовал как практическую задачу поставить свержение Временного правительства, установление власти Советов путем вооруженного восстания.

Надежда Константиновна торопилась скорее рассказать Владимиру Ильичу об этом заседании. Когда же она передала разговоры солдат на ночном вагонном митинге, лицо Ильича «стало задумчивым, и, потом уже, о чем бы он ни говорил, эта задумчивость не сходила у него с лица,— пишет Крупская.— Видно было, что говорит он об одном, а думает о другом, о восстании, о том, как лучше его подготовить».

Владимир Ильич во всех деталях изучил маршрут, по которому надо было следовать от станции Удельная до Сердобольской улицы, к дому трамвайщиков, как именовали в округе жилище Фофановой.

Вскоре, чтобы быть поближе к Петрограду, Владимир Ильич переехал из Гельсингфорса в Выборг.

Теперь продолжим рассказ Л. П. Парвизийен.

— Как-то рано утром,— говорила Лидия Петровна,— мы с Рахьей еще не успели уйти на работу, к нам на Певческий неожиданно пришла Крупская.

— Здравствуйте, Надежда Константиновна! — в один голос поздоровались мы с гостьей.

— Здравствуйте, но только зовут меня Агафья Атаманова,— отвечает серьезно так и подает паспорт. На голове у нее платок. Точно как на фотографии. Мы с мужем только переглянулись.

Лидия Петровна вытащила из ящика стола объемистую машинописную рукопись. На обложке напечатано: «Стенограмма воспоминаний т. Рахьи Эйно Абрамовича о Владимире Ильиче Ленине в последние дни перед Октябрьским восстанием 1917 года».

— Записаны эти неопубликованные воспоминания в феврале—марте 1935 года,— пояснила Лидия Петровна и подарила мне с автографом.

Находим места, относящиеся к приходу Надежды Константиновны.

«Она входит и заявляет,— вспоминает Э. А. Рахья,— что Владимир Ильич передал мне привет. «И вот вам записка»,— передает мне узенькую полоску, а там сказано: «т. Рахья. Приготовить переезд из Выборга в Пе-

троград до станции Удельная, квартирой обеспечивает Надежда Константиновна. Исполнить немедленно». Так и сказано: «Рахія» — и с точкой, как он мне писал...

Я не знал его адреса. Она (Н. К. Крупская.— С. Р.) говорит, что Владимир Ильич сказал, чтобы дать мне адрес и приехать туда. Шотман был откомандирован на Урал, и мне не с кем было говорить, потому что это очень секретное дело, и я не знал, к кому из членов ЦК идти и сказать. Я их знал. Все они меня тоже знали. Владимир Ильич для меня был все, и я решил, что раз Владимир Ильич пишет, так надо делать. Пошел к машинисту Ялава.

В стенограмме читаю краткий диалог, состоявшийся при передаче Надеждой Константиновной записки Ильича Эйно Рахья:

«Я говорю: «Откуда вы получили?»

— А я,— говорит,— сегодня ездила к нему».

Выходит, Надежда Константиновна сама ездила в Выборг к Владимиру Ильичу. Подтверждение отыскалось в бумагах Г. Э. Ялава, который осуществлял живую связь между В. И. Лениным, находившимся тогда в Выборге, и Крупской. На листке календаря от 8 октября (нового стиля) 1917 г. сохранилась запись рукой Гуго Эриковича: «Надежда Константиновна, на 75. Перевезти Надежду Константиновну». Эта надпись не только удостоверяет факт поездки Н. К. Крупской на поезде № 75, который локомотивом № 293 водил Г. Э. Ялава, но и устанавливает дату — 25 сентября (8 октября) 1917 г.

Вопрос о факте и дате поездки Н. К. Крупской в Выборг, как и времени возвращения В. И. Ленина в Петроград, конечно, нуждается еще в дальнейшем исследовании и документальном подтверждении.

Вернемся, однако, к стенограмме.

«Я ей (Н. К. Крупской.— С. Р.) сказал, что сегодня выедем и сегодня приедем...

До Выборга из Петрограда было 4 часа езды и обратно так же. Но если ехать с пересадкой, то приблизительно 6 часов. Я туда ехал прямым путем, а оттуда с пересадкой. Пересадка в Райволово мне нужна была, чтобы пересадить Владимира Ильича на паровоз. Поезд, прибывший из Выборга, доехал до Райволово, а там стоял паровоз, который брал почтовый поезд из Гельсингфорса, и этот паровоз вел Ялава».

Рахья благополучно доставил Владимира Ильича до

Удельной. Теперь роли поменялись: вел Владимир Ильич.

«Была хорошая погода,— вспоминает Эйно Абрамович.— Был ясный вечер, мы шли потихоньку и просто наслаждались. А когда подошли к дому трамвайщиков, Владимир Ильич сворачивает с горки... и входит уверенно в один из подъездов и поднимается уверенно. Сперва дает звонок, а потом постучал. Я понял, что это сигнал. Открывает дверь женщина, но сперва спрашивает кто, а он говорит: «Константин Петрович». И он входит и идет прямо в последнюю комнату. Я следом за ним. Входит эта женщина — «чай пить». Мы пошли по коридору. Большая комната. Принялись чай пить. Через несколько времени откуда-то и Надежда Константиновна входит».

Так В. И. Ленин поместился в последней нелегальной квартире. Никто, даже члены ЦК партии, не знали, где находится свержконспиративное прибежище Владимира Ильича.

По возвращении в Петроград он взял в свои руки непосредственное руководство подготовкой восстания. Как отмечал А. В. Шотман, с этого времени ни один важный вопрос не решался ЦК без согласования с Владимиром Ильичем. И первой его помощницей продолжала оставаться Надежда Константиновна.

Она приходила на Сердобольскую ежедневно. От нее Владимир Ильич узнавал во всех подробностях о делах в партии, о событиях в Питере. Она относилась письма В. И. Ленина в Центральный и Петербургский комитеты, передавала ему ответы.

На этой квартире Владимир Ильич написал свои знаменитые «Советы постороннего», содержащие конкретный план вооруженного восстания, «Примерный крестьянский наказ о земле», «К пересмотру партийной программы». Эти и другие ленинские работы Надежда Константиновна отвозила в редакции большевистских газет.

Будучи членом революционного штаба Выборгского района, она во всех подробностях информировала Владимира Ильича о ходе подготовки к вооруженному восстанию. Рассказывала ему также о тех заседаниях ЦК и ПК, на которых присутствовала. Так, в воскресенье 15 октября Н. К. Крупская в составе делегации Выборгского района приняла участие в историческом расширенном заседании ПК, на котором большинство высказалось за восстание. Подробно рассказала о нем Ильичу. Он тут же взялся за перо. «Мне удалось,— писал он

в «Письме к товарищам»,— только в понедельник, 16-го октября, утром увидеть товарища, который участвовал накануне в очень важном большевистском собрании в Питере и подробно осведомил меня о прениях».

16 октября в Лесновско-Удельнинской районной думе на Выборгской стороне под руководством В. И. Ленина состоялось расширенное заседание ЦК партии. Была одобрена его резолюция — в ближайшее время начать вооруженное восстание.

18 октября Надежда Константиновна в очередной раз пришла на Сердобольскую. Спросила Ильича, читал ли он сегодняшние газеты. Узнав, что нет, дала ему «Новую жизнь». Когда Ленин прочитал заметку Каменева, в которой тот от своего имени и Зиновьева заявил о несогласии с решением о подготовке к вооруженному восстанию, возмущению его не было предела.

— Надежда Константиновна в ту ночь осталась у него ночевать,— рассказывала М. В. Фофанова.— А утром зашла ко мне расстроенная и говорит, что Володя всю ночь писал. Глаз не сомкнул.

Владимир Ильич написал «Письмо к членам партии большевиков», в котором дал оценку неслыханному поступку. В целях конспирации он написал, что ему «передали по телефону полный текст выступления Каменева и Зиновьева». Надежда Константиновна в это же утро принесла в ЦК ленинское письмо.

Самым напряженным и тревожным был вторник, 24 октября.

— Уже за завтраком,— вспоминает М. В. Фофанова,— я сообщила Владимиру Ильичу, что нигде не могла достать большевистскую газету «Рабочий путь». Он отложил еду и очень решительно сказал:

— Маргарита Васильевна, пусть все остается на столе. Сейчас же, срочно отнесите записку.

Через пару часов я принесла газету, спасенную после налета казаков на типографию. Владимир Ильич тут же меня направил с новой запиской. И на эту записку я принесла ему ответ.

С большим трудом Маргарита Васильевна в тот вечер добралась с работы домой. И когда рассказала Владимиру Ильичу, что по приказу Временного правительства начали разводить мосты, он тотчас написал новую записку и сказал:

— Передайте ее обязательно только через Надежду Константиновну и без ответа домой не являйтесь. Это

было «Письмо членам ЦК», в котором В. И. Ленин подчеркивал, что теперь «промедление в восстании смерти подобно».

Надежда Константиновна передала письмо в Центральный Комитет. Ответ, полученный Владимиром Ильичем, никак не удовлетворил его, и он опять послал записку Крупской. Но ЦК не разрешал покинуть конспиративную квартиру: слишком опасно было на улицах Петрограда. Однако Фофанова, вернувшись с этим ответом, не застала Ленина, на столе лежала записка: «Ушел туда, куда Вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания. Ильич».

В сопровождении Эйно Рахья он прибыл в Смольный. В эту же историческую ночь добралась до Смольного и Надежда Константиновна. «Смольный был ярко освещен и весь кипел, — таким увидела она тогда штаб революции. — Ильич весь с головой ушел в дела руководства восстанием».

«ВЧЕРА В ЛЕНИНГРАД ПРИБЫЛА Н. К. КРУПСКАЯ»

«Красная стрела» точно по расписанию замерла у дебаркадера Московского вокзала.

— Здравствуйте, Надежда Константиновна, с приездом! — сказал вошедший в купе мужчина и, улыбаясь, представился: — Кравцов, секретарь Выборгского райкома. Товарищ Киров ждет вас в Смольном.

По пути заехали в «Европейскую», оставили вещи.

Приветливо встретил Надежду Константиновну Н. Ф. Свешников, заведующий отделом обкома. В 1917 г. они вместе работали на Выборгской стороне. Надежда Константиновна была рада неожиданной встрече. Но лишь несколькими словами удалось перебраться со старым товарищем. В приемной толпился народ. Надежду Константиновну узнавали, подходили. Со многими она беседовала.

Скоро появился С. М. Киров и увел Надежду Константиновну в свой кабинет. Больше часа пробыла там Крупская.

— Разговор у нас с ним получился хороший, душевный, — поделилась она с Н. И. Стриевской.

Прощаясь, Сергей Миронович настоятельно просил Нину Исааковну всячески оберегать Надежду Константиновну, не давать ей много выступать, утомляться. Но

как это сделать, если Крупская просто рвалась на встречи с ленинградцами?

В день памяти В. И. Ленина, 21 января 1931 г., ленинградцы прочитали в газетах: «По приглашению рабочих и работниц Выборгского района вчера в Ленинград прибыла Н. К. Крупская». Но жители Выборгской стороны встретились с Н. К. Крупской 20 января, в день ее приезда: из Смольного она сразу поехала на Выборгскую сторону, где и провела остаток дня.

Переполнен зал Выборгского дома культуры. Идет слет работниц-ударниц района. В тишине отчетливо слышно каждое сказанное Надеждой Константиновной слово. Волнуясь, она глуховатым голосом негромко говорит:

— Вся жизнь Владимира Ильича была подчинена одной цели: созданию строя без эксплуататоров и эксплуатируемых. Последовательно и до конца проводил эту идею Владимир Ильич во всей своей работе... Характерным для Ильича было то величайшее доверие к рабочему классу и вера в его силы, которые проявлял он всю свою жизнь.

Плотно обступили женщины Надежду Константиновну после заседания. Многих собеседников она знала лично. Долго не расходились. И когда разомкнулось кольцо, не торопилась, хотя было уже далеко за полночь.

С Н. И. Стриевской, старой большевичкой, соратницей Н. К. Крупской, я познакомился в Москве. Затем мы встретились в Ленинграде.

— Мне посчастливилось,— рассказала Нина Исааковна,— сопровождать тогда Надежду Константиновну, быть с нею рядом. Взволнованная встречами и воспоминаниями, вышла она в тот памятный вечер из Выборгского дома культуры. Когда сели в машину, она тихо так обмолвилась: «Не хочется в гостиницу ехать. Хорошо бы сейчас посмотреть дорогие сердцу места. Только наш шофер устал и просить неудобно». Сказала мечтательно, одной мне, еле слышно. Водитель, однако, услышал. «Готов возить вас, Надежда Константиновна, хоть до утра»,— сказал он.

Машина помчалась по улицам уснувшего зимнего города...

Много лет спустя, и тоже в январские ленинские дни, повторили мы с Н. И. Стриевской ту ночную поездку.

Конечно, первым делом на Большеохтинский проспект. Вот он, этот незабываемый двухэтажный дом. Все

мелочи той нелегальной сходки помнила Крупская так, будто прошла она накануне. А ведь почти четыре десятилетия минуло с тех памятных февральских «блинов» на квартире Р. Э. Классона. С них ведь и началось знакомство с Ильичем.

Затем потянулись фабрики и заводы Невской заставы. Здесь рука об руку с Владимиром Ульяновым начинала Надежда Крупская свою работу среди питерских рабочих. Проехали к бывшей Смоленской вечерне-воскресной школе, где с 1891 по 1896 год обучала она рабочих Невской заставы азбуке революции. Будто миг промелькнули пять бурных напряженных лет.

Следующая остановка — Невский, 97. Здесь, в крохотной полутемной квартирке Крупских, зимой 1894/95 г. часто бывал Владимир Ильич. Долго стояла Надежда Константиновна в проходном дворе-колодце. Молча смотрела на громаду спящего дома.

— Слезы текли по ее лицу, — рассказывала Нина Исааковна, — горькие слезы воспоминаний. Недвижно смотрела на темные окна бывшей своей квартиры. «Здесь Ильич спел мне романс „Я вас люблю...“» — промолвила еле слышно. Не хотела уходить с мерзлого двора.

Потом Финляндский вокзал. С ним связаны и радостные и напряженные моменты жизни. Возвращение в 1905-м и 1917-м из постылых эмиграций. Особенно памятна, конечно, неожиданно торжественная встреча 3 апреля 1917 г. Речь Ильича, произнесенная с броневика.

Так и поехала по пути броневика на Кронверкский проспект, к бывшему особняку Кшесинской. Здесь в 1917 г. размещались Центральный и Петроградский комитеты партии большевиков и другие организации. Здесь в бесконечных беседах с товарищами провели бессонную ночь. С балкона дворца Владимир Ильич несколько раз выступал перед питерцами. Комната, из которой он выходил на балкон, стала его первым рабочим кабинетом.

А в соседней комнате, в Секретариате ЦК, работала Надежда Константиновна. Здесь же ей вручили партийный билет.

Следующая остановка — у дома на улице Широкой, где в 1917 г. жили А. И. и М. Т. Елизаровы. Сюда из особняка Кшесинской В. И. Ленин и Н. К. Крупская приехали рано утром 4 апреля 1917 г. Только здесь они почувствовали реальность возвращения в Питер, что

«все эти Парижи, Женева, Берны, Цюрихи — это уже действительно прошлое».

И наконец Смольный. Идет Надежда Константиновна по знакомым дорожкам у исторического здания. Идет медленно, не замечая холода. Как много нахлынуло сразу, всполохнуло в памяти! Но все затмил малиновый закат над Невой. Закат трудных времен Брестского мира. И то, как молча ходили вдвоем с Ильичем вокруг Смольного...

— Я уже не помню, сколько времени мы ездили, — рассказывала Н. И. Стриевская. — Вернулись в гостиницу глубокой ночью. Надежда Константиновна сердечно поблагодарила шофера. С трудом переставляя ноги, поднялась в номер на второй этаж. Не могла уснуть, все рассказывала мне о любимом своем Питере, забываемых годах, прожитых в родном городе, о родителях, о революционных кружках, о первых встречах с Владимиром Ильичем. Вспоминала о том, что обычно крепко хранила в душе своей. А закончила и совсем неожиданно: «Знаете, ради одного прошедшего дня стоило поехать в Питер». И больше ни слова.

Пригласив меня поехать с ней в Ленинград, — пояснила Нина Исааковна, — Надежда Константиновна откровенно призналась, что едет самовольно. Без ведома Сталина. Ей, как члену ЦК, нужно было его согласие. «Я знаю, что он не разрешит», — предупреждая мой вопрос, сказала Надежда Константиновна. «Тогда не нужно искушать судьбу», — простодушно предложила я. «Ну что вы, Нина Исааковна! — изумленно поверх очков взглянула на меня Крупская. — Как можно подвести рабочих. Нет уж, я твердо решила. И будь что будет. А вы как знаете». Мне стало стыдно. Я заверила Надежду Константиновну, что еду с ней в Ленинград без всяких сомнений. «Я в этом была почти уверена», — улыбнулась Крупская. Я знала, как Сталин относится к ней. Вот почему уже по безлюдной встрече в Ленинграде почувствовала неладное. Помог Киров. Он, как говорят военные, взял огонь на себя. Не помню, когда мы легли, не знаю, удалось ли Надежде Константиновне вообще поспать. Но в шесть часов утра она была уже на ногах. Села за стол — готовиться к выступлению.

Телефон в номере звонил непрерывно. Вскоре появились ходоки от рабочих, красноармейцев, пионеров: ленинградцы хотели видеть у себя Надежду Константиновну. И она выступала. С утра до вечера. Все не-

долгих четыре дня, которые провела в Ленинграде. К каждому выступлению Надежда Константиновна готовилась отдельно, зная, с какой аудиторией придется встретиться. Ее уговаривали отдохнуть, сделать небольшую передышку. Но тщетно. Хотя никому не признавалась, но и так было видно, что Надежда Константиновна уставала очень.

21 января 1931 г. в Театре оперы и балета состоялось общегородское собрание партийного, профсоюзного и комсомольского актива, посвященного седьмой годовщине со дня смерти В. И. Ленина. В президиум избираются Тельман, Кашен, Крупская, Марти.

Зал встречает Надежду Константиновну овацией. Большинство собравшихся не только хорошо помнили, но и являлись активными участниками тех памятных исторических событий, о которых ярко и взволнованно говорила Надежда Константиновна. Зал проводил ее долгими и благодарными аплодисментами.

Как ни старалась Надежда Константиновна, однако побывать смогла лишь у малой части приглашавших ее. Часто потом вспоминала она часы, проведенные в воинской части у Володарского моста. Веселой солдатской песней, шутками и прибаутками встретили Надежду Константиновну красноармейцы на улице у казармы. После долгого разговора угостили Надежду Константиновну солдатским обедом. Долго не отпускали ее. Огромной толпой провожали до машины.

Один из вечеров особенно взволновал, растревожил память. Его Надежда Константиновна выкроила для встречи со старыми друзьями на квартире Ядвиги Адольфовны Нетупской в доме № 5 по Таврической улице. Хозяйку квартиры, члена партии с 1907 г., Надежда Константиновна знала давно.

Как много о Невской заставе, Смоленской школе было переговорено в тот вечер с Прасковьей Францевной Куделли, работавшей в те годы вместе с Н. К. Крупской!

А с «Соней», Дорой Абрамовной Лазуркиной, вспомнили первую эмиграцию. 31 декабря 1904 г. Женева. Посланица из России, девушка-революционерка Дора Лазуркина попала как с корабля на бал. Скучно, но весело встречали большевики-эмигранты новый 1905 год. Душой праздника был Владимир Ильич. Вспомнили, как он с чувством пел со всеми новый куплет «Дубинушки», дописанный М. С. Ольминским: «Новых песен я жду для родной стороны, но без горестных слез, без

рыданий, чтоб они, пролетарского гнева полны, зазвучали призывом к восстанию...»

Перебирали в памяти приезд в Петроград. Ночью 3 апреля 1917 г. в особняке Кшесинской Надежда Константиновна сказала:

— Володя, смотри, наша Соня здесь...

Много в тот вечер было волнующих воспоминаний, шуток, смеха.

Незаметно пролетели дни пребывания в Ленинграде. Уезжать не хотелось, но в Москве ждали неотложные дела.

И в поезде не удалось отдохнуть. Попутчиком оказался член ЦИК М. М. Харитонов. Всю ночь проговорили старые партийные товарищи. Было что вспомнить Надежде Константиновне и Михаилу Марковичу, бывшему в эмиграции секретарем цюрихской секции большевиков. Вместе возвращались домой в апреле 1917-го...

— Хорошо мы с вами съездили в Питер,— задумчиво сказала Надежда Константиновна Стриевской.— Люблю я этот город. В этом городе у меня все тесно переплелось — и общественное, и личное.

А через месяц в письме Фае Амирхановой, студентке Казанского кооперативного техникума, Крупская писала: «В этом году в Ленинские дни я ездила в Ленинград, там очень много выступала. Ленинград — мой родной город, там я сложилась в коммунистку, там мы жили с Ильичем в 1905 и 1917 годах, там я много работала среди рабочих».

Родной город она не забывала никогда.

«Четыре года почти прожила я за границей и смертельно стосковалась по Питеру»,— писала Н. К. Крупская по возвращении из первой эмиграции.

А вот строки ее воспоминаний о второй эмиграции: «Когда-то и мы поедem в Россию? Каждый втайне мечтал о России, тянуло туда неудержимо. Мне по ночам все снилась Невская застава. Говорить на эту тему мы избегали, а про себя каждый об этом думал».

Надежду Константиновну всегда тянуло в Питер, как она называла родной город. Но дела, по ее выражению, «прилипали как тесто к рукам» и мешали осуществить мечту. «Мне очень жаль,— пишет она в конце декабря 1922 г. О. К. Витмер,— что мы живем не в Питере, где у меня все полно воспоминаний».

«В Питер все собираюсь»,— пишет в одном из писем в 1924 г. Надежда Константиновна. И год спустя: «В

Питер никак не могу собраться, хотя в Питере хотела бы очень побывать».

В декабре 1925 г., после окончания XIV съезда партии, Надежда Константиновна приехала в Ленинград. Выступала в партийных организациях, рабочих коллективах. Разъясняла суть дискуссии, развернувшейся на съезде между «новой оппозицией» и большинством делегатов. Во всех выступлениях излагала взгляды В. И. Ленина на строительство социализма.

«Особенностью Владимира Ильича,— говорила Н. К. Крупская на активе Володарского райкома РКП(б),— была необычайная трезвость мысли, то, что он никогда не прикрашивал действительности, смотрел правде в глаза...

Мы владеем целым рядом командных высот, вроде монополии внешней торговли, законодательством, прессой, организацией. И мы должны использовать свободу торговли, товарообмен для развития производительных сил, что облегчит нам возможность строительства социализма. Перед X съездом Владимир Ильич обдумывал пути перерастания капитализма в социализм. В кооперации он увидел то русло, по которому пойдет перерастание капиталистических отношений в социалистические, и тогда Владимир Ильич выдвинул вопрос о нэпе.

Вначале многие наши товарищи говорили, что нэп — это отказ от социализма. На это Владимир Ильич им отвечал, что это не отказ от социализма, а лишь обходной путь к нему.

Теперь мы видим, что с разрухой и с развалом промышленности мы справились. Промышленность стала оживать, и вот тут-то начались трудности. У некоторых молодых товарищей закружилась голова. Они стали забывать, что развитие производительных сил еще не социализм, что социализм — это организация новой светлой жизни, где не будет эксплуатации и нищеты, где жизнь, труд, распределение будут организованы на коллективных началах.

Владимир Ильич говорил, что профсоюзы — школа коммунизма. В них должны крепнуть братская солидарность, коллективистский дух. Перевоспитать же крестьянство мы должны через кооперацию. Некоторые товарищи неправильно понимают всю сущность кооперации, именно ту сущность, которую вкладывал в нее Владимир Ильич. Я приведу пример. В одной школе девочку спросили, что такое кооперация? Она ответила:

— Купцова лавочка.

Нам не надо смотреть на кооперацию как на «купецкую лавочку». Вся масса крестьянства должна принимать активное и действительное участие в строительстве кооперации.

...Мы видим, что надо идти путями нэпа... Мы должны вести громадную культурную, организационную работу. Об этом последняя статья Владимира Ильича «О кооперации». Не надо забывать, в чем суть социализма».

Выступала Н. К. Крупская не только в Ленинграде, но и в области. С группой делегатов она приезжала на целлюлозно-бумажный комбинат в поселке Дубровка. Здесь она не только выступила перед рабочими комбината, но и приняла живейшее участие в судьбе двух коммунистов, исключенных из партии за выступления против «новой оппозиции».

В первых числах октября 1927 г. Н. К. Крупская приехала в Ленинград на губернский съезд женщин-работниц. Опять встречи с рабочими коллективами. Все хотели видеть у себя Надежду Константиновну, и она все время проводит на фабриках и заводах.

Каждая поездка в Ленинград, встреча с Питером волновала Крупскую, заряжала ее энергией. Оттого всегда тянуло в родной город. «Я все собираюсь в Ленинград, но выбраться трудно, — писала она 18 октября 1935 г., а пять дней спустя уже была в Ленинграде. Но горестное событие привело ее сюда.

23 октября 1935 г. город Ленина в трауре. В 10 часов 30 минут к перрону Московского вокзала медленно подходит «Красная стрела». Выносятся гроб с телом Анны Ильиничны Елизаровой. Проститься со старой большевичкой, старшей сестрой и верной помощницей Ильича пришли тысячи ленинградцев. Траурный митинг на площади у вокзала. Вместе с земляками прошла Надежда Константиновна весь скорбный путь до Волкова кладбища.

...Это была последняя встреча Надежды Константиновны с родным городом.

«ИСТОРИЯ ПАРТИИ — ДОКУМЕНТ»

17 сентября 1920 г. при заполнении «Анкеты для перерегистрации членов Московской организации РКП(б)» на вопрос «Какие документы или удостоверения имеются у Вас, указывающие на Ваше пребывание в нашей

нелегальной партийной организации» Владимир Ильич ответил предельно кратко: «История партии — документ».

«Страничка из истории партии»

Неделю спустя после возвращения в Петроград из последней эмиграции В. И. Ленин писал В. А. Карпинскому в Женеву: «Нас... встретили здесь бешеной травлей... Атмосфера здесь — бешеная травля буржуазии против нас. Среди рабочих и солдат — сочувствие». Сочувствуя, они хотели знать правду о Ленине. Много спорили, писали в газеты, в Советы. Одно из фронтовых писем, от солдатского комитета 8-й конно-артиллерийской батареи попало к Владимиру Ильичу. В нем говорилось: «Ввиду того, что между солдатами батареи происходит много трений относительно Ленина, просим не отказать нам дать скорейший по возможности ответ. Какого он происхождения, где он был, если был сослан, то за что? Каким образом он вернулся в Россию и какие действия он проявляет в настоящий момент, т. е. полезны ли они нам или вредны? Одним словом, просим убедить нас своим письмом так, чтобы после этого у нас не было никаких споров, не теряли бы напрасно время и другим товарищам могли бы в состоянии доказать».

Владимир Ильич принялся за ответ.

«Товарищи! — писал он. — Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов переслал мне ваше письмо от 24 апреля 1917 г. Вы спрашиваете в этом письме, «какого я происхождения, где я был, если был сослан, то за что? Каким образом я вернулся в Россию и какие действия я проявляю в настоящий момент, т. е. полезны они (эти действия) вам или вредны».

Отвечаю на все эти вопросы, кроме последнего, ибо только вы сами можете судить, полезны вам мои действия или нет.

Зовут меня Владимир Ильич Ульянов.

Родился я в Симбирске...»

Далее шли несколько анкетных строк и рукопись на этом обрывалась. Впервые она была напечатана под заголовком «Незаконченная автобиография» ровно через десять лет. («Правда», 16 апреля 1927 г.).

Ну а солдаты? Они что, остались без ответа? Нет, конечно. 13 мая 1917 г. в газете «Солдатская правда»

появилась статья под названием «Страничка из истории Российской социал-демократической рабочей партии».

Это был не просто ответ солдатскому комитету. Статья, изданная вскоре в Петрограде отдельной брошюрой, явилась в сущности первой печатной биографией В. И. Ленина. Подписи под статьей не было. Лишь дошедшая до нас рукопись помогла безошибочно установить автора — Надежда Константиновна Крупская.

Возникает вполне резонный вопрос: почему ленинская рукопись осталась незаконченной? В литературе причина объясняется однозначно: «необыкновенная занятость В. И. Ленина», его «напряженная сверхчеловеческая загруженность». Но перелистайте тома «Биографической хроники», и вы убедитесь, что эти слова в равной степени можно отнести к каждому году, дню и часу жизни Ильича. А между тем Владимир Ильич не только внимательно вычитал рукопись, написанную Надеждой Константиновной, но и тщательнейшим образом ее отредактировал.

Полтора десятка вставок, поправок придали статье завершенность и ясность. Нет сомнения, что на ее редактирование Владимир Ильич затратил немало времени. Видимо, все же дело в том, что не имел Владимир Ильич обыкновения писать о себе. Оттого и посчитал такую статью более подходящим ответом на солдатский запрос с фронта.

Какие же поправки внес В. И. Ленин в текст? Так, например, говоря о начале его революционной деятельности, Н. К. Крупская отмечала, что он «практически стал работать лишь с 1894 года». Владимир Ильич зачеркнул слово «лишь» и дописал: «в массовом социал-демократическом движении».

В том месте, где говорится о заграничном путешествии В. И. Ленина в 1895 г., он зачеркнул слова: «На обратном пути он провез чемодан с нелегальной литературой. За это... был арестован». Вместо этого добавил: «За социал-демократическую работу в Питере был он арестован».

В абзаце, где говорится о борьбе против экономистов, Ленин зачеркнул слово «ленинцы» и заменил его на «искровцы».

Н. К. Крупская пишет: «О значении «Искры» говорить не приходится». Здесь Владимир Ильич приписал: «„Искра“ создала Росс. С.-Д. Партию».

Самую большую вставку Владимир Ильич сделал там, где Надежда Константиновна рассказывала о при-

чинах возвращения в 1917 г. на родину через Германию. «Во вторник 9 мая,— пишет Ленин,— из Швейцарии приехало свыше 200 эмигрантов, проехавших через Германию, в том числе вождь меньшевиков Мартов, вождь социал-революционеров Натансон и др. Этот проезд еще и еще раз доказал, что из Швейцарии нет другого надежного пути, кроме как через Германию. В «Известиях Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» (№ 32 от 5 апреля) помещен доклад Ленина и Зиновьева об их проезде через Германию и названы имена тех социалистов двух нейтральных стран (Швейцарии и Швеции), которые удостоверили подписью своей, что поездка через Германию вызвана была необходимостью и что никаких сколько-нибудь предосудительных сношений с немецким правительством при этом не было».

Последнее уточнение сделано в том месте статьи, где выясняются причины травли Ленина буржуазией. «Для них,— говорилось в рукописи,— он был олицетворением того народовластия, которое грозит всему существующему порядку». Владимир Ильич вместо «народовластия» приписал: «перехода власти к рабочим».

Десять небольших страничек, исписанных аккуратным почерком Надежды Константиновны с четкими вставками Владимира Ильича. В рукописи статья носила заголовок «Страничка из истории партии». Пять десятилетий спустя она опять появилась в альманахе «Прометей» под заголовком «Странички из истории партии». Как много порой значит всего лишь одна буква! Крупская с согласия Владимира Ильича дала всего лишь одну страничку его жизни. Написанная крайне сдержанно, «страничка» действительно больше походит на рассказ из истории партии, в нем уделено внимание не только Владимиру Ильичу, но и его товарищам по революционной борьбе, особенно В. А. Шелгунову, И. В. Бабушкину и другим передовым питерским рабочим.

И все же это был первый биографический очерк о В. И. Ленине.

«Отклонить все на основании сего отзыва»

Так написал В. И. Ленин 18 февраля 1922 г. на отзыве Н. К. Крупской о сценарии П. И. Воеводина «Владимир Ильич Ленин».

Автор просил В. И. Ленина дать заключение на сценарий и разрешить постановку фильма. Владимир Ильич вполне доверился мнению Надежды Константиновны («Выбор фактов случаен. Многие биографические подробности неверны»), отсюда и категорическое: «Отклонить все...»

Трудно сказать, сколько рукописей о В. И. Ленине просмотрела Н. К. Крупская. Подсчитано, что свыше двенадцати тысяч листов воспоминаний, статей, книг, пьес, поэтических произведений. Особенно внимательно она относилась к воспоминаниям. По ее словам, буквально «выматывала воспоминания» со всех товарищей, близко знавших Владимира Ильича. Настаивала на точной передаче фактов, воевала с субъективизмом в их освещении. «Мне воспоминания Германа Борисовича не понравились,— писала Крупская в 1927 г. о рукописи Г. Б. Красина.— Они очень неточны; например, он совершенно забывает, что к 1893 г. уже связи с рабочими значительно расширились, что уже проводилась маевка, так что дело обстояло не так первобытно, как он рассказывает... Период, когда были только интеллигентские кружки студентов, уже миновал.

Насчет увязки теории с практикой дело тоже стояло уже на другой стадии. Большинство участвовавших в кружках чигали уже нелегальную литературу — Плеханова и др. ...

Самый главный недостаток воспоминаний — это то, что в них почти ничего нет о Владимире Ильиче. Характеристика же Владимира Ильича, сделанная Германом Борисовичем, очень уж «интуитивна» и, по-моему, мало удачна.

Насчет спора о рынках автор не помнит, что говорил Владимир Ильич, а не помнит, так и писать не надо было...

Советовала бы показать воспоминания Кржижановским, на которых ссылается Герман Борисович».

Воспоминания Г. Б. Красина «Мои воспоминания о Владимире Ильиче (Споры о рынках)» не были опубликованы.

Хуже обстояло дело, когда на страницы печати попадали явные небылицы. Так, к примеру, случилось с публикацией воспоминаний коменданта Ленинградского электротехнического института им. В. И. Ленина Бабченкова, который поведал о том, что Владимира Ильича якобы укрывали в институте и что он там ночевал.

«По-моему, все эти рассказы — сплошная легенда,—

писала Н. К. Крупская в июне 1935 г. в редакцию газеты «Рабочая Москва». — Аналогичных легенд очень много... «Говорил проф. Коваленков», — надо выяснить у него, кого и когда укрывали вместе с Владимиром Ильичем, как он узнал, что это Владимир Ильич в Электротехническом институте? Владимир Ильич никогда об этом не рассказывал».

Кстати говоря, профессор Коваленков, еще в 1923 г. выступивший с воспоминаниями в Электротехническом институте, не упоминал об этом факте.

Следует, на наш взгляд, сказать еще об одном вопросе — о посещении Владимиром Ильичем Смоленской (Корниловской) вечерне-воскресной школы для рабочих. «Однажды, — писала П. Ф. Куделли, — Надежда Константиновна спросила: «Можно на ваши занятия сегодня прийти одному моему знакомому?» Я была так уверена в успехе, что без колебаний ответила:

— Пожалуйста, буду очень и очень рада...

Звонок, захожу в свой класс — вслед за мною легкой тенью входит человек невысокого роста... и садится на последней парте. Мы слегка кивнули друг другу... Я приступила к уроку, благополучно изложила классовый состав Франции накануне революции... Через полчаса незнакомец ушел, и я вздохнула с облегчением.

После урока спросила Надежду Константиновну с волнением:

— Ну, как ваш знакомый отнесся к моему уроку?

— Он сказал, что вы, наметив классы во Франции, потом и забыли о них...

Было страшно не по себе».

Между тем есть другое авторитетное свидетельство. 14 марта 1938 г., отвечая на вопросы заведующего залом Ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина Никитина, Н. К. Крупская писала:

«2) Бывал ли Владимир Ильич в Смоленской школе (так называемой Корниловской) — не знаю, я читала это в воспоминаниях, но сама свидетельницей его посещений не была и от него не слыхала».

Как видим, Н. К. Крупская тактично, но категорически указывает на ошибку П. Ф. Куделли, которая превратила Надежду Константиновну в главного свидетеля.

Между тем факт посещения В. И. Лениным урока П. Ф. Куделли в Смоленской школе прочно вошел в научный оборот, включен в Биографическую хронику В. И. Ленина и по сей день переходит из издания в

издание Пора исключить этот воображаемый эпизод из ленинской биографии.

Особенно дорожила Надежда Константиновна воспоминаниями своих бывших учеников, передовых питерских рабочих-кружковцев.

«Дорогой товарищ,— отвечала Н. К. Крупская в мае 1926 г. Л. А. Грибакиной.— Меня очень взволновало Ваше письмо. Дело в том, что Грибакин, рабочий, который занимался в кружке Владимира Ильича, был в то же время и мой ученик по воскресно-вечерней школе, Смоленской, или Варгунинской, как ее называли. Был он тогда молодым, красивым парнем. Что с ним случилось потом, я никогда не слыхала, хотя спрашивала о нем Бабушкина и других. Мы о нем часто говорили с Владимиром Ильичем, которому он очень нравился».

Переписка продолжалась и годы спустя.

«Дорогая Лидия Алексеевна,— писала Крупская 1 мая 1936 г.,— я сейчас пишу воспоминания о 1919 годе, и хотела использовать и Ваши воспоминания о 1-й артели коммунаров-землеробов обуховцев, о которой Вы мне писали еще в 1926 году... Ваше письмо от 1926 года именно теперь почему-то меня особенно волнует. Ругаю себя ругательски, как это я не приняла никаких мер, чтобы повидаться с Вами!

Меня сейчас интересуют также вопросы: 1) Когда именно вы выехали в Семипалатинск, в каком месяце. Когда был сев: уже весной 1918 или только весной 1919 года, 2) есть ли кто-либо из участников этой коммуны еще в живых, 3) на карточке, которую Вы прислали, значится: «1900 г. товарищ Грибакин Петр», и потом другим почерком «Евгений Онуфриев». Чья же это карточка?.. 4) хотелось бы знать что-либо о жизни артели...»

Отправив это письмо, Надежда Константиновна не сидела сложа руки.

«Дорогая Лидия Алексеевна,— писала она 27 мая 1936 г.,— письмо Ваше я получила. Спасибо. Я уже нашла концы. В Ленинграде у меня есть знакомый рабочий Николай Петрович Паялин, он участник редакции Истории Заводов, он мне рассказал, где я могу найти интересующие меня данные, вышла такая книжка «Шестнадцать заводов» — там есть статья «Алтайская коммуна» — там подробно все описано. Дал адрес Евгения Степановича Онуфриева... Рассказал мне, что кличка Онуфриева была «Степан», что он был делегатом на Пражской конференции. Карточка, о которой я Вас

спрашивала, это карточка «Степана». Я с ним теперь свяжусь и узнаю все подробности о Петре Грибакине. Читала также протоколы «Истории заводов», узнала, где могу достать дополнительные материалы».

К воспоминаниям питерских рабочих Н. К. Крупская относилась доброжелательно, но требовательно.

«Тов. Савельев,— писала она заместителю заведующего Истпартом ЦК ВКП(б) 25 января 1927 г.— Анна Ильинична передала мне воспоминания Ф. Бодрова о Владимире Ильиче, сказав, что надо их проверить. Бодров действительно был в кружке у Владимира Ильича, и все описываемые моменты имели место. Некоторые места совсем неправдоподобны, конечно. Например: 1) никаких десятков тысяч рабочих слушать Владимира Ильича в Вольно-экономическом обществе не могли, ибо помещение там небольшое...

Совершенно неправдоподобен рассказ о беседе Владимира Ильича с Бодровым о том, что Бодров должен с Владимиром Ильичем рассчитаться. Могла иметь место лишь вторая часть разговора... Все воспоминания носят определенный привкус, но после сделанных сокращений все же, по-моему, можно их издать».

16 июня 1933 г. Надежда Константиновна дала отзыв на рукописи воспоминаний старых большевиков, питерских рабочих С. Я. Аллилуева и Н. А. Емельянова, у которых скрывался В. И. Ленин в июле — августе 1917 г.

«К статье тов. Аллилуева у меня замечаний нет. Статья «Ильич в подполье» тов. Емельянова правильна. У меня к ней одно замечание. В Финляндию к Ильичу я ездила не по поручению ЦК, а по сговоренности с Ильичем. Ездила только два раза. Вторая статья тов. Емельянова «Об Ильиче» исключительно интересна, в ней много нового материала. Только на стр. 38 надо выпустить пару строк, а то там сказано, что Ильич говорил, что в Германии работают нечестно. Не сказано — кто, а в такой общей форме сказать, конечно, нельзя.

Последние 10 страниц надо бы выпустить. Об Ильиче в них не говорится (кстати, косить Ильич не умел), они интересны для характеристики того времени, но их надо поместить куда-нибудь в другое место, тут они немного затемняют воспоминания об Ильиче».

Вот отзыв, написанный Надеждой Константиновной в апреле 1938 г. на книгу писателя П. Капицы «Последнее подполье Ильича». Предназначалась она для младшего школьного возраста.

«1) Литературно написано хорошо.

2) Для младшего возраста совершенно не подходит; предполагает такую политическую подготовку, такое знание истории, которого не то что у октябрят, а и у пионеров-то нет. Разве могут октябрята судить о том, когда рано, а когда своевременно было восстание! Попугайчиков на таких «детских» книжках можно только вырастить.

3) Политически много неверно. Ильич никогда не косил, не пахал, снимал его не какой-то фотограф, а старый партийный товарищ — Лещенко.

Кондуктор — чужой — думает, что артисты над Ильичем подшутили. Какие артисты, почему мог знать кондуктор, что артисты его гримировали? (стр. 20).

Не годится все это!»

Надежда Константиновна боролась против примитивизма, упрощения образа В. И. Ленина. В январе 1939 г. редактор газеты «Ленинские искры» прислала Н. К. Крупской сказку М. В. Соловьевой «О колдуне, о цветке, ставшем из черного алым, и о юноше ясноглазом». Ответ последовал тут же. «Дорогие товарищи,— писала Надежда Константиновна в редакцию «Ленинских искр»,— я категорически против всяких сказок о Ленине, считаю их неуважением к памяти Ленина».

Как видим, Надежда Константиновна не стеснялась резко выступать против искажения и обеднения образа Владимира Ильича.

Критически относилась Н. К. Крупская и к попыткам художников. В июле 1938 г. она в письме к дипломантке Всероссийской академии художеств Л. А. Островой отмечала, что в живописных произведениях «образ Ленина всегда дается весьма приблизительно».

В том же 1938 г. Надежда Константиновна писала В. В. Журавлеву, руководителю художественной студии одного из ленинградских домов культуры:

«Уважаемый товарищ, вряд ли нужно писать картину «Ленин и Крупская в горах Швейцарии». Ходили мы там по зеленым и каменистым дорогам, в снежные места не забирались, ходили гулять летом, а не зимой, на лыжах не ездили, ходили с мешками за плечами, с палками в руках, кормились обычно там, где кормились рабочие, так как это было вдвое дешевле и вдвое сытнее. Ходили в разное время по разным местам, ходили в 1904 г., ходили в 1915 г., жили даже в горах. Как одеты были — не помню; просто, во всяком случае. Зорен-

берг — горная деревушка была очень простецкая, там жили разные мелкие служащие.

Думаю, это нарисовать трудно. Есть фото — Ильич в 1914 г. в горах, когда мы жили в Кракове, там у него борода есть.

Лучше нарисовать «Ленин в горах» и просто по фото нарисовать, а то выходит что-то несуразное».

В ноябре 1936 г. Лидия Петровна Парвиайнен получила от Надежды Константиновны письмо. «Дорогая Лидия Петровна,— говорилось в нем,— большое спасибо за присланные Вами снимки и воспоминания тов. Рахья. Я и то и другое передала в Музей Ленина, они были очень рады... Жду тов. Инно».

— С Инно я отправила кинофильм о Ленине и Рахья, созданный товарищем Быковым,— пояснила Лидия Петровна.— Он позднее зашел ко мне и показал письмо, которое получил от Надежды Константиновны.

«Тов. Быков,— писала она 18 ноября 1936 г.,— я не специалист по части кинопостановок, но мне кажется, что данная кинопостановка не годится.

1) В ней не показан ни Ленин, ни Рахья.

2) В ней масса неточностей — рассказы о квартире Ленина, о плане перевозки Ленина, Куделли и Крупской выдуманы; а в инсценировках, дающих исторические события, нужна максимальная правдивость.

3) Во всей инсценировке очень слаба фабула, предполагается, что достаточно того, что центр внимания — Ленин, этого мало — нужна фабула четкая.

4) Отсутствуют массы.

Не вышло, по-моему.

Н. Крупская».

— Очень огорчен был товарищ Быков своей неудачей,— говорила Лидия Петровна. Сама же она дождалась ответа от Крупской лишь в первых числах января 1937 г.

«Дорогая Лидия Петровна,— писала Надежда Константиновна 1 января,— простите, что так долго не писала Вам. Товарищ Инно хотел связаться, но так это почему-то и не вышло. Я все поджидала его звонка, Что касается кинофильма, она, по-моему, неудачна. Я написала свое мнение, потом давала ее еще тов. Быковой и тов. Скрыпник, которые в то время работали в Смольном, их отношение к фильму тоже отрицательное.

Фото тов. Рахья я передала также в музей.

Пересылаю Вам письмо для тов. Быкова и присланные ему документы.

Кому вернуть фильм, Вам или тов. Быкову?

Крепко, крепко жму Вам руку и шлю горячий привет к Новому году.

Н. Крупская».

Это было последнее письмо Надежды Константиновны Лидии Петровне. Год спустя, в 1938-м, Л. П. Парвизайнен была репрессирована.

«Ленинские точки»

Полвека тому назад, в 1938 г., появилась статья Н. К. Крупской «Музей Ленина и его филиалы». В ней Надежда Константиновна обобщила огромную работу по организации ленинских мемориальных музеев.

В 1936 г. в Москве открылся Центральный музей В. И. Ленина. А год спустя, 8 ноября 1937 г., в 20-ю годовщину Октября, торжественно распахнул свои двери его ленинградский филиал. Первый в стране. Но работа по созданию ленинских мемориалов в Ленинграде началась при помощи и активном содействии Н. К. Крупской уже в 1924 г.

Когда в 1926 г. началось восстановление мемориальной квартиры Елизаровых на Широкой, научный сотрудник Государственного музея революции поехала в Москву. Она вспоминает: «С Надеждой Константиновной я беседовала дважды... Надежде Константиновне пришлось очень по душе решение Ленсовета восстановить эту квартиру. Она охотно и подробно рассказывала мне о том, как была обставлена комната, в которой жили они с Владимиром Ильичем. В комнате было две железные кровати: одна «варшавская», а другая «солдатская»... одеяла на кроватях были: у Владимира Ильича серое шерстяное, а у Надежды Константиновны коричневое, помягче. На каждой кровати по одной подушке. Большой платяной шкаф Владимир Ильич попросил переделать в книжный, при этом он сказал: «Гардероб у меня небольшой — пиджак и на гвоздь повесить можно, а вот книги и газеты мне некуда складывать». Письменный стол был простой канцелярский... на столе, по словам Надежды Константиновны, всегда было много газет всех направлений, которые Владимир Ильич ежедневно просматривал, а затем складывал в шкаф.

Во время беседы Надежда Константиновна говорила также о необходимости восстановить и другие квартиры, где проживал Владимир Ильич».

Мемориальный музей-квартира В. И. Ленина на бывшей Широкой улице открылся в ноябре 1927 г. А 6 ноября этого же года первые посетители пришли в подобный музей в Смольном. И здесь Н. К. Крупская оказала существенную помощь. Важное письмо прислала она на запрос экскурсовода Смольного А. Л. Шапиро: «Кабинет Владимира Ильича был в верхнем этаже. Внутри была перегородка, за которой можно было полежать. В этом же кабинете работал и Троцкий. Напротив через площадку была небольшая комната, где Владимир Ильич принимал делегации с фронта.

Жили мы внизу в бывшей комнате классной дамы. За перегородкой стояли кровати. Комната небольшая. Вход в нее был через умывальную, где было много кранов. Напротив квартира Троцких. В квартире начальницы. Печи топил пулеметчик Желтышев. Принес зеркальце с какой-то заграничной резьбой. Оно у меня хранится до сих пор».

В 1933 г. она передала трогательный солдатский подарок в музей в Смольном.

«Дорогой Дмитрий Ильич, как Ваше здоровье? — писала Надежда Константиновна 18 октября 1935 года Д. И. Лещенко в Ленинград. — Я все собираюсь в Ленинград, но выбраться как-то трудновато.

Я дала Ваш телефон и адрес тов. Рабичеву и просила его поговорить с Вами по следующему делу.

В Москве затеяно сейчас большое дело — создается под руководством ЦК Музей Ленина — недалеко от Красной площади в здании бывшей Городской Думы.

Директором музея назначен тов. Рабичев, мобилизовано на это дело много ценных работников, помогайте, кто близко знал Ильича, кто чем может. Мне думается, Вы особенно много можете присоветовать. Может, у Вас сохранились какие-нибудь фото Ильича или его записочки. Поговорите с тов. Рабичевым».

А десятью днями ранее послала письмо жене Лещенко.

«Дорогая Елена Николаевна, — писала Надежда Константиновна, — когда Вы были в Москве, Вы сказали мне, что у Вас хранятся очки и чемоданы, которыми Ильича наградили товарищи... есть разные фото Ильича, обещали это прислать. Говорят: «обещанного три года ждут». На 3 года я не согласна...»

Ей не пришлось ждать три года.

«Дорогая Елена Николаевна, — писала Надежда Константиновна 20 декабря в Ленинград, — большое спа-

сибо за присланные фото и коробку. Я и то и другое передала в Музей Ленина. Большое спасибо».

Не подвел и Дмитрий Ильич.

Он послал Крупской копию своей статьи «Как я снимал В. И. Ленина» (Огонек, 1937, № 16—17) и фото В. И. Ленина в гриме, снятого им в Разливе в 1917 году для удостоверения на имя рабочего К. П. Иванова.

Все присланное Надежда Константиновна передала в Музей Ленина. Он создавался при ее деятельном и непосредственном участии. Кропотливо собирала и передавала в музей все, что было связано с Владимиром Ильичем. Надежда Константиновна добивалась, чтобы музей превратился не в выставку экспонатов, а стал действенным центром пропаганды ленинизма.

Но мемориальным ленинским вещам отводила в этом важную роль. Вот еще тому пример.

«Дорогая Лидия Петровна,— писала Н. К. Крупская 2 октября 1936 г.,— Вы обещали прислать мне материал, относящийся ко времени пребывания у Вас Владимира Ильича и ценный для Музея Ленина. Напоминаю Вам Ваше обещание.

Адрес: Москва, Чистые Пруды, 6. Наркомпрос, Замнаркому Н. Крупской.

Послать надо заказным.

Крепко жму руку. *Н. Крупская*».

— Мне и сейчас неловко, когда я читаю это коротенькое письмецо,— медленно промолвила Парвиза,— а тогда, тридцать лет тому назад, я готова была сквозь землю провалиться со стыда.

Прошу Лидию Петровну рассказать подробно.

— Месяца за два перед тем,— не сразу откликнулась она на мою просьбу,— приехала я в Москву и, как обычно, побывала у Надежды Константиновны. Во время разговора высказала желание посетить Мавзолей и попросила помочь мне с пропуском.

Надежда Константиновна рывком сдернула очки, откинулась на спинку дивана, с недоумением взглянула на меня:

— Лидия Петровна, голубушка, вы что, в уме или нет? Я его видела живым, а на восковую маску не хочу даже мельком взглянуть. И вы тоже много раз встречались с Ильичем. Зачем же идти в Мавзолей? — Надежда Константиновна грузно ссутулилась, не торопясь и очень тщательно протерла стекла очков и долго о чем-то думала. Больше я просьбы своей не повторила и с той поры ни разу не была в Мавзолее. Как и Надежда

Константиновна, хочу навсегда сохранить память о живом Владимире Ильиче.

Участвовала Н. К. Крупская и в создании мемориальных ленинских квартир в бывшем Большом Казачьем переулке (с 1924 г. именуется переулком Ильича), 7, и на набережной реки Карповки, 32.

Неоценим вклад Н. К. Крупской в выявление и уточнение ленинских адресов в Петербурге — Петрограде. Эту кропотливую и многотрудную работу при деятельной помощи Надежды Константиновны Ленинградский истпарт начал тоже в 1924 г.

В том же году вышла книжка П. Н. Столпянского «Ленин в Петербурге», рукопись которой предварительно прорецензировала Н. К. Крупская. Сделала автору ряд замечаний по отдельным памятным местам, или «ленинским точкам», как тогда было принято говорить. В частности, предложила «рассказать еще о пребывании перед появлением в Смольном в течение двух недель в квартире Фофановой на Выборгской стороне на Лесном проспекте».

При помощи Крупской была подготовлена книга К. Г. Шарикова и Г. Л. Шидловского «Ленин в Петербурге — Петрограде», вышедшая в 1939 г.

Однажды к Надежде Константиновне обратились сотрудники Ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина. Они интересовались, посещал ли Владимир Ильич квартиру Елизаровых на Павловской улице осенью 1917 г.

«Дорогие товарищи,— отвечала Надежда Константиновна,— я получила ваш запрос, бывал ли Владимир Ильич после возвращения из Финляндии на Павловской улице, в квартире Елизаровых, то могу с уверенностью сказать, что во время того, как он жил у Фофановой, он там не был. Я не помню также, чтобы он бывал и во время пребывания в Смольном. Насколько помню, он никогда в гости не выезжал, но могло случиться — хотя это очень маловероятно,— что он заезжал как-нибудь без меня. Родные приходили к нему в Смольный».

Надежда Константиновна высоко оценила проделанную ленинградским филиалом работу по сбору материалов о памятных ленинских местах, считала, что здесь есть «все сведения, которые только можно было собрать».

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

«Нервы напряжены до крайности»

«Товарищ Ленин ясно отдавал себе отчет в состоянии своего здоровья,— вспоминал Г. Е. Зиновьев,— еще в 1922 году он говорил иногда близким и друзьям: „Помяните мое слово: кончу я параличом...”»

В 1922 году, когда обнаружили первые признаки его болезни, он стал изучать медицинские книги и по ним поставил сам себе диагноз.

Врачи подтвердили диагноз, и был он далеко не утешителен. Незаметно, исподволь подкрадывалась коварная, смертельная болезнь. В конце года наступил трагический период: 16 декабря 1922 г. у Владимира Ильича произошло кровоизлияние в мозг, что привело к параличу правой руки и ноги. Чувствуя неотвратимость тяжелой болезни, Владимир Ильич проявил свойственные ему величайшее мужество и глубочайшую ответственность перед партией и народом: он нашел в себе силы продиктовать последние письма и статьи. Кроме секретарей-стенографисток записи вела и Надежда Константиновна. Это вызвало напряженный конфликт со Сталиным. Он грубо обругал Н. К. Крупскую за то, что она записала под диктовку Владимира Ильича короткое деловое письмо Троцкому по поводу монополии внешней торговли.

Безобразный, хамский поступок генсека потряс Надежду Константиновну. В недавно извлеченном из архива документе Мария Ильинична пишет: «Н. К. этот разговор взволновал чрезвычайно: она была совершенно не похожа сама на себя, рыдала, каталась по полу...» «Лев Борисыч,— писала Крупская Каменеву, председательствовавшему тогда в Политбюро,— по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад[имира] Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, т. к. знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина. Я обращаюсь к Вам и к Григорию (Зиновьеву Г. Е.— С. Р.), как более близким товарищам В[ладимира] И[льича], и прошу оградить меня от грубого вмешательства в лич-

ную жизнь, недостойной брани и угроз. В единогласном решении контрольной комиссии, которой позволяет себе грозить Сталин, я не сомневаюсь, но у меня нет ни сил, ни времени, которые я могла бы тратить на эту глупую склоку. Я тоже живая, и нервы напряжены у меня до крайности».

Это письмо товарищам Владимира Ильича по партии Надежда Константиновна написала 23 декабря 1922 г.

О грубейшей выходке Сталина В. И. Ленину стало известно лишь через два с половиной месяца. Он тут же вызвал секретаря-стенографистку М. А. Володичеву и продиктовал следующее письмо:

«Товарищу Сталину
Строго секретно
Лично

Копия тт. Каменеву и Зиновьеву.

Уважаемый т. Сталин!

Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения.

С уважением *Ленин*.
5-го марта 23 года».

Вчитайтесь в это письмо. Владимир Ильич был очень эмоциональным человеком, но он всегда стремился контролировать чувства. И здесь грубости и бездушию Сталина он противопоставил предельную выдержку, деликатность и привычную вежливость. О чувствах вроде бы ни полслова. Но вот: «Я не намерен забывать... прошу Вас взвесить... взять сказанное назад». Находясь почти на краю жизни, Ленин отстаивает честь и достоинство своей жены.

Владимир Ильич, как записала М. А. Володичева в «Дневнике дежурных секретарей В. И. Ленина» 5 марта, просил письмо пока «отложить, сказав, что сегодня у него что-то плохо выходит. Чувствовал себя нехорошо».

На следующий день он прочитал продиктованное накануне письмо «и просил, — пишет М. А. Володичева, — передать лично и из рук в руки получить ответ... Чувствовал себя плохо. Надежда Константиновна просила это-

го письма Сталину не посылать, что и было сделано в течение 6-го. Но 7-го я сказала, что я ~~должна~~ исполнить распоряжение Владимира Ильича. Она переговорила с Каменевым, и письмо было передано Сталину, Каменеву... и Зиновьеву... Ответ от Сталина был получен тотчас же после получения им письма Владимира Ильича (письмо было передано мной лично Сталину и мне был продиктован его ответ Владимиру Ильичу).

Только теперь, почти семьдесят лет спустя, мы можем познакомиться с ответом Сталина.

«Т. Ленину от Сталина.

Только лично.

Т. Ленин!

Недель пять назад я имел беседу с т. Н. Константиновой, которую я считаю не только Вашей женой, но и моим старым партийным товарищем, и сказал ей (по телефону) приблизительно следующее: «Врачи запретили давать Ильичу политинформацию, считая такой режим важнейшим средством вылечить его, между тем, Вы, Надежда Константиновна, оказывается, нарушаете этот режим; нельзя играть жизнью Ильича» и пр.

Я не считаю, что в этих словах можно было усмотреть что-либо грубое или непозволительное, предпринятое «против» Вас, ибо никаких других целей, кроме цели быстреешего Вашего выздоровления, я не преследовал. Более того, я считал своим долгом смотреть за тем, чтобы режим проводился. Мои объяснения с Н. Кон. подтвердили, что ничего, кроме пустых недоразумений, не было тут да и не могло быть.

Впрочем, если Вы считаете, что для сохранения «отношений» я должен «взять назад» сказанные выше слова, я их могу взять назад, отказываясь, однако, понять, в чем тут дело, где моя «вина» и чего, собственно, от меня хотят.

И. Сталин».

«Письмо Владимиру Ильичу еще не передано,— писала М. А. Володичева в «Дневнике дежурных секретарей В. И. Ленина» 7 марта 1923 года,— так как он заболел». На этом записи в «Дневнике» обрываются. Владимир Ильич с ответом Сталина так и не познакомился: наступило резкое ухудшение его состояния.

Вернемся немного назад. 18 декабря 1922 г. Пленум ЦК партии возложил на Сталина персональную ответственность за соблюдение режима, установленного для Ленина врачами. Владимир Ильич сразу почувствовал все «прелести» этой опеки. 23 декабря он продик-

товал М. А. Володичевой начало «Письма к съезду», однако не предупредил о секретности записи. Письмо попало к Сталину. На следующий день Ленину не разрешили продолжить диктовку, сославшись на необходимость соблюдения режима. Тогда он предъявил ультиматум: или ему разрешают ежедневно диктовать свой дневник, или он отказывается лечиться.

В этот же день, 24 декабря, Сталин, Каменев и Бухарин после совещания с врачами определили следующий режим Владимиру Ильичу: диктовать разрешалось ежедневно не более 5—10 минут, переписка запрещалась, свидания запрещались, ни друзья, ни домашние не должны были сообщать Владимиру Ильичу ничего из политической жизни. По сути, это была полная изоляция.

По воспоминаниям Марии Ильиничны, узнав об ограничениях в работе, Владимир Ильич сказал: «У меня ничего другого нет». «Ильич часто говорил мне, — вспоминала Надежда Константиновна: „Ведь они же (и я сам) не могут запретить мне думать”». «Работа для него была жизнью, бездеятельность означала смерть» — такую точку зрения высказал профессор Ферстер, руководивший лечением Ленина.

Сталин строго следил за соблюдением режима. Вот характерная запись О. А. Фотиевой в «Дневнике дежурных секретарей В. И. Ленина» 29 января 1923 г.: «Сталин звонил... спрашивал, не говорю ли я Владимиру Ильичу чего-либо лишнего, откуда он в курсе текущих дел?» «У Владимира Ильича создается впечатление, — записано в том же «Дневнике» 12 февраля 1923 г., — что не врачи дают указания Центральному Комитету, а Центральный Комитет дал инструкции врачам». «Если бы я был на свободе...» — вырвалось у Ленина однажды во время беседы с дежурным секретарем.

М. А. Володичевой запомнилось, как в один из тех мартовских дней 1923 г. Мария Ильинична, разговаривая со Сталиным по телефону, очень раздраженно бросила ему:

— Я обращусь к московским рабочим, чтобы они научили вас, как обходиться с больным Лениным.

Приходится поражаться, с каким мужеством Владимир Ильич, при поддержке родных, вел непрерывную борьбу не только с мучительной болезнью, но и жесткими условиями режима, установленного «главным надзирателем».

С тех пор до самой кончины В. И. Ленина ни генсек, ни кто-либо из его ближайшего окружения ни разу не навестили больного, не написали ему ни слова сочувствия.

Надежда Константиновна жила тревогами, думами Ильича, так же, как и он, видела в характере Сталина величайшую опасность для будущего партии и страны.

В конце октября 1923 г. состоялся Объединенный Пленум ЦК и ЦКК РКП(б) совместно с представителями ряда парторганизаций. Обсуждалось и «Сообщение о здоровье В. И. Ленина». На Пленуме присутствовала Надежда Константиновна. После его окончания она с возмущением писала Г. Е. Зиновьеву: «Совершенно недопустимо также то злоупотребление именем Ильича, которое имело место на пленуме. Воображаю, как он был бы возмущен, если бы знал, как злоупотребляют его именем. Хорошо, что меня не было, когда Петровский сказал, что Троцкий виноват в болезни Ильича, я бы крикнула: это ложь, больше всего В[ладимира] И[льича] заботил не Троцкий, а национальный вопрос и нравы, водворившиеся в наших верхах. Вы знаете, что В[ладимир] И[льич] видел опасность раскола не только в личных свойствах Троцкого, но и в личных свойствах Сталина и других. И потому, что Вы это знаете, ссылки на Ильича были недопустимы, неискренни. Их нельзя было допускать. Они были лицемерны. Лично мне эти ссылки приносили невыносимую муку. Я думала: да стоит ли ему выздоравливать, когда самые близкие товарищи по работе так относятся к нему, так мало считают с его мнением, так искажают его?»

...Ну, вот, сказала, что у меня лежит на душе».

Эти мучительные строки вышли из-под пера Н. К. Крупской менее чем за три месяца до смерти В. И. Ленина.

«Меня беспрерывно травят...»

Особенно сложным моментом в жизни Н. К. Крупской после смерти В. И. Ленина было ее участие в так называемой «новой оппозиции». Исследователям еще предстоит глубоко проанализировать и дать оценку этому периоду нашей истории. Участие же в оппозиции Крупской, на наш взгляд, было попыткой критически осмыслить действительность, в честной товарищеской дискуссии выработать взгляды на пути и методы развития социализма в стране.

Билет члена ВЦИКа, выписанный Н. К. Крупской

— Большинство товарищей, — говорила она на XIV съезде партии в декабре 1925 г., — работает в очень разных условиях и разных областях работы, и поэтому они видят действительность с несколько разных точек зрения. Надо как-то дать возможность этим точкам зрения выявиться. Это необходимо не только для отдельных членов партии, это необходимо для правильного нащупывания партийной линии.

Но товарищеской дискуссии на съезде не получилось.

— Пришлось обсуждать эти вопросы, — продолжала Надежда Константиновна, — не в спокойной атмосфере, а в атмосфере чрезвычайного напряжения, и, кроме того, всегда так бывает, когда не ясно, из-за чего идет спор: принципиальное выяснение заменяется организационной склокой.

Между лидерами «новой оппозиции» существовали разногласия не только по теоретическим вопросам, и, когда личное соперничество между ними обострилось, Надежда Константиновна порвала с этой группой.

Она выступала за свободную дискуссию, но против фракционности в партии. 19 мая 1927 г. Надежда Константиновна писала Л. Д. Троцкому: «Вы знаете, что я с осени прошлого года ушла от оппозиции. Григорию говорила тогда, что мы прямым путем катимся при таких методах работы в другую партию, и что на это я не пойду. Против организации во фракцию я была с самого начала».

На следующий день, 20 мая 1927 г. в «Правде» было опубликовано ее «Письмо в редакцию „Правды“». «Более близкие товарищи знают, — говорилось в нем, — что еще осенью прошлого года я отошла от оппозиции. Я пришла к заключению, что с критикой оппозиция — и я в том числе — переборщила, количество перешло в качество, товарищеская критика перешла во фракционную».

На XIV съезде ВКП(б) Н. К. Крупская была избрана в Центральную контрольную комиссию. Но в то же время обстановка, в которой оказалась она после съезда, становилась все более напряженной. Не было сомнений, что происходило это по инициативе Сталина, который в последний день съезда критиковал Н. К. Крупскую за то, что она выступает в защиту В. И. Ленина — с «этакой чепухой».

«Меня беспрерывно травят по партийной линии, да еще как травят! — делилась Надежда Константиновна с А. И. Радченко. — Мне не могут простить моей близости к Ильичу и что я была в курсе невыгодных для некоторых товарищей фактов — теперь мне за это мстят и не церемонятся со мной и всячески подчеркивают свое неуважение. Ставят мне в упрек даже, что я дворянского происхождения... Говорят, что я якобы далека от жизни, не разбираюсь в сути разногласий, искажаю факты, стенограммы и т. д.».

В своем дневнике Алиса Ивановна отметила слова Надежды Константиновны о том, что на Пленуме ЦК из трехсот товарищей «разве только десять имеют мужество здороваться со мной». Большинство брало пример со Сталина.

А через год, 5 июля 1927 г., в дневнике А. И. Радченко читаем: «Собиралась она с Н. Л. Мещеряковым поехать в Ульяновск „посмотреть, как обстоят политпросветские дела на родине Ильича“». Но один старый товарищ их предупредил, что там черная сотня развелась, что могут из-за угла подстрелить. Она в ответ устало: „А жаль, что ли? Мне бы только дописать свои воспоминания об Ильиче, а там меня пусть скушает, кто хочет... Нервы у меня напряжены, как струны, болят, будто обнаженные“».

Незадолго до смерти Дора Абрамовна Лазуркина рассказывала родным: «В декабре 1931 года я получила письмо от Надежды Константиновны: «...Я себя чувствую прескверно и физически и вообще. Очень прошу приехать ко мне, встретим Новый год, как мы его встречали с Ильичем в Женеве, в 1905 году».

С этим письмом я пошла к Кирову. Спросила, как мне быть. Ведь я давно не встречалась с Надеждой Константиновной. Сергей Миронович внимательно прочитал письмо, глубоко вздохнул и сказал:

— Надо обязательно съездить к Надежде Константиновне. Я недавно видел ее, и выглядит она очень скверно. У нее очень тяжелое настроение. Мы вам дадим командировку, поживите у Надежды Константиновны. Постарайтесь успокоить ее, восстановить ее бодрость. Замечательный человек, Надежда Константиновна.

Мой приезд в Москву Надежда Константиновна встретила с большой радостью. Мы встречали Новый год вчетвером: Надежда Константиновна, Мария Ильинична, Стриевская и я. Мы вспоминали встречу Нового 1905 года в Женеве, свои юные революционные годы, Ильича. Пели песни, которые он любил. В три часа ночи все ушли. Надежда Константиновна попросила остаться с ней. Мы лежали на одной кровати, проговорили остаток ночи, немного поспали и вновь продолжали говорить и говорить. Так продолжалось три дня.

Надежда Константиновна печально делилась со мной о своей доле после XIV съезда, о том, что она оторвана от ЦК, что отстранена от всего, чем живет партия, что на нее смотрят косо. Я старалась выполнить поручение Сергея Мироновича поднять настроение Надежды Константиновны. Я видела, что она находится под впечатлением письма Владимира Ильича о Сталине, и пыталась ее убедить, что роль Сталина велика. Не будь его, мы были бы еще долго в плену оппозиции и течений».

Лазуркина настоятельно уговаривала Надежду Константиновну «написать письмо в ЦК с просьбой включить ее в активную партийную жизнь».

Надежда Константиновна не последовала совету Лазуркиной. Но почти год спустя, 16 ноября 1932 г., в газете «Правда» появилось ее личное письмо Сталину — соболезнование по поводу смерти его жены Надежды Аллилуевой. «Эти дни как-то все думается о Вас и хочется пожать Вам руку,— писала Н. К. Крупская.— Тяжело терять близкого человека. Мне вспоминается пара разговоров с Вами в кабинете Ильича во время его болезни. Они мне тогда придали мужества».

Глубокий смысл вложен в это безукоризненно вежливое по форме, дружественное по тону письмо.

«Так писать, и еще почище!»

1 февраля 1931 г. общее собрание Академии наук СССР избрало Н. К. Крупскую почетным академиком. На суд ученых страны был представлен список более ста ее научных работ, среди которых, как отмечалось, особое место занимали «Воспоминания о В. И. Ленине». Создавая их, Надежда Константиновна полагалась не только на свою память. Каждый факт проверяла и перепроверяла по архивным документам, воспоминаниям сотен живых участников описываемых событий. В числе прочих обращалась она за уточнениями и к Сталину. Как и другим, Надежда Константиновна еще в конце 1924 г. прислала Сталину на прочтение рукопись первых глав. «Надежда Константиновна! — писал он 8 декабря. — Прочитал Ваши воспоминания залпом и с удовольствием. Нужно обязательно напечатать, по-возможности, без изменений».

Сталин просто так ничего не делал. Чем же вызван его столь хвалебный отзыв?

Н. К. Крупская была не только первым биографом В. И. Ленина, но и одним из первых историков партии. Ее работы имели особый успех и получили всенародное признание. Сталину было совсем не безразлично, что и как напишет Н. К. Крупская в своих воспоминаниях. Ему важно было, чтобы именно она, жена Ленина, написала о нем — «верном соратнике» Ленина, поддержала теорию «двух вождей». Но ожидания оказались тщетны. Время шло, а в новых главах воспоминаний Крупской о «соратнике» почти не упоминалось.

«В последние дни, — говорила Надежда Константиновна на XIV съезде партии в 1925 г., — я, между прочим, перечитала главу книжки Владимира Ильича «Государство и революция», написанной им как раз после июльских дней, когда он сам был на краю гибели. Там он писал, что в истории бывали случаи, что учения великих революционеров искажались после их смерти. Из них делали безвредные иконы, но, предоставляя их имени почет, притупляли революционное острие их учения. Я думаю, что эта горькая цитата заставляет нас не покрывать те или другие наши взгляды кличкой ленинизма, а надо по существу дела рассматривать итоги, тот или иной вопрос».

Н. К. Крупская, как могла, боролась с тем, что постепенно, но неуклонно В. И. Ленина стали превращать в икону, а его теоретическое наследие — в «Вопросы ле-

низма». Она категорически возражала против каких-либо поправок и изменений в ее работах.

Еще в 1930 г. в одном из писем Надежда Константиновна с удовлетворением отмечала, что даже редакция «Правды» не делает несогласованных исправлений в ее статьях. Но вскоре и здесь отошли от этого правила.

«Говорят, что обе части ее воспоминаний теперь печатаются в одном томе,— писала А. И. Радченко в своем дневнике 29 сентября 1932 г.,— даже с иллюстрациями, но до неприличия плохо исполненными. Кое-что уже написала она для третьего тома, например, о покушении на Владимира Ильича 30 августа 1918 года. «Я это дала в виде отдельной статьи в «Правду», но там она вышла донельзя исковерканной нелепыми сокращениями. Впервые они себе там разрешают такую бесцеремонность по отношению ко мне. Выброшены, между прочим, места, касающиеся тех из старых товарищей, которые теперь уже не пришлось ко двору,— их отношение к этому преступлению и их поведение. Поэтому совершенно изолированно, вне всякой связи с предыдущим, осталась фраза: „Товарища Сталина в то время не было,— он был на фронте“».

Так впервые Надежду Константиновну «поправили».

В 30-х годах заметно приглушеннее становится тон рецензий и отзывов о трудах Н. К. Крупской. И оттого, верно, так ярко выделилась блестящая статья, написанная Михаилом Кольцовым и напечатанная в «Правде» 26 февраля 1934 г., в день 65-летия Н. К. Крупской.

4 марта 1934 г. А. И. Радченко записала в своем дневнике: «Михаил Кольцов в конце своей художественной биографии Надежды Константиновны пишет об „изумительной скромности и самозабвении в этой потрясающей книге (ее воспоминаний о Ленине)“».

Действительно, строки Михаила Кольцова, безусловно, порадовали Надежду Константиновну: «Партия и рабочие, и молодежь они не слепы. Они прочли и то, что не написано в книге. Они знают, что Ленину посчастливилось в его такой самоотверженной, такой боевой жизни со спутником и верным другом. Она большой человек, она революционер и честное сердце».

Перелистаем еще несколько страниц дневника А. И. Радченко. «Что-то опять случилось,— с тревогой писала Алиса Ивановна 9 мая 1934 г.— Как иначе объяснить эту странную рецензию в «Правде» на ее «Воспоминания»? — «Личные воспоминания о Ленине ника-

кой цены не имеют. Крупская, собственно, никогда не стояла на ленинских, а разве только на плехановских позициях...» Это несомненно кем-то свыше инспирировано!»

В феврале 1934 г. очень скромно отметили 65-летие Н. К. Крупской. В мае она перенесла сложную операцию. Еле ноги волочила от слабости, как выразилась в одном письме. А тут такой «подарок»...

П. Пospelов, автор заказной статьи «К воспоминаниям о Ленине», как нельзя лучше выразил неприязненное отношение Сталина к Н. К. Крупской, раздраженное разочарование написанными ею воспоминаниями. В чем только не обвинялась Надежда Константиновна в этой «рецензии»! И в искажении биографии Ленина, и в преувеличении роли Плеханова в истории нашей партии. Главный же «криминал» заключался, по мнению Пospelова, в недостаточном освещении ведущей роли Сталина в дореволюционные годы: очень «коротко перечисляются встречи Ленина со Сталиным». И «VI съезд, проходивший под непосредственным руководством Сталина», тоже, как и весь «период Февральской и Октябрьской революции показан довольно бледно». Вывод был подобен приговору: «Воспоминания Н. К. Крупской... нуждаются, как мы видим, в серьезных уточнениях и исправлениях».

Свидетельство тех дней — еще одна запись в дневнике А. И. Радченко, за 25 мая 1934 г.:

«Надежда Константиновна: «Сегодня я отдала очередную свою статью и уже в «Известия», а не в «Правду». Ничего им больше не буду давать, раз они так по-свински поступают, как с помещением у себя этой рецензии... Главное, если целью ее было дискредитирование моих «Воспоминаний», так ведь они этим достигли обратного: все эти дни мне только и звонят из Коминтерна, прося разрешить переводы книжки на различные иностранные языки. И не только книжки, но и различные мои статьи».

И уже с озорством: „И все равно еще буду так писать, и еще почище!“».

Что же касается авторов таких разных рецензий в «Правде», то и судьбы их сложились диаметрально противоположно. Петр Пospelов попал в число сталинских выдвиженцев и сделал быструю карьеру. А Михаил Кольцов 17 декабря 1938 г. был арестован и 2 февраля 1940 г. расстрелян.

Неугодные сталинскому режиму работы Н. К. Круп-

ской надежно скрыли в так называемых спецхранах — отделах специального хранения. Здесь они долгие десятилетия соседствовали с книгами Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Камсенева и других «врагов народа». И лишь теперь открылись двери спецфондов. Тысячи репрессированных книг получили свободу. И среди них «Воспитание молодежи в ленинском духе», которая вышла в свет в 1925 г. по инициативе ЦК комсомола. В этот сборник вошли наиболее важные выступления и статьи Н. К. Крупской по вопросам коммунистического воспитания. Опубликована там и речь Надежды Константиновны на VI съезде РЛКСМ. «Ленина не надо превращать в икону,— говорила Крупская.— Надо, чтобы его идеи служили руководством к действию».

«Председателю личных дел»

После смерти В. И. Ленина на Надежду Константиновну обрушился такой поток писем, что она «совершенно растерялась»: «Горя-то и нужд непочатый угол... Взяла я себе в помощь личного секретаря, ряд учреждений мне помогает, но все же не могу никак справиться с этим потоком».

По каким только адресам ни писали ей: «Кремль, председательнице Союза ССР», «Комитет бедноты», «Подучить организатору трудящихся» и даже «Председателю личных дел».

Не было случая, чтобы Надежда Константиновна не оказала требуемую помощь, пожалела времени на хлопоты. В ответ — море человеческой любви и благодарности.

«Дорогая наша народница-печальница всего мира, Надежда Константиновна, смею Вам напомнить о себе, как я была в отчаянии, писала Вам я из Ленинграда, медсестра Сусанна Швало. Моя жизнь была уже окончена. Я прибегла к Вам за последней помощью, что я 9 лет была на фронте и осталась на улице, и кто мне спас мою жизнь? Вы, Вы одна. Я сейчас пишу Вам, а сама рыдаю от радости, чую, есть у нас на свете такие великие и хорошие люди. Вы, Надежда Константиновна, существуете для меня, для всех нас».

Таких писем в архивном фонде многие тысячи, и особенно много их от детей. «Сын за отца не отвечает», — бросил Сталин. Как еще отвечали!

«Лишенец» — слово, рожденное сталинщиной. В «Словаре русского языка» издания 1986 г. читаем: «Че-

ловек, лишенный избирательных и других гражданских прав в связи с принадлежностью к эксплуататорскому классу».

Миллионы и миллионы раскулаченных и их детей волею Сталина были причислены к этому «эксплуаторскому классу». Подлинные изгои общества, они лишлись дома, хлеба, прав, свободы. Переломить эту беду Крупская была бессильна. Но не могла примириться с участью детей лишенцев. Грудью встала на их защиту.

8 июня 1929 г. она публикует в «Правде» письмо об отношении к детям лишенцев. В нем гневно пишет о том, что лишать детей права учиться, права пользоваться библиотеками есть не что иное, как извращение роли рабочего класса.

Это выступление старейшего деятеля партии в центральном органе мало что изменило в судьбах униженных и гонимых, но Крупская продолжала борьбу всеми доступными средствами, обращалась в Политбюро, разговаривала с Ягодой.

«Дорогой Михаил Иванович! — писала она 22 ноября 1934 г. М. И. Калинин. — У меня к Вам несколько вопросов, на которые я хотела бы обратить Ваше внимание.

Первый вопрос — о детях лишенцев. По инструкции — дети лишенцев не лишаются избирательных прав, предлагается только по отношению к ним проявлять больше бдительности. А по линии просвещения — им часто заказаны все пути. Лет пять тому назад я подняла этот вопрос, была даже комиссия от Совнаркома, все со мной соглашались, но на практике ребят сплошь и рядом ставят в тяжелое очень положение. Надо бы тут дать определенное указание возбудить этот вопрос в печати. Прилагаю три типичные письмишка. Вы таких писем тоже не мало получаете, конечно.

Далее вопрос о беспризорных. Их, как правило, выпускают из детдомов без нужной одежды, обуви, вообще без всякой возможности устроиться на работу по-человечески. Нельзя ли из фонда Ленина выделить известные суммы на помощь бывшим детдомовцам в первый год их работы».

Но что мог сделать Калинин, безропотно выполнявший любое предписание Сталина? Вскоре после этого письма ЦИК СССР санкционировал организацию «троек». И миллионы «врагов народа» были расстреляны, заполнили тюрьмы и лагеря, без суда и следствия. А «всесоюзный староста» по воле генсека продолжал

штамповать все более ужесточающиеся законы. 30 марта 1935 г. был принят закон о наказании членов семей изменников родины. ЧСИР — страшная аббревиатура времен сталинщины. Несколько дней спустя, 7 апреля 1935 г., М. И. Калинин подписал не менее страшный Указ ЦИК СССР. Отныне разрешалось привлекать к уголовной ответственности детей с 12-летнего возраста. На них распространялись все предусмотренные уголовным кодексом наказания, вплоть до смертной казни.

День ото дня ширились репрессии, росло число «врагов народа». Об этой трагедии криком кричала лавина писем, бесконечная очередь посетителей. У каждого своя беда, а горе общее. За всех заступиться было просто невозможно. Но случалось, хлопоты помогали. Н. К. Крупская уберегла от гибели писателя В. Бианки, обратилась к Ежову с просьбой о пересмотре дела П. В. Руднева, поручилась за шофера В. И. Ленина — С. Гиля, ленинградского краеведа Н. П. Анциферова, Л. С. Радченко и многих других. Именно Крупской удалось спасти жизнь Ивану Дмитриевичу Чугурину, ученику Владимира Ильича, который 3 апреля 1917 г. вручил вернувшемуся из эмиграции вождю партийный билет.

В 1935 г. арестовали Н. А. Емельянова, члена партии с 1904 г. «Я лично знаю всю семью Емельяновых (из лучших питерских рабочих-большевиков «старой гвардии»)…» — писал В. И. Ленин 3 марта 1921 г.

Это он, Н. А. Емельянов, в июле 1917 г. в Разливе укрывал В. И. Ленина и Г. Е. Зиновьева от преследования контрреволюционного Временного правительства.

Арестовали и трех его сыновей — Александра, Кондратия и Николая, которые помогали отцу в обеспечении безопасности В. И. Ленина и Г. Е. Зиновьева в Разливе.

А. Н. Емельянов рассказывал мне, как Н. К. Крупская вызволила Николая Александровича буквально с того света.

— Моя мать Надежда Кондратьевна, — говорил Александр Николаевич, — сразу дала знать о случившемся Надежде Константиновне. Как ей удалось умолить Сталина сохранить отцу жизнь, до сих пор остается для меня загадкой. Но свободы она ему не смогла добиться. Особое совещание присудило отцу десять лет тюрьмы. В 1937 году его сослали в Сарапул. Мать не арестовывали, но она поехала за отцом. До конца жизни Надежда Константиновна старалась поддерживать мать в годы этих тяжелых семейных испытаний.

Александр Николаевич познакомил меня с одним из писем Н. К. Крупской к его матери. В нем она сообщала Надежде Кондратьевне о состоянии здоровья ее внука Коли, который тогда находился в детском доме. «Ваше письмо получила,— писала Надежда Константиновна 15 марта 1937 г.,— была ему рада. Не отвечала долго, хотела сначала устроить дело с Колюшкой...»

Но вскоре новая беда постигла Емельяновых, и Н. К. Крупская решила вновь обратиться к Сталину. «Дорогой Иосиф Виссарионович,— писала она 14 июня 1938 г.— Вы знаете, конечно, Николая Александровича Емельянова, у которого Ильич скрывался в 1917 г. Ильич очень любил Николая Александровича Емельянова и жену его Надежду Кондратьевну, мне велел заботиться о них. Я их хорошо знаю, оба честнейшие, преданные партии люди. В связи с арестом старших сыновей, был выслан и старик Емельянов. Живет с женой в Сарануле. Он все время получает пенсию 400 рублей, старик больной, зарабатывать не может.

Вдруг в этом году пенсию от него отняли да еще заявили, что будут взыскивать с них за прежние годы. Отняли пенсионную книжку, и старики мучаются.

Я говорила с Николаем Ивановичем Ежовым, он сказал мне, что он не возражает, пусть получают пенсию, сказал сразу, без всяких колебаний. Но пенсию не выдают.

Большая просьба дать указание. Что же старикам нищенствовать-то, не заслуживают они этого. Я не хотела беспокоить Вас, да Ильич очень их любил, да и партийцы они хорошие.

С коммунистическим приветом *Н. К. Крупская.*

Адрес Емельянова:

гор. Саранул Удмуртской АССР,
ул. Горького, д. 20, комн. 5».

Письмо Н. К. Крупской возымело действие. Возможно, потому, что она упорно ссылается в нем на Владимира Ильича, просит как бы от его имени.

А вот попытка Надежды Константиновны облегчить участь детей Емельяновых оказалась безуспешной. В архиве сохранилось ее безрезультатное ходатайство на имя Н. И. Ежова. Александр Николаевич арестовывался дважды. Первый раз находился в заключении с 1934 по 1939 г. До 1941 г. жил и работал в Омске, где находился в ссылке отец. В годы Великой Отечественной войны А. Н. Емельянов был на фронте. А в 1949 г. его арестовали вторично. После освобождения в 1954-м при-

ехал в Разлив. Трагично сложилась судьба двух его младших братьев.

— Кондратия арестовали почти одновременно со мной, в 1934 году,— рассказывал Александр Николаевич,— а в 1937 году расстреляли. А Сергея забрали в один год с отцом. Убили вроде бы при попытке к бегству*.

26 апреля 1936 г. умер Эйно Рахья. Некролог старому большевику-подпольщику, подписанный Н. К. Крупской, был опубликован в «Правде» 28 апреля**.

Припомнился рассказ жены Э. Рахья Л. П. Парвизайнен:

— При первой же встрече после смерти мужа Надежда Константиновна как-то задумчиво, будто про себя, промолвила: «Эйно Абрамович умер своей смертью и похоронен известно где». Я тогда промолчала, но вспомнила эти слова два года спустя.

А два года спустя, в печально знаменитом 1938 г., Л. П. Парвизайнен репрессировали.

— То, что меня арестовали,— вспоминала Лидия Петровна,— показалось поначалу не так страшно. Забирали очень многих видных партийцев с еще большим стажем и заслугами. Я что, я рядовой член партии. Страшно стало после первого допроса, когда следователь, издеваясь, сказал: «Ленина прятала, а теперь покорми вшей при советской власти». До той поры я не представляла всей глубины пропасти, в которую мы летим от Ленина и ленинизма. Вот тогда я вспомнила слова Надежды Константиновны и позавидовала Эйно, которого родные, товарищи похоронили в Александровской лавре. А где я буду покоиться, никто и не узнает.

Да, старые большевики, прошедшие подполье, испытывавшие застенки царизма, ссылки, эмиграции, умира-

* Р. Медведев в историческом очерке «О Сталине и сталинизме» (Знамя, 1989, № 2) сообщает, что Н. А. Емельянова «держали в заключении и ссылке почти 20 лет. Были арестованы жена Емельянова и сыновья...» К сожалению, в этот небольшой отрывок вкрались досадные неточности. Н. А. Емельянов вернулся домой в Разлив в 1945 г., то есть ровно через десять лет после ареста. Его жена Надежда Кондратьевна не репрессировалась. Она сама поехала к мужу, который после Сарапула с 1941 по 1945 г. жил в Омске и работал в пригородном совхозе.

** В указанном очерке Р. Медведева ошибочно говорится о гибели Э. Рахья. Эта же ошибка повторяется и в сообщении ИМЛ при ЦК КПСС об Эйно Рахья: «В 30-е гг. этот замечательный рабочий-коммунист стал жертвой сталинских репрессий» (Известия ЦК КПСС, 1989, № 1, с. 213).

ли в безвестности, с клеймом врага народа. Часто с именем Сталина на устах, со святой верой в его непогрешимость.

В 1937 г. репрессировали Д. А. Лазуркину. Тюремные камеры, лагерные бараки — все полной мерой испытала она.

«...Я ни разу не обвиняла тогда Сталина,— звучал голос Доры Абрамовны с трибуны XXII съезда КПСС.— Я все время дралась за Сталина, которого ругали заключенные, высланные и лагерники. Я говорила: „Нет, не может быть, чтобы Сталин допустил то, что творится в партии. Не может этого быть!“».

Из тюрьмы Д. А. Лазуркина пишет письмо на имя Сталина, и ее тут же признают сумасшедшей и помещают в психиатрическую больницу. Сколько было еще потом таких писем, осевших в ее «деле». Непростым и долгим был процесс прозрения. Но именно она, Лазуркина, бросила в зал слова, вызвавшие бурю на съезде: «Я считаю,— говорила Дора Абрамовна,— что нашему прекрасному Владимиру Ильичу, самому человечному человеку, нельзя быть рядом с тем, кто... рядом с Лениным быть не может».

XXII съезд единодушно подхватил призыв Д. А. Лазуркиной: «Сталину не место в Мавзолее».

Н. К. Крупскую миновала тяжкая доля заблуждения и прозрения. Она давно видела Сталина глазами Ленина, ясно представляла суть происходящего в стране.

Стараясь сломить ее сопротивление, перестали обращать внимание на ее просьбы. Однажды Надежда Константиновна подошла к Ежову и спросила, почему не отвечают на ее ходатайства. Ничего не ответив и здесь, Ежов просто отошел в сторону. Ей, депутату Верховного Совета СССР, было запрещено принимать родственников репрессированных. Но когда на прием пришел Виктор Лазуркин, Надежда Константиновна приняла сына Доры Абрамовны без всякой очереди. Поматерински обняла юношу и с потухшей улыбкой тихо сказала:

— Милый мой, ничем не могу тебе помочь. Я не знаю, что со мной будет завтра...

И не выдержала, расплакалась.

Обратимся еще раз к дневнику А. И. Радченко. Черный 1937-й стал трагическим и для семьи Радченко. «16 августа я лишилась навсегда своего мужа», — записала Алиса Ивановна. Она осталась одна. Кто теперь

осмелится поддерживать отношения с женой «врага народа»? Но однажды в замершей квартире раздался звонок. «1937, 23 ноября,— записала Алиса Ивановна,— Надежда Константиновна ко мне по телефону обратилась с просьбой участвовать в большом коллективном труде — истории нашей революции. «Теперь уже начинают забывать, что первые ее годы, еще при Ленине, были не только годами борьбы за Советскую власть, а уже и годами строительства, созидательной работы. Вы, как участница штурмового строительства тех лет, могли бы нам давать ценные материалы об этом».

Она мне обещала личное свидание в один из ближайших дней, чтобы познакомить меня с подробными планами и наметками этой коллективной работы. Но уже 27 ноября мне пришлось экстренно надолго уехать. Переписка между нами в то время была невозможной.

Недавно стало известно об одном из самых мужественных поступков Н. К. Крупской.

24 июня 1937 г. на заседании Пленума ЦК Осип Пятницкий выступил против предложений Сталина о физическом уничтожении Бухарина, Рыкова и предоставления Ежову чрезвычайных полномочий. Наоборот, О. Пятницкий предложил усилить контроль за НКВД, и в частности за деятельностью наркома Ежова.

После неожиданного заявления О. Пятницкого Сталин прервал заседание Пленума.

На следующем заседании, 25 июня, первым выступил Ежов. Он объявил, что Осип Пятницкий в годы реакции являлся агентом охранного отделения. Нарком НКВД предложил объявить ему политическое недоверие, как старому полицейскому провокатору. Против этого чудовищного предложения осмелились голосовать три члена ЦК, в том числе Н. К. Крупская.

Сталин был раздражен. Крупскую нужно заставить замолчать. «Вина» Пятницкого должна быть доказана публично. По сценарию Сталина Ежов разыграл страшный спектакль.

В кабинет генсека пригласили Молотова, Кагановича, Ворошилова, других членов ЦК.

— Товарищ Крупская утверждает,— начал Сталин,— что она не верит и не допускает, что Пятницкий был шпионом. Товарищ Ежов доложит и фактами убедит вас.

Встал Ежов. Неторопливо открыл портфель, вынул лист бумаги. Оглядев присутствующих, он начал задавать вопросы заранее подготовленному смертнику, ко-

того доставили в кабинет Сталина. Тот отвечал строго по инструкции следователя, давая чудовищные показания против Пятницкого.

Вдруг раздался резкий возглас:

— Он лжет! Он фашист, он негодяй!

Надежда Константиновна метнулась к группе сидящих:

— Вячеслав Михайлович! Климент Ефремович! Лазарь Моисеевич! Вы ведь хорошо знаете Пятницкого. Он ведь честнейший человек. Его очень любил и уважал Ленин!

Бесстрашный протест Н. К. Крупской не помог. Пятницкий (Таршис) Иосиф Аронович, член партии с 1898 г., видный деятель российского и международного революционного движения, был расстрелян.

Под дамокловым мечом

Надежда Константиновна знала, что живет под дамокловым мечом. Возрастающую напряженность она ощущала даже в Наркомпросе. Осложнились отношения не только с наркомом Бубновым. Вдохновенные сверху чиновники наркомата стали обвинять Н. К. Крупскую в примиренчестве, всякого рода уклонах.

Обратимся опять к дневнику А. И. Радченко. «...Бесцеремонная статья в «Литературной газете»,— возмущенно записала Алиса Ивановна 6 марта 1936 г.— Там говорится о какой-то «блаженной старухе Наркомпроса»,— первоисточнике всех его левых уклонов. И в «Правде», говорят, уже несколько раз были намеки на каких-то «наркомпросовских старух», начудивших во всех областях его работы. Таких пакостных намеков, конечно, не посмели бы делать без чьего-то благословления свыше. Опять, значит, стали воспитывать сие непокорное дитя и кнутом и пряником».

Обстановка в Наркомпросе между тем усугублялась. 5 июля 1937 г. Н. К. Крупская обратилась к Сталину, чтобы рассказать «о том, о чем пришлось думать последнее время».

«Власть наркома в наркомате безгранична,— писала она о Бубнове.— И не всякий нарком пользуется этой властью так, как надо... Но вот чего нельзя допускать— это превращения парткома в простое орудие выполнения воли наркома. Нельзя, чтобы нарком грозил не только уволить с работы, но и исключить из партии. Это

безмерно усиливает бюрократизм, подхалимство, и без того процветающее в наркомате. Нельзя, чтобы секретарь парткома был просто исполнитель воли наркома.

Получается атмосфера подсиживания друг друга, сплетен, чтения в сердцах, получается безысходная склока.

Я помню, как боролся всегда с атмосферой склоки Ильич, это было в Сибири, в Лондоне.

По заданию наркома партком обслуживает и печать. Люди пишут псевдонимами, клеветают безответственно на работников. Так нельзя.

Все это пагубно отражается на деле.

...Другой вопрос — это недостаточно налажена борьба с бюрократизмом, не словесная борьба, а деловая. ...Перестройка работы идет медленно, часто очень поверхностно, больше говорят. ...Надо работу райкомов и горкомов ставить так, чтобы лучше узнавали друг друга на общей коллективной работе по партстроительству. Это я пишу все потому, что меня заботят выборы в советы».

Надежда Константиновна обращалась к Сталину по таким делам, которые, кроме него, никто не мог решить. Интересы дела были для нее превыше всего. Так, 7 марта 1938 г. Н. К. Крупская опять обратилась к Сталину: «Мы вводим обязательное обучение русскому языку во всем СССР. Это хорошо. Это поможет углублению дружбы народов. Но меня очень беспокоит, как мы это обучение будем проводить. Мне снится иногда, что начинает показывать немного рожки великодержавный шовинизм». И далее Надежда Константиновна высказывала ряд конкретных и важных замечаний.

Между тем письма эти никак не способствовали улучшению обстановки, сложившейся вокруг Надежды Константиновны.

— Товарищ Лидия,— сказала она Л. П. Парвизянен,— пишите мне непременно на Наркомпрос.— И пояснила: — На кремлевскую квартиру письма не доходят. И обязательно заказным,— добавила она.

Все чаще приходится Надежде Константиновне выслушивать обвинения со стороны ЦК о якобы неправильном толковании ею ленинского наследия. Так, еще в 1928 г. на ноябрьском Пленуме ЦК ВКП(б) Е. Ярославский обрушился на нее за стремление «по-своему» истолковать ленинизм. Но Крупская продолжала вести себя независимо и выступала против фальсификации известных фактов. В апреле 1937 г. она, как редактор

издававшихся протоколов III съезда РСДРП, протестует против искажения политической биографии А. И. Рыкова, дававшейся в примечаниях к книге. В ноябре того же года Надежда Константиновна послала Н. И. Ежову письмо, в котором выразила несогласие с постановлением Оргбюро ЦК ВКП(б) по поводу книги Денисова о комплектовании библиотек, написанную будто бы в целях шпионажа.

Писательница М. С. Шагинян рассказывала о неоцененной помощи, оказанной ей Н. К. Крупской в работе над книгой «Билет по истории». Этот факт Сталин в августе 1938 г. поставил на обсуждение Политбюро ЦК ВКП(б). В личном архиве Надежды Константиновны сохранилась выписка из решения Политбюро, переписанная ее рукой. Вот этот документ: «Осудить поведение Крупской, которая, получив рукопись романа Шагинян, не только не воспрепятствовала появлению романа в свет, но, наоборот, всячески поощряла Шагинян, давала о рукописи положительные отзывы и консультировала Шагинян по различным сторонам жизни Ульяновых и тем самым несла полную ответственность за эту книжку. Считать поведение Крупской тем более недопустимым и бестактным, что т. Крупская сделала все это без ведома и согласия ЦК ВКП(б) за спиной ЦК ВКП(б), превращая тем самым общепартийное дело составления произведений о Ленине в частное и семейное дело и выступая в роли монополиста и истолкователя общественной и личной жизни и работы Ленина и его семьи, на что ЦК никому и никогда прав не давал».

Тучи сгущались и над родными Владимира Ильича. Был репрессирован воспитанник Анны Ильиничны Г. Я. Лозгачев. Он сообщил мне, что за перепиской Дмитрия Ильича и Марии Ильиничны тоже бдительно следили.

— Иностранские газеты сообщали об аресте Надежды Константиновны,— рассказывала Н. И. Стриевская,— но и в Москве по временам циркулировали об этом слухи.

И нужно сказать, что слухи эти рождались не на пустом месте.

...Анцелович Наум Маркович. Это ему, члену партии с 1905 г., сама того не ведая, спасла жизнь Н. К. Крупская. Есть сведения, что их фамилии были занесены в один проскрипционный список. В самый последний момент Сталин не решился поставить на нем «визу»...

По пальцам можно перечесть старых партийцев, которых репрессии обошли стороной. Опасности для Сталина они не представляли никакой, зато создавали видимость ленинского окружения вокруг «вождя народов».

Надежда Константиновна не входила в эту группу юбилейных восхвалителей «верного ленинца». Более того, она, как известно, позволила себе письменно и устно высказывать лично Сталину нелицеприятные суждения. Почему же он вынужден был терпеть Крупскую?

Надежда Константиновна занимала совершенно особое положение. Тысячами нервующихся нитей она была связана со всеми концами страны, с различными слоями населения. Она не засиживалась в своем наркомпросовском кабинете. Гораздо чаще, чем позволяли ей болезни и тающие силы, старалась встретиться с пионерами, комсомольцами, рабочими, крестьянами, учителями, библиотекарями.

Сотни писем в день, молчаливая, медленно движущаяся очередь на прием к Надежде Константиновне, куда многие становились с последней надеждой...

Надежда Константиновна не только пользовалась авторитетом, известностью и любовью. В эти тяжкие годы Крупская, по выражению Клары Цеткин, являлась «живой совестью Ленина».

Услугами пспеловых можно было попытаться бросить тень на незапятнанную политическую репутацию Надежды Константиновны. Или создать ей невыносимые условия жизни и работы. Но объявить Крупскую врагом народа не решился даже Сталин. Так расправиться с ней было невозможно. От дамоклова меча сталинщины наследницу хранила всенародная любовь.

...Приближалось 70-летие Н. К. Крупской. В делах и заботах встречала она свой юбилей.

«Еще 23 февраля Надежда Константиновна выступала в Совнаркоме,— вспоминает В. Р. Менжинская,— отстаивала столь близкие ее сердцу, столь дорогие ей детские сады, детские дома.

Она устала, но была радостно возбуждена тем, что ей удалось достигнуть желанного результата. После Совнаркома Надежда Константиновна поехала отдохнуть в Архангельское...

Неожиданно для Надежды Константиновны съехались поздравить ее старые друзья, товарищи по партийной работе. Начинаются воспоминания, все говорят... Надежда Константиновна говорит и сама, дополняет те

или иные воспоминания. В восьмом часу вечера она уходит к себе, почувствовав себя нехорошо, но не говоря об этом никому из присутствующих, чтобы не нарушать общего радостного настроения».

Все случилось внезапно.

«Я видел Надежду Константиновну за день до ее болезни,— свидетельствует Н. Мещеряков.— Как оживленно говорила она, какая энергия кипела в ней».

— Мне всегда очень тяжело вспоминать этот вечер,— рассказывала мне его участница Н. И. Стриевская.— Так хорошо и приподнято он начался и так трагически закончился. Надежда Константиновна была очень оживлена, шутила, пела со всеми любимые песни революционной молодости. Вспоминала минувшие годы с Ильичем в Шушенском, как их на пути из ссылки выручили сибирские пельмени. Кто-то предложил соорудить их. Сообща принялись их готовить. Ели с аппетитом. Спустя недолго Надежда Константиновна ушла к себе. Скоро у нее начались сильнейшие боли в животе. Приехали врачи и увезли ее в Кремлевскую больницу.

27 февраля в 6 часов 15 минут Н. К. Крупская скончалась.

— Я была потрясена,— продолжала рассказывать Нина Исааковна:— Мы ведь собирались с Надеждой Константиновной в Ленинград. «Давайте махнем опять в Питер,— предложила она мне в тот вечер,— как в январе 1931 года». И я с радостью согласилась.

О намерении Надежды Константиновны поехать в Ленинград после юбилея сообщила мне и М. В. Фофанова.

— Сказала, что ей в Питере нужно «зарядиться» перед XVIII съездом партии,— рассказывала Маргарита Васильевна,— будет говорить то, о чем давно собиралась сказать делегатам съезда. Больше ничего не добавила.

М. В. Фофанова не стала расспрашивать, о чем потом очень сожалела.

Можно предположить, что собиралась Надежда Константиновна сказать на съезде. Когда выяснилось, что ее фамилии нет в списке выступающих, она решительно произнесла: «А если я встану и пойду к трибуне? Кто меня остановит?» «Остановить» ее мог только Сталин. Прошло более полувека, но и сейчас мы не знаем всех обстоятельств смерти Надежды Константиновны. Согласитесь, что ее кончина в день юбилея и в канун съезда выглядит довольно странной.

В «Сообщении о болезни тов. Крупской Н. К.», опубликованном в «Правде» 28 февраля 1939 г., в частности, говорится: «Болезнь развивалась бурно и с самого начала сопровождалась резким упадком сердечной деятельности и потерей сознания. В связи с этим отпала возможность помочь больной оперативным путем». Секретарь Н. К. Крупской тоже утверждает, что ее не оперировали. Между тем медсестра Лидия Лисян-Закржевская вспоминает, что профессор А. Д. Очкин сделал Надежде Константиновне операцию. Тот самый профессор, чья подпись стоит под «Сообщением о болезни тов. Крупской Н. К.»! Можно ли в таком случае доверять этому документу? Ведь не случайно, как вспоминает Лисян-Закржевская, дежурный хирург Соколов на вопрос о диагнозе произнес что-то невнятное.

Придя в сознание, Надежда Константиновна сказала:

«Врачи как там хотят, а на съезд я все равно пойду».

Не оказалось ли роковым стремление Крупской непременно выступить на XVIII съезде партии?..

За два дня — 28 февраля и 1 марта — через Колонный зал Дома союзов прошло пятьсот тысяч человек, отдавших последний долг Надежде Константиновне Крупской.

Урну с прахом покойной несли к Кремлевской стене Сталин и Молотов...

ВСПОМИНАЯ ВСТРЕЧИ

Д. А. Лазуркина

«Я ПОМОГАЛА ЕМУ ЧЕМ И КАК МОГЛА»

1904 год... Женева... Она ослепила солнцем, оглушила звонкоголосой шумной толпой. Дамы в нарядных летних туалетах с удивлением оглядывали меня — сборчатая широкая юбка, кофточка навывпуск, цветастый ситцевый платок на голове. Ехала я за границу с нелегальным крестьянским паспортом и, конечно, одета была под стать документу.

Вот и тихая, неприметная улица Давида. Дверь открыл среднего роста мужчина в темной косоворотке.

— Вы из России? — улыбнулся он и, взяв у меня из рук корзину, пригласил зайти в дом. Это был Владимир Ильич.

Небольшая, скромно обставленная комната. Железная кровать, стол у окна, вдоль стены самодельные полки. Книжки не только на полках — на подоконнике, стульях, аккуратной стои- кой в углу на полу.

Ленин предложил мне стул сам сел напротив. Сделал вид, что не заметил моего крайнего смущения, и стал расспрашивать, как я доехала, благополучно ли проскочила границу, понравилась ли дорога. В это время в комнату вошла молодая еще женщина в темной юбке и английской белой блузе. Зачесанные назад очень красивые русые волосы открывали удивительно доброе, милое лицо.

— Надюша,— сказал Владимир Ильич,— а у нас гостя.

— «Соня»,— назвала я свою партийную кличку.

— Соня? — переспросила Надежда Константиновна,— из Екaтeринoслaвa?

Я была буквально ошеломлена. Мне едва исполнилось тогда 19 лет. Южное бюро ЦК, объединявшее одесскую, екатеринославскую и николаевскую партийные организации, послало меня «на выучку» к Ленину — и вдруг я узнаю, что в доме признанного лидера нашей партии известно мое имя — скромной провинциальной девушки, только вступившей на путь революционной борьбы.

...Вечером я присела к столу, за которым уже несколько часов подряд трудилась Надежда Константиновна. На столе перед ней стояла целая батарея бутылочек с притертыми пробками.

— Это моя химия,— улыбнулась она.

Забыв обо всем на свете, наблюдала я за ее работой. Надежда Константиновна вела всю конспиративную переписку с нелегальными партийными организациями России. Как я сама убедилась, она знала наизусть имена всех профессиональных революционеров, их партийные клички, и ей даже были ведомы особенности их характеров.

Сейчас трудно даже себе представить, сколько сил, сколько бессонных ночей отдала эта верная соратница Ленина конспиративной переписке с Россией! Каждое полученное письмо надо было проявить, расшифровать, переписать. Но зачастую отправители ошибались в шифре, иногда подводила «химия», и тогда даже долгие часы труда не давали никаких результатов, а в «почтовых ящиках» «Искры», позднее газеты «Вперед», появились такие строки, написанные Надеждой Константиновной:

«Теб... из СПб. Ключ непонятен».

«Польша — Кауруму. Письмо получено. Ужасно рады были. Не разобрали конец».

«Нате. Письмо не проявилось. Слаб раствор».

Но зато как радовался Владимир Ильич каждой успешно расшифрованной хорошей весточке из русского подполья! Помню, как меня до глубины души взволновал рассказ Надежды Константиновны о впечатлении, которое произвело на Владимира Ильича письмо рабочих одесских каменоломен, где я работала партийным агитатором:

— Письмо дышало готовностью к борьбе до конца, до победы,— говорила Надежда Константиновна,— много раз пере-

читывал это письмо Ильич, глубоко задумавшись, шагал по комнате. Не напрасно старались рабочие одесских каменоломен, когда писали Ильичу письмо: тому написали, кому нужно было, тому, кто лучше всех их понял.

Уже давно во всех окнах на улице Давида погасли лампы, а в этой комнате все еще светился огонь. Надежда Константиновна готовила почту в русское подполье.

В Центральном партийном архиве среди других ценнейших документов летописи нашей партии хранится продолговатая записная книжка в дерматиновом переплете, принадлежавшая Надежде Константиновне. Здесь перечислены собранные ею адреса более 250 подпольных организаций России!

Сколько конспиративных писем отправляла Надежда Константиновна за месяц? У подпольщиков не принято было задавать такие вопросы, но она сама в своих воспоминаниях отмечает, что в 1904 году отправляла из Женевы до 300 писем в месяц!

Это был повседневный героический непрестанный труд, но вознаграждался он сторичей. Указания, советы В. И. Ленина сплывали революционеров-подпольщиков, объединяли их в одну могучую семью, окрыляли на борьбу. Владимир Ильич и Надежда Константиновна проявляли исключительное внимание к нам, подпольщикам. Они радовались нашим удачам, приходили на помощь в беде, трогательно заботились о наших повседневных нуждах. В сугубо деловые шифрованные письма из-за рубежа они вносили присущие им благородство чувств, душевность, теплоту.

Я пишу эти строки и живо представляю себе сейчас явочную квартиру на Преображенской улице. Небольшая комната, продолговатый стол, покрытый темной клеенкой. За столом — руководитель комитета испытанный большевик Константин Осипович Левицкий («Осип Иванович»), его верная помощница Евгения Левицкая, седая и чуть глуховатая Лидия Михайловна Книпович («Дяденька») — она вела всю секретарскую работу по комитету, а также переписку с границей.

Лидия Михайловна читает письмо Н. К. Крупской:

«Положение вещей сейчас очень трудное, что и говорить. Меньшевики успели поднять страшную мусть и страшно дезорганизовать работу. У них деньги, связи, транспорт, техника, возможность посылать людей в Россию, на их стороне все путаники, но... Мы правы, и у нас будет все. Ну, вот. Пишите все, ради бога, побольше. Пиши, родная, крепко обнимаю...»

Надежда Константиновна знала, как нам дорога каждая весточка о Ленине, и поэтому всегда старалась сообщить нам что-нибудь о Владимире Ильиче, называя его в письмах «старик». Как радостно было услышать и в этом письме такую приписку: «Старик ожил и стал работать всюю...»

Я была тогда в Женеве более полугода. Незадолго до моего отъезда Ленин направил из Швейцарии в Петербург для выполнения ответственного партийного задания профессионального революционера Марию Эссен. Ей не повезло — на грани-

це она была арестована и заключена в «предварилку». Уже значительно позднее, когда мы встретились с ней в питерском подполье, она мне рассказала, что ей в тюрьму вскоре после ареста была передана большая коробка шоколадных конфет.

— Разломала одну конфету,— вспоминала М. Эссен,— а в ней кусочек письма на папиросной бумаге, закатанный в фольгу и помеченный определенным номером.

Вскоре она подобрала по порядку 12 крохотных лепестков папиросной бумаги. Это были два зашифрованных письма — одно от Надежды Константиновны, другое — от Владимира Ильича.

«Так и кипит кругом работа, лезем напролом,— писала Надежда Константиновна,— письмо старика лучше всего передает это настроение».

Письмо Ленина заканчивалось словами:

«Ура! Не падайте духом, теперь мы все оживаем и оживаем. Так или иначе немножко раньше или немножко позже надемся непременно и Вас увидеть. Черкните о своем здоровье и, главное, будьте бодры: помните, что мы с Вами еще не так стары,— все еще впереди. Ваш Ленин».

Эти письма-друзья находили нас всюду — в камерах тюрем, на сибирских трактах, в далеких ссылках. Письма, написанные Лениным и Крупской.

Первые недели после победы Октября. Мне позвонил Луначарский:

— Владимир Ильич просил, чтобы вы к нему зашли. Он будет вас ждать сегодня в час дня.

С волнением переступила я порог кабинета Ленина в Смольном. Но во всем облике Владимира Ильича, в каждом его движении было столько товарищеской, дружеской теплоты, обаяния, что я снова, как и много лет тому назад в Женеве, в скромной ленинской квартире на улице Давида, почувствовала себя как-то особенно хорошо и удивительно легко.

Владимир Ильич встал мне навстречу, дружески подал руку:

— Мы создаем сейчас Народный комиссариат просвещения и хотим вам поручить заведование дошкольным отделом.

Несколько минут я сидела молча, огоршенная этим предложением. Наркомпрос... Дошкольное учреждение... Сметы... Все это совершенно незнакомо... А как же моя партийная работа, которую я так люблю? Да и притом опыта нет.

Я откровенно сказала Владимиру Ильичу о всех моих сомнениях. Он внимательно меня выслушал.

— Да, вы правы, опыта у вас нет. Но мы с вами будем руководствоваться таким принципом: надо — значит, научимся. А в Наркомпрос уже назначены люди, хорошо знающие и любящие педагогику. Вот Надежда Константиновна, например, будет вести внешкольным отделом.

У меня точно камень от сердца отвалился. Работать с Крупской — об этом можно было только мечтать! Она уже

успела к тому времени проявить в Питере свой исключительный педагогический дар. Дело в том, что с июня 1917 года она возглавила культурно-просветительный отдел Выборгской районной управы. Я работала тогда в другом районе, но почти на каждом заседании ПК выборжцы рассказывали об очередной победе, достигнутой стараниями Крупской на культурном фронте.

Как-то летом я зашла по делу в управу и с удивлением остановилась на пороге — на стульях, табуретках, подоконниках сидели какие-то девушки, почти подростки, и с нетерпением поглядывали на дверь. Обернувшись, я увидела в коридоре Надежду Константиновну:

— Что это за собрание?

— Наши добровольцы! — ответила Надежда Константиновна. — Я с ними позанимаюсь, а потом они будут обучать рабочих и солдаток грамоте и арифметике.

Уже вынимая из портфеля заготовленные для своих учениц аккуратно нарезанные листочки бумаги, она сокрушенно добавила:

— На одних только текстильных фабриках района мы выявили около восьми тысяч неграмотных!

— Надежда Константиновна, а как вам удалось так быстро произвести этот учет? — заинтересовалась я.

— Рабочие помогли. У нас создан совет народного образования — сюда вошли представители всех заводов и фабрик Выборгской стороны. Собираемся каждую неделю и все дела решаем сообща, ведь у нас главенствуют большевики! — Она говорила об этом с гордостью. Лицо ее, побледневшее, осунувшееся, озарила улыбка, и даже глаза, ставшие за последнее время такими грустными, тревожными, на миг повеселели.

Тяжелые испытания выпали тогда на долю Надежды Константиновны — рядом с ней не было Владимира Ильича. Он вынужден был скрываться в Разливе от Временного правительства. Но она продолжала так же много работать, как и раньше — ежедневно приходила в управу, проводила занятия на заводах и фабриках, создавала новые площадки, детские столовые, школы грамоты для взрослых. А сколько у нее появилось здесь преданных друзей! Бывало, придешь к ней на Большой Сампсониевский проспект, где размещался культурно-просветительный отдел выборжцев, — так не пробиться! Ее сердце было открыто навстречу людям, и они шли к ней с горем и радостью, за советом и помощью.

Наркомпрос. До переезда Советского правительства в Москву он размещался в Петрограде, в бывшем здании Министерства просвещения. Неуютно чувствовали мы себя первое время в этих больших мрачных кабинетах. А главное, начинать нам приходилось буквально на голом месте, и сразу со всей остротой вставали сотни, казалось бы, неразрешимых вопросов. «Драгоценнейшим обстоятельством в этих условиях, — вспоминает А. В. Луначарский, — было то, что одним из самых главных, а может быть, и самым главным действующим

лицом Наркомпроса была Н. К. Крупская — выдающийся революционер, вдумчивый марксист, педагог».

Н. К. Крупская была неутомимой труженицей. «У вас ленинская трудоспособность», — сказал ей Емельян Ярославский. Одному только вопросу — политехническому воспитанию учащихся — посвящено ею 150 работ! Ее педагогические сочинения занимают 11 солидных томов — и это только часть написанных ею трудов. Самое главное, что ее труды современны, они актуальны, направлены к одной цели — воспитанию человека коммунистического общества.

Многие работы написаны ею по совету Владимира Ильича, который чрезвычайно интересовался вопросами народного просвещения. «В последнее время своей деятельности, в конце 1922 г. и в начале 1923 г., — пишет Н. К. Крупская, — Владимир Ильич говорил не раз о необходимости ввести в школы II ступени новый предмет: „организацию труда“». И тут же Надежда Константиновна прилагает подробнейшую, марксистски обоснованную программу нового курса, замечая при этом с присущей ей скромностью: «Это проект. Его надо обсудить, уточнить».

Но, конечно, главной книгой ее жизни являются «Воспоминания о Ленине»... Она работала над ними много лет... И по праву написала там о себе: «...Моя жизнь шла следом за его жизнью. Я помогала ему в работе чем и как могла».

Ленинградская правда, 1969, 23 февраля

Е. Я. Драбкина, О. А. Стецкая НА ВЫБОРГСКОЙ СТОРОНЕ

Весной 1917 года, во время выборов в районные думы, рабочее население Выборгской стороны отдало свои голоса списку нашей партии. В члены Думы прошло много старых большевиков, в том числе Надежда Константиновна Крупская. Когда была создана районная управа (исполнительный орган думы), Надежда Константиновна возглавила в ней культурно-просветительный отдел.

Отдел помещался в большой квадратной комнате на втором этаже дома районной управы (Б. Сампсониевский, 62). Вся обстановку комнаты составляли три стола, обтянутые черной клеенкой, и несколько старых, пошатывающихся стульев. В углу стоял шкаф для хранения бумаг, но бумаг в нем было мало, так как технического аппарата в отделе не было, дело-производства почти не велось, на всю управу имелась одна машинистка — пожилая женщина с большими пальцами. Если что и писалось, то писалось от руки, без копий, а в большинстве случаев ничего не писалось, обходились без документов.

При культурно-просветительном отделе имелся постоянно действовавший Совет, который состоял из представителей районного Совета, фабзавкомов, профсоюзов, союза рабочей мо-

лодежи и прочих рабочих организаций. Позднее в него входил и представитель штаба Красной гвардии района.

Основными работниками отдела были Дмитрий Ильич Лещенко, который читал по району лекции и делал доклады, и Екатерина Павловна Шалагинова, ведавшая дошкольными учреждениями. С августа в отделе стала работать Ольга Алексеевна Стецкая* (Сергиевская), которая занималась школами для взрослых. В работе отдела принимали также непосредственное участие большевики, ведущие в районе культурно-просветительную работу: Маргарита Васильевна Фофанова, Елизавета Яковлевна Драбкина, Любовь Юрьевна Левит, Софья Ильинична Шульга и др.

Руководителем, сердцем всей работы отдела была Надежда Константиновна.

На работу она приходила очень рано. Жила она тогда на Широкой улице, на работу часто шла пешком. Стоило ей показаться на улицах Выборгской стороны, как, завидев ее, к ней подходил то какой-нибудь рабочий, то солдатка, то женщина-работница, а то и несколько человек сразу, и провожал ее до самой управы, делясь с ней своими заботами и нуждами.

За самое короткое время Надежду Константиновну узнало и полюбило все рабочее население Выборгской стороны. Надежда Константиновна постоянно бывала на предприятиях района. К ней непрерывно шли рабочие, работницы, солдатки не только Выборгской стороны. Она выслушивала их с большим вниманием, больше слушала, меньше говорила, но по тому, как уходили ее посетители, было видно, что они получили ответ на волновавшие их вопросы.

При всей своей огромной занятости в Надежде Константиновне никогда не было ни суетливости, ни торопливости. Собеседник Надежды Константиновны никогда не чувствовал, что у Надежды Константиновны нет уже времени для продолжения разговора с ним. Такой Надежда Константиновна была всегда..

Особенной популярностью пользовалась Надежда Константиновна у солдаток — жен и вдов солдат, сражавшихся на фронте. Они приходили к ней в управу, просили прочесть им вслух полученные ими письма, потом диктовали ей свои письма, переполненные поклонами и горестными рассказами о голоде, о безработице, приносили Надежде Константиновне, чтоб показать, своих грудных ребятишек. Сколько было в ней доброты, участливости, умения понять несчастную женщину, которая пришла к ней за советом и утешением!

В работе отдела не было никакой формалистики. В памяти не сохранилось никаких форм учета прихода и ухода с работы. Работы было так много, и работалось с таким увлечением, что этого и не требовалось. Не страх опоздать на работу, ко-

* В данных воспоминаниях авторы пишут о себе в третьем лице. — *Сост.*

который где-то будет записан, а забота пораньше заставить Надежду Константиновну, переговорить с ней заставляла нас пораньше прийти в отдел. У каждого из нас были вопросы, по которым надо было переговорить с Надеждой Константиновной, выслушать ее советы, рассказать ей, что сделано вчера. Без этого, особенно нам, молодым и неопытным работникам, трудно было двинуться дальше.

Надежда Константиновна хорошо знала всех работников района. Этому помогало и то, что она принимала деятельное участие в работе районной партийной организации, была членом райкома партии и очень дружила с секретарем райкома Женей Егоровой. Была она также тесно связана с работой районной организации Союза молодежи. Ряд активных работников района — гг. Михайлов (председатель Выборгской управы), Кучменко, Чугурин, М. В. Фофанов, Тарасова и многие другие постоянно бывали у Надежды Константиновны.

Благодаря знанию людей в районе Надежда Константиновна создала для работы культурно-просветительного отдела широкую опору, без которой никогда не удалось бы за такое короткое время и в таких трудных условиях сделать так много, как было сделано.

Работала она бесконечно много: посещала фабрики и заводы, бывала в райкоме, выступала на заседаниях, присутствовала на занятиях в школах.

Она считала, что работа может идти на лад только тогда, когда руководитель принимает в ней непосредственное участие. Как-то в разговоре с О. А. Стецкой, занимавшейся организацией школ взрослых в районе, она сказала: «Думаю, что вашей работе очень поможет ваша непосредственная работа в школе. Возьмите какой-нибудь класс и ведите его сами». После этого разговора О. А. Стецкая пошла работать в школу на заводе «Розенкранц» (теперь это завод «Красный выборжец»). Опыт работы в этой школе помог ей исправить недочеты и наладить занятия в других школах.

Работе школ взрослых Надежда Константиновна придавала большое значение. Она часто говорила о тяге рабочих к знанию, о том, насколько важны для них эти знания, что революцию особенно нужны грамотные люди. Она инструктировала О. А. Стецкую, как надо организовать школу, с каких заводов надо начинать, к кому надо обратиться на заводе, проявляя при этом прекрасное знание обстановки и состава рабочих. Она живо интересовалась ходом организации школ, радовалась быстрому росту их количества и непрерывному увеличению их посещаемости. Она расспрашивала, как проходят занятия, какие вопросы задают рабочие.

В том, какое значение придавала Надежда Константиновна получению знаний рабочими в период революции, ярко проявлялось ее общее отношение к работе культурно-просветительного отдела: главным в этой работе для нее было именно привлечение людей к революции. Поэтому неправильно проводить какое-то деление между работой Надежды Константинов-

ны на Выборгской стороне в области культуры и ее партийной работы: и та и другая были для нее одной работой, неотрывной одна от другой. В отличие от многочисленных тогда буржуазных деятелей, которые видели задачу культурно-просветительной работы в грамоте ради грамоты, культуре ради культуры, Надежда Константиновна ставила целью приобщение людей к культуре ради вовлечения их в революцию, ради того, чтоб сделать их сознательными и полноценными борцами за социализм.

Товарищи не всегда понимали важность работы культурно-просветительного отдела, считали ее второстепенной и даже третьестепенной. Надежде Константиновне приходилось немало воевать против такого отношения к этой работе.

Особенно было трудно находить людей для работы среди детей. Когда одного из авторов, Е. Я. Драбкину, Я. М. Свердлов послал на Выборгскую сторону и Надежда Константиновна сказала, что надо будет организовать детскую площадку, Е. Я. Драбкина ответила на это, что она «хочет совершать революцию, а не вытирать ребятишкам носы».

— Эта работа так же нужна революции, как и всякая другая, — ответила Надежда Константиновна. — Выборгская сторона — крупнейший рабочий район Петрограда. Рабочие нашего района идут за большевиками, и в нашей районной думе большинство принадлежит нашей партии. И вот мы должны здесь, в нашем районе, показать всему трудовому народу, кто такие большевики, как они относятся к трудящимся и их детям. В будущем, когда наша партия возьмет власть, мы будем строить детские сады и ясли. А сейчас у нас денег мало, помещений нет. Поэтому будем делать пока то, что мы можем: устроим в нашем районе несколько детских площадок. Для того чтобы победила революция, нам придется делать всякую, даже самую черновую работу. В том числе и вытирать детские носы...

И Надежда Константиновна сама пошла искать место для будущей площадки, а потом договорилась с товарищами из Союза рабочей молодежи о том, чтоб они помогли убрать площадку и достать игрушек.

Союз рабочей молодежи вообще был одним из деятельнейших помощников во всей работе нашего отдела. Оно и понятно. Весь рабочий класс был тогда охвачен тягой к знаниям, но у молодежи, не имевшей до революции никакой возможности получить образование, эта тяга была особенно сильна...

Между тем события в стране развивались. Сначала демонстрация 18 июня, которая показала, что петроградский пролетариат идет за большевиками, затем июльские дни. Партия перешла на полуполюгальное положение. Владимир Ильич вынужден был скрыться от грозившей ему расправы. Надежда Константиновна продолжала работать на Выборгской стороне. По-прежнему она рано утром приходила в управу, по-прежнему весь день посвящала самой разнообразной деятельности. Внешне она была очень спокойна и ровна, но видно было,

каких нечеловеческих усилий стоит ей это внешнее спокойствие.

Подошел август, а потом сентябрь. Все силы партии и петерского пролетариата все более сосредоточивались на решении великой всемирно-исторической задачи: на подготовке вооруженного восстания. Это сказалось, конечно, и на нашей работе. С одной стороны, эта работа как бы пострадала: в такое время не до таблицы умножения и не до правил грамматики, наши учащиеся вместо этого занимались военным строем и стрельбой из винтовок. Но в то же время наша работа выиграла: ее, словно крыльями, подпирала растущая активность рабочего класса. Пусть уроки арифметики и грамоты вызывали меньше интереса, но зато с каким затаенным дыханием слушались лекции по общественным предметам: истории, политической экономии, положению рабочего класса в России и в других странах!

И вот настал октябрь, великий октябрь семнадцатого года! Теперь уже вооруженное восстание сделалось непосредственной задачей дня, которой было подчинено все. Работа нашего отдела приобрела новый характер: мы организовывали концерты на предприятиях и в красногвардейских отрядах. На них выступали пролетарские поэты со стихами, которые были не слишком-то умелые по форме, но содержание которых полностью соответствовало тому, чем жил рабочий класс. Исполнялись там и произведения Верхарна, и революционные песни, которые пели всем залом.

Теперь Надежда Константиновна особенно много времени уделяла непосредственной работе районного комитета партии и все больше связывала нашу работу с общей партийной работой в районе. А в последние недели перед Октябрем наши школы почти слились с отрядами Красной гвардии, а в помещении культурно-просветительного отдела и некоторых школ стали работать курсы по подготовке санитаров для будущих боев. В помещении отдела такую работу вела курсистка-медичка т. Фортунатова в дни Октября: она быстро обучала собиравшихся здесь работниц приемам перевязки, тут же формировались отряды «красных сестер», и отсюда они шли для присоединения к отрядам Красной гвардии. В Октябрьские дни работники отдела принимали непосредственное участие в событиях.

На протяжении октября Надежда Константиновна почти не покидала Выборгской стороны: здесь, на Выборгской, шла ее работа, здесь же, в квартире Маргариты Васильевны Фофановой, скрывался Владимир Ильич. Это последнее подполье Владимира Ильича было проведено с предельной конспиративностью. О том, где именно живет Владимир Ильич, знало лишь два-три человека. И хотя Надежда Константиновна не раз бывала в квартире Маргариты Васильевны, но никто из нас, работавших рядом с ней, ни о чем не догадывался.

В ночь на 25 октября, узнав, что Владимир Ильич ушел в Смольный, Надежда Константиновна вместе с Женей Егоро-

вой, усевшись на грузовик, тоже поехала в Смольный. Несколькими днями она провела там, а потом снова появилась на Выборгской стороне, чтобы продолжать свою работу в районной управе.

Она работала там до середины января, а потом перешла на работу в Народный комиссариат просвещения, помещавшийся в здании бывшего Министерства народного просвещения на Чернышевском переулке. Здание было большое, холодное, нетопленое. Быть может, поэтому оно казалось мрачным и неудобным. По стенам висели портреты бывших министров народного просвещения — в том числе и таких заядлых реакционеров, как Делянов и Кассо. Надежда Константиновна замерзала за своим столом, от времени до времени забиралась на диван и сидела там, вся сжавшись и укрыв ноги платком.

Перейдя на работу в комиссариат, Надежда Константиновна не потеряла связи с Выборгской стороной. Мы часто бывали у нее, по-прежнему обращались к ней со своими вопросами, и ее живо интересовало все, что касалось нашего района.

Положение с народным просвещением сложилось тогда архитрудное, в особенности после разгона Учредительного собрания. Интеллигенция отказывалась работать с Советской властью и втянула в саботаж значительную часть учительства. Тогда Надежда Константиновна вместе с Верой Рудольфовной и Людмилой Рудольфовной Менжинскими организовали союз учителей-интернационалистов, в который вступили более передовые учителя. Этот союз сыграл большую роль в деле ликвидации саботажа учителей.

В это тяжелое время Надежда Константиновна продолжала интересоваться работой в Выборгском районе, помогала налаживать работу школ. Так, большая школа на Бабурином переулке, директором которой был Цветков, была закрыта им «впредь до восстановления нормального положения», т. е. впредь до желанного ему падения Советской власти. Помнится, как горячо отозвалась Надежда Константиновна на предложение отдельных товарищей восстановить работу этой школы. По совету Надежды Константиновны быстро был подобран новый состав учителей. Там работали: Мария Борисовна Попова, Михаил Михайлович Давыдов, Рабатюшкова, О. А. Стецкая и др. Почти все учителя были большевиками.

Надежда Константиновна очень интересовалась работой этой школы и всегда расспрашивала о ней, рада была узнать, что школа работает нормально.

Саботаж продолжался. Каждое мероприятие Советского правительства интеллигенция встречала в штыки. Даже выдвинутая Народным комиссариатом просвещения реформа правописания и уничтожения ненавистных всем учителям и учащимся ятей, твердых знаков и «и» с точкой была объявлена интеллигенцией покушением варваров на святыни русской культуры.

Каждый шаг приходилось брать с бою. Недаром тогда бытовало выражение «на фронте народного просвещения». Оно

действительно было фронтом — народное просвещение в те первые месяцы пролетарской революции, когда молодая Советская власть делала свои первые шаги по перестройке мира на новый, социалистический лад.

Но уже тогда среди учительства начала намечаться дифференциация. Из провинции, особенно от сельских учителей, стали приходить приветственные письма. Прошло немного времени — и уже отчетливо наметился перелом в настроении учительства. Огромную роль в создании этого перелома сыграла Надежда Константиновна с ее глубоким умом, щедрым сердцем и неотразимым обаянием.

В марте 1918 года Советское правительство переехало в Москву, и Надежда Константиновна стала работать в Москве. Но всегда, встречаясь со старыми питерцами, она с теплой, светлой улыбкой вспоминала о своей работе на Выборгской стороне. Да и на Выборгской стороне всегда жива память об этой замечательнейшей большевичке, жене, друге и соратнице Владимира Ильича Ленина, отдавшей столько сил и времени работе среди трудового населения Выборгской стороны.

*Из фондов Музея
Великой Октябрьской социалистической революции*

О. К. Матюшина

В ПАМЯТИ — НАВСЕГДА

— Привет, сестрички, что вы сидите дома в такой чудесный вечер?

— Надежда Константиновна! Чаю хотите?

А Крупская подошла к Люде, села рядышком с ней и принялась что-то шептать.

«Конспирация!» — поняла я и пошла в кухню ставить самовар.

Моя сестра два года высидела в одиночке, потом бежала из сибирской ссылки. Товарищи переправили ее за границу. В Женеве стала секретарем Крупской. В 1905 году эмигранты вернулись в Россию. Люда снова поступила в Женский медицинский институт. Надежда Константиновна иногда заходила к ней, и Люда, по-видимому, продолжала помогать ей в чем-то.

Сестра рассказывала мне, какую огромную работу Крупская вела в Женеве. У нее не было ни секунды свободного времени. Ведь она расшифровывала все письма, полученные Владимиром Ильичем из России, сочиняла какие-нибудь невинные тексты, а между строк вписывала химическими чернилами зашифрованные ею же ответы. Им приходилось просиживать за этой очень трудоемкой и требующей точности работой до поздней ночи. Но никогда никто не слышал от Крупской ни слова жалобы...

Я принесла из кухни кипящий самовар.

— Садитесь, Надежда Константиновна.

— Некогда, Оля! Я еще не успела сказать главного, зачем пришла!.. Слушай, Оля, вот у меня какое дело: надо подобрать небольшую библиотечку и завтра же выслать ее... Но я совсем забыла!.. Завтра же царский день, все магазины будут закрыты. Придется подумать, нет ли у тебя какой-нибудь лазейки во «Вперед», может быть, по черному ходу?

— Конечно, есть, Надежда Константиновна. Да в такие дни мы работаем больше обычного, но при закрытых дверях.

— Оля, так как же мне попасть к вам завтра?

— Пойдем пораньше. У меня есть ключи от черного хода. Я должна незаметно впустить всех товарищей, что завтра будут работать. Мы быстро подберем вашу библиотечку.

Рано пришла за мной Надежда Константиновна. Весеннее яркое солнце освещало спокойную, ровную гладь Невы. Мы шли пешком по еще пустынному Троицкому мосту.

— Какая красота!

Надежда Константиновна взяла меня под руку и тихо заговорила:

— Как редко нам приходится любоваться природой, бывать в театрах, слушать музыку!.. Но когда хоть немного коснешься прекрасного, чувствуешь так глубоко...

Она замолчала. Нева тихо плескалась о гранит набережной.

В издательство мы пришли очень рано, но список нужных Крупской книг был велик. Вынув его из сумочки, она читала мне авторов и названия.

Я уже подбирала книги, когда в кабинете заведующего зазвонил телефон.

— Извините, Надежда Константиновна! Осталось еще два названия. Они вот там наверху. Я достану, когда вернусь.

— Идите, идите!

Меня немного задержали у телефона. Когда я возвратилась в магазин, вижу: Крупская, неумело приставив лестницу, забралась на самый верх. Шкафы у нас были высокие, до потолка, а лестницы, грубо сделанные,— неустойчивые. Мы приспособились к ним, привыкли сохранять равновесие, переставляя книги на любой высоте. Для непривычного же человека это было рискованное дело. Лестница под Надеждой Константиновной шаталась. Она не решалась протянуть руку к полке. «Вот-вот упадет!» — испугалась я. Быстро пододвинула вторую стремянку, забралась наверх и помогла ей спуститься.

— Зачем вы не подождали меня, Надежда Константиновна? Я же сказала, что все вам достану!

Крупская как-то по-детски смущенно улыбнулась.

— Ты уж прости! Не хотелось затруднять тебя. И без меня так много работы,— застенчиво и виновато сказала она.

Такой и была Надежда Константиновна, скромная, душевная, всегда готовая все сделать для других и глубоко благо-

дарная за самую ничтожную помощь себе. Она так боялась затруднить кого-нибудь, причинить беспокойство, отнять время.

Помню, много позднее, другой эпизод: я вот так же собрала ей нужные книги. Надежда Константиновна затолкала их в свою объемистую кошелку и, довольная, счастливая, так благодарила, что даже неловко сделалось.

— В этом же и заключается работа книжника — снабжать литературой,— говорила я.

Ушла Надежда Константиновна, а я стояла возле стола и думала: «Как глубоко она ценит любую услугу. Но в жизни больше других людей: обычно никто даже не замечает, что человек помог им от всего сердца».

Я уже хотела выйти со склада, когда заметила на стуле небольшую сумочку.

«Да ведь это она забыла! А тут, наверное, и деньги, и ключи...»

Не задумываясь, я накинула платок и бросилась догонять Надежду Константиновну. Бегу по Стремянной, почти целый квартал, догнала, отдаю ей сумочку. Надежда Константиновна разволновалась, даже покраснела:

— Зачем вы так бежали! Да я бы сама спохватилась и вернулась! Теперь простудитесь...

Она жала мне руку так горячо, будто я совершила какой-то подвиг. Если Надежду Константиновну попросить о чем-нибудь, она не жалует ни времени, ни сил, чтобы выполнить просьбу. А когда заметит, что тебе грустно, тихонько погладит по голове и, ласково улыбаясь, процитирует: «Разве есть море без бурь и подводных камней?»...

Больше десятилетия я не видела Надежду Константиновну. Вместе с Лениным она до апреля 1917 года была в эмиграции.

Я работала в то время в партийном издательстве «Жизнь и знание», тоже под руководством Бонч-Бруевича.

Однажды в середине апреля я просматривала большую почту, которую мы получали каждый день. Зазвонил внутренний телефон.

— Вы мне очень нужны, Ольга Константиновна,— сказал Бонч-Бруевич. — Поднимитесь наверх!

Вхожу в кабинет заведующего, а мне навстречу — Надежда Константиновна. Обняла. Сказала:

— Вот мы и увиделись!

И было так радостно, и так невозможно поверить, что существовали эти десять лет. Казалось, что мы виделись только накануне.

Через несколько дней Крупская опять зашла в издательство.

— Надежда Константиновна, работы вам теперь тьма! — сказал ей Бонч-Бруевич. — Вопросы народного образования страшно интересуют учителей. Они требуют книг, а дать им нечего.

И тогда Крупская рассказала нам, что еще в 1916 году Владимир Ильич переслал ее рукопись «Народное образование и демократия» в издательство «Парус», чтобы Горький напечатал ее.

— Тогда же он отправил и письмо Алексею Максимовичу,— добавила она.

— И «Парус», конечно, не удосужился напечатать? — насмешливо сказал Бонч. — Надежда Константиновна, рукопись не с вами?

Лицо Крупской порозовело. Волнуясь, она с трудом вытащила толстую папку из своей сумки. А Владимир Дмитриевич просто сказал:

— Вот и отлично! Оставьте ее. Через несколько дней у нас редакционное собрание, и я уверен — мы срочно издадим вашу работу!

Должно быть, Надежде Константиновне было очень трудно попросить о своей книге. После заверений Бонча она даже ничего не сказала, молча нам поклонилась и быстро вышла из кабинета.

После Великой Октябрьской революции я не раз встречалась с Надеждой Константиновной в Смольном. Но тогда все было так занято, вечно так торопились, что даже словом не удавалось перемолвиться. Только пожмешь друг другу руку, обменяешься улыбкой и несешься дальше.

Коротки были дни творческой, созидательной работы. Немцы подошли к Пскову. 10 марта 1918 года правительство переехало из Петрограда в Москву.

Я не повидалась с Надеждой Константиновной перед ее отъездом. Но она не забывала меня в Москве. Примерно через год, через полтора пришло официальное постановление Наркомпроса о том, что я назначаюсь заведующей Всероссийским библиотечным коллектором.

Работать с человеком, обладающим прямоотой, огромной моральной силой и большой человечностью, было бы счастьем. Я чувствовала, как широко можно развернуть библиотечную работу в нашей молодой республике. Но мне пришлось отказаться от приглашения Крупской. Я заведовала в то время Петроградским отделением издательства «Коммунист» и не могла уехать из Петрограда.

Учительская газета, 1967, 11 мая

М. М. Свещинская

ЕЕ ИМЯ ВОШЛО В МОЮ ЖИЗНЬ

Я имела счастье несколько раз видеть и говорить с Надеждой Константиновной в начале 30-х годов...

Из послеоктябрьской деятельности Н. К. Крупской вытекала идея подготовки квалифицированных руководителей политпросветработы. По ее инициативе был для этого создан в

Ленинграде институт, шефом которого она как бы само собой стала с самого начала его существования. Впоследствии Институт стал официально называться ее именем. Имя институту было дано потому, что он действительно и на деле был ее созданием, ее детищем.

В институте в конце 20-х и в 30-е годы было 4 отделения (факультета): библиотечное, клубной массовой работы, антирелигиозное и школьное (подготовка кадров для школ взрослых).

В 1930 году я перешла на работу в институт преподавателем, а затем заместителем директора по учебной части. В своей каждодневной учебной и воспитательной работе институт был тесно связан с Надеждой Константиновной и всегда чувствовал ее внимание и поддержку, она всегда давала детальные указания о работе — ведь опыта существования такого учебного заведения еще не было. Она интересовалась планами нашей учебной и научной работы, программами по отдельным дисциплинам, особенно специальным и библиотечным, интересовалась качеством принятых студентов, распределением и работой окончивших. Политический и педагогический опыт Надежды Константиновны был руководством для института.

Во время своего приезда в Ленинград в 1931 году она посетила институт, выступала перед коллективом, беседовала с преподавателями, студентами. А работники института, бывая по делам в Москве, всегда заходили к Надежде Константиновне, советовались с нею, а она уже помогала быстрее и лучше продвинуть наши дела в соответствующих организациях.

Также и я, когда работала заместителем директора и приехала по делам института в Москву, встречалась несколько раз с Надеждой Константиновной. Это было в здании Наркомпроса на Чистых Прудах. Надежда Константиновна назначила день и час, когда может принять, рабочий день ее был точно расписан, уплотнен, «лишних минут» у нее не было, и распорядок точно соблюдался, это знали все и за этим строго следила ее секретарь В. С. Дридзо.

В первый раз, когда я шла к Надежде Константиновне, я очень волновалась, даже боялась, — что скажу, как себя держать, о чем она спросит? Как бы не забыть чего, не попасть впросак. А когда от нее шла, мне было легко, хорошо. У нее был небольшой кабинет, где стоял письменный стол и перед ним два кожаных кресла, больше в кабинете ничего не было. Стол против двери — какходишь, сразу видишь ее. И кабинет, и ее стол, и она сама — все было просто и скромно.

Надежда Константиновна с первых же слов своим тихим, немного глуховатым голосом, спокойным тоном, внимательным и уважительным отношением дала мне прийти в себя. Когда я вошла, она сидела за столом, но встала, подавая руку. Так же вставала она при встрече всегда, а прощаясь, выходила иногда из-за стола. А ведь кроме всего прочего, я была на 35 лет моложе ее! Движения ее были неторопливы, она каза-

лась усталой, видно было, что она больна. И тем не менее всегда была приветлива, доброжелательна. Все присланные ей заранее программы, материалы уже были ею просмотрены, иногда на их полях были ее заметки, но чаще она устно высказывала свое мнение, только успевая все записать. В работе она была строга и требовательна, мы много раз обсуждали и поправляли материалы, которые ей посылали.

Когда я уходила от нее, я всегда была полна какого-то чувства торжественности, благодарности, бесконечного к ней уважения,— покоряли ее ум, чуткость, простота, доступность и глубокое понимание сути обсуждаемого вопроса. Ее уважительное отношение к посетителю всегда вдохновляло, вливало какую-то новую энергию, любовь к своей работе.

Прощаясь, она всегда передавала привет «ленинградцам». И вообще слово «ленинградцы», а особенно «питерцы» употребляла часто: смотрит какой-нибудь материал и не просто говорит, что это правильно или неправильно, а «это у ленинградцев правильно сформулировано» или «это питерцам надо было бы сделать так-то». Слово «ленинградцы», «питерцы» звучало у нее возвышающим признаком, как бы высокой меркой, ей особенно близкой. Ее интересовало все, что касалось Ленинграда. Ленинградцы платили ей той же любовью. Известно, как часто навещали ее делегации ленинградских учителей, студентов, работниц, школьников, как много писем получала она из Ленинграда.

Всю политпросветработу она считала глубоко творческой, требующей инициативы, политической зрелости, умелого подхода к массам. «Избы-читальни, дома культуры, библиотеки, школы взрослых всех типов, краеведная, экскурсионная работа — все эти участки культурной работы должны быть пропитаны духом марксизма-ленинизма, должны ориентироваться на текущие задачи соцстроительства», — говорила Крупская.

Продвижению хорошей, доступной по содержанию книги, развитию сети библиотек придавала она особенно большое значение.

В те годы еще живуч был спор, чем должна быть библиотека, какова должна быть ее роль в общественной жизни страны, — должна ли библиотека стремиться только к тому, чтобы повышать культурный и образовательный уровень народа, или библиотека должна приобщать читателей к общественной и политической жизни страны, повышать их активность в преобразовании советского общества. Это были остатки борьбы между «культуртрегерами», которых было немало в библиотечной работе, и новым направлением, рожденным революцией и потребностями преобразования страны, направлением к новой, к политико-воспитательной работе библиотек.

Передовые студенты-коммунисты требовали разработки программ на основе ленинских высказываний, задач и решений партии о пропагандистской и агитационной работе, о коммунистическом воспитании взрослых. Библиотекарь должен не механически выдавать книгу, а быть советчиком, пропаганди-

стом, воспитателем. Надежда Константиновна помогла институту преодолеть рутину дореволюционной аполитичности, так как «политпросветчик ни на минуту не должен забывать о том, что задача политпросветов воспитывать в массах революционное миросозерцание».

Были у института в 30-е годы трудности, неясности и с школьным факультетом, который тогда готовил руководителей вечерних школ взрослых. Кончающие тогда институт не имели специальной подготовки ни по одной школьной дисциплине. Это были как бы администраторы-беспредметники, и неудивительно, что этот факультет был впоследствии ликвидирован. Профиль института, необходимость тех или иных его отделений — все это решалось под руководством Н. К. Крупской.

В начале 30-х годов возникла необходимость подготовки научных кадров политпросветработы, которые могли бы обобщить и проанализировать накопленный опыт и разработать теоретические основы дальнейшего развития необходимых специальностей. По инициативе и при поддержке Надежды Константиновны в институте была создана первая в нашей стране аспирантура по библиотечной, клубной и антирелигиозной работе.

По всем вопросам своей работы институт руководствовался мыслями и пожеланиями Надежды Константиновны, а политическое ее руководство институт рассматривал и как ленинское наследие, ведь мысли о формах творческой роли масс и о вовлечении их во все сферы государственной деятельности в свое время были продуманы и выношены вместе с В. И. Лениным.

Обращаясь к работникам института, Надежда Константиновна писала в 1935 году: «Хочется мне, чтобы Ленинградский Политпросветинститут стал образцовым. Это большое дело и разрешено оно может быть лишь при самом активном Вашем участии. Я на него крепко надеюсь». Какое уважение к коллективу, какая вера в него! А за несколько недель до своей смерти, в 1939 году, она прислала студентам-выпускникам телеграмму: «Держите крепче связь с массами, проводите в жизнь заветы Ленина»...

*Культурно-просветительская деятельность
Н. К. Крупской. Л., 1969.*

М. В. Росляков

ПАМЯТЬ ДАВНИХ ВСТРЕЧ

Особенно памятны мои встречи с Надеждой Константиновной Крупской, относящиеся к 1931—1935 годам. Тогда мне, члену бюджетной комиссии ЦИК СССР IV созыва, приходилось участвовать в рассмотрении государственного бюджета.

В те времена, как и теперь, государственный бюджет Со-

ветского Союза перед утверждением в установленном порядке обсуждался в бюджетной комиссии. На ее заседания вызывались представители наркоматов и ведомств.

Надежда Константиновна, являясь заместителем народного комиссара просвещения А. С. Бубнова, руководила политико-просветительной работой среди взрослых. В ее ведении находились библиотеки, дома культуры, клубы, избы-читальни. Она посещала заседания комиссии в те дни и часы, когда рассматривались вопросы финансирования учреждений культуры.

Заседания проходили во втором этаже нынешнего ГУМа на Красной площади в Москве. Председателем комиссии был старый большевик Сергей Егорович Чуцкаев, хорошо известный Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне еще по годам жизни в Сибири.

В назначенный час Н. К. Крупская появлялась в комнате заседаний. На ней скромное простое платье темного цвета. Волосы гладко зачесаны назад, несколько усталое лицо, добрые, внимательные глаза.

Приходила она обычно в сопровождении одного-двух сотрудников наркомата. При ее появлении члены комиссии спокойно продолжали работу; мы хорошо знали, что подчеркнутое внимание могло только стеснить ее, обидеть.

Когда Надежде Константиновне предоставляли слово для замечаний, она просила разрешения докладывать сидя — у нее болели ноги. Затем подробно и обстоятельно излагала сущность просьбы на дополнительные, сверх принятых Наркомфином бюджетные ассигнования. В ее голосе, в манере речи никогда не было просящих ноток или категорических требований.

Она говорила тихо, но четко — о важности библиотечного дела, о тех или иных недостатках в нем. С большой любовью и уважением отзывалась о библиотекарях, избачах. Порой с горечью приводила примеры того, как некоторые руководители, не понимая важности труда работников культуры, небрежительно относятся к их нуждам. При этом в ее словах звучало не осуждение поступков руководителей, а сожаление о недопонимании ими роли культпросветчиков в деревне.

Называя цифры необходимых дополнительных ассигнований на развитие культурной жизни сел и деревень, она как бы стеснялась обременить этим государственный бюджет. Между тем ее доводы не вызывали у нас сомнений в необходимости удовлетворить просьбу.

В своих выступлениях на комиссии она иногда ссылалась на В. И. Ленина: «Владимир Ильич ценил это дело, понимал всю сложность труда работников культуры в темных, далеких уголках нашей страны». Она, конечно, прекрасно знала, что в состав комиссии входят опытные, достаточно эрудированные люди, но считала себя обязанной тактично и обстоятельно пояснить нам нужды сельской культурной жизни.

Очень свежо сохранился в моей памяти облик Надежды Константиновны. Вздохнет, виновато улыбнется своей мягкой улыбкой, глаза ее просветлеют, и скажет: «Спасибо, товарищи. Я и вас утомила своими заботами, но что поделаешь...» Теплота, сердечность, глубочайшая увлеченность нелегкими обязанностями — качества, присущие Н. К. Крупской.

Вечерний Ленинград, 1969, 26 февраля

Т. Н. Жирмунская

ТАК ВОЗНИК АЛЬБОМ

Я помню с самого раннего детства маленькую фотографию, пожелтевшую от времени, которая всегда стояла на письменном столе моей матери. На фотографии была изображена девушка в простом черном платье, со скрещенными на груди руками, с глубоким взглядом ясных светящихся умом глаз под удивительным взлетом бровей и по-детски чуть пухлыми губами.

Это была школьная подруга моей матери — Надежда Константиновна Крупская...

Самое раннее, очень сильное впечатление, связанное с именем Надежды Константиновны, относится к 1905 г., ко времени ее первой эмиграции.

...Мне прислали из Швейцарии куклу в подарок — большую, красивую, с закрывающимися глазами (сопроводительное письмо затерялось). Как-то понадобилось ее починить — оторвалась нога. Куклу отнесли в мастерскую. Возвращая ее, мастер сказал моей матери: «Надо быть осторожнее... Попадись ваша кукла в другие руки — вышли бы неприятности...» При ремонте обнаружилось, что она набита нелегальной русской литературой. Когда вспороли белую лайку, которой была обтянута кукла, посыпались листки газеты «Вперед», напечатанные на папиросной бумаге, со статьями В. И. Ленина «Революция в России», «Петербургская стачка» и другими. Эта газета издавалась в Женеве в 1904—1905 гг. Все это я узнала позже. Мама сказала, что Надежда Константиновна Крупская, ее школьная подруга, была секретарем газеты. Я еще не понимала тогда, что это слово значит. Но имя Надежды Константиновны запомнилось мне с тех пор навсегда.

Потом в мою жизнь вошли другие, новые для меня понятия: «свержение самодержавия», «подполье», «революция», неизменно связанные с Надеждой Константиновной. Я бережно хранила «нелегальную» куклу и чем старше становилась, тем большим почтением проникалась к ней. Кукла прожила у меня 38 лет. Она сгорела в 1942 г. во время бомбежки Ленинграда...

Впервые я встретилась лично с Надеждой Константиновной только в 1928 г. Москва. Наркомпрос. С волнением я вошла в кабинет Крупской. Передо мной сидела пожилая жен-

щина с внимательным, ласковым и мудрым взглядом живых глаз и легкой усмешкой в уголках рта. Заколотые сзади узелком, посеребренные сединой волосы прядками спускались у висков.

Я не знала, найду ли слова. Но Надежда Константиновна обратилась ко мне необычайно ласково и приветливо. Зная от моей матери, что я художник, она сказала, что сама очень любила рисовать в детстве и в молодости, даже когда стала учительницей школы для взрослых. Надежда Константиновна спросила, нравится ли мне художник В. В. Верещагин, и рассказала, как отец повел ее, одиннадцатилетней девочкой, на выставку Верещагина, посвященную русско-турецкой войне. Полотна художника, и особенно «Апофеоз войны», потрясли ее. На всю жизнь запомнились ей картины сражений, убитые солдаты и офицеры в белых перчатках.

Надежда Константиновна рассказала, как в годы эмиграции ходила на художественные выставки. Она высоко ценила настоящие произведения искусства, любила и знала не только русских, но и западноевропейских мастеров, хотя была очень скромного мнения о своих познаниях в этой области. Позже в одном из писем ко мне она писала: «Я — не спец по этой части».

Приезжая в Москву, я навещала Крупскую в Наркомпросе. Она всегда была очень занята, но встречала меня радостно, сажала возле себя, расспрашивала о моей матери, отце, очень интересовалась Ленинградом... «Рабочий Питер» — называла она его ласково. Она шутила, что даже цвет глаз у нее «петербургский».

В одну из встреч с Надеждой Константиновной я просила разрешить мне сделать ее портрет с натуры. Не так-то легко было уговорить Крупскую — она не любила, чтобы ее рисовали и даже публиковали фотографии. Но все же, после уговоров, согласилась...

Я рисовала Надежду Константиновну в Наркомпросе, во время приема, в ее рабочем кабинете. Другого времени у нее не было, да она никогда и не стала бы тратить время на позирование — это было не в характере Крупской. Единственное, о чем я просила Надежду Константиновну, — разрешить мне сидеть возле письменного стола, так, чтобы видеть ее лицо, обращенное к посетителю. Она беседовала с людьми, совершенно забывая, что ее рисуют, и выражение лица Крупской, глаза были все время оживленными. В разговоре с людьми она вся как будто светилась каким-то внутренним светом. Когда я кончила рисовать, Надежда Константиновна, взглянув на рисунок, сказала:

— Глаза хороши... — И со смущенной улыбкой добавила: — Трепа я, трепя...

Часы, проведенные мною в кабинете Надежды Константиновны во время наших «сеансов», я никогда не забуду. Я увидела Крупскую — государственного деятеля в прямом общении с народом. В кабинете ее всегда было много посетите-

лей, приходивших к ней за советом, с просьбами самого различного характера. К ней стремились люди из далеких уголков страны и поверяли ей общественные и личные нужды. Надежда Константиновна была со всеми необычайно приветлива, горячо отзывалась на каждую просьбу. Я почувствовала, как Крупская любила людей. Умела говорить с ними. Слушать их. Она сидела скрестив руки на груди и слегка подавшись вперед (это была ее любимая поза), словно боясь проронить хотя бы одно слово из того, что говорил ей собеседник.

Каждая новая встреча с Надеждой Константиновной раскрывала мне новую, необычайную грань ее души. С каждым разом ее образ становился мне ближе и понятнее.

Разные люди обращались к Крупской за помощью. Но особенно ждали ее советов деятели искусства — художники, работающие над образом В. И. Ленина. И она находила время, чтобы лично поговорить с каждым, дать нужный совет.

Как-то Надежда Константиновна сказала мне с грустью, что в произведениях живописи подлинный, живой Ильич еще не найден. Больше других ей нравились портреты Владимира Ильича художника Н. А. Михайловского, в частности портрет, где Ленин стоит, опершись о стол и слегка наклонившись вперед, и портрет, где он сидит на фоне зелени в Горках. Надежда Константиновна считала, что особенно в этих портретах художнику удалась глаза.

Образ Ленина казался ей наиболее правдивым в некоторых скульптурных работах Н. А. Андреева, выполненных с натурой...

Я услышала как-то выступление Крупской на комбинате «Трехгорная мануфактура». Она говорила тихо и неторопливо, проникновенно, словно беседуя о самом важном и нужном. С первых же слов она овладела вниманием аудитории. Надежда Константиновна говорила всегда очень просто, каким-то особым своим языком, необычайно выразительным. Мысли, принципы излагала сжато и четко. Так же и писала, при этом любила употреблять какие-то свои, часто ласковые словечки.

В последние годы она жаловалась на физическую усталость. «...Эту зиму у меня невероятное количество работы, а сил уже немного», — писала Надежда Константиновна в письме к моей матери. «Я совсем замоталась последнее время, отдыхом что-то мало пахнет...» — писала она мне.

Как-то, заметив ее утомленный вид, я осмелилась заикнуться, не оставить ли ей работу в Наркомпросе и писать только свои воспоминания. Надежда Константиновна почти изумилась. «Сейчас так много нерешенных еще задач», — сказала она тихо. Я поняла: не может она, революционер, страстный пропагандист ленинских идей, жить только воспоминаниями, оторваться от общения с людьми, которых так горячо любила.

Весной 1936 г. Надежда Константиновна взяла меня с собой в Музей В. И. Ленина в Москве, когда он еще готовился

к открытию. Я почувствовала, сколько души она вложила в этот музей, отразивший великий путь Ленина. Мы шли по пустынным еще залам. Надежда Константиновна останавливалась перед одним стендом, перед другим. Каждый зал был ей дорог по-особенному.

Мы вошли в последний зал. Надежда Константиновна остановилась перед стендом с письмами и телеграммами Владимиру Ильичу от рабочих во время его смертельной болезни. Трудно читать эти письма без волнения. Надежда Константиновна прочитала мне некоторые из них. Я почувствовала, какое великое горе таится под этим внешним мужественным спокойствием.

Когда подошел 70-летний юбилей Крупской, к моей матери были направлены два сотрудника Музея народного образования, чтобы записать ее воспоминания о совместной работе с Надеждой Константиновной в Смоленской школе в 90-х гг. В это же время Надежда Константиновна написала моей матери письмо.

«Дорогая, милая Олечка, чувствую себя ужасно виноватой, что не ответила до сих пор на твое предыдущее письмо. Но эту зиму у меня невероятное количество работы, и сил уже немного, прихожу вечером домой, глаза перестают видеть, приходится выкраивать каждую минуту по утрам. Ну вот то, что я не писала, вовсе не значит, что я это время не думала о тебе, дорогая моя.

Насчет Музея народного образования мне очень хотелось бы, чтобы музей отразил по-настоящему пройденный за годы существования Советской власти путь, чтобы настоящее было крепко увязано с прошлым. У меня осталось исключительно светлое воспоминание от нашей последней встречи, о твоих рассказах о рабфаках, поэтому мне казалось, что необходимо, чтобы Музей по народному образованию покрепче связался с тобой. Я не знаю, что из этого музея вышло. Что они прислали человека поговорить с тобой, это хорошо, но если он все свел к собиранию сведений обо мне, это никуда не годится. Я терпеть не могу юбилеев. Хотелось бы свести связанные с ним разговоры до минимума. Если будут приставать к тебе с этим, пошли их ко всем чертям.

Сейчас культработа быстро пошла на подъем, работа стала становиться лучше, серьезнее. Это воодушевляет очень.

Ну, крепко, крепко тебя целую, обнимаю.

Привет Тане и Н. Н.

15/II-39 г.

Н. Крупская».

Это последнее письмо Надежды Константиновны к старой школьной подруге. Через двенадцать дней перестало биться ее большое уставшее сердце.

Передо мной лежала газета... Из черной рамки смотрел портрет старой женщины в очках. Седые волосы, знакомая прядка, выбившаяся у виска, внимательный, добрый и мудрый взгляд. От Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) и Совета Народных Ко-

миссаров СССР сообщалось, что 27 февраля 1939 г. в 6 часов 15 минут утра в Москве после тяжелой болезни скончалась старейший член партии, ближайший помощник В. И. Ленина, член ЦК ВКП(б), депутат Верховного Совета СССР Надежда Константиновна Крупская.

Я не могла по болезни поехать в Москву, но в этот скорбный день мне захотелось сделать совсем другой портрет — той задумчивой девушки в простом черном платье, образ которой столько лет волновал меня как художника. Я набросала рисунок углем. Старая, пожелтевшая от времени фотография (с детства я ее видела на столе у моей матери) легла в основу. Через два года я напечатала эстамп-автолитографию «Крупская передсылкой в Сибирь». В 1950 г. сделала новый легкий рисунок карандашом.

Мне приходилось делать и другие портреты, литографии, офорты, которые экспонировались на ленинградских, всесоюзных и зарубежных художественных выставках, но постоянно в разные годы я рисовала Надежду Константиновну Крупскую. Ее образ стал неизменной темой моего творчества...

Еще в 1957 г. я сделала рисунок углем «Н. К. Крупская — учительница вечерне-воскресной Смоленской школы». Я повторяла его несколько раз, искала новое решение для темы «Н. К. Крупская в дни первой встречи с В. И. Лениным».

В 60-х гг. я снова обратилась к портрету Надежды Константиновны в последние годы ее жизни. По наброскам с натуры, сохранившимся у меня с 1936 г., я сделала композиционный портрет углем «Н. К. Крупская во время приема посетителей в Наркомпросе». Мне хотелось выразить в нем ту душевную силу, красоту и щедрость, которую и старость не могла погасить.

У меня появилась мысль объединить все мои рисунки о Надежде Константиновне Крупской разных лет в одно целое, отразив в них, хоть в какой-то мере, основные моменты ее героической жизни. Так возник альбом...

Публикуется впервые

Е. А. Горш

ВЕЧНО ЖИВОЙ ОБРАЗ

Вот уже 55 лет Институт культуры носит имя друга и соратника В. И. Ленина, старейшего члена большевистской партии, видного партийного и государственного деятеля — Н. К. Крупской. С его основания в 1918 году Надежда Константиновна была его идейным руководителем. Я вспоминаю, как радовались и преподаватели и студенты института, когда в 1924 году ему было присвоено имя Н. К. Крупской. Мы понимали, что это означает поворот в работе института. И действительно, под руководством Крупской в 1925 году бывший Внешкольный институт стал на долгие годы Коммунистическим политико-просветительным институтом, готовящим

партийные кадры для культурно-просветительных учреждений — школ взрослых, клубов, библиотек, музеев...

В январе 1931 года по приглашению Выборгского района Н. К. Крупская посетила Ленинград. В этот приезд она побывала и у нас в институте и выступила перед студентами и преподавателями. Весть о приезде Надежды Константиновны привлекла в стены института многих работников-практиков. Зал института был переполнен до отказа. Надежда Константиновна говорила тихо, но в зале стояла полнейшая тишина, с глубоким вниманием присутствующие слушали ее выступление о задачах политико-просветительной работы в условиях индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. К сожалению, речь ее не стенографировалась и никем не записана.

За время своей работы в Ленинградском государственном институте культуры имени Н. К. Крупской мне посчастливилось много раз участвовать на съездах и совещаниях, которые проходили под руководством Н. К. Крупской и не раз беседовать с ней в ее скромном кабинете в Наркомпросе...

Но более всего памятливы мне те небольшие деловые совещания преподавателей Московского и Ленинградского библиотечных институтов по обсуждению учебных планов и программ, которые проходили в конце 30-х годов под руководством Надежды Константиновны в ее кабинете в Наркомпросе. На этих совещаниях, так же как и в личных беседах с Надеждой Константиновной, особенно чувствовался ее ленинский стиль работы...

Каждая встреча с Надеждой Константиновной будила новые мысли, заставляла вдумываться в недостатки подготовки библиотечных работников, искать новые пути в этой работе.

Те, кто знал Надежду Константиновну, кто имел возможность бывать у нее, слушать ее советы, знают, как она умела вдохновить, тактично указать на ошибки в работе и помочь их исправить и в то же время взять от каждого все лучшее, что он может дать.

Особое значение для теоретической разработки одной из библиотеческих дисциплин — курса «Работа с читателями» — имело совещание преподавателей двух библиотечных вузов, состоявшееся в июле 1938 года. Н. К. Крупская детально рассмотрела программу этого курса и указала на ее серьезные недостатки. Она считала, что в этой программе уделено недостаточно внимания вопросам изучения читателей, указала на необходимость более глубокой разработки вопросов самообразования и внесение в программы вопросов методики работы с книгой...

Незадолго до этого совещания, в июне 1938 года, я была по делам института у Надежды Константиновны. По-видимому, она уже готовилась к совещанию. Подробно расспрашивала она меня о точке зрения нашего ленинградского института, о соотношении теории и практики, о постановке учебной практики. Она обратилась ко мне, как преподавателю курса

«Работа с читателями», с вопросом, который я никогда не забуду и о котором я много раз рассказывала студентам — своим ученикам: «А учит ли вы студентов уважать читателей?» При этом она на ярком примере своей работы с рабочими в Смоленских вечерних классах показала недопустимость назидания, опеки в работе со взрослыми учащимися вечерних школ и читателями.

«Иногда,— сказала она,— недостаточно опытные педагоги обращаются к учащимся школ взрослых, как к маленьким ребятам: «Как ты сидишь?», «Как ты пишешь?» Такое обращение со взрослыми недопустимо. Мне, когда я еще в дореволюционное время работала в вечерних школах для рабочих, приходилось иначе подходить к ним. Подойдет, бывало, рабочий, хвалит книжку «Жития святых» — «вот умильная книжка» — никогда не обрежешь такого ученика, возьмешь у него книгу, как бы для просмотра, а потом уже, возвращая ему книгу, расскажешь свое мнение, покажешь вред таких книг. К читателю надо подходить тактично, с уважением, а не опекать его».

Не было ни одной встречи с Н. К. Крутой, на которой она не спросила бы о своем любимом «Питере». Она интересовалась жизнью рабочих тех заводов, с которыми она была связана, спрашивала, с какими заводами и фабриками связаны преподаватели и студенты института, много ли студентов работают в заводских библиотеках, каких именно. При этом всегда вспоминала, как она работала за Невской заставой, сколько рабочих-революционеров выросли на «питерских заводах».

Н. К. Крупская, так же как Владимир Ильич Ленин, была человеком, у которого слова никогда не расходились с делом. Несмотря на ее занятость, она откликалась на все поставленные перед ней вопросы, на бесчисленные письма, которые получала она со всех концов страны.

Вспоминается, как весной 1938 года я приехала в Наркомпрос с текстом письма комсомольским организациям о приеме в институт. Такие письма ежегодно рассылались за подписью Надежды Константиновны. Побеседовав со мной о делах института, о Питере, Надежда Константиновна сказала, что она привыкла просматривать материалы по утрам, и попросила меня зайти за ответом по тексту письма на следующий день. Когда в назначенный час я пришла в ее приемную, секретарь Надежды Константиновны В. С. Дридзе немедленно соединила меня для телефонного разговора с Надеждой Константиновной, которая в этот день в Наркомпросе быть не могла. Сделав замечания по тексту письма, Надежда Константиновна разрешила его рассылать.

В тот же день я могла выехать в Ленинград и незамедлительно начать рассылку письма на места.

Общение с рабочими, колхозниками, учителями и школьниками, с учеными и писателями, с деятелями культуры, политпросветчиками и библиотекарями, с тысячами людей, прихо-

дивших к Надежде Константиновне за мудрыми советами, поделиться своими заботами, горестями и радостями, было чертой ленинского стиля государственной деятельности Крупской.

Надежда Константиновна встречалась неоднократно и со студентами института, носящего ее имя. Она встречалась с ними, когда по поручению Наркомпроса они выезжали на места для обследования состояния культурно-просветительной работы или для проведения курсов подготовки политпросветчиков.

Традиционны были встречи Надежды Константиновны с выпускниками-отличниками перед направлением их на практическую работу.

Чем замечательны были эти встречи?

В результате повседневного общения с широким кругом людей, работающих в различных сферах, Н. К. Крупская прекрасно знала жизнь нашей большой страны, экономические условия, состояние культурно-просветительной работы на местах. Поэтому на встречах с выпускниками она каждому из них рассказывала, с какими людьми, с каким состоянием работы и трудностями они встретятся в той области или районе, куда они едут на работу.

26 февраля 1939 года Ленинградский Коммунистический политико-просветительный институт отмечал два больших события — 70-летие со дня рождения Н. К. Крупской и 20-летие института. Самые теплые слова всех присутствующих на торжественном вечере были обращены к руководителю и другу института — Надежде Константиновне Крупской. Удивляло собравшихся — не было приветствия от нее.

А на следующий день утром была получена печальная весть о ее смерти.

В составе делегации от института я провожала в последний путь Надежду Константиновну — друга великого Ленина, посвятившую всю свою жизнь борьбе за светлое будущее человечества. Эти проводы были полны чувства глубокой любви и уважения народа к Н. К. Крупской.

Вечно живым остался для советского народа дорогой образ Надежды Константиновны, а ее теоретическое наследие — руководством в благородном деле коммунистического воспитания трудящихся.

Публикуется впервые

А. Вольпер

РУКОВОДИТЕЛЬ И ДРУГ

С первого дня организации Народного комиссариата просвещения в 1917 г. Надежда Константиновна Крупская, будучи членом коллегии, а с 1929 г. — заместителем народного комиссара просвещения, непрестанно руководит всей политико-просветительной работой, в том числе и библиотечным делом.

Мы, библиотечные работники, уважаем и любим Надежду

Константиновну не только как бесценного непосредственно нашего руководителя, но и как старого большевика, близкого помощника Владимира Ильича Ленина в его борьбе за победу коммунизма.

Работникам Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина неоднократно приходилось встречаться с Надеждой Константиновной, и каждая встреча оставляла неизгладимое впечатление. Ленинская чуткость, забота и внимание к каждому работнику всегда живо ощущались в теплых словах Надежды Константиновны. Мы чувствовали с ее стороны такое же внимание к библиотеке, какое видели от Владимира Ильича.

Вспоминается встреча с Надеждой Константиновной 25 декабря 1938 г. Она беседовала с нами не как начальник, а как товарищ по работе. С большой любовью расспрашивала нас о работе, интересовалась нашими успехами и причинами неудач, просила рассказать о положительном опыте. Во время беседы Надежда Константиновна вспоминала годы работы в революционном Питере, свои первые посещения Публичной библиотеки и блестяще связывала эти воспоминания с современностью, с насущными задачами нашей работы.

— Я была в Ленинградской публичной библиотеке, — рассказывала Надежда Константиновна, — в первый раз в 1890 г., когда вошла в марксистский кружок и принялась за изучение «Капитала» Маркса. В связи с этим мне понадобилась книжка, теперь уже не помню, какая, которую можно было получить только в Публичной библиотеке. На дом книга не выдавалась. Прочсть эту книжку мне надо было довольно спешно, а запись в библиотеке в число постоянных читателей была довольно канительная. Член нашего кружка, фактически его руководитель — Роберт Эдуардович Классон, предложил мне свой читательский билет. Я согласилась. Получила книжку и начала ее читать. Вскоре мне понадобилась еще другая книжка. Когда я обратилась за ней к библиотекарю, знавшему, очевидно, постоянных читателей Публичной библиотеки, он сказал мне, что читательский билет, который я предъявила, не мой, а студента-технолога Классона. Я растерялась, покраснела до корней волос и сказала, что мне книжка очень нужна, и притом спешно. Библиотекарь посмотрел на меня и не только не поднял скандала, но позволил дочитать полученные книжки и ту, которую я просила добавочно. Он только сказал, что в дальнейшем пользоваться чужим билетом нельзя, надо получить свой, и проверил, знаю ли я, как это сделать.

— Видите, — заключила свой рассказ Надежда Константиновна, — как меня встретили в «Публичке»: поговорили со мной, огнеслись внимательно, чутко, не формально, по-бюрократически. Я думаю, что это правильно, так надо и вам относиться к своим читателям.

Говоря о библиотечной работе, Надежда Константиновна постоянно возвращалась к читателю. Читатель наш, подчер-

кивала она, настолько культурно вырос, настолько самостоятелен, что теперь нужны новые, совершенно иные методы работы с ним. Она интересовалась, делаем ли мы наше дело так, как следует, учитываем ли мы рост читателя, помогаем ли ему.

— Надо библиотечную работу, — говорила она, — сочетать с другими видами политико-просветительной работы, с большой массовой работой.

Особенно интересовал Надежду Константиновну вопрос, чем может помочь библиотека читателю в его самообразовании. С большим интересом она выслушала наш рассказ о консультациях, о выставочной работе, о выездных выставках.

Беседуя с тов. Крупской, мы ощущали ее тесную связь с широкими массами советских людей, пишущих ей по самым разнообразным вопросам. Надежда Константиновна указывала нам на необходимость дать читателю такие пособия, в которых он находил бы ответ на различные вопросы, возникающие в процессе чтения книг и газет. Чувствовалось, что ее сердце бьется горячей любовью к советскому человеку, чувствовалась большая любовь к библиотечному делу.

Наша библиотека в январе 1939 г. праздновала свой 125-летний юбилей. Указом Президиума Верховного Совета СССР библиотека награждена орденом Трудового Красного Знамени. Надежда Константиновна приняла самое горячее участие в подготовке к юбилею, в мобилизации вокруг него внимания всей общественности, в том, чтобы превратить юбилей Публичной библиотеки во всенародный праздник советской культуры.

Учительская газета, 1939, 27 февраля

О. Д. Ульянова

СВЕТЛОЕ ИМЯ — НАДЕЖДА

...С 1929 года и до конца дней своих Надежда Константиновна работала заместителем наркома просвещения РСФСР.

Будучи государственным и партийным деятелем, она написала статьи, имеющие значение и в наши дни. В частности, большой интерес представляет работа Крупской «Количественный и качественный учет», увидевшая свет только в прошлом году (газета «Вечерняя Москва», 11 ноября 1988 г.). Статья удивительно актуальна. Кажется, будто она говорит не из далекого 1926 года, а сейчас, во время перестройки.

Велико педагогическое наследие Надежды Константиновны. АН СССР избрала ее почетным академиком.

Летом 1937 года Надежду Константиновну постигло неожиданное горе — умерла Мария Ильинична Ульянова, самый близкий ее друг. Познакомились они еще в Петербурге — две юные девушки Надя и Маняша. И пронесли свою дружбу через всю жизнь.

Они очень заботились друг о друге. Мария Ильинична старалась убедить Надежду Константиновну хоть понемногу отдыхать. Изредка они вдвоем ездили в Крым, но Надежда Константиновна не любила подолгу отдыхать. Она решалась на такие поездки ради Марии Ильиничны. Иногда они ездили в Дом отдыха старых большевиков Архангельское, но чаще — в Горки. Тетя Надя любила Горки — там все было связано с Владимиром Ильичем. Сколько я помню Горки, комната Владимира Ильича всегда была заперта на ключ, в ней все осталось так, как было в траурный день 21 января. Заходили туда сестры и брат В. И. Ленина, и всегда — Надежда Константиновна... Когда бы мне ни приходилось заглянуть к ней в комнату, она всегда сидела за письменным столом, погруженная в свои дела. Мне она всегда радовалась, усаживала рядом с собой, угощала конфетами. Мы с ней иногда подолгу разговаривали: она советовала, что лучше прочитать из книг, интересовалась моими детскими делами. Так же бывало и в Москве; тетя Надя расспрашивала меня о школе: «Ну как там ваш МОПШК поживает?» Именно она посоветовала моим родителям отдать меня в Московскую опытно-показательную школу-коммуну имени Лепешинского, школу, которую создала она.

Надежда Константиновна вставала обычно очень рано, часов в 5 утра. Ходила тихо, чтобы не разбудить Марию Ильиничну и Полю — заботливую добрую женщину, помогавшую им по хозяйству в кремлевской квартире. Когда я как-то спросила, почему она встает так рано, тетя Надя ответила, что утром ей легко работать, никто не мешает, и она успевает за 2—3 часа многое сделать. Надежда Константиновна старалась и вечером, после работы, присесть хоть ненадолго за письменный стол.

Печальная сидела Надежда Константиновна у гроба М. И. Ульяновой в Колонном зале Дома союзов, где 13 лет тому назад прощалась с Владимиром Ильичем. Тогда, в январе 1924 года, рядом с ней были Маняша, Дмитрий Ильич, Анна Ильинична. Теперь рядом был только Дмитрий Ильич, глубоко переживавший, как и она, смерть сестры.

В день смерти Марии Ильиничны Н. К. Крупская написала письмо моему отцу: «Дорогой, родной Дмитрий Ильич! Умерла наша Маняша. Не звонила вам потому, что было очень уж тяжело, да и врачи, по обыкновению, говорили по-разному...

Теперь надо составить ее биографию, собрать все воспоминания, составить сборник. Без Вас этого нельзя сделать. Вы лучше всех, ближе всех ее знаете. Глубокая партийка, она отдавала себя всю работе, всю без остатка. Надо сохранить для истории ее образ, ее облик.

Надо все собрать; на Вас ложится сейчас большая задача. Поговорим об этом деле с Вами при свидании.

Крепко Вас обнимаю. Берегите себя. Ваша *И. К.*».

По-прежнему, когда у тети Нади выдаются редкие мину-

ты отдыха, она ездит в Горки. Часто беседует с моим отцом где-нибудь в парке, в тенистом месте. Иногда зовет меня к себе, но чаще занята работой, которой у нее всегда очень много.

Вечером 23 февраля 1939 года Н. К. Крупская поехала за город в Архангельское, а на следующий день туда приехали Г. М. и З. П. Кржижановские, Д. И. Ульянов, Феликс Кон, Л. Р. Менжинская. Надежда Константиновна радовалась, что рядом были старые друзья. Все были веселы, вспоминали о минувших днях, говорили о ее предстоящем юбилее...

Вдруг Надежда Константиновна почувствовала себя очень плохо. Ее отвезли в Кремлевскую больницу. 25 февраля она почти все время находилась в бессознательном состоянии, пришла в себя только к вечеру. Отец... сказал маме и мне, чтобы мы пошли проститься с ней. Это было, помнится, 26 февраля. Некоторое время мы ждали у ее палаты, наконец оттуда вышел врач и сказал: «Зайдите к ней. Надежда Константиновна хочет вас видеть». Но присутствовавшая здесь же секретарь Крупской В. С. Дридзо не допустила нас с мамой проститься с Надеждой Константиновной.

Надежда Константиновна была избрана делегатом XVIII съезда ВКП(б) (кроме I и V, она была делегатом всех съездов партии), готовилась к нему, хотела выступить...

До последнего дня своей жизни Крупская обладала огромной трудоспособностью, энергией, удивительно умелой организацией своего труда. К такой работе она приучила себя за долгие годы, проведенные рядом с В. И. Лениным.

Обдумывая жизнь тети Нади, мне все больше раскрывается глубина и неординарность ее натуры, широкий диапазон ее знаний. Ее ум, такт, проницательность, сила воли и в то же время мягкость и чуткость привлекали к ней людей. И еще — она умела слушать собеседника.

Память о светлом человеке, друге, жене, соратнике В. И. Ленина — Надежде Константиновне Крупской — живет в сердцах миллионов людей. Память о ней — это ее искренние, подробные и удивительно правдивые воспоминания о В. И. Ленине; это и Московский педагогический институт, носящий ее имя, и белоснежный теплоход «Надежда Крупская» на Балтике. Память о ней — это и малая планета, носящая имя «Надежда».

Правда, 1989, 26 февраля

О. Г. Аникст

ВСЕГДА В РАБОТЕ

Надежда Константиновна была человеком исключительной чуткости и сердечности. Ее великое мужество и необычайная скромность меня всегда потрясали. Очень сильное впечатление произвело на меня ее поведение во время бо-

лезни, смерти и после похорон Владимира Ильича. Однажды, во время болезни Владимира Ильича, я получила записку от Надежды Константиновны, где она писала, что ей необходимо поговорить со мной о школе ФЗУ. Приехав из Горок в Москву, она приняла меня. Надежда Константиновна не любила отгораживать себя от посетителей письменным столом. Она вышла из-за стола, села рядом со мной и заговорила своим мягким чудесным говором о том, что хотела сказать. Ее голубовато-серые лучистые глаза светились, она беспокоилась о том, чтобы в школе хорошо учили общеобразовательные предметы, так как у нее были данные о малограмотности учащихся. Она говорила, как родная мать, заботящаяся о своих детях, чтобы они не выходили неучами из школы.

В дни похорон Владимира Ильича я стояла в почетном карауле у гроба Ильича вместе с Дзержинским. Надежда Константиновна в это время сидела рядом. Она все дни была в Доме союзов, и, усталая и убитая горем, она немного присела. По окончании срока смены караула я подседа к ней и стала упрашивать ее пойти немного поспать после стольких бессонных ночей. Она категорически отказалась и, наоборот, просила меня на завтра после похорон прийти к ней на прием ровно в 9 часов утра. Я была поражена этим, так как расстроенная сама не могла себе представить, как она сможет говорить о делах после такого события. Ее железная воля и любовь к труду, высокое чувство ответственности, что ей пришлось много отсутствовать во время болезни Ильича, не позволили ей предаться отчаянию, и она вместо слез и горя окунулась в работу.

Я не особенно верила, что она придет на работу после похорон, однако в назначенный день и час я отправилась к ней. Я решила, что не она, а я должна ждать приема и отправилась несколько раньше чем нужно. Каково было мое удивление, когда я, явившись в 8-45, попросила лифтера скорее поднять меня, чтобы не опоздать к приходу Надежды Константиновны, услышала в ответ, что Надежда Константиновна уже здесь. В 8-30 она была уже на своем посту. Выйдя из-за стола, Надежда Константиновна села рядом со мной и сразу же заговорила о деле, как будто ничего не произошло. И какая свежесть мысли и тревога в голосе о тех же «фабзайцах», как тогда говорили. Я очень волновалась, что Гастев, директор Института труда посягнул на школу фабзавуча, предложив ликвидировать ее и передать ему дело подготовки рабочих кадров. Надежда Константиновна успокоила меня, сказав, что сама возьмется за это дело, и просила, чтобы я дала ей побольше материала о работе школ ФЗУ. Я ушла, сама не веря своим глазам и ушам, что после всего пережитого можно так уверенно и спокойно действовать.

Спустя некоторое время Надежда Константиновна выдала мне постоянный пропуск до ее квартиры в Кремле и про-

сила почаще заходить вечерами к ней домой побеседовать, что я и делала, хотя не очень часто.

Мне особенно запомнились эти беседы с нею после смерти Владимира Ильича. Беседы эти носили всегда исключительный характер близости. Надежда Константиновна сама затевала беседу на личные темы. Любила она рассказывать об образе мыслей Владимира Ильича и всегда иллюстрировала это примерами. Так, она мне много раз подчеркивала, что Владимир Ильич, выражаясь ее словами, «мыслил циклами». Если задумает что-либо, то обязательно много раз вернется к этому в статьях и выступлениях.

Рассказывала она также о себе, о своем детстве, юности, особенно о детских годах, подчеркивая, что детей надо воспитывать так, чтобы не заронить страха в раннем детстве.

Здоровье Надежды Константиновны было сильно расшатано. Она страдала расширением сердца, но никогда не любила лежать в постели и лечиться. Часто она мне говорила: «Не ездила бы я домой на машине, да силенок нет». Однажды меня вызвала врач Кремлевской больницы тов. Каннель и предупредила меня, что у Надежды Константиновны состояние сердца очень плохое, и просила, чтобы я за ней следила и не давала ей переутомляться, но, увы, Надежда Константиновна никого не слушалась и из последних сил работала.

Надежда Константиновна очень интересовалась программами школы крестьянской молодежи, которые тогда составлялись Рудневым П. при участии комсомола. Она требовала, чтобы эти программы проверялись на местах до того, как будут утверждены.

Однажды пришли к Надежде Константиновне на прием два крестьянина. Она долго беседовала с ними о крестьянской молодежи и школе. Помню, один из них особенно обрадовался и сказал, что если школа будет не только грамоте учить, но и учить, как жить и работать,— это хорошо, тогда детей охотно будем пускать в школу. Другой пожаловался на кооперацию и работу сельсовета. Надежда Константиновна ему сказала: «Ведь сами выбираете председателя, надо лучше выбирать». Он ответил: «Выбираем-то лучших, но в кооперации кого ни выберешь, через некоторое время проворачется». — «Значит, плохо следите за ними»,— говорит она, а крестьянин отвечает: «Следить-то следим, да место больно крадучее». Надежда Константиновна часто вспоминала этот ответ. Крестьяне ушли очень довольные беседой. После беседы в программе школ сельской молодежи были сделаны кое-какие исправления.

Надежда Константиновна возглавляла Общество педагогов-марксистов, на заседаниях которого она часто выступала. В это общество приезжали педагоги-марксисты из-за границы, знакомиться с системой народного образования в СССР. Помню, в последний раз, в 1930 г., приехал представитель из Берлина, там было нелегальное общество пе-

дагогов-марксистов. Этот представитель выступил на заседании и сказал, что фашизм всерьез принимать не стоит, в школах он не прививается. Надежда Константиновна ему возражала, так как в действительности дело обстояло не так, и она это понимала.

Из фондов Центрального партийного архива ИМЛ при ЦК КПСС

КАК НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА ПИСАЛА СВОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕНИНЕ

(Из дневника А. И. Радченко)

1924. 26/1. Моя записка Надежде Константиновне:

«В коллективном письме к Вам «гусистов»* говорится, как о само собою подразумеваемом, что Вы вернетесь к своей работе в НПС. Я хотя подписалась за компанию, но далеко в этом не уверена: возможно, что именно теперь Вам пужно усиленно работать для партии или писать свои ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИЛЬИЧЕ,— делать то, чего, кроме Вас, никто не может делать, м. б. хоть в этом Вы найдете нечто вроде грустного утешения...»

5/2. Сегодня впервые после смерти Ленина она пришла на заседание НПС. В перерыве я робко подошла к ней: надо было для спешных мероприятий узнать ее отношение к распоряжению фондов Ленина по ликвидации детской беспризорности. Она меня крепко-крепко обняла и шепнула: «Спасибо Вам за все, за все!»

1925. 1/4. Она решила за апрель месяц закончить все самые неотложные дела в Наркомпросе, а потом на 2 месяца засесть в Горках «за СВОИ дела», т. е. писать свои воспоминания об Ильиче.

16/5. Врачи вместо Горок ее экстренно выслали в Крым из-за плачевного состояния ее сердца. Смогла ли она там что-нибудь написать?

7/9. Жалуются мне, что за лето ей так и не удалось написать продолжения своих воспоминаний. «Ничего-то не выходит у меня, только голова из-за этого сильно болеть стала».

Я: «Ну, если у Вас ТАК ЖЕ не выходит, как НАЧАЛО Ваших воспоминаний, так лучше и не надо,— это читается с неослабевающим интересом!»

Она: «Где же это Вы их читали? Ведь они даже еще не напечатаны!»

Я: «Как же! Уже даже на улицах продаются».

Она, возмущенная: «Как же они посмели их издать без моего согласия, когда я их просила мне дать срок для доработки их!»

1926. 2/6. Обещает, когда несколько разгрузится от самой

* Так Н. К. Крупская в шутку называла членов ГУСа (Государственного ученого совета). — *Сост.*

спешной работы, взяться опять за свои воспоминания об Ильиче и уже закончить их.

7/7. В Горках она, оказывается, вместо воспоминаний о Ленине занялась составлением сборника воспоминаний о «Дяденьке» (Л. М. Книпович), старом партийном товарище и личной приятельнице ее и Ильича. «Это требует меньше напряжения и все равно войдет как составная часть в воспоминания об Ильиче».

1927. 26/2. «Вот видите, я Вас послушалась, взяла двухнедельный отпуск, чтобы за это время закончить со всякой мелкой наркомпросовской бузой и писать свои воспоминания». Перечисляет свою эту «бузу». Потом: «Вот это вечное переключение с предмета на предмет страшно утомляет и раздражает, превращает в какого-то черта»...

13/3. Так она куда и не поехала во время своего отпуска и никаких воспоминаний не пишет, а все время возится с какими-то наркомпросовскими бумажками, устает и нервничает. Эхма!..

5/7. «Скорее бы отпуск,— сказала Надежда Константиновна.— Засяду в Горках и буду писать, писать. И к 10-летию советской школы, и о ГУС'е, и о Лидии («Дяденьке»), и, главное, об Ильиче».

1928. 21/1. Сегодня она выступила в клубе Наркомпроса со своими воспоминаниями о Ленине.

9/5. Делилась с нами своими воспоминаниями 1905—07 г. «Знаю, что в них допустила ошибки в отношении Ольги Равич и Миха Цхакая,— последний за это даже очень обиделся на меня».

«Сейчас я приостановила писание своих воспоминаний, т. к. речь теперь должна идти о Богданове,— а он ведь только что умер... и о Горьком, к которому у Ильича были совсем особые отношения, особого рода письма».

Думаю, впрочем, что Горький вряд ли приедет. Тут будут склоки разные, многие будут плакаться ему в жилет; да и внучек своих он не захочет оставить».

19/6. «В Горках мне без того всегда бывает тяжело от воспоминаний, а тут еще уехала в «Чайку» Мария Ильинична к больной сестре».

19/7. «Ни на что не хватает времени. Надо бы хоть в Коминтерне побывать, в который избрана делегаткой. А писание воспоминаний и вовсе стоит на мертвой точке».

1929. 6/3. «Вот, Институт Ленина заставил меня переиздать свои воспоминания об Ильиче. Я их перечитываю и нахожу много неувязок в периоде 1906—07. Вот хочу попросить Ивана Ивановича и Вас кое-что проверить, напомнить мне о позабытых мною фактах и событиях. Так можно вам сегодня же послать корректуру?» — «Пожалуйста, будем очень рады».

1930. 4/7. Надежда Константиновна говорит, что теперь, главным образом, занята своим новым журналом «О наших

детях». И с большой горечью: «А что бы, в самом деле, я стала бы делать без этого!»

Я: «Мало ли кроме этого у Вас найдется дел: одного писания воспоминаний об Ильиче Вам на всю жизнь хватит».

Она: «Да воспоминания свои я обязательно должна писать. Мы с Марией Ильиничной теперь устроили соцсоревнование в этой области,—она вот уже скоро выпустит свою книжку».

Говорит, что Горький так отозвался о ее воспоминаниях, что Ильич в них как живой, а по прочтении книжки остается тяжелая грусть на душе. «Вот уж не думала, что она ТАК подействует!»

Я: «Да сама-то тема какая грустная, когда от самого живого Ильича не осталось ничего, кроме воспоминаний... не считая, конечно, его ДЕЛА».

Она: «Да, его дела»... Смотрю, глаза у ней полны слез.

25/9. Пошли слухи, что Надежда Константиновна после Политехнического съезда таинственно куда-то уехала. Оказывается, она по-прежнему живет в Горках и пишет свои воспоминания о Ленине, как всегда в трудные для нее времена.

18/10. «Вы знаете, мы с Маней эти полтора месяца просидели в Горках, почти никого не выдавши. Что-то странное происходило: все телефоны кругом испорчены, ни с кем связаться нельзя было... Я все писала свои воспоминания».

Я: «Вот видите, как хорошо вышло: Вы, значит, без помех могли заниматься своим делом и пользоваться своим отдыхом».

Она резко: «Спасибо за такой отдых! В оторванности от всех и всех...»

1931. 23/1. 21-го в «Правде» был напечатан отрывок из 2-й части ее воспоминаний о Ленине.

5/4. Мария Ильинична мне сообщила, что скоро уже должны начать печататься ее воспоминания об отце, 100-летие рождения которого исполнится этой осенью. «А Надины воспоминания, д. б., еще не скоро выйдут».

21/8. Про вторую часть своих воспоминаний Надежда Константиновна мне говорит, что она их писала без воодушевления и они ей давались с трудом. «Это потому, что этот период, 1908—17 г., который так важен в смысле подготовки к революции,—современной публике, не жившей и не работавшей в то время, совершенно непонятен. Требуется столько ссылок и объяснений, что это совершенно выхолащивает живую душу того времени».

7/10. Она сейчас занята редактированием воспоминаний 2-й эмиграции. Целевая установка их — показать, что «мы с Ильичем жили не просто эмигрантами-обывателями, как другие, а что велась глубокая внутренняя работа, полная большого значения для подготовки Октябрьской революции».

1932. 7/2. В Ленинские дни она выступала на двух заводах и у финработников. О печатании своих воспоминаний с горькой усмешкой: «Ну, они, наверно, еще не скоро выйдут, — бумаги, оказывается, нет... А вместе со всякими конфискованными книгами попали в бумажную мельницу и мой давнишний политпросветский сборник и брошюрка о библиоходе (о библиотечном деле). В Институте Ленина все это время было много работы над книжками с высказываниями Ленина на определенные темы. Работало четверо вразнобой, и мне пришлось 180 примечаний писать заново: ведь я-то ответственна за эту работу!»

17/4. Она говорит, что вторую часть ее воспоминаний раздавали на съезде рабпрос партийцам, «короткое время ее там даже продавали, а потом она куда-то улетучилась, — странно, в самом деле!».

24/4. Один мой знакомый случайно нашел эту вторую часть ее воспоминаний в книжном киоске какого-то завода и преподнес ее мне. Она, правда, написана хуже первой, не так тепло и непосредственно, с массой ссылок, выписок, рассуждений. Только кое-где мелькает милый образ Ильича-человека, а сама она уж вовсе на задворках. Попадаются неприятные выпады против отдельных, раньше уважаемых ею лиц, — м[ожет] б[ыть], это необходимое условие выхода книги в свет? Все же она расценивает положение того времени по-своему, т. е. по-ильичевски...

8/5. Она говорит, что новая метла Госиздата, Томский, собирается ее «Воспоминания» переиздать в 100.000 экз., — ну и приходится их спешно доработать и дополнять. Спрашивает, какие у нас с Ив. Ив. впечатления о второй части.

Я: «Как сказать? Первая как-то больше захватывает: она написана от СЕРДЦА, а эта — от УМА. Зато она содержит много ценного материала».

Она: «Ну, в первой части, собственно, и писать-то было не о чем. Это была заря рабочего движения, весна революции. А вторая часть очень ответственная: ведь это канун революции 17-го года!»

5/6. Она опять о своих «Воспоминаниях». Ее как будто несколько задело, что я вторую часть нашла суховатой, и она как будто оправдывалась:

«Во-первых, во время второй эмиграции у нас с Ильичем все время было тяжелое, а в общем, самочувствие, — до переезда в Галицию, ближе к России. Ну и чего ради надо было размазывать тяжелые, нудные, скучные бытовые мелочи? Нищета и болезни; склоки, мещанство кругом...»

Я: «А разве великий человек не станет ближе массам, когда они узнают, что ничто человеческое ему не чуждо? А то ведь в этих материалах Ильич-человек как-то тонет в массе „фактического материала“».

Она: «Да, знаете, время теперь другое, не то, что во время писания 1-ой части, которая была начата во время бесконечного хождения по тем же половцам, по которым еще так не-

давно ходил он сам... А ведь писалось о ВЕСНЕ революции, где все это было еще так свежо и молодо».

«Уже начала третью часть воспоминаний. Хотя за эти годы, 1918—24, я об Ильиче, собственно, могу немного сказать. Ведь работали мы тогда в разных областях. Так что выйдет, вероятно, коротенько. Уже стала кое о чем вспоминать, например, о ранней весне 1922 г.»

«Об этом я, собственно, уже написала, и вот по какому поводу. У нас, знаете, писателей совсем больше не стало,—никто больше не хочет писать—вот и отдувайся за всех. Вот я и в этом году и написала целую тонну всякой всячины».

«Обращается ко мне, м[ежду] пр[очим], редакция журнала «Под знаменем марксизма», который целый год не выходил, т. к. никто не хочет писать. Просит, чтобы я им писала что-нибудь эдакое философское. Ну, где уж мне! В той области я разве только примитивно грамотная. Тогда они просили, чтобы я им дала что-нибудь о том, при каких условиях Ильич писал свои философские статьи. Вот и вспомнила свою прогулку с ним раннюю весною 1922 г. Теперь я этот рассказ думаю использовать для третьей части воспоминаний».

«Второе издание ранее вышедших воспоминаний идет быстро, т. к. в ГИЗе теперь сидят свои люди: Венгеров, Наташа, Томский».

«В Институте Ленина продолжается составление брошюрок Ленина с его высказываниями на отдельные актуальные темы. Это какая-то бесконечная канитель. С молодежью там очень трудно сработаться: в энергии и в желании им отказать нельзя, но как-то упрощенно ими все понимается, без конкретных связей».

Торжественно мне преподносит свою брошюрку «Ленин—редактор и организатор партийной печати», набранную и печатанную ровно в 3 дня.

31/12. Я в своем новогоднем поздравлении Надежде Константиновне ей, м[ежду] пр[очим], писала:

«Помните, что самая Ваша ценная для современников и для потомства работа—это писание Ваших воспоминаний из всех областей нашего революционного творчества. А их столько, что для оформления их потребуется целая долгая человеческая жизнь. А Вы эту работу, собственно, только НАЧАЛИ...»

1933. 1/6. Показывает мне японский перевод своих воспоминаний, привезенный А. Г. Кравченко, командированной в Японию для участия в тамошней библиотечной выставке.

Имеются еще украинский, испанский и немецкий переводы. С последним мне пришлось много повозиться, внести целых 150 поправок. Над переработкой этого перевода работала целая комиссия. Есть там несуразности такого рода. Я пишу, что Ильич любил угощать товарищей. А переведено:

«Ильич любил задавать пиры товарищам». Я пишу: «Ильич смотрел ГРУСТНО», а переведено: «смотрел СВИРЕПО».

Спрашиваю ее, как подвигается третья часть воспомина-ний.

«Да никак. Теперь ведь все такого рода работы законсервированы из-за недостатка бумаги и средств. Сейчас выпускается только литература по текущему моменту: статьи, брошюры и т. д.».

17/9. Были у нее вечером вместе с Иван Ивановичем. Неожиданно для всех нас явился со своими воспоминаниями о Ленине старый товарищ, бородач Сергей Малышев. Надежда Константиновна говорит, что именно теперь, в связи с 10-летием со дня смерти Ильича, надо выудить воспомина-ния о нем у всех, у кого они есть, — позднее уж вряд ли что выйдет. И наша с мужем коллективная работа «Ленин на хозяйственном фронте», оказывается, попала к ней на про-смотр и вполне ее удовлетворяет.

4/10. Для Ленинских дней она сдала начало третьего тома воспоминаний. Составила несколько сборничков своих прежних статей о Ленине или выдержек из них. Особенно мне понравилась брошюра «Каким должен быть коммунист», написанная к 30-летию 2-го съезда и теперь широко распро-страняемая в связи с третьей партчисткой.

27/10. Она мне поручила узнать у Л. Н. Радченко-Баран-ской, не помнит ли она вида и обстановки комнаты в Пско-ве, в которой в 1900 г. Ильич жил в течение 3 месяцев, и не знает ли она, кто из товарищей там у него часто бывал. Об этом просят псковитяне; они хотят реставрировать эту комнату и превратить ее в музей. Такую же просьбу она получила из Уфы, где она доживала свой срок после совмест-ной с Ильичем сибирской ссылки и куда приехал к ней в гости Ильич. Но она никак не вспомнит даже внешнего вида этого дома.

1935. 12/5. Предлагаю ей свой отпуск провести на Волге, на торфяной опытной станции, где она у нас гостила в 1926 г. и где ей так понравилось.

Она: «Нет, знаете, хотя мне очень хочется, но не придет-ся: ведь мне надо закончить воспоминания об Ильиче, а по-том писать об отце-матери в связи с общественной обстанов-кой их времени, — для того и другого мне нужна постоянная связь с библиотеками, значит, не могу жить дальше, чем в 10 верстах от Москвы».

1936. 16/2. Ни о каких выступлениях Надежды Констан-тиновны в Ленинские дни не было слышно. Зато появилась в «Большевике» № 2 большая, тщательно разработанная ею статья — 18-ый год из ее воспоминаний о Ленине.

17/4. Жалуется мне на избыток работы не только по НКП, но еще в связи со своей огромной корреспонденцией. «А тут еще эти приемы иностранных делегаций, поэтому свои воспоминания об Ильиче могу писать опять только летом, и значит, поселиться опять только где-нибудь под Москвой».

20/6. Она мне рассказывает, что они 12-го провели с Маней в Горках, где опять нахлынули воспоминания об Ильиче. «Вспомнила и Вас, как Вы мне всегда напоминаете скорее уж закончить свои воспоминания. Спасибо Вам большое за это. Примусь за них опять, как только несколько освобожусь».

22/8. В письме из Архангельского: «Я пишу воспоминания, но дело движется медленно, под руками нет справочного материала, да и неработоспособная я что-то это лето».

1/9. По приезде в Москву она мне говорит с виноватым видом: «Писала совсем мало: всего 30 страничек 19-го года, до начала гражданской войны. Так как материалов не было под рукой, приходилось иногда вызывать товарищей для проверки своей памяти. А Вы где были в 19-ом году? Что можете рассказать о нем?»

12/12. Я ее видела в последний раз в Кремле. (Наши свидания в Наркомпросе стали почему-то всячески затрудняться ее секретарями, несмотря на ее собственную просьбу ко мне ее там чаще навещать.) Пишу я об этом нашем последнем свидании. Эх, и постарела же Надежда Константиновна, моя бедная! Нет в ней уже прежней острой мысли и чувств — доконали сивку крутые горки... Что делать, чтобы она совсем отошла от своей мелкой, будничной работы в НКП и чтобы она могла посвятить остаток жизни и сил своим воспоминаниям! А то чем дальше, тем больше они будут бледнеть, не говоря уже о точности и значительности их. Она решила теперь уже скорее закончить это дело. Обычно занимается этим по утрам, вставая в 5 час. А тут «разогналась» писать еще и по вечерам, но из этого ничего не выходит: от усталости все слова путаются: «А ведь 19-ый год оказался очень содержательным и интересным».

За весь 1937 г. у нас имели место лишь редкие телефонные разговоры. Этот год для нас был крайне тяжелый, 12/6 умерла Мария Ильинична, ее «строгая гувернантка» — телохранительница и самый близкий ей в то время человек. 16/8 я лишилась навсегда своего мужа, обе мы тяжело переживали свои потери.

А 27/1939 г. она умерла, так и не закончив своих воспоминаний о Ленине, даже не успев напечатать уже написанные ею 1918—19 гг.

*Из фондов Музея
Великой Октябрьской социалистической революции*

Н. И. Бухарин

ПОЗДРАВЛЕНИЕ В СВЯЗИ С 60-ЛЕТИЕМ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Сегодня колотушка времени отстучала шестидесятый год Надежде Константиновне Крупской. А в кругу старых партийцев, в разговорах между собой мы называем Надежду

Константиновну очень часто «Надей»: «А что думает Надя?», «А как здоровье Нади?».

Мы называем ее тем именем, каким звал ее Ильич, и это не кажется нам странным, не коробит, не вызывает внутреннего протеста. Такова сила огромной и неисчерпаемой интимной связи, того великого чувства настоящего, глубокого искреннего товарищества, чувства более сильного и неизмеримо более высокого по типу, чем чувство родственных связей, чем так называемый «голос крови». У старых революционеров это чувство было развито в огромной степени. На борьбу выходила фаланга товарищей, чтобы рушить каменные крепостные громады самодержавного врага.

Ильич был вождь, организатор, полководец, суровый железный авторитет, свой, близкий, любимый человек, замечательный товарищ и друг, связь с которым неразрывна. И поэтому Надежда Константиновна, одна из старейших и испытаннейших большевичек, не только товарищ Крупская. Ведь и ее обмывают волны нашей горячей любви и настоящего товарищества, и задушевная связь с ней неразрывна.

Один немецкий ученый — Георг Зиммель писал, что интенсивность социальной связи обратно пропорциональна объему того круга лиц, о котором идет речь. Попросту говоря: чем он больше, тем слабее связи между отдельными лицами. До известной степени это так. Недаром говорится, что нужно пуд соли съесть, чтобы узнать друг друга. Но только до известной степени. Примером и здесь является Ильич. Он был Ильичем для немногих. Он стал Ильичем для миллионных масс. Масса его любила, кровно была с ним связана, как и он с массой. Это вовсе не простое «командование», администрирование и т. д. Это нечто неизмеримо более высокое. Это такой тип связи руководства, товарищеского общения с массой. Именно такой тип связи, товарищеского общения с массой воплощает и Надежда Константиновна. Многие из теперешних членов партии, к сожалению, не знают, какую огромнейшую работу проделывала и проделывает сейчас Надежда Константиновна, эта тихая женщина, которая и ходит-то так, точно желает постоянно спрятаться; быть незаметной. Говорит она тихо, ходит тихо, и вся она тихая со всех сторон. А в то же время она твердая и непреклонная, когда это необходимо.

С начала сотворения большевистской партии она держала все партийные связи в своих руках, и многие товарищи помнят, с какой радостью, сидя то в Нью-Йорке, то в какой-нибудь Чухломе, они получали солнечный частокос косых палочек — известнейший почерк Надежды Константиновны: то были для каждого действительно лучи солнца, запрятанные в конверт, ибо то была связь нас всех, вышедших на борьбу; здесь ощущалось, как систематически и верно бился пульс нашей организации, непрерывно и систематически шли к нам, разбросанным по всем концам земли, ниточки от Ильичева руководства, по ним бежали директивы партийного Центра

и лозунги, которые казались чудовищно-утопическими, а затем вспыхнули на весь мир ослепительным пламенем Октября.

Кропотливая, «будничная», страшно тяжелая работа была необходимой подготовкой бурных дней, месяцев, годов. Эта, огромная, хотя и незаметная, организационная подготовка всегда лежала на плечах Надежды Константиновны.

Она никогда не отрывается от масс. Ее седая голова склоняется над бесконечными письмами, вереницей идущими к ней со всех концов Союза, и часто мелькает среди моря голов на фабричных собраниях, в мастерских и столовых, в лекционных залах. Пишут ей со всех концов, и вся наша кипучая жизнь с океаном разбуженной массовой энергии, с ее успехами и с ее подчас кричащими противоречиями, отражаются в этих бесконечных письмах, с трогательными обращениями, с жалобами, приветами, восторгами, возмущениями,— словом, со всем, что бродит в головах масс. Пишут старики, крестьяне, и иностранные друзья, и белоголовые пионеры, и учителя, и избачи, и коренные пролетарии. Пишут с далеких окраин, из колхозов и совхозов,— словом, нет, кажется, области, района, сферы работы, откуда бы к Надежде Константиновне не шли слова, согретые внутренней теплотой, доверием, интимной близостью и любовью. Частица Ленина, Ильича живет в этой седой голове.

Все помнят трагические минуты, когда не стало Ильича. И все помнят образ Надежды Константиновны, мужественно переносившей непоправимое.

В зале Большого театра царил потрясающая тишина. И тихий, едва слышный, ровный голос вылетал, как дыхание. И трепетал среди тысяч людей, у которых остановился стук сердец. То были слова о массе. Простые Ильичевы слова, которые, оформляя сознание миллионов, переворачивают мир.

Правда, 1929, 27 февраля

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	3
Слово Надежде Крупской	5
<i>С. У. Манбекова. МОЛОДЫЕ ГОДЫ</i>	45
<i>С. А. Рубанов. С ИЛЬИЧЕМ И БЕЗ ИЛЬИЧА</i> ,	143

НАСЛЕДНИЦА

Страницы жизни Н. К. Крупской

Составитель Семен Абрамович Рубанов

Заведующий редакцией В. Ф. Лепетюхин
Младший редактор Е. Т. Смирнова
Художник И. Г. Архипов
Художественный редактор В. В. Быков
Технический редактор Л. П. Никитина
Корректор Т. П. Гуренкова

ИБ № 4983

Сдано в набор 05.12.89. Подписано к печати 27.04.90. М-15086.
Формат 84×108¹/₂. Бумага тип. № 2, Гари, литерат. Печать
высокая. Усл. печ. л. 17,64+вкл. Усл. кр.-отт. 19,32. Уч.-изд. л.
20,69. Тираж 50 000 экз. Заказ № 179. Цена 1 руб.

Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Типография им.
Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Товарищи рабочие и работницы,
крестьяне и крестьянки,
большая у меня просьба к вам:
не давайте своей печали по Ильичу
уходить во внешнее почитание
его личности.

Не устраивайте ему памятников,
пышных торжеств в его память и т. д. —
всему этому он придавал при жизни
так мало значения,
так тяготился всем этим.

Помните, как много еще нищеты,
неустройства в нашей стране.

Хотите почтить имя Владимира Ильича,
устраивайте ясли, детские сады,
дома, школы, библиотеки,
амбулатории, больницы и т. д.,
и, самое главное,
давайте во всем проводить в жизнь
его заветы.

Н. Крупская

Обращение
к рабочим и крестьянам
в связи со смертью В. И. Ленина

Товарищи рабочие и работницы, крестьяне и крестьянки, большая у меня просьба к вам: не давайте своей печали по Ильичу уходить во внешнее почитание его личности. Не устраивайте ему памятников, пышных торжеств в его память и т. д. — всему этому он придавал при жизни так мало значения, так тяготился всем этим. Помните, как много еще нищеты, неустройства в нашей стране. Хотите почтить имя Владимира Ильича, устраивайте ясли, детские сады, дома, школы, библиотеки, амбулатории, больницы и т. д., и, самое главное, давайте во всем проводить в жизнь его заветы.

1 руб.

Наследница

Страницы жизни Н.К.Крупской

Молодые годы

С.У.МАНБЕКОВА

С Ильичем
и без Ильича

С.А.РУБАНОВ

ЛЕНИЗДАТ · 1990